

Министерство образования и науки РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

**НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

**Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

№ 3 (43)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2016

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
№ 3 (43). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2016. – 189 с.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

- Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Ю.И. Александров – д.психол.н., проф. (Институт психологии РАН);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
Х.В. Боссонг – PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия);
Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); Е.Н. Волкова – д.психол.н., проф.
(НГПУ им. К.Минина); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof.
(Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН
(Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф.
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.В. Ледеява – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия);
М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof.
(Университет г. Сиена, Италия); А.В. Мудрик – д.пед.н., проф. (МПГУ);
В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф.
(Институт социально-политических исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ);
Н.С. Пурешева – д.пед.н., проф. (МПГУ); М.А. Родионов – д.пед.н., проф. (ПГУ);
З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Г. Стартиене – к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва);
О.В. Трофимов – д.э.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф.
(НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:

<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK
OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD
SOCIAL SCIENCES

No. 3 (43)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2016

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 3 (43). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2016. – 189 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief

A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.;
Yu.I. Alexandrov – D.Sc. (Psychology), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.;
H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.;
E.N. Volkova – D.Sc. (Psychology), Prof.; I.V. Grebnev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.;
L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.;
A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS;
Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; S.V. Ledyeva – PhD, Assistant Prof. ;
M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof. ;
A.V. Mudrik – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.;
L.M. Popov – D.Sc. (Psychology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.;
M.A. Rodionov – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.;
G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics);
O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurenskiy – D.Sc. (Economics), Prof.;
S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:

<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Захарова С.Г.</i> Социально ориентированное управление человеческими ресурсами сельских муниципальных районов и его влияние на качество жизни населения.....	7
<i>Золотов А.В.</i> Об основном противоречии экономического развития и его актуальном проявлении.....	17
<i>Климова А.В.</i> Управление талантами: современные тенденции и подходы к применению в государственном секторе.....	26
<i>Ковалева Т.Ю.</i> Оценка стратегических позиций региональных кластеров: методический инструментарий и результаты его применения (на примере экономики Пермского края).....	38
<i>Мисбахова Ч.А.</i> Эконометрическое моделирование институтов развития инноваций на мезоуровне.....	48
<i>Степанов В.И., Миргородская О.Ю.</i> Теория экономических механизмов как основа методологии распределения добавленной стоимости.....	57
<i>Чеснокова Л.А., Яшина Н.И., Гинзбург М.Ю.</i> Дифференциация налогов по уровням бюджетной системы РФ.....	64

Социологические науки

<i>Грудзинский А.О., Палеева О.А.</i> Функциональность образования в оценке акторов процесса.....	75
<i>Мальцев К.Г., Зайцева Е.А.</i> К вопросу о статусе и интерпретации решения в онтологиях «социального порядка» (трансцендентализм М. Вебера и децизионизм К. Шмитта). Часть 1. Трансцендентализм М. Вебера.....	83
<i>Волков Е.Н.</i> Пустота текстов и поведенческих сценариев как основное пространство манипуляции.....	91
<i>Куликова А.В.</i> Удовлетворенность потребителей состоянием конкурентной среды в Нижегородской области.....	96
<i>Рушева А.В.</i> Роль профсоюзной организации в повышении качества трудовой жизни работников.....	103
<i>Старикова М.М., Бушкова-Шиклина Э.В.</i> Отражение проблем улучшения жилищных условий в ракурсе жилищной политики и практиках интерактивного общения жителей регионов (на основе контент-анализа материалов профильных интернет-ресурсов).....	110
<i>Шалютина Н.В.</i> Визуальная методология: основные концептуальные подходы.....	120
<i>Попель А.А.</i> Основные инструменты измерения комфортности организационного климата для социальной креативности.....	125
<i>Курамшиев А.В., Широков А.А.</i> Социология социального и ассоциаций: Эмиль Дюркгейм и Габриель Тард об изменениях в обществе.....	131
<i>Грицан А.В.</i> Роль США в мировых медиапотоках и их влияние на аудиовизуальный рынок России.....	139
<i>Абрамова Ю.Ю.</i> Эволюция содержательного контента социальной работы на территории постсоветского пространства республик Молдова, Беларусь, Литва, Казахстан.....	149

Педагогические науки

<i>Кручинина Г.А., Светкина Е.Г.</i> Использование инновационных форм обучения в формировании здоровьесберегающих компетенций у студентов вуза.....	155
<i>Кузьмина И.В., Лозовская Л.Б., Морозов О.А., Новиков В.А.</i> Опыт применения проектного метода обучения в практических занятиях курса «Основы теории управления».....	163
<i>Лещева В.Б., Храмова И.Ю., Едемская С.В.</i> Инновационный подход к формированию образовательных программ в высшей школе.....	169
<i>Токарева Г.А.</i> Коммуникативный код медиалекции по античной литературе и ее обучающие возможности.....	176
<i>Удалова А.А.</i> Специфика методической системы развития живописной компетенции будущих дизайнеров.....	180

Авторы	188
---------------------	-----

CONTENTS

Economic sciences

<i>Zakharova S.G.</i> Socially oriented human resources management in rural municipalities and its impact on the population's quality of life	7
<i>Zolotov A.V.</i> About the main contradiction of economic development and its current manifestation.....	17
<i>Klimova A.V.</i> Talent management: modern tendencies and approaches to its use in the public sector	26
<i>Kovaleva T.Yu.</i> Evaluation of strategic positions of regional clusters: methodological tools and results of their implementation (a case study of the Perm Krai economy)	38
<i>Misbakhova Ch.A.</i> Econometric modeling of innovation development institutions at the mesolevel	48
<i>Stepanov V.I., Mirgorodskaya O.Yu.</i> Theory of economic mechanisms as the basis for the methodology of added value distribution	57
<i>Chesnokova L.A., Yashina N.I., Ginzburg M.Yu</i> Differentiation of taxes with regard to the levels of the Russian Federation's budgetary system	64

Sociological sciences

<i>Grudzinsky A.O., Paleeva O.A.</i> Education's functionality evaluated by process actors.....	75
<i>Maltsev K.G., Zaitseva E.A.</i> About the status and interpretation of decision in «social order» ontologies (M. Weber's transcendentalism and C. Schmitt's decisionism). Part 1: M. Weber's transcendentalism	83
<i>Volkov E.N.</i> Emptiness of texts and behavioral scenarios as the main space for manipulation	91
<i>Kulikova A.V.</i> Customers' satisfaction with the state of the competitive environment in the Nizhni Novgorod region.....	96
<i>Rusheva A.V.</i> The role of trade union organizations in improving the quality of employees' working life.....	103
<i>Starikova M.M., Bushkova-Shiklina E.V.</i> Reflection of problems of housing conditions improvement from the perspective of housing policies and practices of interactive communication of regions' residents (based on the content analysis of the materials of relevant Internet resources).....	110
<i>Shalyutina N.V.</i> Visual methodology: main conceptual approaches.....	120
<i>Popel A.A.</i> Main tools for measuring comfort in organizational climate for social creativity.....	125
<i>Kuramshev A.V., Shirokov A.A.</i> Sociology of the social and associations: Emile Durkheim and Gabriel Tarde about changes in society	131
<i>Gritsan A.V.</i> The role of the USA in the world media flows and their impact on Russian audiovisual market	139
<i>Abramova Yu.Yu.</i> Evolution of the content of social work in the post-Soviet countries: Moldova, Belarus, Lithuania, Kazakhstan	149

Pedagogical sciences

<i>Kruchinina G.A., Svetkina E.G.</i> The use of innovative forms of training in the development of health-saving competencies of university students	155
<i>Kuzmina I.V., Lozovskaya L.B., Morozov O.A., Novikov V.A.</i> Experience of project-based training in the practical course «Fundamentals of Control Theory».....	165
<i>Khramova I.I., Leshcheva V.B., Edemskaya S.V.</i> Innovative approach to the development of degree programs in universities	169
<i>Tokareva G.A.</i> The communicative code of a multimedia lecture on ancient literature and its educational potential.....	176
<i>Udalova A.A.</i> Specific features of the system of methods for developing future designers' pictorial competence	180
Authors	188

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.24: 353.5

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ СЕЛЬСКИХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

© 2016 г.

С.Г. Захарова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

svetlana-nimb@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 05.05.2016**Статья принята к публикации 12.08.2016*

Рассмотрены возможности влияния социально ориентированного управления человеческими ресурсами на качество жизни населения сельских муниципальных районов. Обоснованы проблемы реализации административных реформ на муниципальном уровне, которые обусловлены недостаточной теоретической проработанностью ряда аспектов, связанных с институциональными преобразованиями в России, и слабой методической обеспеченностью процессов инновационных изменений на местах. Определен круг противоречий и проблем в осуществлении полномочий. Уточнены понятия «человеческие ресурсы муниципального района» и «качество жизни населения». Отмечена роль социально ориентированного управления человеческими ресурсами в системе взаимодействия субъектов социально-экономических отношений на муниципальном уровне. Рассмотрены характерные черты муниципально-частного взаимодействия. Представлена факторная модель управления качеством жизни населения. Выявлена сущность инновационного социально ориентированного управления человеческими ресурсами муниципального района. Определены наиболее значимые направления управления человеческими ресурсами, обеспечивающие рост качества жизни населения. Представлена экспертная оценка условий привлечения человеческих ресурсов в экономической деятельности сельских муниципальных районов. Выявлены проблемы в управлении человеческими ресурсами сельских муниципальных районов, влияющие на качество жизни населения. На основании полученных результатов можно сделать вывод, что механизм взаимодействия субъектов социально-экономических отношений, заложенный в социально ориентированном подходе к управлению человеческими ресурсами, вполне соответствует задачам по формированию тенденций устойчивого роста качества жизни населения.

Ключевые слова: инновационное социально ориентированное управление, сельские муниципальные районы, субъекты социально-экономических отношений, качество жизни населения, муниципально-частное взаимодействие, человеческие ресурсы, условия привлечения человеческих ресурсов.

Использование современных методов и технологий управления территорией позволяет достичь положительной динамики отдельных статистических социально-экономических показателей, которые в определенной мере характеризуют качественные изменения уровня развития муниципальных районов. Однако только существенное изменение качества жизни населения может служить показателем результативности административных реформ на муниципальном уровне и быть оценкой результатов деятельности органов местного самоуправления. Именно в повышении качества жизни посредством решения вопросов качественного изменения условий непосредственной жизнедеятельности населения заключается сущность деятельности органов местного самоуправления, определенная Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Рос-

сийской Федерации» [1]. Тем не менее недостаточная теоретическая проработанность ряда аспектов административной реформы и слабая методическая обеспеченность инновационных процессов существенно замедляют осуществление намеченных изменений в современной России и не позволяют добиться ожидаемых результатов, предусмотренных целевыми установками.

Часто административные процедуры по достижению более высоких экономических показателей и действия по оказанию качественных социальных услуг (как публичных, так и частных) рассматриваются в качестве критериев оценки достижения промежуточных и конечных результатов деятельности органов местного самоуправления [2]. Однако обеспечение роста качества жизни населения на основе роста экономических показателей – весьма не простая задача управляющей системы, поскольку они

могут быть слабо связаны с удовлетворением интересов населения [3]. Сущность инновационного социально ориентированного подхода к управлению муниципальными образованиями заключается в формировании и развитии комфортной среды для жизни, создании необходимых условий для эффективного взаимодействия субъектов социально-экономических отношений, в том числе для реализации человеческих ресурсов населения в экономической деятельности.

Согласно Концепции социально-экономического развития России на период до 2020 года [4], устойчивый рост качества жизни населения является основным приоритетом и предназначением (миссией) современного государства. Инновационный социально ориентированный подход к управлению человеческими ресурсами в своих концептуальных положениях согласуется с партисипаторным подходом, широко обсуждаемым в современном обществе [5]. В современных условиях роль государственных и муниципальных органов власти выходит за рамки концепции традиционного понимания, которое ориентируется на оказание и предоставление качественных государственных и муниципальных услуг, при безусловном соблюдении и систематическом повышении стандартов их качества. Традиционная организационная схема государственного и муниципального управления в виде пирамиды с высшими органами трех ветвей власти государственного и регионального уровня на вершине, органами прямого подчинения более низкого уровня посередине, органами местного самоуправления и потребителями муниципальных услуг внизу устарела [6]. Время требует кардинальных изменений, связанных с внедрением в практику инновационного социально ориентированного подхода в государственном и муниципальном управлении, переворачивая пирамиду так, что наверху оказывается ее основание. Таким образом, с учетом инновационного социально ориентированного подхода в управлении, удовлетворение потребностей населения в реализации его потенциала выходит на первое место, а обеспечение условий по достижению целей и интересов населения возлагается на муниципальные органы власти. Ниже находятся структуры, осуществляющие информационную, финансовую, организационную, методическую поддержку органов местного самоуправления, в нижней части пирамиды – высшие органы власти, которые обеспечивают стратегическое руководство и целевые ориентиры. В рыночных условиях необходимо учитывать особенности системы управления крупными интегрированными структурами корпоративного типа, к ко-

торым можно отнести муниципальные районы. Одной из таких особенностей является принадлежность прав собственности на факторы производства субъектам социально-экономических отношений, которые вправе распоряжаться ими в собственных интересах.

Соответствующими имущественными правами наделены и муниципальные образования. От имени муниципальных образований, по их специальному поручению действуют органы местного самоуправления в случаях и в порядке, предусмотренных федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, нормативными актами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, таким образом становясь участниками рыночных отношений. Использование рыночных принципов, организационно-правовых и организационно-экономических механизмов управления территорией нацеливает на экономию и оптимизацию государственных и муниципальных затрат в общественном секторе экономики [7]. Широко используемый в практике муниципального управления рыночный подход в управлении территорией в результате стремления к повышению основных показателей экономической эффективности деятельности нередко противоречит интересам населения.

В связи с этим муниципальные органы власти, с одной стороны, выступают на равных началах с иными участниками рыночных отношений – гражданами и юридическими лицами и могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и неимущественные права и обязанности в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов [8].

С другой стороны, муниципальные органы власти, не имеющие собственных интересов, а, по закону, осуществляющие деятельность в интересах населения, тем самым несут ответственность за обеспечение качества жизни. Именно с этой точки зрения проявляется нерыночная суть деятельности муниципальных органов власти и рассматривается инновационное социально ориентированное управление муниципальными образованиями.

Особую роль в социально ориентированном управлении человеческими ресурсами муниципального района занимает система взаимоотношений субъектов социально-экономических отношений, связанная с социокультурными, моральными, психологическими ценностями, а также с реализацией политики социального партнерства, востребованностью труда и потенциала населения [9]. Учет взаимных интересов

участников муниципально-частного партнерства ведет к их взаимной ответственности и расширению конкурентных преимуществ, а направленная работа по использованию социально ориентированного подхода к управлению человеческими ресурсами создает условия для успешной реализации конкурентоспособной позиции социально-экономического положения муниципального района.

Сущность управления человеческими ресурсами муниципального района заключается в том, что население рассматривается как достояние территории, которое обеспечивает ее успех в конкурентной борьбе. Однако процесс экономического развития возможен лишь в случае глубокой заинтересованности самого населения в этом развитии, которое способствует реализации его собственных интересов и удовлетворенности, так как именно человеческие ресурсы сельских муниципальных районов являются неиссякаемым источником, обеспечивающим социально-экономическое развитие территории.

Заинтересованность населения в значительной степени заключается в повышении уровня благосостояния, которое определяется не только высоким уровнем заработной платы, но и другими, не менее важными факторами производства. Формирование доходов населения, согласно одному из постулатов неоклассической школы, заключается в том, что в состоянии равновесия рыночных сил доходы населения соответствуют вкладу соответствующего человеческого ресурса в экономику. С позиций факторного подхода к доходам населения, институциональные реформы предполагают создание широких возможностей по реализации человеческих ресурсов, а это возможности получения не только платы за вложенный труд, но и доходы за вложенные капиталы в виде дивидендов, процентов, доходы от собственности и широкие возможности использования предпринимательских способностей [10].

Вместе с тем уровень социально-экономического, медико-экологического и культурно-духовного развития района, инфраструктура, институциональная среда и инвестиционный климат района, как факторы внешней среды, которые обеспечиваются муниципальными органами власти (рис. 1), имеют большое значение для повышения качества жизни населения.

Как видно из рисунка, юридическая и экономическая ответственность муниципальных органов власти не ограничивается только предоставлением конституционно гарантированных обязательств государства по обеспечению

социальными услугами и качественными публичными услугами [11]. Не менее важными обязательствами муниципальных органов власти является создание благоприятного для экономической деятельности инновационного климата, инвестиционной среды и эффективной инфраструктуры муниципального района, обеспечивающих условия реализации человеческих ресурсов населения. Историческое изменение роли муниципальных органов власти в экономике приводит к смене парадигмы, ориентируя деятельность рыночных и публично-властных субъектов на население как индивидуализированных участников (субъектов) социально-экономических отношений, обладающих ресурсами, которые можно привлекать к экономической деятельности [12]. В связи с этим особый интерес представляет государственно-частное партнерство как совокупность форм взаимодействия государства, бизнеса и населения для решения общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях.

Рассматривая систему взаимодействия субъектов социально-экономических отношений сельских муниципальных районов, остановимся на уточнении понятия «муниципально-частное партнерство» в рамках Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13]. В законе понятия «государственно-частное партнерство», «муниципально-частное партнерство» определяются как «юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества».

Таким образом, система взаимодействия субъектов социально-экономических отношений, рассматриваемая нами с позиций социально ориентированного управления муниципальными образованиями, приобретает определенные характерные черты:



Рис. 1. Факторная модель управления качеством жизни населения

1) взаимодействие рассматривается как «сотрудничество между публичным и частным партнером»;

2) сотрудничество «основывается на объединении ресурсов»;

3) целью взаимодействия является «привлечение в экономику частных инвестиций»;

4) соблюдаются «гарантии прав и законных интересов сторон (партнеров)».

В качестве публичного партнера выступают муниципальные органы власти, в качестве частного партнера могут выступать бизнес и население муниципальных образований, каждый из которых обладает перечнем ресурсов, которые можно привлечь в качестве факторов производства в экономику района. Вместе с тем «объединение ресурсов» непозволительно рассматривать только с позиции финансовых средств. Понятие «ресурсы» значительно более широкое, особенно в контексте корпоративного управления, которое предусматривает частную собственность на факторы производства, а это, как известно, открывает рынок не только капитала, но и природных ресурсов, труда, предпринимательских способностей, кроме того, не стоит пренебрегать информационной составляющей. «Частные инвестиции» можно рассматривать как денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта [14]. Инвестиции можно также рассматривать как вложение материального и нематериального капитала в экономику муници-

пального района с целью умножения вложенного капитала и получения прибыли, которые являются способом увеличения реальных производительных активов, приобретения финансовой свободы, обеспечения благосостояния в будущем, представляют собой особую категорию экономических отношений. Инвестиции можно рассматривать и как капитальные вложения (совокупность затрат) материальных, трудовых и финансовых ресурсов, направленных на расширенное воспроизводство основных фондов всех отраслей народного хозяйства.

Таким образом, в широком смысловом понимании, муниципально-частное партнерство – это взаимовыгодное сотрудничество органов местного самоуправления с частным партнером по решению общественно значимых задач, входящих в полномочия муниципальных органов власти, по обеспечению качества жизни населения, основанное на объединении ресурсов и распределении рисков. Законом сужены границы этого сотрудничества до «юридически оформленного», оставляя за рамками закона большую часть взаимоотношений между субъектами социально-экономических отношений муниципального уровня. В связи с этим в нашем исследовании рассмотрено более широкое понятие «муниципально-частное взаимодействие», которое имеет ряд преимуществ по сравнению с другими формами взаимодействия.

Каждая из сторон партнерства вносит свой вклад в общий проект по достижению стратегических целей [15]. Так, со стороны бизнеса таким вкладом являются: финансовые ресурсы, профессиональный опыт, эффективное управление, гибкость и оперативность в принятии

решений, способность к новаторству и т.п. Участие предпринимательского сектора в совместных проектах обычно сопровождается внедрением более эффективных методов работы, совершенствованием техники и технологии, развитием новых форм организации производства, созданием новых предприятий, в т.ч. с частным капиталом, налаживанием эффективных кооперационных связей с поставщиками и подрядчиками, расширением рынка труда, тем самым создавая условия повышения качества жизни населения.

Со стороны муниципальных органов власти таким вкладом являются: возможности налоговых и иных льгот, гарантий, а также получение некоторых объемов финансовых ресурсов. Государство как главенствующий субъект и основной регулятор вправе перераспределять при необходимости ресурсы с чисто производственных программ на социальные цели (образование, здравоохранение, наука, культура), а это во многих случаях не только способствует общему улучшению социально-экономического климата, повышает инвестиционный рейтинг страны, но и прямо сказывается на партнерских проектах. По мере развития муниципально-частного сотрудничества в сфере инфраструктуры органы местного самоуправления получают возможность сместить акценты своей деятельности с конкретных проблем строительства и эксплуатации объектов на административно-контрольные функции. В конечном итоге выигрывает общество как глобальный потребитель более качественных услуг, обеспечивая рост удовлетворенности населения качеством жизни. В рамках муниципальной собственности происходят существенные институциональные преобразования, позволяющие расширять участие частного бизнеса в выполнении части экономических, организационных, управленческих и иных функций. Оставаясь собственником, муниципалитеты сохраняют за собой и определенную степень хозяйственной активности.

Со стороны населения появляются более широкие возможности реализовать свой человеческий потенциал, привлечь к экономической деятельности находящиеся в собственности ресурсы, тем самым повышая уровень своего благосостояния, а следовательно, качества жизни.

Таким образом, с учетом корпоративных принципов управления территорией как крупной интегрированной структурой, социально ориентированный подход к государственному и муниципальному управлению в его некоммерческой форме является основой социально-экономических преобразований. Особое значение в достижении устойчивого роста качества жизни населения имеет социально ориентиро-

ванное управление человеческими ресурсами населения.

Выбор направления реализации человеческих ресурсов населением муниципального района зависит от перспектив карьерного роста, удовлетворенности трудовой жизнью, условий реализации человеческого и управленческого потенциала, возможностей деловой активности, что, безусловно, влияет на результативность деятельности всей экономической системы, т.к. движущей силой любой экономической деятельности является человеческий потенциал [16]. В связи с этим муниципальные органы власти должны создать такие условия развития человеческих ресурсов населения, которые позволят максимально раскрыть человеческий и управленческий потенциал. Чем большую часть потенциала населения возможно задействовать в муниципальном районе, привлечь в качестве факторов производства в экономической деятельности, тем более успешным и конкурентоспособным окажется район. Следовательно, планирование жизненных целей активных прогрессивных членов общества, соответствующих целям развития муниципального района, является весьма важной задачей управления.

Ограниченное использование человеческих ресурсов приносит вред не только их обладателям, но и всему окружающему обществу. И хотя неблагоприятные территориальные условия негативно влияют на основные социально-экономические индикаторы качества жизни населения, в том числе показатели, отражающие занятость населения и условия труда, размер и структуру денежных доходов населения, все же основным источником развития следует рассматривать возможности развития человеческих ресурсов [17].

Согласно инновационному социально ориентированному подходу к управлению человеческими ресурсами, стратегия развития муниципального района формируется на основе желаний и возможностей проживающего на территории населения, а главным ориентиром является устойчивый рост качества жизни населения. Привлечение человеческих ресурсов к экономической деятельности рассматривается с позиций интересов и возможностей населения, которые становятся целью развития социально-экономических отношений. В рамках инновационного социально ориентированного подхода человеческие ресурсы следует рассматривать как совокупность возможностей человека, которые могут быть направлены на реализацию целей и задач, в соответствии с принятыми ценностями, специфическими принципами поведения, принимаемыми данной категорией населения.



Рис. 2. Сущность социально ориентированного управления человеческими ресурсами муниципального района

Таким образом, главной задачей органов муниципальной власти в управлении человеческими ресурсами муниципального района является формирование, развитие, поддержка и эффективное использование возможностей населения, направленных на достижение целей, единых ценностей, корпоративной (территориальной) культуры и соблюдение баланса интересов окружающей деловой среды и всех участников корпоративных отношений государственно-частного взаимодействия.

Человеческие возможности в экономической деятельности огромны, они представляют собой совокупность потенциалов, в том числе рассматривается трудовой потенциал, как стратегический ресурс развития инновационной экономики [18]. Однако население, обладая собственным потенциалом, будет готово реализовать его в экономической деятельности только в случае удовлетворения собственных интересов, влекущих к повышению качества жизни. Рассматривая человеческие ресурсы в широком смысле слова как возможности участия человека в экономической деятельности, следует учитывать интересы всех субъектов социально-экономических отношений (рис. 2). Именно пересечение интересов в процессе совмещения имеющихся человеческих ресурсов, квалификации и потенциала со стратегией и целями развития бизнеса и общества в целом дает синергетический эффект.

Социально ориентированное управление человеческими ресурсами муниципального района направлено на решение глобальных, долговременных, принципиально новых задач по развитию социально-экономической системы, максимально используя индивидуальные способности, повышение квалификации и реализацию личностного потенциала. К наиболее значимым направлениям управления человеческими ресурсами следует отнести:

- управление уровнем благосостояния;
- управление ценностями;
- управление условиями реализации потенциала;
- управление трудовой карьерой и лидерством;
- управление экономическим эффектом.

Управление уровнем благосостояния населения связано с интеграцией потребностей и интересов населения в цели общества за счет реализации человеческих возможностей в экономической деятельности. Управление ценностями рассматривается как выявление и формирование общих моральных, социальных и поведенческих ценностей субъектов социально-экономических отношений на территории. Под управлением условиями реализации человеческих ресурсов подразумевают формирование инфраструктуры, инновационной среды, институциональные преобразования и т.д. Управ-

Таблица

Оценка условий привлечения человеческих ресурсов населения в экономической деятельности сельских муниципальных районов

Показатели, характеризующие качество жизни населения	Оценка условий по 10-балльной шкале				
	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г. (прогноз)
Оценка качества жизни населения	6.38	5.92	5.81	5.42	6.15
Оценка привлечения человеческих ресурсов населения к экономической деятельности в муниципальном районе	5.4	5.23	5.21	5.1	6.0
Оценка возможностей полной реализации человеческого потенциала в районе	7.0	7.2	6.90	7.1	7.4
Оценка возможностей развития малого бизнеса	3.1	3.7	3.32	5.1	5.5
Оценка готовности связать дальнейшую судьбу с развитием родного района	4.7	4.9	4.48	6.4	6.6

ление трудовой карьерой и лидерством предусматривает привлечение к экономической деятельности населения муниципального района с высоким управленческим потенциалом и формирование кадрового резерва. С этой целью целесообразно предусмотреть выявление населения с высоким уровнем управленческого потенциала, высоким уровнем индивидуальных целей, ценностей, потребностей и интересов, мотивационного ядра, трудового поведения. Инвестиции в развитие человеческих ресурсов муниципального района, систематическая организация обучения, реализация программ карьерного роста, повышение качества и условий труда дают возможность удерживать на территории перспективную часть населения, с высоким управленческим потенциалом [19]. Возможности управления экономическим эффектом зависят от реализации человеческих ресурсов в экономической деятельности. С этой целью необходимо систематически внедрять в практику муниципального управления новейшие технологии и методы оценки результатов привлечения человеческих ресурсов в экономику района [20].

Как уже отмечалось выше, одним из важнейших аспектов социально ориентированного управления человеческими ресурсами муниципального района являются благоприятные социально-экономические условия реализации человеческого потенциала, а достижение многих трудовых и поведенческих целей населения муниципального района необходимо оценивать с позиций удовлетворенности результатами использования человеческих ресурсов. Вместе с тем внешние социально-экономические условия, в которых осуществляется деятельность, характеризующие потенциал муниципального района, существенно отличаются, создавая объективно сложившиеся территориальные ограничения для привлечения человеческого потенциала в экономических процессах. Проведен-

ные автором в 2012–2015 гг. среди студентов выпускных курсов, проживающих в сельских муниципальных районах Нижегородской области, исследования по оценке возможностей привлечения человеческих ресурсов в экономической деятельности выявили ряд проблем. Чаще всего они связаны с низкой оценкой условий привлечения человеческих ресурсов населения в экономическую деятельность. Респондентам предлагалось оценить обозначенные условия по 10-балльной шкале. В табл. представлены результаты опроса респондентов по сельским муниципальным районам.

По результатам опроса данной категории респондентов, являющихся наиболее перспективной частью населения сельских муниципальных районов, видно, что большинство опрошенных высоко оценивали возможности полной реализации человеческого потенциала в сельских районах области – от 7.0 балла в 2010 году до 7.4 балла в прогнозируемом будущем (2016 году). Однако экспертная оценка более 300 респондентов сельских муниципальных районов с высшим и неоконченным высшим образованием по итогам 2015 года в реальности показала, что при наличии возможностей реализации человеческого потенциала в районе (7.1 балла) привлекаются человеческие ресурсы населения к экономической деятельности в муниципальном районе весьма скромно. По мнению экспертов, оценка данного показателя составляет лишь 5.1 балла. Тенденции изменения качества жизни населения за период с 2010 по 2015 г. имеют отрицательную динамику. Показатель качества жизни населения снизился с 6.38 балла в 2010 году до 5.42 балла в 2015 году, что является минимальным значением за исследуемый период. По мнению экспертной группы, падение качества жизни населения в 2015 году закончится и к концу 2016 года данный показатель возрастет до 6.15 балла. Оценка возможностей развития малого предпри-

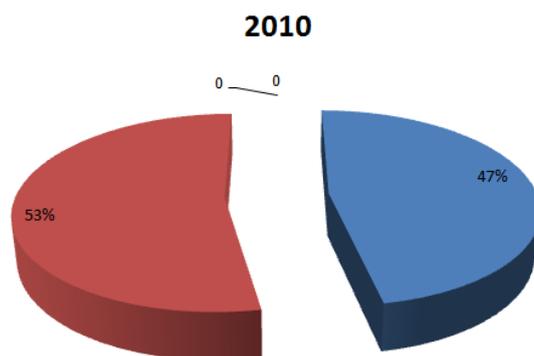


Рис. 3



Рис. 4

нимательства в сельских муниципальных районах также изменила свои тенденции. В 2010 году она составляла лишь 3.1 балла, что почти на два балла ниже, чем в 2015 году (5.1 балла). Выявленный факт является сигналом для активизации работы служб занятости населения по обучению предпринимательству, созданию оснащенных специализированных структур по поддержке малого и среднего бизнеса, осуществлению информационной подготовки населения к деятельности в условиях институциональных преобразований и административных реформ. Согласно статистической отчетности, количество вновь открытых предприятий и организаций малого и среднего предпринимательства на территориях с низким уровнем социально-экономического развития в 3.2 раза меньше, чем в благополучных районах [21]. Новые приемы, методы и технологии управления требуют изменения традиционных норм поведения, формирования уверенности населения в широких возможностях реализации человеческих ресурсов. Весьма тревожной является тенденция низкой готовности молодежи с высшим и неоконченным высшим образованием связать дальнейшую судьбу с развитием родного района. По результатам социологического опроса за 2015 год, лишь 64% респондентов сельских районов готовы осуществлять деятельность на территории сельских муни-

ципальных районов Нижегородской области и инвестировать свои человеческие ресурсы в развитие ее экономики (рис. 3).

Из рисунков видно, что тенденция снижения внутренней миграции сельского населения в крупные города области имеет положительную динамику. Стремление к более высокому качеству жизни за счет переселения на городские территории, что характеризуется показателем готовности продолжать свое развитие на территории сельских муниципальных районов, постепенно снижается с 53% в 2010 году до 36% в 2015 году. По нашему мнению, это происходит за счет растущих возможностей повышения качества жизни населения в сельских муниципальных районах.

Таким образом, главная задача органов муниципальной власти в рамках инновационного социально ориентированного управления человеческими ресурсами муниципального района заключается в привлечении возможностей населения в качестве факторов производства в экономической деятельности, при соблюдении баланса интересов окружающей деловой среды и всех участников социально-экономического взаимодействия.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Ст. 2.

2. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход. М.: Наука, 2012. 402 с.
3. Мазин А.Л. Влияние уровня доходов на инновационное развитие // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2010. № 2 (2). С. 79–87.
4. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» (с изменениями и дополнениями).
5. Партиципаторный подход в повышении качества жизни населения: Монография / Под общ. ред. Н.М. Римашевской, Н.Н. Иващенко. Нижний Новгород – М.: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2013. 268 с.
6. Мальцев А.Н. Клиентоориентированный подход в государственном и муниципальном управлении: Монография. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2014. 326 с.
7. Курченков В.В., Морозова Н.И. Государственно-частное партнерство и его влияние на эффективность управления муниципальным образованием // Современная экономика: проблемы и решения. 2015. № 9 (69). С. 98–104.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с изменениями и дополнениями).
9. Иващенко Н.Н., Теодорович М.Л. Ресурсы применения партиципаторных технологий для повышения социальной защищенности населения России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 1 (25). С. 35–44.
10. Захарова С.Г., Масленников Н.А. Факторный подход к управлению качеством жизни населения сельских муниципальных районов // Проблемы устойчивого развития социально-экономических систем: регион, город, район, организация: Материалы Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 9 октября 2014 г. Н. Новгород: НИМБ, 2014. С. 149–153.
11. Кулагина Э.Н., Захарова С.Г. Институциональные инновационные преобразования социальных отраслей муниципального района // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2. Ч. 2. С. 141–149.
12. Морозова Г.А. Процесс совершенствования государственного управления // Труды НГТУ им. П.Е. Алексеева. 2014. № 2 (104). С. 256–262.
13. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
14. Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25 февраля 1999 г. с изменениями и дополнениями.
15. Яшин С.Н., Кулыгина Е.Н. Формирование территориальной инвестиционной стратегии инновационного развития региона (на примере Нижегородской области) // Промышленное развитие России: проблемы, перспективы: Сборник статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции преподавателей, ученых, специалистов, аспирантов, студентов. Н. Новгород, 2015. С. 232–240.
16. Егоршин А.П., Захарова С.Г. Карьера одаренного менеджера. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Логос, 2012. 384 с.
17. Захарова С.Г., Масленников Н.А. Оценка источников формирования денежных доходов в рамках институциональных преобразований качества жизни населения сельских муниципальных районов // Инновации и инвестиции. Научно-аналитический журнал / Под общ. ред. М.В. Конотопова. М., 2013. № 3. С. 89–92.
18. Резник Г.А., Амирова Д.Р. Инновационный трудовой потенциал – стратегический ресурс развития инновационной экономики // Экономика и предпринимательство. 2014. № 6 (47). С. 306–309.
19. Одегов Ю.Г. Управление талантами – реальность современного менеджмента // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 1. С. 92–99.
20. Малик Е.Н., Мельников А.В. Специфика управления кадровым потенциалом муниципального образования в условиях реформы местного самоуправления // Управленческое консультирование. 2015. № 10 (82). С. 8–14.
21. Захарова С.Г., Дмитриев М.Н., Масленников Н.А. Развитие малого бизнеса как метод управления человеческими ресурсами муниципальных районов в концепции факторного подхода // Приволжский научный журнал / ННГАСУ. 2015. № 4 (36). С. 163–169.

SOCIALLY ORIENTED HUMAN RESOURCES MANAGEMENT IN RURAL MUNICIPALITIES AND ITS IMPACT ON THE POPULATION'S QUALITY OF LIFE

S.G. Zakharova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The purpose of this paper is to consider how socially-oriented human resource management can influence the quality of life in rural municipal districts. We examine some problems in the implementation of administrative reforms at the municipal level, which are due to the lack of theoretical elaboration of a number of aspects related to institutional reforms in Russia and insufficient methodological support for the processes of innovative changes at the field level. The essence of innovative socially-oriented management approach aimed at ensuring the sustainable growth of the population's quality of life in a municipal district is defined. The market and non-market nature of the activities of municipal authorities is identified, thereby determining the scope of contradictions and problems in the implementation of their powers. The concepts of «hu-

man resources» of the municipal district and the «quality of life» are clarified. The role of a socially-oriented human resource management in the system of interaction of the subjects of socio-economic relations at the municipal level is noted. The characteristic features of municipal-private interaction are considered and the factor model for the management of life quality of the population is presented. The essence of innovative socially-oriented human resources management in municipal districts is identified, along with the most important areas of human resources management that ensure the improvement of life quality. An expert assessment of the conditions for attracting human resources to the economic activity of rural municipal districts is presented. Some problems in the management of human resources in rural municipal districts affecting the quality of life are revealed. Based on the results of our research, we can conclude that the mechanism of interaction between subjects of social and economic relationships inherent in socially-oriented approach to human resource management, is quite adequate to develop the trends for sustainable improvement of the quality of the population's life.

Keywords: innovative socially-oriented management, rural municipalities, subjects of social and economic relations, population's quality of life, municipal-private cooperation, human resources, conditions for attracting human resources.

УДК 330.3

ОБ ОСНОВНОМ ПРОТИВОРЕЧИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЕГО АКТУАЛЬНОМ ПРОЯВЛЕНИИ

© 2016 г.

А.В. Золотов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

zoav6@iee.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 15.06.2016**Статья принята к публикации 12.08.2016*

Целью работы – раскрытие противоречия, образующего источник экономического развития, в его актуальном проявлении. Для достижения этой цели используется диалектический метод, а также осуществляется расчет нормы свободного времени. Уточнено содержание современного экономического развития как предполагающего сокращение существенного неравенства между членами общества в зависимости от выполняемых видов экономической деятельности – производственной и связанной с оказанием услуг. Установлено, что норма свободного времени, типичная для занятых в производственной сфере, уменьшается относительно аналогичного показателя для общества, что противоречит экономическому развитию и отражает ключевой аспект существенного экономического неравенства. Сделан вывод, что сокращение продолжительности рабочего дня в контексте повышения общественного благосостояния ведет к активизации позитивной тенденции экономического развития.

Ключевые слова: экономическое развитие, норма свободного времени, сокращение рабочего времени.

Введение

Экономически развитые страны – это несколько десятков современных государств, которые являются притягательным примером для стран, не входящих в эту когорту. Обеспечение и прогресса лидеров, и приближения к ним тех государств, которые отстали в своем развитии, требует соответствующих теоретических исследований.

Проблема экономического развития стала предметом специального рассмотрения в фундаментальной работе Й. Шумпетера, в трактовке которого теория развития – это теория перехода народного хозяйства от заданного на каждый данный момент времени центра тяготения к другому («динамика»). Динамизм обеспечивается благодаря инновационной деятельности предпринимателей [1].

После Й. Шумпетера прогресс экономики явно или неявно отождествлялся с экономическим ростом, то есть с увеличением объемов выпуска общественного продукта (в том числе на душу населения) за определенный период. Так, Х.-Д. Чанг определяет экономическое развитие как «процесс экономического роста, который базируется на повышении производственных возможностей экономики: ее возможностей организовать и, что более важно, преобразовать производственную активность» [2]. Данный подход оправдан постольку, поскольку производимый общественный продукт – не только результат предметно-преобразова-

тельной деятельности общества, но и предпосылка воспроизводства общественной жизни. Можно увидеть связь приведенного положения с подходом Й. Шумпетера – в указании на возможности преобразования производственной активности. И все же едва ли правомерно развитие экономики как сферы общественной жизни сводить только к увеличению ВВП.

В современной науке прослеживается тенденция к преодолению подобной ограниченности. Согласно Марсело М. Гвиэйло, «экономическое развитие – это процесс, посредством которого общество создает материальное богатство и использует его для повышения благосостояния своих членов» [3, р. 1]. Подобного понимания придерживается и А.К. Датт [4]. Тем самым указанное понятие предстает как включающее экономический рост, но не сводящееся только к нему. Оно означает также повышение общественного благосостояния.

Для понимания экономического развития принципиален вопрос об источнике, движущей силе экономического развития и ее проявлении в современных условиях. Как известно, развитие нередко сводилось и сводится к увеличению количественной определенности исследуемого объекта. При всей значимости этой определенности, познанию, постигающему сущность, соответствует концепция развития как идущего через разрешение противоречий, через борьбу позитивных и негативных тенденций. Вот почему разработка проблемы экономического раз-

вития требует раскрытия противоречия, образующего его источник, учета актуального проявления такого противоречия.

Об источнике экономического развития

Идея противоречивости экономического развития в яркой форме была выражена, например, Й. Шумпетером, который писал о «созидательном разрушении», полагая, что этот процесс «является самой сущностью капитализма» [1, с. 460–461]. Идея «созидательного разрушения» – приложение к экономическому анализу той диалектической истины, согласно которой «созидание разрушает, разрушение созидает, ибо отрицательное и положительное, возможность и действительность абсолютно соединены в субстанциональной необходимости» [5, с. 509].

Следует констатировать, что при всем многообразии подходов к определению понятия «экономическое развитие» формулировки противоречия, движущего данный процесс, практически не встречаются. На наш взгляд, это связано прежде всего с многоаспектностью общественного благосостояния, что осложняет выявление противоположных определений, единство которых и образует противоречие.

Благосостояние можно определить как присвоение человеком предпосылок для своего развития.

Чаще всего в качестве предпосылок для развития человека рассматриваются предметы потребления. Действительно, без удовлетворения материальных потребностей такого рода жизнь человека невозможна, так что присвоение предметов потребления – необходимый элемент благосостояния.

Вместе с тем человек утверждает себя в качестве человека не в личном потреблении, связанном с его биологическими потребностями, а прежде всего в труде как специфически человеческой деятельности. Возможность трудиться является предпосылкой развития человека и, будучи реализованной, образует элемент его благосостояния.

Для реализации многогранных человеческих способностей требуется время, в рамках которого развитие человека становится самоцелью, – свободное время. Обладание таким временем также включается в благосостояние.

Следовательно, благосостояние формируется посредством присвоения комплекса условий для развития человека, что следует принимать во внимание при рассмотрении экономического развития. Последнее в развернутой форме правомерно характеризуется как «процесс, в рамках которого увеличение выпуска и дохода на

душу населения сочетается с повышением уровня жизни населения и сокращением бедности, расширением доступа к благам и услугам, удовлетворяющим базовые потребности (включая питание, здравоохранение, образование и пр.), увеличением возможностей занятости и уменьшением безработицы, а также сокращением существенного неравенства в доходах и богатстве» [6, р. 437].

В приведенной формулировке экономическое развитие предстает как объективный процесс, характеристики которого количественно измеримы и сравнимы в сопоставлениях по разным странам и территориям и т.д. Такому подходу противопоставляется трактовка развития как поддающегося лишь субъективной оценке. Как пишет Ф. Никсон: «...я могу лишь утверждать, что мое представление о развитии отличается от вашего, но не то, что оно лучше вашего» [7, р. 12].

Между тем общественная сущность человека означает, что его специфически человеческие потребности (в труде, художественном творчестве и т.д.) общественно обусловлены, а удовлетворение потребностей биологического характера согласуется с общественными нормами. В таком качестве предпосылки для развития человека не являются сугубо индивидуальными, несопоставимыми с подобными предпосылками для других.

То, в каком объеме могут удовлетворяться материальные потребности индивидуумов, зависит, в конечном счете, от уровня общественной производительности труда, а при существующем ее уровне – от количества труда, затрачиваемого в общественном масштабе. Величина фонда рабочего времени задает границы для времени, которое общество может уделить выполнению непроизводственной социальной деятельности [8]. Следовательно, формирование предпосылок развития человека имеет объективный, общественный характер.

Общественное благосостояние не существует помимо благосостояния членов общества, его повышение – основа для развития каждого. В то же время имеется специфика жизненных обстоятельств индивидов, исключающая совпадение в присвоении результатов повышения общественного благосостояния. Налицо объективное противоречие между необходимостью повышения общественного благосостояния и спецификой условий для развития каждого члена общества. Такого, на наш взгляд, противоречия, образующего источник экономического развития в любую историческую эпоху.

Общее противоречие экономического развития получает особое проявление в разные экономические эпохи.

В первобытной общине специфика жизненных обстоятельств ее членов (различие в возрасте, принадлежности к полу) сочеталась с их социально-экономическим равенством, что помогало людям выживать в условиях неразвитости производительных сил при господстве ручного труда. С прогрессом индивидуально применяемых средств производства социально-экономическое равенство превращалось в тормоз повышения общественного благосостояния.

При рабовладении общественное благосостояние повышается посредством приоритетного присвоения господствующим классом условий для своего развития за счет класса рабов.

Переход от рабовладения к феодализму, несомненно, связан с расширением возможностей для развития крестьянства как класса непосредственных производителей материальных благ. Положение крепостных крестьян предпочтительнее положения рабов не только в отношении уровня личного потребления, но и вследствие менее продолжительного рабочего времени, наличия свободного времени, возможности распоряжаться частью производимого продукта и т.д.

Утверждение господства крупной машинной индустрии делает объективно возможным сочетание роста общественного благосостояния с обеспечением благосостояния и свободного развития всех членов общества. Уже на рубеже 70-х–80-х годов XIX века обоснованно отмечалось: «Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем увеличивающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и упражнение их физических и духовных способностей, – эта возможность достигнута теперь впервые, но теперь она действительно достигнута» [9, с. 294]. Соответственно, прогрессивная тенденция современного экономического развития состоит в преодолении социально-экономического неравенства между членами общества в отношении условий их развития.

Тогда экономический рост, если он совмещается с углублением социально-экономического неравенства, не свидетельствует об экономическом развитии. Так, Ф. Никсон считает обоснованной идею о том, что «если экономический рост не ведет к сокращению бедности, неравенства и безработицы, то не приходится говорить об экономическом развитии» [7, р. 12–13]. Правда, продолжительный экономический рост без экономического развития становится проблематичным.

Если речь идет о преодолении неравенства, то правомерен поставленный А. Сеном вопрос: «Неравенство в чем?» [10, р. 92]. Поставив по-

добный вопрос, А. Сен убедительно доказывает, что нельзя ограничиваться характеристикой неравенства по доходу, что в расчет следует принимать весь комплекс предпосылок для развития человека. Подобный подход получает все большее распространение [11].

Одной из важнейших таких предпосылок является величина времени, непосредственно предназначенного для развития человеческих способностей, то есть – свободного времени.

Свободное время как элемент общественного благосостояния

Свободное время является результатом функционирования общественного производства. Не обеспечив свои потребности в жизненных средствах и средствах производства, общество не может существовать. Именно труд в производственной сфере образует материальную основу общественной жизни. Время для непроизводственной деятельности предстает как сэкономленный производительный труд, последний образует субстанцию первого.

Высвобождение части общественной деятельности из сферы производства предполагает удовлетворение растущих материальных потребностей общества. Если перераспределение труда между двумя сферами идет в ущерб общественным потребностям, вызвано нарушением нормального хода общественного воспроизводства, налицо мнимая экономия труда, его действительного высвобождения не происходит.

В производственной сфере человек использует силы и законы природы, что, так или иначе, сопряжено с воздействием на организм человека неблагоприятных факторов. Ошибки, свойственные любому виду целенаправленной деятельности, угрожают здесь здоровью и жизни труженика. Такой труд никогда не может стать в полной мере свободной деятельностью.

Труд в непроизводственной сфере создает духовные ценности, направлен на оказание услуг и потому непосредственно ориентирован на потребности развития членов общества. Именно таков труд в образовании, здравоохранении, науке, искусстве и т.д.

Больше того, он значим и с точки зрения развития самих его исполнителей, выступая в качестве реализации интеллектуальных способностей, задатков к художественному творчеству, принося глубокое удовлетворение, как своим содержанием, так и возможностью общественного признания его результатов. Так, выполнение управленческого труда требует интеллектуального напряжения, дает чувство сопричастности к решению судеб людей и потому

рассматривается как почетная общественная функция. Педагогическая деятельность, врачебная помощь – весьма содержательные виды деятельности. В более общем плане, выполнение услуги предполагает контакт ее исполнителя с другим человеком – работы «лицом к лицу», реализует потребность в общении, позволяет проявить индивидуальность.

Производственная и непроизводственная сферы пересекаются. Но даже в сфере производства труд руководителей, других работников высококвалифицированного умственного труда (инженеров, конструкторов и т.д.) представляет собой «приложение абстрактного знания к решению конкретных проблем» [12, р. 58], то есть обладает существенным элементом интеллектуального творчества.

Труд в непроизводственной сфере не исключает рутинных, малосодержательных функций. Отдельные его виды малопривлекательны, связаны с повышенным напряжением внимания или осуществляются при неблагоприятных условиях для здоровья человека. И все же, в целом, эта сфера позволяет реализовать многогранные человеческие способности.

Развитие человека как освоение им достижений всех сфер общественной жизни становится его собственной потребностью. Всесторонность развития обеспечивается наличием досуга – времени за рамками выполнения обязательных общественных функций, для реализации интеллектуальных и иных потребностей развития по самостоятельному выбору.

Человеческая жизнь не сводится к реализации и развитию специфически человеческих способностей. Время удовлетворения естественных потребностей – также элемент жизни, но оно не относится ни к времени труда, ни к времени, когда развитие человека становится самоцелью.

Таким образом, жизнедеятельность общества объективно подразделяется на труд в производственной сфере и высвобожденную из нее социальную деятельность, непосредственно направленную на развитие человеческих способностей. В таком качестве правомерно разграничение рабочего и свободного времени общества.

Рабочее время – время, в рамках которого общество производит средства производства и предметы потребления, используя в своих целях силы и законы природы, и, следовательно, соотносится с природной необходимостью.

Свободное время общества – это время, свободное от производительного труда, предназначенное для формирования и реализации творческих способностей человека, удовлетворения специфически социальных потребностей в об-

щении и признании, время для осуществления того, что в общей форме можно назвать свободным всесторонним развитием.

Свободное время, понимаемое как время для свободного развития человека, когда деятельность человека имеет не только инструментальную ценность, но и превращается в самоцель, действительно, не совпадает со временем досуга, в рамках которого человек предоставлен сам себе. Так, например, труд художника, артиста, преподавателя и т.п. представляет реализацию и развитие творческих способностей человека и по такому критерию включается в свободное время общества. Обращая внимание на эту сторону дела, Р. Скидельский и Е. Скидельский пишут: «В современном обиходе, досуг – это синоним расслабления и отдыха... В нашем понимании, досуг не имеет тесной связи с досугом в принятом употреблении этого термина. Оплачиваемая работа может быть, по нашему мнению, досугом, если она осуществляется, в первую очередь, не ради денег, а в качестве самоцели» [13, р. 165]. Правда, указанные авторы, по сути, отождествляют досуг с любой деятельностью, представляющей развитие человеческих способностей, что едва ли обоснованно. Свободное время общества охватывает и труд работников непроизводственной сферы, и деятельность в сфере досуга.

Правомерность объединения такого труда и досуга в одну категорию свободного времени общества особенно очевидна, когда речь идет о деятельности с одним и тем же содержанием. Д. Саллаз, сравнивая занятие баскетболом профессионального игрока и любителя, правомерно отмечает: «Что является работой для одного – игра для другого... Одним из выводов из подобного сравнения является тот, что отсутствует существенная характеристика данного вида активности, которая определяла бы ее статус в качестве «занятости». Это определение скорее зависит от широкого контекста и значения, которое придается активности» [12, р. 42].

Непроизводственная сфера трудовой деятельности образует, на наш взгляд, сферу услуг, хотя такое понимание не во всем совпадает с пониманием ее как сферы, где оказывают услуги (например, новая идея научного работника – это не услуга).

Свободное время общества не исчерпывается временем труда в сфере услуг. Так, учеба в школах и вузах, несомненно, обеспечивает развитие человеческих способностей, но не является трудом. Занятия физкультурой, не образуя профессию, остаются формой проведения досуга.

Когда речь идет о собственно услугах, то есть действиях с полезным эффектом для дру-

Таблица

Динамика затрат труда в сфере услуг и суммарного времени непроизводственной деятельности общества за вычетом времени предоставления услуг в ряде экономически развитых стран

Страна	Время труда в сфере услуг (млн час)			Непроизводственная деятельность общества за вычетом труда в сфере услуг (млн час)		
	1993 г.	2007 г.	Прирост в %	1993 г.	2007 г.	прирост в %
Италия	25641	30476	+18.9	193730	197399	+1.9
Канада	16228	21893	+34.9	96681	107815	+11.5
Корея	27926	36603	+31.1	130542	144861	+10.7
Франция	25073	29237	+16.6	205589	217945	+6.0
ФРГ	353450	40093	+13.4	278505	282347	+1.4
Швеция	4544	5268	+15.9	30049	31012	+3.2

Рассчитано по данным OECD.

гих, то в расчет следует принимать и суммарное время получения субъектами соответствующих услуг, поскольку время предоставления услуги со стороны работника непроизводственной сферы, как правило, не совпадает с общим временем получения услуги. Так, два часа преподавания равнозначны двум часам обучения только для одного обучающегося, общее же время, выделенное обществом для обучения, зависит от количества учеников (студентов).

Сохранение требуемого качества услуги ставит границы на пути увеличения количества субъектов, одновременно потребляющих ее. Поэтому вполне оправданно, например, использование нормативов соотношения между числом преподавателей и студентов, ограничений на количество пассажиров в автобусе и т.п. При таких условиях увеличение в общественном масштабе времени потребления какой-либо услуги предполагает увеличение суммарного времени предоставления данной услуги, что сопряжено с повышением занятости соответствующего вида.

Разумеется, полного совпадения динамики времени, с одной стороны, предоставления, а с другой – потребления услуг в общественном масштабе не может быть. Так, использование информационных технологий способно резко расширить аудиторию слушателей учебных курсов. В то же время сохраняется необходимость снижения нагрузки на воспитателей детских садов в целях улучшения условий пребывания детей в дошкольных учреждениях. В общем и целом, обеспечение благоприятных условий для развития всех членов общества предполагает, что увеличение суммарного времени потребления услуг сопровождается ростом совокупной продолжительности их предоставления, о чем свидетельствуют данные таблицы.

Сумма времени труда в непроизводственной сфере, времени общественно регулируемого потребления услуг и времени досуга дает достаточно точную количественную характеристику масштабов времени для свободного развития членов общества.

Вместе с тем одна эта величина не позволяет судить об уровне общественного благосостояния. Так, две страны могут иметь равные величины свободного времени, но различные объемы суммарного фонда труда в производственной сфере. Тогда свободное время в расчете на одного члена общества в этих странах будет разным. Вот почему для адекватной оценки общественного благосостояния в расчет необходимо принимать отношение свободного времени общества к его совокупному рабочему времени – норму свободного времени общества.

Норма свободного времени общества определяется следующим образом [14]:

$$N = \frac{T_{c1} + T_{c2}}{T_{p1} + T_{p2}},$$

где N – норма свободного времени общества за период; T_{p1} – совокупная продолжительность времени труда в общественном производстве за период (в часах); T_{p2} – совокупная продолжительность времени труда в домашнем хозяйстве за период (в часах); T_{c1} – совокупная продолжительность времени непроизводственной деятельности, ориентированной непосредственно на удовлетворение общественных потребностей, за период (в часах); T_{c2} – совокупная продолжительность времени досуга за период (в часах).

Существенно, что данный показатель учитывает время труда в домашнем хозяйстве, выполняемого преимущественно женщинами. Это позволяет адекватно оценить объемы трудовой деятельности в общественном масштабе, тогда как с XIX века «по воле чиновников-мужчин, решивших квалифицировать женский труд по дому не как признанную законом занятость, а как состояние праздности с удалением соответствующей строки из статистических форм, труд миллионов жен «исчез» [12, р. 54].

Указанная формула не учитывает время, затрачиваемое на удовлетворение физиологических потребностей, так как подобное время не относится к социальной, по своей сути, деятельности.

Чем выше норма свободного времени общества, тем, при прочих равных условиях, выше уровень экономического развития. В самом деле, более высокое значение этой нормы означает, что при удовлетворении своих потребностей в предметах потребления и средствах производства общество способно меньше времени уделять труду в производственной сфере, имеющему, в основном, инструментальную значимость, и располагает более значительными возможностями для деятельности по развитию всех своих членов. Этот вывод справедлив как при осуществлении межстрановых сопоставлений, так и при исследовании экономического развития в отдельной стране.

Вот почему принципиальное значение имеет динамика рабочего и свободного времени.

Сокращение рабочего и увеличение свободного времени как фактор экономического развития

Уровень общественной производительности труда закономерно повышается. С ростом результативности труда в единицу времени для удовлетворения фиксированной общественной потребности требуется меньшее количество рабочего времени, происходит экономия труда [15].

С прогрессом производственной сферы не только растет производительность, но и возвышаются общественные потребности, увеличивается численность населения. В результате размеры высвобождения труда из этой сферы зависят от того, в какой мере растущие общественные потребности в материальных благах удается удовлетворить за счет роста производительности и, соответственно, насколько приходится увеличивать общий фонд рабочего времени, если рост потребления не полностью обеспечивается повышением производительности.

Исторически относительные масштабы свободного времени общества, измеряемые нормой свободного времени общества, не оставались неизменными.

В период до машинной индустрии рост производительности труда сдерживался тем, что средства труда приводились в движение работником, который непосредственно манипулировал орудиями труда. Масштабы сэкономленного труда находились в прямой зависимости от масштабов затраченного производительного труда. Поэтому, несмотря на прогресс производительности труда, норма свободного времени общества оставалась меньше единицы.

В условиях господства крупной машинной индустрии повышение общественной производительности труда освободилось от подобных

ограничений и ускорилось настолько, что рост общественного продукта в производственной сфере стал многократно опережать увеличение фонда рабочего времени в ней. В результате рост свободного времени общества начинает опережать увеличение фонда рабочего времени. Закономерным результатом этого выступает ситуация, когда время непроизводственной социальной деятельности по абсолютной величине преобладает над фондом рабочего времени в общественном производстве. Это произошло во всех странах, осуществивших индустриализацию.

Составляющие нормы свободного времени общества формируются как совокупное время соответствующих видов деятельности всех его членов. Из этого не следует, однако, что соотношение свободного и рабочего времени индивида – индивидуальная норма свободного времени – у каждого совпадает с общественной.

Различия в их значениях могут быть связаны, например, с возрастом. Так, дети объективно не в состоянии выполнять труд в том же объеме, что и взрослые. Люди пожилого возраста также утрачивают способность работать.

Подобные несовпадения индивидуальных норм свободного времени неустранимы и присущи всем экономическим эпохам, имевшим место в истории. В основе этих несовпадений лежат не социальные причины, а половозрастные различия, так что отмеченные расхождения с социально-экономической точки зрения являются несущественными.

Существенное неравенство налицо тогда, когда в силу недостаточно высокого уровня общественной производительности труда требуется закрепление труда в производственной сфере за большинством членов общества и монополизация меньшинством таких видов деятельности, как управление, наука, образование, искусство и т.д. Так, типичная дневная норма свободного времени раба приближалась к нулю. У рабовладельцев же все виды социальной деятельности относились к непроизводственным. Без учета подобного распределения свободного и рабочего времени между рабами и рабовладельцами представление о неравенстве возможностей для развития членов рабовладельческого общества было бы неполным. Например, дневной рацион питания раба по калорийности был равен рациону римского легионера, что было объективно необходимо для выполнения тяжелого физического труда.

Следовательно, в доиндустриальную эпоху отсутствует объективная возможность равенства значений индивидуальных норм свободного времени. Экономическое развитие выражается в увеличении нормы свободного времени общества, которая, однако, остается ниже единицы.

С утверждением господства крупной машинной индустрии увеличение свободного времени общества происходит на основе безграничного повышения общественной производительности труда, что открывает возможность преобладания объемов свободного времени общества над его рабочим временем при увеличении общественного продукта, в том числе – в расчете на душу населения. Так, по нашим расчетам, годовая норма свободного времени общества в экономически развитых странах превышает значение 3–4.

При таких условиях формируется возможность равного распределения свободного и рабочего времени между трудоспособными членами общества, когда индивидуальная норма свободного времени каждого трудоспособного превышает единицу.

Тенденция к сближению индивидуальных норм свободного времени, безусловно, прослеживается. За прошедшие 150 лет нормальная продолжительность рабочего дня сократилась в экономически развитых странах и России с 12–13 часов до 7–8 часов [16]. Это привело к значительному росту дневной нормы свободного времени работников, занятых в сфере производства, у которых этот показатель приближается к 1. Их годовая норма составляет, по нашим расчетам, приблизительно 1.5 – она превышает дневную, так как учитывает продолжительность выходных дней и время оплачиваемых отпусков.

Вместе с тем аналогичная норма и в расчете на день, и в годовом измерении у работников непроизводственной сферы остается значительно – в несколько раз – выше, чем у рабочих, что свидетельствует о сохранении существенного неравенства в сочетании различных видов экономической деятельности.

Подобное неравенство имеет целый ряд последствий. Поскольку условия труда в производственной сфере, в целом, более тяжелые, чем в непроизводственной, то занятость в производстве негативно сказывается на здоровье людей. Признание этого факта – использование льготных режимов труда и отдыха для миллионов рабочих. К сожалению, подобные льготы не в состоянии полностью компенсировать ущерб здоровью, исключить риск несчастных случаев на производстве. Это, в свою очередь, позволяет предположить существенную разницу в продолжительности жизни в зависимости от трудового стажа в производственной и непроизводственной сферах (статистика пока не сориентирована на выявление подобной разницы).

Труд в непроизводственной сфере требует более высокого образования, что, при прочих равных условиях, способствует повышению оплаты труда.

Известно значительное влияние уровня образования и характера занятости родителей на жизненные перспективы детей: в данном отношении дети работников с высокой нормой свободного времени также оказываются в более предпочтительном положении [17].

Если абстрагироваться от указанных обстоятельств и ограничиться оценкой размеров заработной платы, то можно составить неверное представление о социально-экономическом положении работников. Так, труд сварщика может оплачиваться выше труда профессора вуза, однако из этого не следует, что первый вид деятельности предпочтительнее по содержанию, условиям осуществления, влиянию на здоровье и характер проведения семейного досуга, в силу общественного признания, возможностей содействовать развитию своих детей и т.д.

Вот почему сложившееся неравное распределение объемов времени для интеллектуального, творческого труда образует ключевое неравенство между социальными группами в возможностях для развития, не фиксируемое неравенством по доходам.

Соответственно, актуальной формой основного противоречия экономического развития становится противоречие между растущим доминированием в обществе экономической деятельности, непосредственно связанной с развитием человека, и преобладанием производственного труда в экономической деятельности работников соответствующей сферы. Это противоречие отражается в расхождении динамики нормы свободного времени общества и нормы свободного времени, типичной для занятых в производстве: первая норма растет многократно быстрее, чем вторая.

Позитивная тенденция в разрешении данного противоречия состоит в таком сокращении нормальной продолжительности труда работников производственной сферы, которое бы обеспечило преобладание в их повседневной деятельности свободного времени над рабочим.

У работников непроизводственной сферы дневная норма свободного времени превышает единицу и в силу стабильности продолжительности труда в домашнем хозяйстве изменяется в последние десятилетия незначительно. Поэтому сокращение рабочего дня в производственной сфере будет сближать индивидуальные нормы свободного времени каждого.

Если бы к 2030 году удалось реализовать прогноз Дж.М. Кейнса о введении трехчасовых смен [18], то дневная норма свободного времени работников производственной сферы достигла бы значения 2–3, годовая – приблизилась бы к 5. Это означало бы преодоление существ-

венного неравенства в распределении времени производственной и непроизводственной деятельности между членами общества.

Разумеется, осталось бы проблема оптимизации различных видов социальной деятельности каждого трудоспособного, предполагающая дальнейшее экономическое развитие. И все же эта проблема – принципиально иного характера, чем недостаток у работников времени для собственного развития, берущий начало из эпохи преобладания ручного труда.

Заключение

Экономическое развитие предстает как разрешение противоречия между необходимостью повышения общественного благосостояния и существованием специфических условий для развития каждого члена общества. В современных условиях разрешение этого противоречия требует поддерживать тенденцию к преодолению существенного социально-экономического неравенства.

Такое неравенство неправомерно отождествлять исключительно с расхождениями в величине доходов. Более адекватным его выражением является неравенство в зависимости от экономической природы выполняемых видов деятельности, отражаемое в различии норм свободного времени. При таких условиях экономическое развитие связано, главным образом, с сокращением рабочего времени в производственной сфере [19].

Эта связь прослеживается, прежде всего, в том, что высвобождение труда из производственной сферы в непроизводственную расширяет пространство для развития всех членов общества. Во-вторых, сокращение нормальной продолжительности рабочего времени позволяет непосредственно преодолевать существенное неравенство между членами общества в зависимости от видов выполняемой деятельности.

Безусловно, данный аспект проблемы экономического развития требует дальнейшего рассмотрения. Так, расчет нормы свободного времени общества в ее динамике, для ряда стран, даст возможность существенно продвинуть сравнительные исследования в данной области. Требуется конкретизация связи между динамикой нормы свободного времени общества и динамикой норм, типичных для различных социальных групп. Следует принять во внимание также, что в развитых странах с менее продолжительным рабочим временем, чем в США, как правило, более высокий уровень безработицы, негативно влияющий на преодоление социально-экономического неравенства. Разработка этих проблем позволит

конкретнее представить содержание и перспективы экономического развития.

Список литературы

1. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. 864 с.
2. Chung H.-J. Economics: the user's guide. Published by the Penguin Group, 2014. 154 p.
3. Giugale M.M. Economic development: what everyone needs to know. Oxford University Press, 2014. 503 p.
4. Dutt A.K. Pathways to economic development. Oxford University Press, 2014. 211 p.
5. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 2002.
6. Tragakes E. Economics for the IB diploma. Cambridge University Press, 2013. 566 p.
7. Nixson F. Development economics. Second edition. Heinemann, 2001. 124 p.
8. Полушкина И.Н., Логинова Т.П. Производственная и непроизводственная сферы: анализ опыта развитых стран и перспективы неоиндустриализации в России // Экономическое возрождение России. 2014. № 3 (41). С. 138–145.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 20.
10. Sen A. Development as freedom. Oxford University Press, 2001. 366 p.
11. The Oxford Handbook of economic inequality / Edited by W. Salwerda, B. Nolan and T.M. Smeeding. Oxford University Press, 2009. 736 p.
12. Sallaz J.J. Labor, economy, and society. Polity Press, 2013. 199 p.
13. Skidelsky R., Skidelsky E. How much is enough? Money and good life. Penguin Books, 2013. 243 p.
14. Золотов А.В., Белов А.В. Норма свободного времени как обобщающий показатель развития сферы услуг // Экономика и предпринимательство. 2015. № 3. С. 696–700.
15. Лядова Е.В. Снижение трудоемкости общественного продукта как закономерность экономического развития многих стран // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2015. № 7. С. 3–6.
16. Малявина И.Ю., Логинова Т.П., Титова Н.Г. Современные тенденции соотношения рабочего и свободного времени в России // Экономика и предпринимательство. 2014. № 9 (50). С. 782–787.
17. Дёмина В.В. Границы рабочего и свободного времени у современных работников // Российское предпринимательство. 2011. № 10. Вып. 2 (194). С. 30–36. URL: <https://creativeconomy.ru/articles/13959/>
18. Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–67.
19. Мазур О.А. Развитие работников в современной России. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. 222 с.

**ABOUT THE MAIN CONTRADICTION OF ECONOMIC DEVELOPMENT
AND ITS CURRENT MANIFESTATION**

A. V. Zolotov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The aim of this paper is to reveal the contradiction constituting the source of economic development in its current manifestation. For this purpose, we use the dialectical method and carry out a calculation of the free time index. It is stated that the content of modern economic development implies a significant reduction in inequalities among members of society, depending on the type of their economic activities: production of goods or related to the provision of services. It is established that the free time index typical of those employed in the industrial sector decreases compared to the same indicator for society as a whole, which is contrary to economic development and reflects a key aspect of a significant economic inequality. The conclusion of our study is that the reduction of working hours in the context of improving social welfare results in an enhanced positive trend of economic development.

Keywords: economic development, free time index, reduction of working time.

УДК 331.108.45

УПРАВЛЕНИЕ ТАЛАНТАМИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПОДХОДЫ К ПРИМЕНЕНИЮ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ

© 2016 г.

А.В. Климова

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва

aklimova@hse.ru

*Статья поступила в редакцию 17.06.2016**Статья принята к публикации 12.08.2016*

Цель работы заключается в обобщении понятия «талант» и изучении тенденций и подходов к управлению талантами в государственных организациях. Проведен теоретический анализ различных взглядов на понятие «талант» и на управление талантами как одного из современных подходов стратегического управления человеческими ресурсами. Выделены основные практики, применяемые в управлении талантами в организациях разных типов. Проанализированы различные подходы к управлению талантами в организациях государственного сектора. Рассмотрены практики управления талантами в государственном секторе разных стран. На основе теоретических публикаций и результатов эмпирических исследований российских и зарубежных авторов, а также собственных исследований сделан вывод о тенденциях развития данного подхода в организациях государственного сектора. Предложены две обобщенные модели управления талантами в государственных организациях.

Ключевые слова: талант, управление талантами, эксклюзивный и инклюзивный подход, государственная организация, стратегическое управление человеческими ресурсами, развитие лидерства, кадровый резерв.

Введение

В условиях сменяющих друг друга кризисов и быстрых изменений внешней среды предприятия и организации стремятся обеспечить свое долгосрочное развитие, ориентируясь главным образом на своих сотрудников, которые создают добавленную стоимость и обеспечивают организации устойчивое положение и конкурентное преимущество. Основные инвестиции организации направляют в ключевых сотрудников, в «таланты». В самом общем виде талантливый сотрудник понимается как человек, обладающий специфическими, редкими компетенциями, которого организация хотела бы привлечь и интегрировать. Это главный вызов успешной организации. Также для современной организации важно идентифицировать, в каких талантах она нуждается сегодня и будет нуждаться завтра. Не менее важно разработать и внедрить политику поиска, привлечения и удержания талантливых сотрудников.

Понятие «управление талантами» как новая модель стратегического УЧР, отвечающая ограниченности компетентностного подхода к управлению персоналом, получила распространение после того, как консалтинговая компания McKinsey & Company опубликовала в 2001 году свое исследование в области управления талантливыми кадрами, где было использовано ставшее «крылатым» выражение «война за таланты» (war for talents). В этом исследовании

подчеркивалась особая роль талантливых кадров в приобретении конкурентного преимущества для каждой из организаций, вне зависимости от того, в каком секторе экономики она осуществляет свою деятельность. Кроме того, остро была обозначена проблема привлечения и удержания талантов внутри организации [1, с. 64]. Начиная с 2000-х годов различным аспектам управления талантами были посвящены многочисленные теоретические труды и эмпирические исследования в области УЧР, организационной теории, психологии (организационной, социальной, образовательной и др.). Эти исследования были посвящены организациям бизнес-сектора и предлагали решения и практики, применимые в бизнес-организациях. Понятие таланта, например, рассматривается в работах таких авторов, как Ashton and Morton, Collings and Mellahi, Dries, Gallardo-Gallardo, Rana, Goel and Rastogi, Meyers, van Woerkom, Dries и др. Теории и основным понятиям процесса управления талантами посвящены работы Boudreau and Ramstad, Capelli, Michaels, Rodriguez, которые подчеркивали стратегическую важность управления талантами для развития и укрепления организационной эффективности. Среди отечественных авторов, исследующих важность управления талантами как одной из передовых практик управления человеческими ресурсами организации, необходимо отметить О.Ю. Бабкину, С.А. Карташова, Ю.Г. Одегова и Д.В. Шаталова, В.К. Мадьярову, А. Савченко.

В то же время, если к словосочетанию «управление талантами» в поисковой строке google, например, добавить словосочетание «государственный сектор», то количество ссылок на литературу уменьшается в несколько раз. Многие авторы рассматривали исследуемую проблему в рамках государственного сектора. Это, например, Harriss and Foster, Kock and Burke, Macfarlane, Nankervis, Poocharoen and Lee, Barber and Levy, Buttiens and Hondegehem и др.

Подходы к пониманию таланта и управлению талантами

Основная идея УЧР вообще и управления талантами в частности – найти и поставить нужного человека на нужную позицию в нужное время. Рост интереса к талантам объясняется несколькими причинами: переход от индустриальной к информационной экономике (и связанная с этим важность знаний), потребность в высококвалифицированных руководителях и сотрудниках (по демографическим причинам), изменение отношения людей к работе (из-за возможности чаще менять работу). Иными словами, организации будут испытывать (и испытывают уже) возрастающую потребность в талантливых сотрудниках для сохранения организационной эффективности.

Основная проблема заключается в том, что до сих пор исследователи не пришли к единому определению этого понятия.

Анализ научной литературы и периодических изданий позволил выделить пять основных подходов к определению талантливого человека, причем только три из них имеют непосредственное отношение к профессиональному развитию человека как части организации [2, с. 306].

Во-первых, *талант* может рассматриваться как редкий природный дар, который чаще всего проявляется у индивидов с раннего возраста и позволяет им достигать выдающихся результатов в спорте, музыке, искусстве и в других сферах.

Второй подход заключается в рассмотрении таланта как набора сильных сторон человека. Сильная сторона понимается как потенциальная возможность для саморазвития, что доказывает, что хотя талант является частично врожденным, его также можно развивать и в течение жизни [3, с. 109].

Кроме того, *талант* может рассматриваться через призму компетенций, которые являются его поведенческим аспектом и представляют собой совокупность знаний, умений, способностей и личностных характеристик [4, с. 225]. При этом считается, что знания и умения могут приобретаться и развиваться в течение жизни, а

способности и личностные характеристики являются относительно стабильными и не могут меняться с течением времени.

Рассмотрение таланта как высокого потенциала человека широко распространено в рамках стратегического УЧР, хотя четкое и унифицированное понимание понятия «талант» в организациях практически отсутствует. Согласно классическому пониманию («талант – скрытая возможность индивида стать лучше в чем-либо, чем он есть в настоящий момент») [5, с. 448], человек уже имеет врожденные характеристики, которые могут быть усовершенствованы и превращены в выдающийся навык. В то же время большинство организаций сходятся во мнении, что лишь небольшой процент человеческих ресурсов может быть признан обладающим высоким потенциалом [6, с. 56].

Талант также может рассматриваться как высокое достижение или высокий результат. Многие организации склонны использовать данный подход ввиду простоты измерения и обнаружения таланта: талант определяется уже достигнутыми результатами, а не вкладом, который необходимо инвестировать в знания, умения и способности человека, чтобы достичь определенных показателей. Талантливый человек доказывает свою талантливость делом, выражая ее в деятельности и в своих достижениях.

Попытка систематизации понятия таланта была предпринята исследователями Галлардо-Галлардо, Драйзом и Гонсалес-Круз [7] с целью выявления особенностей этого понятия для дальнейшей его концептуализации. Все определения таланта были объединены в две группы: талант как объект и талант как субъект.

Объектный подход рассматривает талант как характеристику человека. С этой точки зрения талант можно рассматривать как:

- 1) природный дар – врожденную, уникальную характеристику человека, его интеллектуальных способностей и творческого потенциала, поэтому практически невозможно управлять талантом, т.е. учить, развивать его;
- 2) мастерство, т.е. некую экспертную характеристику высочайшего уровня, которая может быть измерена и которая практически всегда является приобретаемой, а не врожденной;
- 3) вовлеченность, т.е. мотивацию и желание помогать успеху своей организации. Здесь талант понимается как дополнение к природному дару или мастерству;
- 4) совпадение личности и организации, должности, работы, лидера, времени. Здесь именно работа определяет условия успеха человека.

Субъектный же подход к исследуемому понятию рассматривает талант как человеческий

Таблица

Подходы к пониманию понятия «талант»

	Талант как субъект (сотрудник)	Талант как объект (характеристика сотрудника)
Инклюзивный подход к пониманию таланта	Все сотрудники организации воспринимаются как талантливые. Такое широкое понимание таланта соответствует месту управления талантами в рамках стратегического управления человеческими ресурсами с набором интегрированных процессов и практик, направленных на то, чтобы распознать сферу таланта каждого сотрудника и помочь преобразовать его в реальную эффективность для организации (Buckingham и Vosburgh (2001); Gallardo-Gallardo, Dries и González-Cruz (2013); Peters, (2006); O'Reilly и Pfeffer (2000) и др.)	Данный подход фокусируется на том, чтобы дать возможность сотруднику развить его способности и достичь мастерства в его работе и за рамками работы. В этом управлении талантами идентично развитию человеческих ресурсов либо развитию компетенций. Такую позицию занимают, например, Thunnissen, Boselie and Fruytier (2013)
Эксклюзивный подход к пониманию таланта	Здесь талант понимается как отдельные сотрудники, которые вносят наибольший вклад в успех и устойчивое развитие организации. Указанный подход сфокусирован на критических для успеха организации позициях, которые должны быть заполнены талантливыми людьми. Такой подход поддерживают такие исследователи, как Boudreau и Ramstad (2005); Lewis и Heckman (2006) [11]; Becker, Huselid и Beatty (2009) [12]; Collings и Mellahi (2009) [13]; Whelan и др. (2011) [14]	Данный подход обращается к определению исключительных способностей или мотивации к работе, что позволит сотрудникам достигать наивысшей эффективности и обеспечивать дальнейшее развитие организации. Управление талантами представляет собой процесс отбора сотрудников с такими способностями и предоставления им возможностей развиваться и укреплять их потенциал. Такой взгляд на талант разделяют Ready, Conger, & Hill (2010) [15] и др.

капитал организации (как отдельного человека или всех сотрудников). Руководители расценивают всех сотрудников как талантливых, и практики управления исходят из того, что эти люди являются важнейшим активом организации.

Еще один достаточно распространенный подход к пониманию таланта состоит в том, чтобы считать, что талант – это исключительная характеристика одного или нескольких сотрудников, т.е. рассматривать его *эксклюзивно*, или же считать, что организация может развить особые способности у всех своих сотрудников, т.е. рассматривать талант *инклюзивно*. Этот подход был развит такими исследователями, как Туннисен, Босли и Фруитье [8], Ал Арисс, Кассьо и Паауве [9] и т.д. В таблице рассматриваются подходы к определению таланта и их влияние на понимание управления талантами в организации [10].

Таким образом, можно сказать, что понятие таланта субъективно и относительно. Понимание таланта зависит от организационного окружения и вызовов, с которыми сталкивается организация в зависимости от сектора ее деятельности, продукции и услуг, предоставляемых ее потребителям, и от других обстоятельств.

Существующие принципы и практики управления талантами

В широком смысле многие исследователи понимают процесс управления талантами как «стратегический целостный подход к бизнес-

планированию и управлению человеческими ресурсами или как новый путь достижения организационной эффективности. Таким образом улучшается потенциал сотрудников – талантов на всех уровнях организации, укрепляя тем самым позиции организации сейчас и в будущем» [16, с. 30]. Консультанты и исследователи характеризуют управление талантами как «поиск, отбор, развитие, продвижение и удержание людей, осуществляемое в соответствии с текущими и будущими целями организации... Структурированное управление талантами должно закрыть пробел между существующим человеческим капиталом организации и тем, который ей будет необходим для ответа на будущие вызовы» (Смит, Веллинз и др., [17]).

Как же на практике осуществляется процесс управления талантами, какие принципы и практики используются?

Карен О'Леонард в своем исследовании [18, с. 12] выделяет следующие наиболее общие практики:

- стратегическое планирование талантов;
- поиск и найм;
- управление эффективностью;
- планирование преемственности;
- развитие лидерства;
- управление компетенциями;
- обучение и развитие;

- оплата труда и компенсации;
- кадровые системы и показатели.

По мнению исследователя, все эти практики могут использоваться как вместе, так и по отдельности, отражают все процессы стратегического УЧР и составляют наиболее *общую модель управления организационными талантами*. Однако в реальности любая организация действует в условиях ограниченности ресурсов и вынуждена делать акцент на той или иной практике управления талантами.

К ключевым принципам управления талантами можно отнести [19, с. 27]:

- согласованность со стратегией организации;
- внутреннюю согласованность;
- включенность руководства;
- поддержку организационной культуры;
- баланс глобальных и локальных целей;
- бренд работодателя.

Дадим краткую характеристику некоторых ключевых принципов управления талантами.

Согласованность со стратегией организации является основой развития стратегии управления талантами. Исходя из организационной стратегии, какие таланты нам необходимы? Например, при принятии стратегии инновационного технологического развития для организации наиболее важными являются технологические способности, а при стратегии глобального роста – лидерские способности, установление и поддержание отношений с потребителями, способность развития новых товаров или услуг и др. [19, с. 26].

Применение практик изолированно друг от друга может привести к тому, что они начнут вступать в противоречие. Принцип *внутренней согласованности* сконцентрирован на том, как практики применяются по отношению друг к другу. Например, если организация считает своим приоритетом обучение и развитие высокопотенциальных сотрудников, она также должна будет применять практики удержания сотрудников, конкурентной оплаты труда и карьерного развития. Применение практик управления талантами в соответствии с принципом согласованности даст синергетический эффект, гораздо больший, чем простое последовательное использование различных практик УЧР.

Также хотелось бы отметить *принцип поддержки организационной культуры*. Многие современные организации считают свою корпоративную культуру одним из фундаментов успешного устойчивого развития организации. Поэтому основные организационные ценности могут быть включены в такие практики, как процедуры отбора и найма, развитие системы управления эффек-

тивно, системы оплаты труда и компенсаций. Еще одним общим способом включения корпоративных ценностей в процесс управления талантами является их распространение через процедуры обучения и развития.

Таким образом, понимание таланта стоит в центре всего процесса, а ключевые принципы управления талантами интегрируют основные практики как между собой, так и с общеорганизационной деятельностью и стратегией (см. рис.1).

Можно сказать, что управление талантами становится все более важным аспектом в повышении организационной эффективности. Как один из подходов стратегического УЧР, оно действительно взаимодействует с остальными функциями менеджмента, фокусируя свое внимание на одном из ключевых ресурсов организации – людях, которые реализуют организационную стратегию. Эта область управления человеческими ресурсами пока не получила единого понимания среди исследователей, как и само понимание таланта, лежащее в основе этого процесса. Различные ученые понимают талант инклюзивно или эксклюзивно или как субъект или объект. Управление талантами понимается в широком смысле как развитие и применение интегрированных систем и процессов, направленных на привлечение, развитие и использование талантов для ответа текущим и будущим вызовам организации. Все это верно для бизнес-организаций. Но можем ли мы говорить о таланте и управлении талантами в государственном секторе? Какие особенности приобретает этот процесс с учетом специфики государственного сектора?

Подходы к управлению талантами в государственном секторе

По результатам опроса руководителей крупнейших компаний мира, проведенного компанией Pricewaterhouse Coopers (PwC), руководители госкомпаний сталкиваются сегодня с теми же проблемами, с которыми на протяжении всего экономического кризиса сталкивались руководители частных компаний – с необходимостью удерживать и мотивировать талантливых сотрудников и внедрять инновационные операционные процессы, позволяющие получать более высокие результаты при одновременном сокращении затрат [20]. Что касается российского государственного сектора, то особой тенденцией, «получившей развитие в современных кадровых процессах на российской государственной гражданской службе, выступает усиление внимания к вопросам маркетинга персонала, формирования бренда государственных ор-

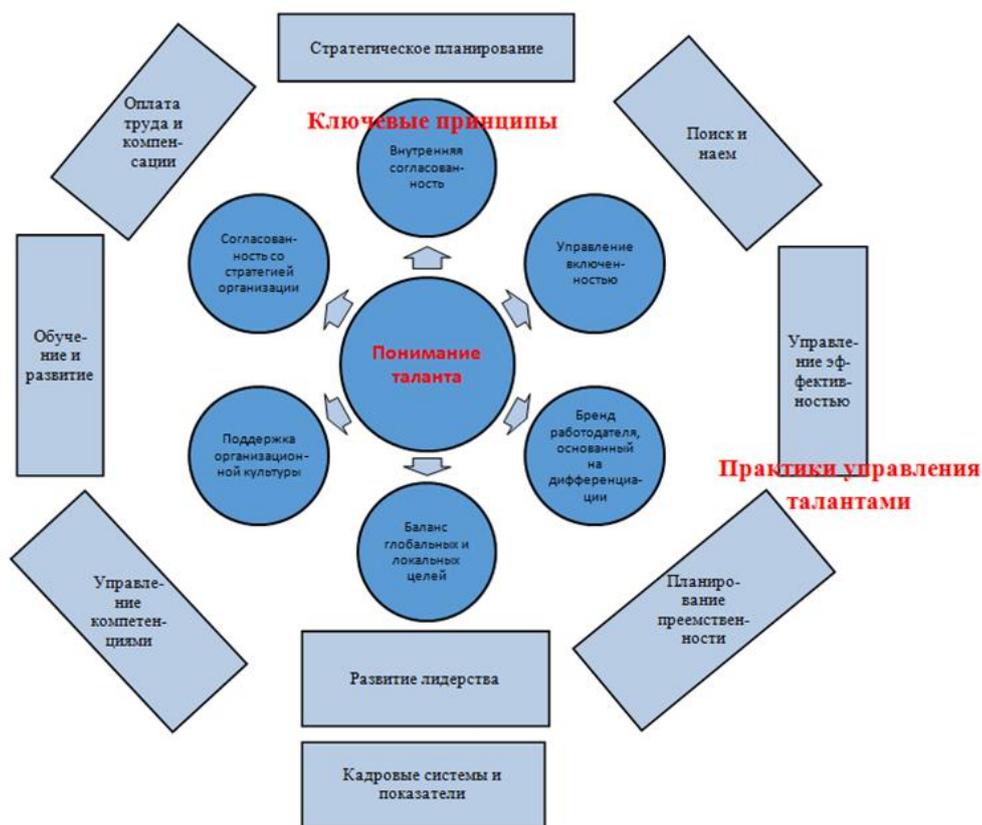


Рис. 1. Ключевые принципы и практики управления талантами

ганов как привлекательного работодателя. В условиях современного российского рынка труда, для которого характерна постоянно усиливающаяся борьба за таланты, поиск будущих сотрудников еще со студенческой скамьи становится процессом, где участвуют на равных соревновательных позициях уже не только коммерческие, но и государственные организации» [21, с. 105].

Можно утверждать, что особенности государственного сектора напрямую связаны с теми проблемами, которые стоят перед ним в современном мире. Компания McKinsey&Co следующим образом характеризует среду, в которой действует сейчас государственный сектор:

«Нам представляется, что существует пять основных проблем для публичного сектора: государства должны

- радикально повысить эффективность предоставления государственных услуг;
- изменить свои отношения с обществом, чтобы удовлетворять его все возрастающие потребности;
- пересмотреть структуру и деятельность своих организаций, чтобы повысить качество предоставления услуг;
- пересмотреть способы использования данных при разработке политики и управлении деятельностью;

- и найти новые пути успешно конкурировать с частным сектором, привлекать и удерживать таланты.

Сущность и размах этих проблем и сделают ближайшее десятилетие решающим для государства» [22, с. 6–11].

Каковы же основные тенденции применения подходов и практик управления талантами в государственном секторе?

Подходы к управлению талантами в разных странах отличаются друг от друга: некоторые страны применяют системный подход, тогда как другие используют отдельные подходы и практики управления талантами в деятельности по управлению кадрами. При ответе на вопрос, как понимается талант в государственном секторе, необходимо отметить, что в разных странах организациями на сегодня применяются и инклюзивный и эксклюзивный подходы (подход с точки зрения объекта/субъекта используется в меньшей степени).

В США в системе управления талантами используется эксклюзивный подход к пониманию таланта: талант рассматривается как исключительный (эксклюзивный) природный дар, которым обладает лишь ограниченное число людей. Поэтому основное внимание при управлении талантами в американском государственном секторе уделяется практикам привлечения и

отбора талантов, что является результатом убеждения в том, что талант является врожденным и его практически невозможно развить.

Начало управлению талантами в государственном секторе было положено еще президентом Дж. Картером с принятием закона о реформировании государственной службы. Согласно положениям данного закона, отбор и продвижение кадров осуществляется во взаимосвязи способностей, знаний и умений кандидатов на открытой и конкурентной основе. Однако система государственной службы Америки все еще оставалась очень громоздкой и по числу уровней иерархии, и по количеству госслужащих. Президентом Дж. Бушем-младшим была проведена еще одна реформа государственной службы, которая ставила перед собой цели сформировать стратегический подход к управлению кадрами, внедрить систему управления по результатам, развить системы профессионального обучения госслужащих и механизмы замещения высших должностей. Еще одной целью данной реформы было привлечение и удержание на государственной службе тех специалистов, которые имеют высокий потенциал для дальнейшего развития, талантливых сотрудников. Президент Б. Обама еще в рамках своей предвыборной кампании заявил, что «уволит тех государственных менеджеров, которые не достигают результатов» и «будет активно использовать уроки и технологии частного сектора, потому что задачи XXI века не могут быть решены с помощью бюрократии XX века» [23].

Интересен подход к управлению кадрами в Сингапуре. Основными принципами государственной кадровой политики Сингапура стали осознание стратегической важности талантов и лидеров для государства, продвижение и отбор госслужащих на основе их профессиональных качеств, честность и искренность лидеров. На базе этих принципов были разработаны основные цели государственной кадровой политики: отбор, развитие и удержание лучших сотрудников в государственном секторе.

Управление талантами в Сингапуре основано на эксклюзивном подходе [24]. Широко применяются такие инструменты, как поиск, привлечение и отбор талантов. Для этого, например, используются государственные стипендии правительства Сингапура, выдаваемые лучшим выпускникам школ, которые решают строить свою карьеру на государственной службе и хотят получить соответствующее образование. Стипендиаты обучаются в рамках четырехлетней программы развития специалистов-управленцев (Management Associate Programme [25]), в рамках которой будущие

госслужащие работают 2 года в том ведомстве, в котором они в дальнейшем хотят продолжить свою карьеру, а также проводят 2 года в ином ведомстве. Все 4 года программы посвящены развитию лидерского потенциала и профессиональных качеств кандидатов и включают большое количество тренингов и иных обучающих мероприятий. Но окончание программы не дает права «автоматического» зачисления в Административную службу Сингапура. Выпускники проходят ряд интервью для выявления наиболее талантливых специалистов, которые в дальнейшем будут занимать руководящие посты в государственных органах. Так, в 2013 году стипендиатами правительства Сингапура стали 34 человека, из которых 30 были позднее проинтервьюированы Административной службой. На государственную службу были зачислены 23 кандидата. Таким способом государство обеспечивает постоянный приток исключительно талантливых сотрудников на государственную службу. Однако если молодой талант к 35 годам не демонстрирует потенциала стать, например, заместителем министра, то ему рекомендуется покинуть госслужбу.

Несмотря на использование практик, свойственных эксклюзивному подходу к управлению талантами, в Сингапуре широко используются практики, свойственные инклюзивному подходу, например практики развития талантов. Специально созданный в Сингапуре государственный орган – Колледж гражданской службы – разрабатывает и проводит многочисленные программы развития, как краткосрочные, так и три ключевые долгосрочные: программа для «новичков» в Административной службе, программа для управленцев высшего уровня власти и программа для лидеров Администрации [26].

Таким образом, подход к управлению талантами в государственном секторе Сингапура можно описать следующим образом: эксклюзивный с применением ряда инклюзивных практик и инструментов.

В то время как системы управления талантами в развитых странах, таких как, например, Сингапур и США, уже сформированы и успешно функционируют, в некоторых развивающихся странах управлению талантами также придается немалое значение. Примером такой страны является Казахстан, чей президент Нурсултан Назарбаев поставил задачу повышения эффективности управления кадрами в государственном аппарате в рамках государственной стратегии «Стратегия-2050» [27]. Подход к управлению талантами в Казахстане является эксклюзивным, при этом применяются такие инклюзивные практики, как обучение, развитие и удержание талантов.

Среди инструментов управления талантами на государственной службе Казахстана можно выделить следующие эксклюзивные практики: практики «социальных лифтов», возможность обучения за рубежом и специализированные программы обучения с целью подготовки и переподготовки государственных служащих, создание кадрового резерва. Наряду с эксклюзивными используются следующие инклюзивные инструменты: институт наставничества, механизмы ротации кадров, в рамках концепции новой модели государственной службы формируется инструмент оценки и вознаграждения госслужащих по результатам.

В Канаде используются оба подхода [28]. На уровне руководителя используется «управленческая» модель и эксклюзивный подход к пониманию таланта и применяются практики планирования, оценки, управления качеством. Стратегическая модель управления талантами, затрагивающая всех сотрудников государственного сектора, основывается на инклюзивном подходе.

Применение «управленческой» модели и эксклюзивного подхода обусловлено, главным образом, «демографическими» причинами: «старением» (предпенсионным возрастом) руководителей государственных организаций и недостаточным развитием практик привлечения внутренних специалистов на руководящие должности при выходе на пенсию действующих сотрудников. Соответственно, система управления талантами включает в себя такие процессы, как управление качеством, индивидуальная и организационная оценка, развитие и внутреннее трудоустройство. С другой стороны, стратегическая модель управления талантами, ориентированная на остальных сотрудников (инклюзивный подход), внедрялась как реакция на следующие факторы: повышение конкуренции за высококвалифицированных сотрудников, изменения в запросах сотрудников, глобализация экономики, развитие новых технологий, ускорение процесса изменений, изменения в ожиданиях и потребностях граждан.

В государственном секторе Голландии 56% организаций используют инклюзивный подход, 5% – эксклюзивный подход, 5% комбинируют два подхода [29] (в остальных организациях управление талантами не используется).

В государственном секторе Китая управление талантами применяется инклюзивно внутри организации [30]. Оно включает в себя все практики управления персоналом, от отбора и найма через оценку и вознаграждение к управлению процессом выхода на пенсию. Все практики работают инклюзивно, т.е. обращены на всех сотрудников, при этом большое внимание

уделяется общей системе ценностей и вкладу в развитие всей страны.

В России понятие таланта формально не закреплено в системе управления кадрами российской государственной службы, но нельзя сказать, что речь об управлении талантами (выдающимися сотрудниками) не идет совсем.

Современная система управления кадрами государственной службы определена в ряде законодательных актов. Например, в Федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)» [31], основной целью которой было создание целостной системы государственной службы Российской Федерации посредством реформирования отдельных направлений, были отмечены основные направления кадровой политики, а именно формирования высококвалифицированного кадрового состава. Фактически речь шла о привлечении на государственную службу необходимого числа талантов.

В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [32] были поставлены задачи, регулирующие кадровые процедуры на государственной службе: формирование объективных и прозрачных механизмов отбора кандидатов на госслужбу, создание единой базы вакансий (Федерального портала управленческих кадров), применение компетентностного подхода для создания перечней требований к кандидатам на различные должности в государственных организациях, использование системы комплексной оценки деятельности чиновников, развитие института наставничества, применение механизмов ротации и формирования кадрового резерва. Кроме того, в проекте указа Президента Российской Федерации «О федеральной программе «Развитие государственной гражданской службы Российской Федерации (2015–2018 годы)» и плане мероприятий по развитию государственной гражданской службы Российской Федерации на 2015–2018 годы» [33] определены различные меры по развитию кадровых технологий современной госслужбы. Среди основных направлений можно отметить необходимость повышения качества отбора на должности государственной службы, разработки новой системы квалификационных требований к должностям государственной службы, обеспечения непрерывного профессионального развития, создания многофакторной системы мотивации государственных служащих. Речь идет, таким образом, об основных практиках не

просто управления кадрами, а управления высококвалифицированными специалистами, которые необходимы современной государственной службе России.

В некоторых регионах России, например в Татарстане или в Москве, понятие «талант» уже появилось в официальных документах или на официальных веб-сайтах. В Татарстане, например, началась реализация государственной программы «Стратегическое управление талантами в Республике Татарстан на период с 2015 года по 2020 год» [34]. Создан «Университет Талантов», который проводит отбор кандидатов в исполнительную дирекцию для реализации указанной государственной программы.

Для поиска талантливых кадров, способных участвовать в реализации масштабных целей города, правительство Москвы создало карьерный портал talent.mos.ru. А. Александрова, начальник управления государственной службы и кадров правительства Москвы, отмечает, что «Москве нужны креативные, яркие, энергичные люди, умеющие работать на результат, решать нестандартные задачи, браться за сложные и масштабные проекты», «нас [Правительство Москвы] интересуют лучшие люди с высоким потенциалом и развитыми компетенциями»¹.

Можно сделать вывод, что талант в практике управления кадрами российской государственной службы определяется как высокий потенциал и как набор компетенций и понимается в основном с применением ряда инклюзивных практик (институт наставничества, изменение системы мотивации и др.).

В каждой из рассмотренных стран управление талантливыми сотрудниками осуществляется через целый набор разнообразных практик: от практик привлечения на госслужбу лучших студентов с помощью специальных стипендий до механизмов оценки деятельности на основе достигнутых результатов.

На основе проведенного нами исследования практик управления талантами в государственном секторе двенадцати стран (США, Канады, Великобритании, Бельгии, Южной Африки, Индии, Малайзии, Сингапура, Таиланда, Австралии, России и Казахстана) и общей теоретической модели управления талантами, предложенной К. О'Леонард в 2008 г. [18, с. 16], были созданы две более узкие модели применения практик управления талантами в государственном секторе. Их конфигурация основывается на предположении об ограниченности организационных ресурсов (финансовых, человеческих, временных и др.): поскольку специалисты по управлению персоналом не могут одновременно развивать все направления, а общая модель с

трудом применима для всех организаций, организации должны выбирать ключевые аспекты управления талантами, которые в наибольшей степени соответствуют поставленным целям и стратегии организации. Поэтому мы предложили две простые модели управления талантами в государственном секторе, в которых все практики взаимосвязаны и организованы определенным образом.

Каждая модель (рис. 2 и 3) сфокусирована на одной из практик управления талантами, которая, по нашему мнению, является ключевой для обеспечения процесса достижения организационных целей. Остальные практики являются поддерживающими и также используются в процессе управления талантами.

Первая модель – модель управления талантами с развитием лидерства в качестве основной практики (рис. 2).

Под общим термином *развитие лидерства* понимаются разнообразные теоретические и практические направления управления персоналом. Известно, что развитие лидерства как практика управления персоналом включает в себя ротацию и кросс-функциональное развитие, программы коучинга и менторства, оценку, создание резерва из высокопотенциальных сотрудников (т.е. сотрудников с высоким потенциалом карьерного роста внутри организации) [18, с. 55]. Считается, что лидеры на всех уровнях организации действительно продвигают организацию вперед. Поэтому для организации жизненно важно находить, привлекать, распознавать, развивать и продвигать лидеров. Резерв (его иногда называют пул) высокопотенциальных руководителей способствует развитию талантов на основе четкого понимания целей такого развития [8, с. 332]. Модель управления талантами с фокусом на развитие лидерства рассматривает талант инклюзивно и как субъект.

Остальные практики управления талантами используются как поддерживающие для достижения основной цели: развивать лидеров для развития организации. Вопрос о том, какого типа лидеры нужны организации, связан со стратегией развития и планирования талантов. Процесс развития лидерских талантов нуждается в управлении компетенциями для разработки стандартов (моделей компетенций) и модели успеха для лидеров. В то же время в процессе развития лидерства используются результаты поиска, отбора и найма, т.е. учитывается входящий поток сотрудников – будущих и настоящих лидеров – для организации работы с ними. Управление эффективностью необходимо для постоянной оценки того, что всё в организации соответствует заданным показателям организа-

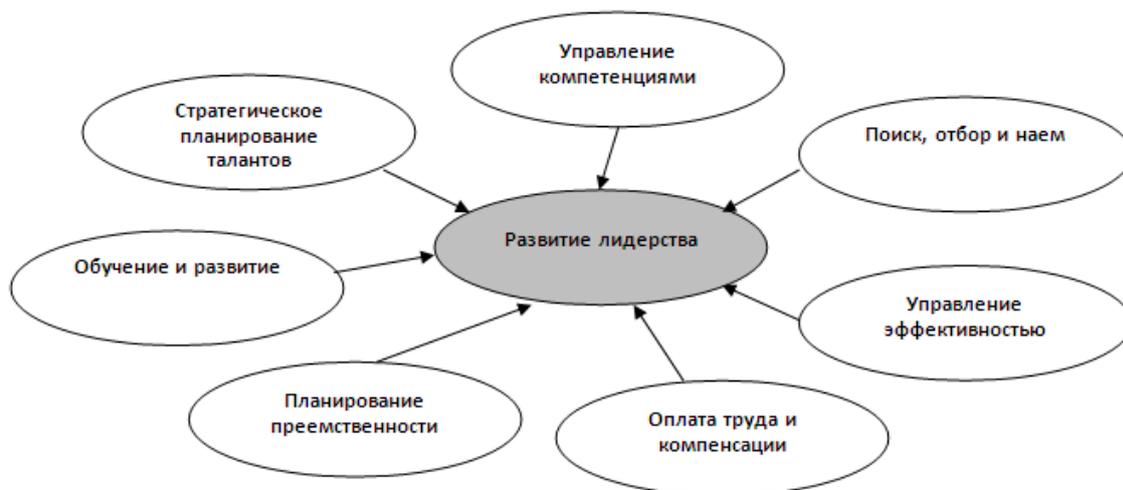


Рис. 2. Управление талантами с фокусом на развитие лидерства



Рис. 3. Модель управления талантами с фокусом на управление преемственностью

ционной стратегии, кадровый резерв заполняется высокопотенциальными сотрудниками и их обучение и развитие соответствует организационным целям. Вознаграждение лидеров основывается на результатах их деятельности. Такая модель управления талантами применяется, например, в Великобритании, Малайзии, Китае и Таиланде.

Вторая модель (рис. 3) – это модель управления талантами с практикой управления преемственностью в качестве основной.

Процесс *управления преемственностью* (который, к сожалению, часто подменяет собой весь процесс управления талантами, как мы уже говорили выше) связан с управлением кадровым резервом сотрудников, способных при необходимости заменить руководителей соответствующего уровня организации. Он должен обеспечить возможность и готовность лидеров из кадрового резерва занять соответствующие

позиции в случае выхода руководителя на пенсию или ухода из организации по другим причинам. Таким образом, в организации поддерживается внимание к ключевым сотрудникам и позициям (одновременно объектный и субъектный взгляд на талант), а талант понимается эксклюзивно.

Процесс управления преемственностью включает в себя карьерное планирование, оценку таланта, планирование перемещения талантливых сотрудников, оценку готовности, потенциала и эффективности, а также развитие таланта. Оценка таланта, в свою очередь, вместе с данными управления эффективностью, предоставляет информацию для постановки целей поиска и удержания необходимых талантов.

Как и в первой модели, данная практика управления талантами объединяет вокруг себя остальные практики для реализации стратегии управления талантами в организации. Поиск и

наем ориентированы как на внешних, так и на внутренних потенциально подходящих специалистов для обеспечения притока талантов в кадровый резерв. В программах обучения персонала и развития лидерских качеств используются результаты программ управления эффективностью и компетенциями в работе с кадровым резервом, с целью обеспечения готовности сотрудника из резерва занять при необходимости соответствующую ключевую позицию и начать выполнять соответствующие функции. Такая модель используется в России, Сингапуре, Канаде.

Необходимо отметить, что предложенные модели отражают принципы, в соответствии с которыми управление талантами осуществляется в государственном секторе. Данные модели основаны не только на теоретических положениях, но и на изученной практике управления талантами в государственном секторе разных стран.

Заключение

Сегодня во множестве организаций как бизнеса, так и государственного сектора управление персоналом заключается только в отражении карьерного развития, учете зарплаты и премий. Многие авторы, например У. Брокбанк, утверждают, что функции управления персоналом недостает «стратегической проактивности» [35, с. 337]. Хотя эти слова были сказаны уже 16 лет назад, последние исследования компании DDI показали, что только 18% менеджеров по персоналу выполняют проактивную роль в организации [36], а 22% выполняют только реактивную роль, осуществляя контроль за соответствием требованиям программ и политик организации, предоставляя при необходимости экспертные знания.

Управление талантами как одно из направлений стратегического УЧР нацелено на обеспечение организационной эффективности через интеграцию управления человеческими ресурсами в общую стратегию развития организации. До сих пор среди практиков и исследователей нет единого понимания таланта и, соответственно, единого подхода к управлению талантами. Талант понимается инклюзивно (как все или почти все сотрудники организации) или эксклюзивно (как относительно небольшая группа сотрудников), как субъект (сотрудник) или объект (характеристика сотрудника). Организации, в зависимости от их целей и стратегий управления персоналом, комбинируют эти подходы и развивают свое видение управления талантами.

Государственный сектор также испытывает нехватку талантливых сотрудников и уже начал

применять некоторые подходы и практики управления талантами.

Первый общий подход к управлению талантами в организациях любого типа заключается в понимании его как новомодной практики управления персоналом. Речь идет о том, что все сотрудники обладают тем или иным талантом, который должен быть использован во благо организации через весь набор практик управления персоналом. Это самый общий и инклюзивный подход к управлению талантами [11, 37].

Второй подход рассматривает управление талантами как управление отдельными талантливыми *сотрудниками*. Внимание организации сфокусировано на относительно небольшом количестве сотрудников, демонстрирующих высокий потенциал [11, 37]. В рамках этого подхода талантливый сотрудник определяется по определенным критериям (квалификационным характеристикам), а управление талантами строится на основании определенных практик: формирование кадрового резерва, определенные процедуры поиска и отбора кадров и др. Это эксклюзивный подход к управлению талантами, который основывается на идее о том, что отдельные блестящие сотрудники могут создать необходимую ценность для организации [38] и способствовать стратегическому развитию страны.

Можно отдельно выделить более узкий подход, когда управление талантами сводится к одной из практик применения этого понятия – к планированию преемственности. Здесь главной задачей является развитие «каналов пополнения талантов» [11], обеспечение требуемого настоящего и будущего уровня компетенций сотрудников. Этот подход более долгосрочный и статичный: подразумевается, что организации известно, какие роли и какие люди для этих ролей будут нужны в будущем, и необходимо только спланировать свою деятельность по ротации талантов. Слабой стороной такого подхода является отсутствие учета неопределенности внешней и внутренней среды организации [39, 40]. По мнению исследователей, наиболее эффективным путем снижения уровня неопределенности для организации было бы создание так называемого пула талантов (кадрового резерва), обладающих широкими общими компетенциями, которые можно было бы использовать в различных организационных ролях.

На основе анализа опыта ряда зарубежных стран нами были предложены две простые теоретические модели управления талантами, обобщающие то, как практики управления взаимосвязаны между собой в рамках организа-

ции государственного сектора. Мы выяснили, что государственные организации имеют тенденции фокусироваться либо на развитии лидерских качеств персонала, либо на обеспечении преемственности. Мы назвали эти подходы «Модель управления талантами с фокусом на развитии лидерства» (используется в государственном секторе таких стран, как Великобритания, Малайзия, Таиланд, Китай) и «Модель управления талантами с фокусом на управление преемственностью» (применяется в России, Сингапуре, Канаде). Мы считаем, что, учитывая особенности государственного сектора, в частности бюджетные и временные ограничения, специалисты по управлению персоналом будут выбирать одну из указанных практик управления талантами в качестве основной, а остальные практики будут использоваться как поддерживающие для выполнения стратегических целей и задач. Данные модели были сформированы с учетом принципов, на основе которых осуществляется управление талантами в государственном секторе, а также на основе изучения практических кейсов 12 зарубежных стран.

Примечания

1. Управление государственной службы и кадров Правительства Москвы [официальный веб-сайт]. URL: www.hr.mos.ru/about/staff/aleksandrova_aleksandra_borisovna/#one (дата обращения: 09.05.2015).

Список литературы

1. Майклз Э., Хэндфилд-Джонс Х., Экселрод Э. Война за таланты / Пер. с англ. Ю.Е. Корнилович. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2005. С. 200.
2. Meyers M.C., van Woerkom M., Dries N. Talent – Innate or acquired? Theoretical considerations and their implications for talent management // Human Resource Management Review. 2013. Nr. 23. P. 305–321.
3. Biswas-Diener R., Kashdan T.B., Minhas G. A dynamic approach to psychological strength development and intervention // The Journal of Positive Psychology. 2011. Nr. 6. P. 106–118.
4. Champion M.A., Fink A.A., Ruggeberg B.J. et al. Doing competencies well: Best practices in competency modeling // Personnel Psychology. 2011. Nr. 64. P. 225–262.
5. Silzer R., Church A.H. The potential for potential // Industrial and Organizational Psychology. 2009. № 2. P. 446–452.
6. Ulrich D. Smallwood N. What is talent? // Leader to Leader. 2012. V. 2012, Issue 63. P. 55–61.
7. Gallardo-Gallardo E., Dries N., González-Cruz T.F. What is the meaning of 'talent' in the world of work? // Human Resource Management Review. № 12/2013. P. 290–300.
8. Thunnissen M., Boselie P., Fruytier B. Talent management and the relevance of context: Towards a pluralistic approach // Human Resource Management Review. V. 23. Issue 4. December 2013. P. 326–336.
9. Cascio W., al Ariss A. and Paauwe J. Talent Management: Current theories and future research directions // Journal of World Business. 2014. V. 49. Issue 2. P. 173–288.
10. Климова А.В., Бельфер Е.М. Исследование проблемы управления талантами в государственном секторе России и зарубежных стран, проведенное в рамках подготовки магистерской диссертации на программе двойных дипломов магистратуры НИУ ВШЭ в 2015 г. URL: www.hse.ru/edu/vkr/153015298 (дата обращения: 25.12.2015).
11. Lewis R.E., Heckman R.J. Talent management: A critical review // Human Resource Management Review. 2006. № 16. P. 139–154.
12. Becker B.E., Huselid M.A., Beatty R.W. The differentiated workforce: Transforming talent into strategic Impact / Hardcover. 2009.
13. Collings D. and Mellahi K. Strategic talent management: A review and research agenda // Human Resource Management Review. 2009. № 19: 4. P. 304–313.
14. Whelan E. and Carcary M. Integrating talent and knowledge management: where are the benefits? // Journal of Knowledge Management. 2011. № 15(4). P. 675–687.
15. Ready D., Conger J., Hill L., Stecker E. The anatomy of a high potential // Business Strategy Review. 2010. V. 21. Issue 3. P. 52–55.
16. Ashton C., Morton L. Managing talent for competitive advantage: Taking a systemic approach to talent management // Strategic HR Review. 2005. V. 4. Iss. 5. P. 28–31.
17. Wellins R.S., Smith A.B., Paese M.J., Erker S. Nine best practices for effective talent management // Whitepaper, Development Dimensions International, Inc. 2006. URL: www.ddiworld.com.
18. O'Leonard K. Talent management factbook: Global trends, facts and strategies in corporate talent management / Bersin by Deloitte. 2008.
19. Stahl G.K., Björkman I., Farndale E. et al. Six principles of effective global talent management // Sloan Management Review. 2012. № 53. P. 25–42.
20. PriceWaterhouseCoopers (PwC). Новый взгляд на роль государства в XXI веке: правительства должны иначе строить свою работу, чтобы добиваться больших результатов меньшей ценой. Пресс-релиз. 10 февраля 2011 г. URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.legal-business.Ru%2Fimages%2Fpwc.doc&name=pwc.doc&lang=ru&c=57b42c60771b> (дата обращения: 25.12.2015).
21. Панова Е.А., Опарина Н.Н. Современные кадровые инструменты в системе государственной гражданской службы России // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. Февраль. № 48. С. 103–122.
22. Barber M., Levy A. & Mendoca L. Global trends affecting the public sector // McKinsey & Company. January 2007. P. 4–12.
23. Управление талантами: опыт бизнеса и государства // Talent Equity Institute [официальная публикация Ward Howell]. 2009. URL: www.wardhowell.com/files/pdf/te-exclusive-2-ru.pdf (дата обращения: 25.12.2015).

24. Poocharoen, Ora-orn and Lee, Celia. Talent management in the public sector: a comparative study of Singapore, Malaysia and Thailand (July 27, 2013). Lee Kuan Yew School of Public Policy Research Paper No. 14–15. URL: <http://ssrn.com/abstract=2461621>.
25. Официальный сайт государственной службы Сингапура. URL: <http://www.psd.gov.sg/public-service-leadership/public-service-leadership-programme/the-career-path> (дата обращения: 25.12.2015).
26. Официальный сайт государственной службы Сингапура. URL: <http://www.psd.gov.sg/public-service-leadership/public-service-leadership-programme/training-and-development> (дата обращения: 25.12.2015).
27. Официальный сайт «Казахстан: Стратегия 2050». URL: https://strategy2050.kz/ru/page/message_text2014/ (дата обращения: 20.12.2015).
28. Glenn T. The state of talent management in Canada's public sector // Canadian Public Administration. 2012. V. 55. Issue 1. P. 25–51.
29. Buttens D., Hondeghem A. Talent management in the Flemish public sector. Positioning the talentmanagement approach of the Flemish Government // Révue Pyramides. 2013. V. 23. P. 61–83 [Электронный ресурс]. URL: <http://pyramides.revues.org/885> (дата обращения: 11.11.2015).
30. Chen L., Chan H., Gao J., Yu J. Party management of talent: building a party-led, merit-based talent market in China // Australian Journal of Public Administration. 2015. V. 74. Issue 3. P. 298–311. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-8500.12141/full> (дата обращения: 01.11.2015).
31. Федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)», утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 марта 2009 г. № 261 // Российская газета. 2009. Федеральный выпуск № 4867.
32. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»// Российская газета. 2012. Столичный выпуск № 5775.
33. Проект Указа Президента Российской Федерации о Федеральной программе «Развитие государственной службы Российской Федерации на 2015 – 2018 годы» и плане мероприятий по развитию системы государственной службы Российской Федерации до 2018 года// Госслужба [Официальный интернет-портал] 27.03.2015. URL: <http://gossluzhba.gov.ru/News/Details/9dc8b24a-08f8-4315-87c1-3aa2d4943736> (дата обращения: 11.04.2015).
34. Постановление Кабинета министров Республики Татарстан от 03.12.2014 г. № 943.
35. Brockbank W. If HR were really strategically proactive: Present and future directions in HR's contribution to competitive advantage // Human Resource Management. № 38. 1999. P. 337–352.
36. DDI and The Conference Board. Ready-Now Leaders: Meeting Tomorrow's Business Challenges // Global Leadership Forecast [online]. Development Dimensions International, Inc. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ddiworld.com/DDI/media/trend-research/global-leadership-forecast-2014-2015_tr_ddi.pdf?ext=pdf. 2014. P. 24 (дата обращения: 02.12.2015).
37. Iles P., Chuai X., Preece D.A. Talent management and HRM in multinational companies in Beijing: Definitions, differences and drivers // Journal of World Business. 2010. 45(2). P. 179–189.
38. Mellahi K., Collings W. The barriers to effective global talent management: The example of corporate elites in MNEs // Journal of World Business. 2010. 45. P. 143–149.
39. Cappelli P. Talent on demand: Managing talent in an age of uncertainty. Boston, MA: Harvard Business School Press, 2008.
40. Cappelli P. A supply chain model for talent management // People and Strategy. 2009. 32. P. 4–7.

TALENT MANAGEMENT: MODERN TENDENCIES AND APPROACHES TO ITS USE IN THE PUBLIC SECTOR

A. V. Klimova

National Research University Higher School of Economics

The purpose of this paper is to generalize the notion of talent and to study tendencies and approaches to talent management in public sector organizations. We have performed a theoretical analysis of different views on the notion of talent and on the talent management as one of the modern approaches to strategic human resources management. Essential practices used in talent management in different types of organizations are identified. Different approaches to talent management in public sector organizations are analyzed. Based on theoretical and empirical results of Russian and foreign researchers and on the author's own results, conclusions are presented regarding the tendencies of development of the discussed approaches in public sector organizations. Two generalized models of talent management in public organizations are proposed.

Keywords: talent, talent management, exclusive and inclusive approaches, public organization, strategic human resources management, leadership development, personnel pool.

УДК 332.12 (470.53)

ОЦЕНКА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЭКОНОМИКИ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

© 2016 г.

Т.Ю. Ковалева

Пермский государственный национальный исследовательский университет

kovalevatu@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 23.06.2016**Статья принята к публикации 12.08.2016*

Предложен авторский инструментарий оценки динамики стратегических позиций региональных кластеров, обобщающий результаты количественного анализа региональной статистики занятости населения по видам экономической деятельности и качественных оценок, затрагивающих составление цепочек добавленной стоимости. Выделены базовые критерии эффективности кластерного пространственного развития, к которым относятся устойчивый рост размера, веса и индекса локализации кластера, экспортный, инновационный и инвестиционный потенциал кластерной структуры. Апробация методического инструментария проведена на основе промышленных кластеров Пермского края. Установлены кластеры-лидеры и кластеры-аутсайдеры региональной экономики, определен вектор изменения экономических параметров каждого кластера. Полученные аналитические результаты могут представлять интерес для органов государственной власти региона для подготовки региональных программ кластерного развития.

Ключевые слова: кластер, процессы кластеризации, инструментарий, стратегические позиции, кластерный потенциал, матрица, эффективность, регион, кластерная политика.

Введение

Развитие региональных кластеров, которому сегодня посвящено немало исследований, подготовленных как отечественными, так и зарубежными учеными, настоятельно требует осуществления комплексного стратегического мониторинга показателей их функционирования. Системная и целостная оценка изменений в кластерной структуре экономики региона, направленная на выявление свойственных отдельному региону особенностей процессов кластеризации, факторов и условий их трансформации, способна выступить объективным основанием для определения роли кластеров в модернизации и повышении конкурентоспособности региональной экономики. В таком ключе и подготовлено настоящее исследование, целью которого является разработка методического инструментария анализа стратегических позиций территориальных кластеров, позволяющего определить вектор изменений в кластерной структуре экономики региона. Апробация методики реализована на примере промышленных кластеров, формирующихся и функционирующих в экономике Пермского края.

Временный период исследования охватывает данные за 2005–2014 гг. и условно делится на два отрезка: 2005–2010 гг. и 2011–2014 гг.

С первым периодом связаны результаты исследования закономерностей и факторов разви-

тия региональных кластеров, полученные коллективом ученых – Т.В. Миролюбовой, Т.Ю. Ковалевой и Т.В. Карлиной. Данные результаты выступают отправной точкой для оценки динамики процессов кластеризации экономики Пермского края в сравнении с вновь проведенным анализом статистических данных за второй период (2011–2014 гг.). Уточним, что научно-практические результаты первого временного интервала и методологическая база исследования, на основе которой они были получены, представлены в основных публикациях [1–5]. Гипотезой исследования выступает предположение, что за рассматриваемый период в кластерном пространстве Пермского края не произошло существенных положительных сдвигов, свидетельствующих об укреплении позиций кластеров в экономике региона.

Теоретико-методические основания диагностики стратегических позиций региональных кластеров

На практике формирование кластеров связано с наличием определенных условий, стимулирующих их образование и последующее функционирование. По мнению американского ученого-экономиста М. Портера, которого считают основателем кластерной концепции, кластеры зарождаются как «группы географически

соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимно дополняющих друг друга» [6, с. 258]. Ключевыми условиями развития кластеров по М. Портеру являются географическая локализация, взаимосвязь между фирмами и технологическая взаимосвязанность отраслей. Первое условие отражает географические границы кластеров, второе – представляет кластеры как особые формы сетей взаимосвязанных предприятий и организаций, причем более глубокое развитие связей свидетельствует о степени развития самих кластеров, и третье условие характеризует полиотраслевое строение кластеров.

По убеждению М. Портера и его последователей (M.J. Enright, E. Feser, H. Renski, J. Humphrey, H. Schmitz) [6–12], кластеры следует рассматривать в первую очередь в региональном аспекте, поскольку производительность кластера зависит от формирования, развития и укрепления конкурентных преимуществ определенной территории. Иными словами, наиболее конкурентоспособные на национальном и международных рынках фирмы одной отрасли концентрируются в рамках отдельного региона. Успешная деятельность таких фирм создает конкурентные преимущества региона и страны в целом.

Кластеры имеют многоуровневое строение. Как показал анализ литературных источников, типовой структуре кластера в основном дается следующая характеристика. Структура кластера включает три основных яруса:

- ядро кластера (первый ярус – компании – производители конечной продукции кластера, локализованные на определенной территории и сгруппированные по отраслевому признаку);

- группу смежных компаний вокруг ядра кластера (второй ярус – предприятия связанных отраслей, поставляющие предприятиям ядра кластера комплектующие, сырье, материалы, технологии);

- обслуживающие компании, составляющие инфраструктуру кластера (инновационные и научно-технические центры, образовательные учреждения, кредитно-финансовые институты, страховые, консалтинговые, сервисные организации, инвестиционные фонды и т.д.), а также органы государственной власти [1, с. 9–10].

Либо структура кластера состоит из четырех сегментов (блоков):

- ядро кластера;
- поставщики предприятий кластера;
- потребители предприятий кластера;

- поддерживающая инфраструктура [8, с. 5; 13, с. 93–94].

В отличие от первого представления структуры кластера во втором подходе в отдельный сегмент выделяют потребителей продукции предприятий ядра кластера. При этом в анализе деятельности кластера акцент должен быть сделан не на внутрорегиональном потреблении, а на оценке экспортного потенциала кластерной структуры, поскольку спрос на продукцию предприятий – лидеров отрасли со стороны субъектов национальной и мировой экономики выступает решающим критерием эффективности функционирования регионального кластера [14, с. 16].

Стоит отметить, что в современной литературе отсутствует единая методологическая основа описания структуры кластеров и их элементов, что не позволяет выработать общий инструментарий идентификации кластеров и снижает значимость многих научных результатов ввиду невозможности применить их для разработки практических рекомендаций. Вместе с тем, поскольку интерес к кластерной проблематике сегодня нарастает, среди новых экономических исследований появляются работы, содержащие более детальные модельные изображения кластеров [3; 14, с. 12–13; 15, с. 16; 16; 17].

Однако описанный в различных представлениях кластерного строения субъектный состав характеризуется наличием горизонтальных и вертикальных связей: с одной стороны, между участниками кластера существует конкуренция, а с другой – кооперация и сотрудничество. При этом взаимодействие компаний ядра кластера с компаниями и организациями последующих ярусов или сегментов происходит на основе цепочек создания стоимости. Выявление недостающих компонентов цепочек позволяет определить те виды экономической деятельности, которые имеют рыночный потенциал для успешного развития и могут стать конкурентоспособными сегментами кластерной цепочки.

Кластеры, как территориально локализованные единицы хозяйственных отношений, могут быть идентифицированы на основе комплекса количественных и качественных методов, подробно описанных в литературе [15, с. 15–16; 18–20]. Опираясь на работы указанных авторов и выработанную ранее методологию анализа региональных кластеров [1; 2], целесообразно заключить, что оценку текущему состоянию кластеров возможно дать согласно адаптированному инструментарию, описанному в таблице 1.

Исходя из особенностей российской статистической базы и, в первую очередь, её полноты, для оценки стратегических позиций

Таблица 1

Описание этапов оценки динамики стратегических позиций кластеров в экономике региона				
№ п/п	Этап	Методы	Формулы для расчета*	Интерпретация результатов
1	Оценка степени локализации по видам экономической деятельности	Расчет индекса локализации (LQ)	$LQ_i = (I_i^l) / (L_i^l)$	Если величина LQ больше 1, то вид экономической деятельности обладает кластерными признаками
2	Оценка регионального фактора роста по видам экономической деятельности	Расчет регионального структурного сдвига (RS)	$RS = I_{t-1}^i (I_t^i / I_{t-1}^i - L_t^i / L_{t-1}^i)$	RS считают основным критерием идентификации и анализа кластеров в зарубежной литературе, поскольку показатель регионального вклада сравнивает темпы роста занятости в регионе в данном виде экономической деятельности с темпом роста занятости этого же сектора на уровне страны. Отрасли, характеризующиеся высокими положительными значениями RS , обладают значительным кластерным потенциалом; отрасли со стабильно отрицательными значениями регионального фактора являются аутсайдерами экономики
3	Уточнение кластерных групп и определение состава ядра кластеров	Составление или уточнение цепочек добавленной стоимости	—	Уточнение кластерных групп позволяет выделить виды экономической деятельности, имеющие родственные признаки в форме технологической связанности отраслей или принадлежности к одной цепочке накопления стоимости (например, лесопромышленная кластерная группа, машиностроительная кластерная группа). На основе имеющегося у автора статьи опыта идентификации кластеров состав кластерных групп следует формировать для видов экономической деятельности, относящихся только к ядру кластера
4	Оценка основных экономических показателей развития кластеров в экономике региона	Расчет размера ($size^c$), веса ($weight^c$) и индекса локализации (LQ^c) кластеров	$size^c = I^c$ $weight^c = \frac{I^c}{l}$ $LQ^c = \frac{I^c / l}{L^c / L}$	Анализ динамики изменения размера, веса и индекса локализации кластеров позволяет выделить растущие, стагнирующие и сокращающиеся кластеры региона
5	Типологизация кластеров по соотношению показателей RS и IM	Расчет и сравнение регионального (RS) и отраслевого (IM) структурных сдвигов кластеров	$RS = I_{t-1}^c (I_t^c / I_{t-1}^c - L_t^c / L_{t-1}^c)$ $IM = I_{t-1}^c (I_t^c / L_{t-1}^c - L_t^c / L_{t-1}^c)$	Для определения типа кластеров используются шесть вариантов соотношения региональных и отраслевых компонентов факторного анализа (подробно см. [5]). Кластерными лидерами экономики следует считать кластерные структуры, для которых характерно одно из следующих соотношений: 1) $RS > 0, IM > 0$ (кластеры I типа); 2) $RS > 0, IM < 0$ и $ RS > IM $ (кластеры II типа); 3) $RS < 0, IM > 0$ и $ RS < IM $ (кластеры III типа)

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Этап	Методы	Формулы для расчета*	Интерпретация результатов
6	Определение стратегических позиций кластеров в экономике региона и их изменений за анализируемый период	Построение матриц стратегических позиций кластерных структур	–	Матрицы строятся для четырех квадрантов в координатах «Вес кластера, % – Темп прироста размера кластера, %».

* Пояснение к показателям формул: l_i – занятость в i -м виде экономической деятельности в регионе; L_i – занятость в i -м виде экономической деятельности в стране; l и L – общее количество занятых в регионе и стране соответственно; l_{t-1}^i – занятость в i -м виде экономической деятельности в регионе в период $(t-1)$; L_{t-1} и L_t – общее количество занятых в стране в периоды $(t-1)$ и t соответственно; L_{t-1}^i и L_t^i – количество занятых в i -м виде экономической деятельности в стране в период $(t-1)$ и t ; l^c – занятость в кластере в регионе; L^c – занятость в видах экономической деятельности, составивших ядро территориального кластера, в стране.

кластеров рекомендуется использовать показатель «среднесписочная численность работников (без внешних совместителей и работников непостоянного состава)».

Применение данного инструментария обеспечивает решение следующих задач:

- описание текущего состояния процессов кластеризации экономики региона, выявление кластеров-аутсайдеров и лидеров;

- поиск кластеров в стадии зарождения, функционирование которых создает определенные перспективы для развития региональной экономики;

- обоснование направлений и мер региональной кластерной политики, а также возможностей создания организованных кластеров, имеющих управляющую кластерную организацию, в комплексе координирующую взаимодействие участников кластеров.

На базе полученных в ходе использования предложенного инструментария аналитических результатов впоследствии также возможно оценить экспортный, инновационный и инвестиционный потенциал компаний, составляющих ядро кластеров, и соответственно установить точки экономического роста региона, которым следует создавать дополнительные стимулы и оказывать содействие при помощи инструментов и мер региональной экономической политики.

Диагностическая картина стратегических позиций кластеров в экономике Пермского края: результаты сравнительного анализа

Согласно предложенному подходу (табл. 1), представим основные эмпирические результаты сравнительного анализа динамики экономических показателей развития промышленных кластеров Пермского края.

Если проводить параллель с данными 2010 г., то за последние пять лет в промышленности региона не произошло кардинальных из-

менений в цепочках создания стоимостей. Поэтому при идентификации видов экономической деятельности, составляющих ядро промышленных кластеров Пермского края, мы руководствовались ранее предложенной методикой [1, с. 54–62], но с учетом новых статистических данных по среднесписочной численности работников. Стоит также отметить, что ядро шестнадцати анализируемых кластеров преимущественно составили те предприятия, деятельность которых ориентирована не только на рынок региона, но и на национальный и мировой рынки (насколько это возможно отследить) [1, с. 71–76].

Однако составленные ранее цепочки добавленных стоимостей в 2011–2014 гг. претерпели ряд изменений, касающихся динамики показателей LQ и RS . Так, индексы локализации и значения регионального фактора роста по видам экономической деятельности удовлетворяют базовым кластерным критериям только для пяти промышленных кластеров Пермского края: кластера удобрений, деревообработки и деревянного домостроения, нефтяного, фармацевтического и аэрокосмического кластеров. В то же время в кластерном ядре следующих одиннадцати кластеров получены LQ меньше единицы и зафиксированы отрицательные значения RS : мебельный; бумажный; промышленной и бытовой химии; текстиля, одежды и аксессуаров; продовольственный; первичной обработки черных и цветных металлов; машиностроения; бытовой техники и изделий для дома; электрооборудования и энергетического оборудования; приборостроения; строительных материалов и конструкций. Однако исключение данных видов экономической деятельности из цепочек накопления стоимости невозможно, поскольку они образуют ядро кластеров, а произошедшие изменения во многом являются конъюнктурной реакцией на экономические санкции и падение спроса.

Таблица 2

Ключевые экономические показатели развития промышленных кластеров Пермского края за 2010 и 2014 гг.

Кластер*	Размер кластера, чел.		Темп прироста размера кластера, %	Вес кластера, %		Индекс локализации кластера	
	2010 г.	2014 г.	2014/2010 гг.	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.
Приборостроения	6168	7207	16.85	0.7	0.92	0.77	0.93
Текстиля, одежды и аксессуаров	6656	6832	2.64	0.75	0.87	1.19	1.44
Мебельный	1341	1366	1.86	0.15	0.17	0.42	0.38
Фармацевтический	1533	1515	-1.17	0.17	0.19	1.14	1.35
Строительных материалов и конструкций	33679	32134	-4.59	3.8	4.09	1.23	1.42
Деревообработки и деревянного домостроения	15839	14440	-8.83	1.79	1.84	1.66	2.11
Электрооборудования и энергетического оборудования	8430	7492	-11.13	0.95	0.95	1.46	1.61
Бумажный	10748	9100	-15.33	1.21	1.16	1.56	1.96
Продовольственный	16797	13846	-17.57	1.9	1.76	0.73	0.78
Нефтяной	14123	11458	-18.87	1.59	1.46	1.5	1.35
Аэрокосмический	43693	33847	-22.53	4.93	4.3	2.36	2.49
Промышленной и бытовой химии	19650	13307	-32.28	2.22	1.69	1.91	1.73
Машиностроения	33898	22733	-32.94	3.83	2.89	1.43	1.47
Бытовой техники и изделий для дома	9285	5038	-45.74	1.05	0.64	3.01	2.15
Первичной обработки черных и цветных металлов	15553	5906	-62.03	1.76	0.75	1.7	1.05
Удобрений	20034	947	-95.27	2.26	0.12	15.95	1.79

* Кластеры проранжированы по темпу прироста их размера в экономике Пермского края.

Основными показателями развития кластерных структур в региональной экономике являются показатели размера, веса и индекс локализации кластера. Их следует рассматривать в качестве базовых индикаторов экономической эффективности и роста кластеров в экономике региона.

Проведенный статистический анализ¹ показал, что для промышленных кластеров Пермского края увеличение размера наблюдается только в кластерах приборостроения, текстиля, одежды и аксессуаров и мебельном кластере (табл. 2). При этом по показателю веса данные кластеры не являются лидерами региональной экономики. Для остальных кластеров характерно высвобождение рабочей силы, которое является следствием не столько технологического совершенствования производства, сколько ухудшения экономической ситуации в отраслях промышленности региона, связанное с действием экономических санкций и соответственно сужением рынков сбыта. В особенности значительное падение среднесписочной численности занятых зафиксировано в кластере удобрений, первичной обработки черных и цветных металлов и в кластере бытовой техники и изделий для дома.

В таблице 3 приведены данные, характеризующие кластерообразующий потенциал Пермского края в промышленности по соотношению компонентов отраслевого и регионального структурных сдвигов. Полученные результаты позволяют выделить нефтяной кластер, кластер приборостроения, электрооборудования и энергетического оборудования, а также аэрокосмический кластер в группу отраслевых лидеров. Если принимать во внимание положительные значения компонента RS , к конкурентоспособным следует причислить еще три промышленных кластера: текстиля, одежды и аксессуаров; удобрений; фармацевтический. Соответственно, остальные кластеры, имеющие отрицательные показатели регионального и отраслевого сдвига, являются аутсайдерами региональной экономики.

В целом за рассматриваемый период с позиции соотношения отраслевого и регионального фактора роста положение большинства кластеров Пермского края не изменилось или ухудшилось.

В заключение для определения изменения стратегических позиций кластеров в регионе использовался матричный инструмент Бостонской консалтинговой группы (рис. 1, 2).

Таблица 3

**Определение состояния промышленных кластеров
Пермского края по соотношению регионального и отраслевого структурных сдвигов**

Кластер	2010 г.			2014 г.			Изменение состояния кластера по соотношению регионального и отраслевого структурных сдвигов
	IM	RS	Тип кластера	IM	RS	Тип кластера	
Деревообработки и деревянного домостроения	-1049	-2659	VI	-981	-3519	VI	Не изменилось
Нефтяной	72	353	I	780	48	I	Не изменилось
Продовольственный	-219	-2629	VI	-191	-1516	VI	Не изменилось
Первичной обработки черных и цветных металлов	-485	-266	VI	-290	-1091	VI	Не изменилось
Бытовой техники и изделий для дома	-365	-780	VI	-68	-1157	VI	Не изменилось
Электрооборудования и энергетического оборудования	-613	653	II	-75	431	II	Не изменилось
Аэрокосмический	26496	-8008	III	906	-500	III	Не изменилось
Приборостроения	2234	1168	I	93	528	I	Не изменилось
Строительных материалов и конструкций	-1439	-2601	VI	-606	-3065	VI	Не изменилось
Удобрений	-1244	607	IV	-219	131	IV	Не изменилось
Фармацевтический	26	-29	V	-24	29	IV	Улучшилось
Мебельный	48	469	I	-84	-487	VI	Ухудшилось
Бумажный	265	-1120	V	-355	-79	VI	Ухудшилось
Промышленной и бытовой химии	-369	892	II	-402	-97	VI	Ухудшилось
Текстиля, одежды и аксессуаров	3	486	I	-291	180	IV	Ухудшилось
Машиностроения	-2391	1508	IV	-48	-60	VI	Ухудшилось

Таблица 4

Стратегические позиции промышленных кластеров в экономике Пермского края в 2014 г.

Квадрант I («Трудные дети»)	Квадрант II («Звезды»)	Квадрант III («Дойные коровы»)	Квадрант IV («Собаки»)
Мебельный Нефтяной Промышленной и бытовой химии Фармацевтический Текстиля, одежды и аксессуаров Продовольственный Электрооборудования и энергетического оборудования Приборостроения	Аэрокосмический Машиностроения	Строительных материалов и конструкций	Деревообработки и деревянного домостроения Бумажный Удобрений Первичной обработки черных и цветных металлов Бытовой техники и изделий для дома

Матрицы стратегических позиций пермских кластеров построены для четырех квадрантов в координатах «Вес кластера, % – Темп прироста размера кластера, %».

Подчеркнем, что построенные матрицы не следует интерпретировать, следуя классическому представлению матрицы Бостонской консалтинговой группы, которая дает представление о рыночных позициях компании или её товаров и связана с концепцией жизненного цикла. Предложенные нами матрицы в большей степени визуализируют устойчивость позиций и значимость промышленных кластеров для регио-

нальной экономики. Автор статьи также не включает возможность дальнейшего развития данного инструментария для определения рыночных позиций территориальных кластеров в случае получения статистических данных, характеризующих спрос на продукцию предприятий ядра кластеров (прибыль, выручка или объем экспорта кластерных структур в денежном эквиваленте).

Согласно рисунку, анализируемые промышленные кластеры Пермского края занимали в 2014 г. следующие позиции (табл. 4). Причем за последние десять лет в семи региональных кла-

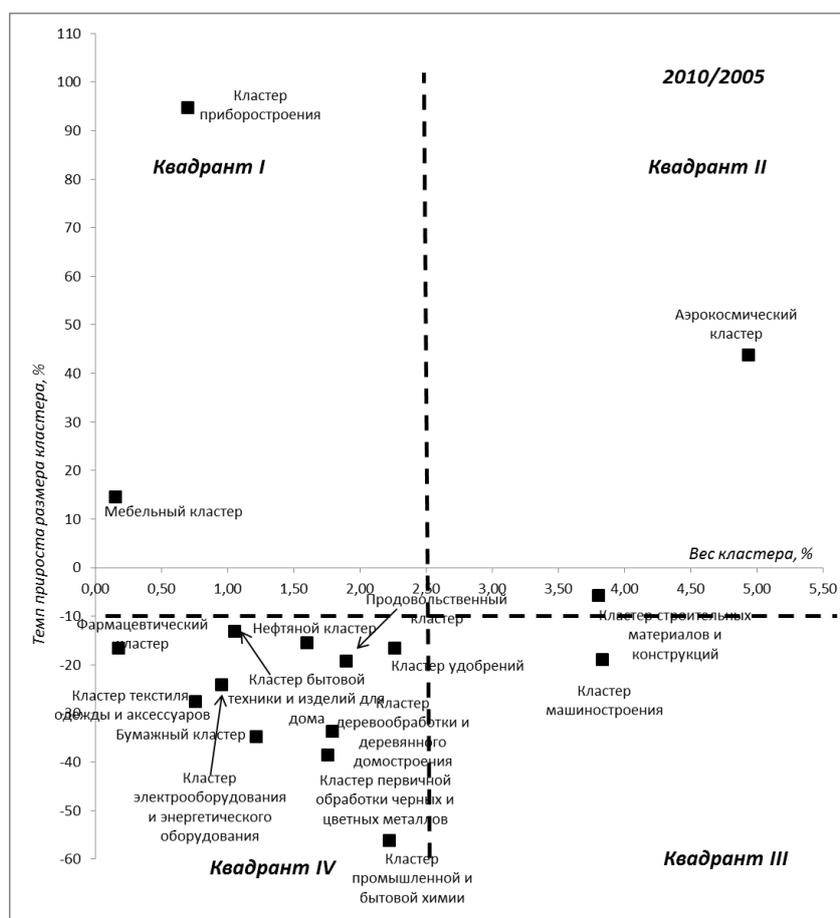


Рис. 1. Матрица «Вес кластера, % – Темп прироста размера кластера, %» 2010 г. к 2005 г.

стерах произошли положительные сдвиги стратегических позиций, которые связаны с изменением темпов прироста размера кластеров (табл. 5). В двух кластерах наблюдается ухудшение состояния. При этом особенно неблагоприятная ситуация сложилась с занятостью в кластере удобрений: произошло существенное падение размера и веса данного кластера в региональной экономике.

Опираясь на составленные матрицы и результаты определения вектора изменения стратегических позиций кластеров в экономике региона, можно говорить о существенном влиянии фактора нестабильности на развитие кластерных структур в Пермском крае. В частности, пристального внимания требуют кластеры IV квадранта матрицы, которые при незначительном их весе в экономике Пермского края существенно сократили занятость за 2005–2014 гг. С одной стороны, это может свидетельствовать о снижении кластерного потенциала, с другой – являться следствием воздействия на занятость ряда положительных факторов (например, технологических изменений в отраслях). Потенциально нестабильными следует считать позиции кластеров текстиля, одежды и аксессуаров, электрооборудования и энергетического оборудования, приборостроения, мебельного, фарма-

цевитического кластеров, которые близки к IV квадранту. В свою очередь, нефтяной, продовольственный кластеры и кластер промышленной и бытовой химии имеют хорошие перспективы роста, следовательно, существует возможность трансформации их в «звезды» региональной экономики. Кластеры строительных материалов и конструкций, машиностроения и аэрокосмический кластер в особенности выступают привлекательными объектами для реализации региональной кластерной политики ввиду сильных стратегических позиций и их относительной стабильности.

Бесспорно, всем промышленным кластерам для наращивания веса и размера в экономике Пермского края необходимо ориентироваться на расширение рынков сбыта, поиск потребителей за пределами Пермского региона, что позволит удержать лидирующие позиции или улучшить их.

Заключение

Предложенный инструментальный мониторинг состояния развития кластерных структур имеет широкий спектр применения, поскольку он основывается на количественных индикаторах, позволяющих отследить ключевые показатели

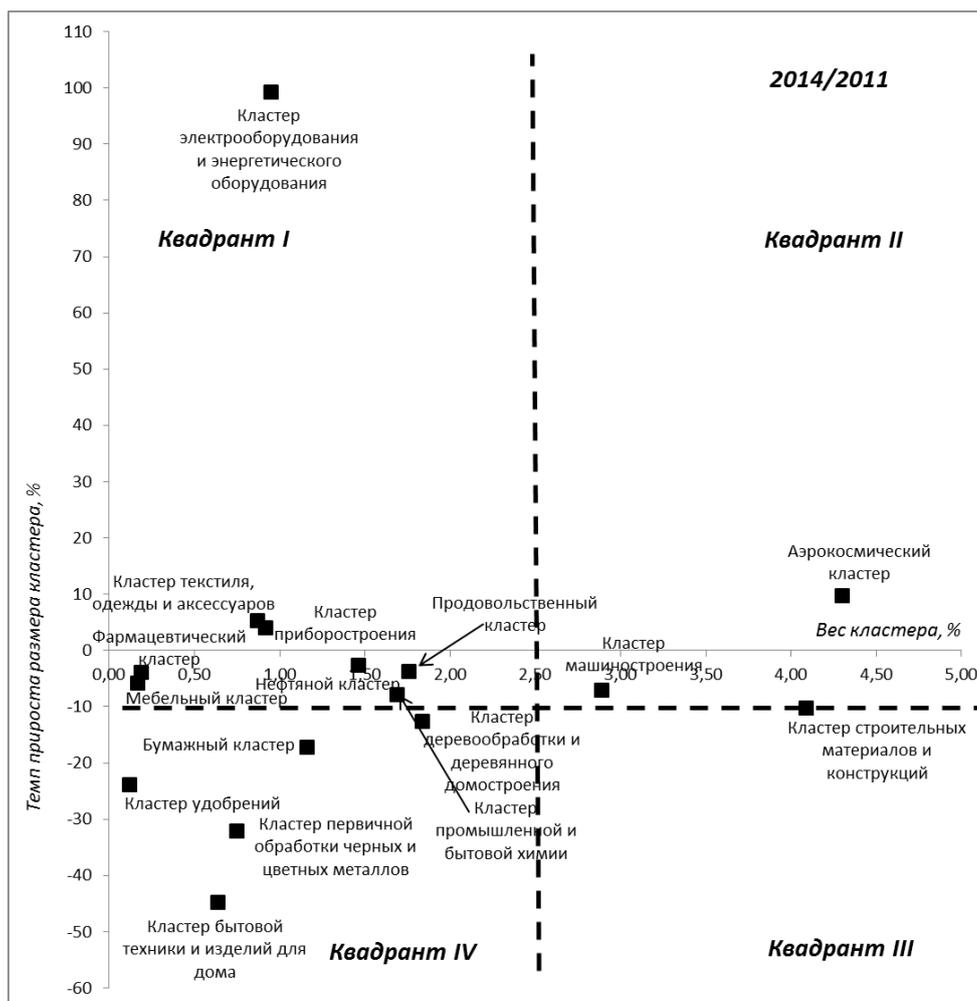


Рис. 2. Матрица «Вес кластера, % – Темп прироста размера кластера, %» 2014 г. к 2011 г.

Таблица 5

Характеристика и вектор изменения стратегических позиций промышленных кластеров в экономике Пермского края в 2014 г. по сравнению с 2010 г.

Кластеры	Характеристика состояния	Квадрант или вектор его изменения
Мебельный	Не изменилось	Квадрант I «Трудные дети»
Приборостроения	Не изменилось	Квадрант I «Трудные дети»
Аэрокосмический	Не изменилось	Квадрант II «Звезды»
Деревообработки и деревянного домостроения	Не изменилось	Квадрант IV «Собаки»
Бумажный	Не изменилось	Квадрант IV «Собаки»
Первичной обработки черных и цветных металлов	Не изменилось	Квадрант IV «Собаки»
Бытовой техники и изделий для дома	Не изменилось	Квадрант IV «Собаки»
Удобрений	Не изменилось	Квадрант IV «Собаки»
Нефтяной	Улучшилось	Из квадранта IV «Собаки» в квадрант I «Трудные дети»
Промышленной и бытовой химии	Улучшилось	Из квадранта IV «Собаки» в квадрант I «Трудные дети»
Фармацевтический	Улучшилось	Из квадранта IV «Собаки» в квадрант I «Трудные дети»
Текстиля, одежды и аксессуаров	Улучшилось	Из квадранта IV «Собаки» в квадрант I «Трудные дети»
Продовольственный	Улучшилось	Из квадранта IV «Собаки» в квадрант I «Трудные дети»
Электрооборудования и энергетического оборудования	Улучшилось	Из квадранта IV «Собаки» в квадрант I «Трудные дети»
Машиностроения	Улучшилось	Из квадранта III «Дойные коровы» в квадрант II «Звезды»
Строительных материалов и конструкций	Ухудшилось	Из квадранта II «Звезды» в квадрант III «Дойные коровы»

эффективности деятельности кластеров в региональной экономике. Немаловажными преимуществами предложенного алгоритма также являются простота и оперативность отслеживания показателей развития кластеров на основе региональной отраслевой статистики. В связи с этим научно-практические выводы и результаты, полученные в ходе его применения, могут представлять интерес для органов государственной власти, реализующих экономическую политику, направленную на укрепление рыночных позиций региональных кластеров в долгосрочной перспективе.

Апробация описанного алгоритма на промышленных кластерах Пермского края свидетельствует о высоком кластерном потенциале экономики региона. Однако в условиях ухудшения экономической ситуации в стране восстановлению положительной динамики может способствовать организация эффективного кластерного управления, ориентированного на усиление конкурентных позиций ключевых пермских предприятий на национальном и глобальных рынках.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-12-59011.

Примечания

1. Значения показателей размера, веса и индекса локализации промышленных кластеров в экономике Пермского края в 2010 г. отличаются от данных, указанных в работе [1, с. 147], поскольку в настоящем исследовании экономические показатели развития кластеров пересчитаны по ядру. Это позволяет сгладить проблему использования отраслевых статистических данных, т.е. данных по занятости в видах экономической деятельности, а не на конкретных предприятиях. В противном случае статистика по занятости по одним видам экономической деятельности несколько раз учитывается в разных кластерах, в основном во втором ярусе кластерной группы, что необоснованно увеличивает вес и размер кластеров.

Список литературы

1. Миролюбова Т.В., Карлина Т.В., Ковалева Т.Ю. Закономерности и факторы формирования и развития региональных кластеров. Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2013. 280 с.
2. Kovaleva T.Yu. Identification of leading branches in the economy of Perm territory as potential clusters // Экономика региона. 2012. № 1 (29). С. 181–186.
3. Миролюбова Т.В., Карлина Т.В., Ковалева Т.Ю. Идентификация региональных кластеров (на примере Пермского края) // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 6. С. 8–19.
4. Ковалева Т.Ю. Алгоритм идентификации и оценки кластеров в экономике региона // Вестник

Пермского университета. Сер.: Экономика. 2011. № 4 (11). С. 30–40.

5. Карлина Т.В. Идентификация ядер региональных экономических кластеров на основе анализа структурных сдвигов в условиях циклично развивающейся экономики // Вестник Пермского университета. Сер.: Экономика. 2011. № 4 (11). С. 18–29.

6. Портер М. Конкуренция. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. 608 с.

7. Enright M.J. Regional clusters and economic development: a research agenda. Boston: Harvard Business School, 1993. 756 p.

8. Feser E. Old and new theories of industry clusters (From the Selected Works of E.J. Feser). London: Pion, 1998. 27 p.

9. Feser E., Renski H., Koo J. Regional cluster analysis with interindustry benchmarks. 2009. URL: <http://www.urban.uiuc.edu/faculty/feser/Pubs/TRED,%20FRK.pdf> (дата обращения: 13.06.2015).

10. Humphrey J., Schmitz H. How does insertion in global value chains affect upgrading in industrial clusters? // Regional Studies. 2002. V. 36.9. P. 1017–1027.

11. Porter M.E. Location, competition and economic development: Local clusters in a global economy // Economic Development Quarterly. 2000. V. 14. № 1. P. 15–34.

12. Salami R. Institutional factors in regional innovation systems in industrial clusters. Using exploratory factor analysis. Technique case study: tile and ceramic industry.IT // Journals World Applied Programming. 2015. V. 5. № 2. P. 41–49.

13. Рассказова А.Н. Промышленный кластер: типовая модель и оценка // Проблемы машиностроения и автоматизации. 2011. № 2. С. 92–96.

14. Анисова Н. Развитие теории кластеров: типовая модель и примеры применения. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2014. 84 с.

15. Petersen K. Clusters and clustering policy: a guide for regional and local policy makers. 2010. URL: [http://cor.europa.eu/en/documentation/studies/Document s/Clusters-and-Clustering-policy.pdf](http://cor.europa.eu/en/documentation/studies/Document%20Clusters-and-Clustering-policy.pdf) (дата обращения: 05.03.2016).

16. Трофимова О.Н. К вопросу о формировании инновационных кластеров в региональной экономике // Вопросы управления. 2010. №2 (11). С. 54–63.

17. Миролюбова Т.В., Суханова П.А. Особенности создания организованного кластера информационно-коммуникационных технологий в Пермском крае // Вестник Пермского университета. Сер.: Экономика. 2013. № 4(19). С. 74–80.

18. Растворцева С.Н., Череповская Н.А. Идентификация и оценка региональных кластеров // Экономика региона. 2013. № 4. С. 123–133.

19. Yoo K.-Y. Method for Identifying industry clusters: Assessment of the state of the art. 2003. URL: <https://cdr.lib.unc.edu/indexablecontent/uuid:050985d2-38a1-481a-8e39-afaacc7069ce> (дата обращения: 01.03.2016).

20. Papadopoulou E. Applying Shift–Share analysis (SSA) on LEADER. Initiative local action groups in Greece. 2010. URL: http://www.rudi-europe.net/uploads/media/Case-study_Greece_2_01.pdf (дата обращения: 21.05.2015).

EVALUATION OF STRATEGIC POSITIONS OF REGIONAL CLUSTERS: METHODOLOGICAL TOOLS AND RESULTS OF THEIR IMPLEMENTATION (A CASE STUDY OF THE PERM KRAI ECONOMY)*T.Yu. Kovaleva*

Perm State University

In this paper, the author's original tools are proposed for evaluating the dynamics of clusters' strategic positions in the region. The tools permit to integrate the results of quantitative analysis of regional employment statistics and qualitative assessments concerning the formation of value-added chains. Main criteria of the efficiency of territorial cluster development are identified. They include the stable growth of the cluster size, weight and its index of localization, as well as the export, innovative and investment potential of a cluster structure. The methodological tools were tested on the basis of the Perm Krai industrial clusters. As a result of our research, leaders and outsiders among the clusters were identified, the vector of economic parameters changes of each cluster was determined. The analytical results may be of interest to the region's government for preparing regional cluster development programs.

Keywords: cluster, clustering processes, vector, methodological tools, strategic positions, cluster potential, matrix, efficiency, region, cluster policy.

УДК 338.24

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИЙ НА МЕЗОУРОВНЕ

© 2016 г.

Ч.А. Мисбахова

Казанский национальный исследовательский технологический университет

sveta516@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 24.06.2016**Статья принята к публикации 12.08.2016*

Представлен обзор основных институтов развития на мезоуровне, среди таковых выделены сети региональных инжиниринговых центров, кластеры, технологические платформы. Систематизированы специфика и стадии формирования отраслевых (секторальных) кластеров на мезоуровне. На примере технологической платформы текстильной и легкой промышленности с использованием инструментов эконометрического анализа выявлены ключевые макроэкономические тренды отрасли, проведен кластерный анализ структурообразующих видов деятельности секторов экономики. Предложена авторская классификация субъектов Российской Федерации по структуре затрат на исследования и разработки как важнейшему показателю институтов развития инноваций на мезоуровне. Выделены четыре ступени развития региональных центров инжиниринга как институтов развития инноваций в региональной инновационной системе.

Ключевые слова: институт развития, инновации, мезосистема, моделирование, технологическая платформа, инжиниринговый центр, кластер, диффузия инноваций, текстильная и легкая промышленность.

Введение

Институты развития инноваций на мезоуровне можно считать эффективными, если они генерируют общий экономический рост. К региональному экономическому росту приводит дифференциация секторов экономики в контексте взаимосвязанных разнообразных экономических платформ. Это происходит при наличии объединенных промышленных секторов, функционирующих в пределах территориальной близости [1]. Взаимная специализация способствует более быстрому росту и распространению инноваций в промышленной среде. В свою очередь, инновации обеспечивают внедрение новых технологий производства и товаров, используя существующие знания и институциональные активы. Таким образом, инновационная политика не должна ограничиваться отдельными секторами в целях достижения устойчивого развития, максимального использования региональных научных и технологических возможностей [2].

Развитие инноваций на мезоуровне должно осуществляться посредством различных механизмов передачи знаний. Устойчивую инновационную систему определяют системные связи между источниками знаний (университеты и научно-исследовательские институты), посредниками в передаче знаний (государственные и частные поставщики услуг) и фирмами. На стадии становления инновационного развития роль

посредников услуг выполняет государство с целью обеспечения поддержки финансирования, бизнес-консультаций и технологической экспертизы [3, 4].

В эффективных устойчивых инновационных системах, как правило, складывается позитивный деловой климат и относительно высокое качество жизни. Деловой климат обеспечивает привлечение иностранного бизнеса, поддержание «здорового» уровня для стимулирования саморазвития региональных производств. Высокое качество жизни и благополучная социальная среда необходимы для привлечения талантливых исследователей и перспективных работников [5].

Основным направлением государственного регулирования инновационной деятельности на мезоуровне считаем развитие и совершенствование деятельности системы рыночных институтов. Рыночные институты способствуют формированию инновационно-восприимчивой и инновационно ориентированной экономической среды. Характерными особенностями формируемой среды являются зарождение и диффузия технологических и управленческих нововведений [6].

Организационные и маркетинговые нововведения определяются внедрением новейших способов корпоративного управления и организации распределительной системы фирмы. Данные направления являются не менее важным фактором конкурентоспособности компании, совершенствования методов и форм организа-



Рис. 1. Стадии формирования отраслевых (секторальных) кластеров

ции производства, элементов маркетингового механизма. Внедрение данного типа инноваций влечет за собой преобразование стратегии бизнеса, освоение новых рынков сбыта, использование современных систем менеджмента качества и сертификации продукции по международным стандартам [7, 8].

Одним из перспективных и успешно развивающихся институтов развития инноваций на мезоуровне, способствующих диффузии инноваций, является кластер. Кластер включает в себя группу географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители и др.) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, исследовательские центры, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и взаимодействующих друг друга. Современный подход к формированию кластеров основан на партнерстве бизнеса, федеральных, региональных и местных властей [9, 10]. Государство заинтересовано в глобальной конкурентоспособности своей экономики, что выражается в оказании различных форм государственной поддержки в рамках реализации стратегий развития территорий.

В данном случае кластер выступает в роли технологической платформы как основы развития инноваций. Для определения контура кластера определены критерии вхождения предприятий в кластер с учетом концентрации производства профильной продукции, а также наличия у предприятия достаточного потенциала для реализации кластерных инициатив, требующих определенных финансовых затрат, адекватного восприятия инновационной и инве-

стиционной политики, использования инструментов промышленной кооперации (аутсорсинг, франчайзинг и т.д.), экспортной ориентации и т.д. (рис. 1).

Процесс формирования отраслевых (секторальных) кластеров включает три ступени:

I ступень – формирование непосредственно производственного блока кластера с учетом всех признаков и требований отраслевого (секторального) кластера;

II ступень – определение инфраструктурных подкластеров, т.е. организаций, оказывающих для предприятий кластера информационные, образовательные услуги, научную и финансовую поддержку;

III ступень – обозначение органов государственной и муниципальной власти, имеющих возможность оказания положительного (стимулирующего) влияния на развитие кластера.

Технологические платформы в России первоначально не рассматривались как одна из форм развития кластеров. Со временем платформы обрели не только отраслевую, но и территориальную направленность и получили возможность повышать уровень связей акторов инновационной системы в рамках кластера.

Как следует из обзора зарубежного опыта, стандартный европейский алгоритм формирования и работы технологических платформ включает три основных этапа. На первом определяются приоритеты, которые фактически задают тематику кластеров. На втором этапе разрабатываются «дорожные карты» платформ. На третьем начинается реализация проектов, в том числе исследований и разработок, которые финансируются из различных источников [11].

Каждая технологическая платформа имеет свои характеристики и операционную модель. Там, где платформы ориентированы на технологические вызовы, которые горизонтальны по своей природе, они обычно требуют включения широкого круга участников. Напротив, если платформы являются вертикально ориентированными, секторальными, они стремятся к меньшему числу заинтересованных лиц, привлекая других игроков только к отдельным аспектам. Кроме того, успешные технологические платформы с самого начала имеют четкий операционный фокус, поэтому исследовательская деятельность начинается с определенного плана.

В настоящее время в России функционирует более 30 технологических платформ в различных секторах экономики [12]: биоэнергетика, медицина, добыча и использование углеводородов, биотехнологии, текстильная и легкая промышленность и др. В условиях реализации политики импортозамещения особую актуальность приобретает развитие технологических платформ на мезоуровне в тех секторах экономики, которые ориентированы на устойчивый потребительский спрос и формирование региональных рыночных ниш. В качестве таковой может быть рассмотрена технологическая платформа текстильной и легкой промышленности как институт развития инноваций.

Анализ динамики развития технологических платформ текстильной и легкой промышленности за 2009–2014 гг. позволил выявить следующие тенденции¹ [13]. Наибольшие темпы роста товарооборота наблюдались в 2010 г., в частности для искусственных волокон данный показатель составил 114.2%, текстильной промышленности – 108.3%, всего по текстильной и легкой промышленности – 104.2%. Следует отметить, что в легкой промышленности наблюдалось снижение товарооборота (исключение составили 2011 г. – 102.7% и 2014 г. – 101.9%) (табл. 1).

В отдельных случаях исследователю необходимо в целом оценить структурные изменения в изучаемом экономическом явлении за определенный временной интервал, которые характеризуют подвижность или стабильность данной структуры. Как правило, это требуется для сравнения динамики одной и той же структуры в различные периоды или нескольких структур, относящихся к разным объектам. Во втором случае число структурных частей у разных объектов необязательно должно совпадать.

Среди применяемых для этой цели обобщающих показателей наиболее распространен *линейный коэффициент абсолютных структурных сдвигов*, представляющий собой сумму

приростов удельных весов, взятых по модулю, деленную на число структурных частей:

$$K_{c.c.} = \frac{\sum_{i=1}^n |b_i - a_i|}{n},$$

где i – порядковый номер отрасли; n – общее количество отраслей; a_i – удельный вес i -й отрасли в старой структуре, %; b_i – удельный вес i -й отрасли в новой структуре, %.

Этот показатель отражает то среднее изменение удельного веса (в процентных пунктах), которое имело место за рассматриваемый временной интервал в целом по всем структурным частям совокупности.

Структура товарооборота текстильной и легкой промышленности в разрезе ее укрупненных отраслей в рассматриваемый период изменялась следующим образом. Наибольшее изменение отмечалось в 2010 г., когда линейный коэффициент абсолютных структурных сдвигов составил 3.4 процентных пункта, преимущественно за счет сокращения доли текстильной промышленности на 5.1 процентных пункта (с 53.7% в 2009 г. до 48.6% в 2010 г.) и увеличения доли легкой промышленности на 4.6 процентных пункта (с 41.3% в 2009 г. до 45.9% в 2010 г.). В остальные периоды структура текстильной и легкой промышленности изменялась незначительно, о чем свидетельствует значение линейного коэффициента абсолютных структурных сдвигов, которое не превышало 0.6 процентных пункта. По итогам 2014 г. доля искусственных волокон в структуре товарооборота текстильной и легкой промышленности составила 5.9%, текстильной промышленности – 48.4%, легкой промышленности – 45.7% (табл. 2).

При анализе тенденций развития текстильной и легкой промышленности представляется целесообразным провести *декомпозицию товарооборота* данного сектора экономики. В основе метода декомпозиции лежит изменение структуры и темпов роста товарооборота по отрасли в целом и ее составляющих подотраслей. Так, наибольшее снижение товарооборота текстильной и легкой промышленности наблюдалось в 2012 г. – наибольшее понижение в рассматриваемый показатель внесли текстильная промышленность (–1.8%) и легкая промышленность (–1.4%), понижающий вклад производства искусственных волокон составил –0.3%. По итогам 2014 г. все три рассматриваемые подотрасли обеспечили положительный вклад в товарооборот: текстильная промышленность – 1.4%, легкая промышленность – 0.9%, производство искусственных волокон – 0.2% (табл. 3).

Таблица 1

**Темпы роста товарооборота подотраслей текстильной и легкой промышленности
(в процентах к предыдущему году)**

Годы	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Всего	84.4	104.2	104.0	96.5	98.8	102.4
Искусственные волокна	70.9	114.2	106.4	95.0	105.9	102.8
Текстильная промышленность	83.2	108.3	105.0	96.3	99.9	102.8
Легкая промышленность	85.6	99.2	102.7	97.0	96.7	101.9

Таблица 2

Динамика структуры текстильной и легкой промышленности, %

Подотрасли	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Искусственные волокна	5.0	5.5	5.6	5.8	6.1	5.9
Текстильная промышленность	53.7	48.6	48.9	48.8	49.0	48.4
Легкая промышленность	41.3	45.9	45.4	45.4	44.9	45.7
Линейный коэф. абсолютн. структ. сдвигов (п.п.)	x	3.4	0.3	0.1	0.4	0.6

Таблица 3

Декомпозиция товарооборота подотраслей текстильной и легкой промышленности, %

Подотрасли	2010	2011	2012	2013	2014
Искусственные волокна	0.7	0.4	-0.3	0.3	0.2
Текстильная промышленность	4.5	2.4	-1.8	0.0	1.4
Легкая промышленность	-0.3	1.2	-1.4	-1.5	0.9

Анализ динамики индекса производства и товарооборота текстильной и легкой промышленности в сравнении с базовым 2005 г. показал, что для текстильной промышленности начиная с 2012 г. характерна тенденция увеличения темпов роста товарооборота при снижении индекса производства. Так, в 2014 г. темп роста товарооборота текстильной промышленности к базе сравнения 2005 г. составил 103.8%, а индекс производства – 95.3%. В легкой промышленности в 2009–2014 гг. отмечается сокращение товарооборота и индекса производства в сравнении с базовым 2005 г. По итогам 2014 г. темп снижения товарооборота легкой промышленности составил 96.5%, индекс производства – 85.9% (рис. 2).

Для целей научного исследования особый интерес представляет проведение кластеризации ключевых секторов экономики исходя из тенденций их развития. В качестве приоритетных секторов экономики, на базе которых происходит развитие технологических платформ, выделены:

- текстильная промышленность;
- легкая промышленность;
- химическая промышленность;
- металлургическая промышленность;
- компьютерные технологии и электроника;
- производство машин и оборудования;
- производство автомобилей.

Динамика товарооборота указанных отраслей в сравнении с базовым 2005 г. представлена

в таблице 4. Обращает на себя внимания тот факт, что легкая промышленность, металлургическая промышленность и компьютерные технологии и электроника в последние годы характеризуются отрицательными темпами снижения товарооборота – значения соответствующих индексов в 2014 г. составили 96.5%, 99.8% и 90.2%. Положительное поступательное развитие наблюдается, прежде всего, в производстве машин и оборудования, а также в производстве автомобилей – 116.9% и 118.9% соответственно в 2014 г.

В результате проведения кластерного анализа (с использованием программного продукта Statistica; метод К-средних) были выделены 3 кластера ключевых отраслей экономики, имеющих и внедряющих технологические платформы:

- кластер 1 – текстильная промышленность, легкая промышленность, компьютерные технологии и электроника;
- кластер 2 – производство машин и оборудования, производство автомобилей;
- кластер 3 – химическая промышленность, металлургическая промышленность (табл. 5).

Динамика темпов роста товарооборота по трем кластерам представлена на рисунке 3.

Первый кластер, включающий текстильную и легкую промышленность, а также компьютерные технологии и электронику, в период 2008–2014 гг. характеризуется сокращением

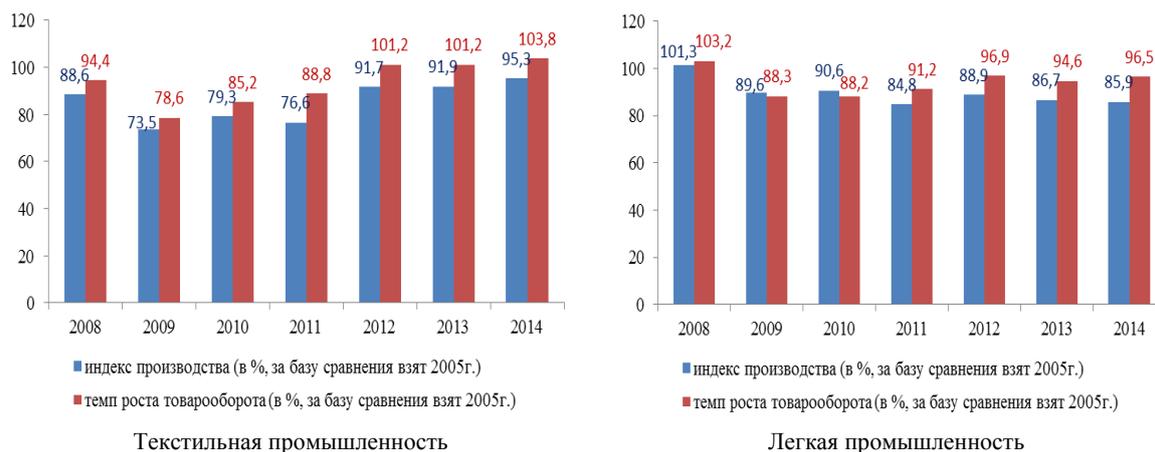


Рис. 2. Динамика индекса производства и темпов роста товарооборота текстильной и легкой промышленности

Таблица 4

Темп роста товарооборота по укрупненным отраслям промышленности (2005 г. принят за базовый), %

Отрасль	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Текстильная промышленность	94.4	78.6	85.2	88.8	101.2	101.2	103.8
Легкая промышленность	103.2	88.3	88.2	91.2	96.9	94.6	96.5
Химическая промышленность	118.2	96.7	112.9	124.8	110.6	105.7	104.6
Металлургическая промышленность	133.6	84.8	110.0	125	105.9	99.7	99.8
Компьютерные технологии и электроника	104.8	83.6	91.4	89.8	99.1	88.4	90.2
Производство машин и оборудования	129.3	100.8	109.6	112.4	115.3	114.5	116.9
Производство автомобилей	108.7	84.8	100.6	111	108.9	111.4	118.9

товарооборота, темп снижения в среднем составил 92.1% (табл. 6).

Наиболее динамичное развитие за рассматриваемый период характерно для кластера 2, где сосредоточены виды экономической деятельности «производство машин и оборудования» и «производство автомобилей», – средний темп роста товарооборота сложился на уровне 110.2% (табл. 7).

Кластер 3, объединяющий химическую и металлургическую промышленность, демонстрировал средние темпы роста товарооборота – 109.4% в год (табл. 8). При этом следует отметить, что с 2011 г. средние темпы роста данного показателя показывают тенденцию к снижению.

Уровень инновационной активности промышленных производств, развития технологических площадок, инжиниринговых центров существенно различается по регионам Российской Федерации. Об этом можно судить по числу созданных или разработанных передовых производственных технологий, а также по структуре затрат на исследования и разработки

(фундаментальные и прикладные исследования, разработки). Наличие в структуре затрат значительных отчислений на фундаментальные исследования (более 50%) свидетельствует о преобладании в регионе первичной научно-теоретической стадии развития науки и инноваций. Значительные отчисления на прикладные исследования и разработки (более 50%) характеризуют региональную инновационную систему как способную к практическому использованию фундаментальных знаний, что, возможно, определено наличием сети инжиниринговых центров, технологических платформ, кластеров и т.п. [14].

Таким образом, по распределению затрат в структуре расходов на исследования и разработки можно предположить приоритеты или степень развития науки в регионе: фундаментальная или прикладная стадия.

Самая многочисленная первая группа регионов с долей затрат на фундаментальные исследования менее 25% и, соответственно, долей затрат на прикладные исследования и разработки более 75% [15]. Целесообразно заключить,

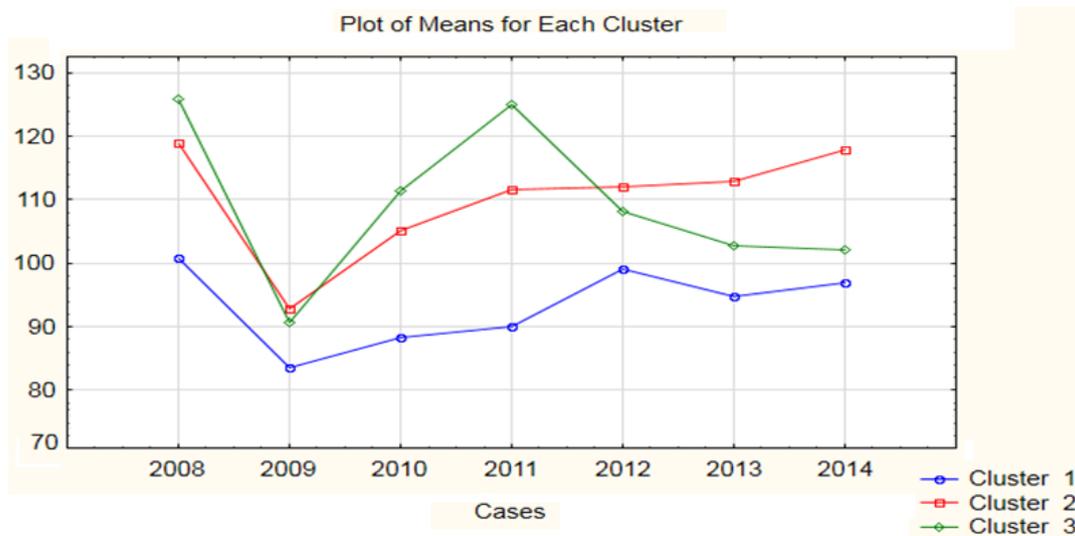


Рис. 3. Динамика темпов роста товарооборота по трем кластерам (в %)

Таблица 5

**Дистанция объединения в кластеры
(расстояние от центра соответствующего кластера)**

Отрасль	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
Текстильная промышленность	4.936196		
Легкая промышленность	2.243474		
Компьютерные технологии и электроника	3.963384		
Производство машин и оборудования		5.404661	
Производство автомобилей		5.404661	
Химическая промышленность			4.089839
Металлургическая промышленность			4.089839

Таблица 6

Дескриптивная статистика для кластера 1, %

	Среднее значение	Среднеквадратическое отклонение	Дисперсия
2008	100.8	5.6	31.4
2009	83.5	4.9	23.5
2010	88.3	3.1	9.6
2011	89.9	1.2	1.5
2012	99.1	2.2	4.6
2013	94.7	6.4	41.0
2014	96.8	6.8	46.3

Таблица 7

Дескриптивная статистика для кластера 2, %

	Среднее значение	Среднеквадратическое отклонение	Дисперсия
2008	119.0	14.6	212.2
2009	92.8	11.3	128.0
2010	105.1	6.4	40.5
2011	111.7	1.0	1.0
2012	112.1	4.5	20.5
2013	113.0	2.2	4.8
2014	117.9	1.4	2.0

что в регионах данной группы достаточно сформирована сеть инжиниринговых центров как институтов развития инноваций, позволяющих осуществлять переход от экспериментальных исследований, демонстрирующих возможности реализации полезного эффекта в

определенной технологии или в виде определенного продукта, к промышленным образцам. Как альтернатива – наблюдается закупка технологий под ключ крупными предприятиями мезосистем. В данную группу входят промышленно развитые регионы с высокой

Таблица 8

Дескриптивная статистика для кластера 3, %

	Среднее значение	Среднеквадратическое отклонение	Дисперсия
2008	125.9	10.9	118.6
2009	90.8	8.4	70.8
2010	111.5	2.1	4.2
2011	124.9	0.1	0.0
2012	108.3	3.3	11.0
2013	102.7	4.2	18.0
2014	102.2	3.4	11.5

Таблица 9

Классификация субъектов Российской Федерации по структуре затрат на исследования и разработки

Регионы Российской Федерации	Среднее значение по группе, %		
	Доля затрат на исследования		Доля затрат на разработки
	фундаментальные	прикладные	
1-я группа – доля затрат на фундаментальные исследования менее 25%			
41 регион Тульская, Самарская, Ульяновская, Тверская, Челябинская, Пензенская, Воронежская, Нижегородская, Курская, Чувашская, Новгородская, Тюменская, Костромская, Пермский, Волгоградская, Омская, Кировская, г. Санкт-Петербург, Псковская, Ленинградская, Красноярский, Рязанская, Ростовская, Липецкая, Калужская, Татарстан, Ярославская, Курганская, Московская, Тамбовская, Башкортостан, г. Москва, Астраханская, Свердловская, Брянская, Саратовская, Краснодарский, Белгородская, Ставропольский, Мордовия, Томская	11.9	20.7	67.4
2-я группа – доля затрат на фундаментальные исследования от 25% до 50%			
13 регионов Новосибирская, Вологодская, Орловская, Сахалинская, Оренбургская, Марий Эл, Кабардино-Балкарская, Удмуртская, Ивановская, Калининградская, Коми, Хабаровский, Кемеровская	38.3	32.6	29.1
3 группа – доля затрат на фундаментальные исследования от 50% до 75%			
17 регионов Забайкальский, Адыгея, Иркутская, Хакасия, Магаданская, Северная Осетия – Алания, Калмыкия, Мурманская, Еврейская автономная, Смоленская, Камчатский, Приморский, Алтай, Дагестан, Амурская, Саха (Якутия), Карелия	61.1	25.5	13.4
4-я группа – доля затрат на фундаментальные исследования более 75%			
5 регионов Чеченская, Бурятия, Гыва, Карачаево-Черкесская, Чукотский автономный округ	89.5	8.2	2.3

деловой активностью, развитой инновационной инфраструктурой (табл. 9).

Во вторую и третью группу вошли регионы, обладающие научным потенциалом, развивающиеся промышленные и научные центры. В данном случае научно-теоретические разработки доминируют, так что следующая степень развития инновационной системы должна быть направлена на формирование инфраструктуры, создание центров инжиниринга и т.п.

Регионы четвертой группы находятся на начальной фундаментальной стадии инновационного развития, когда незначительные финансовые ресурсы направляются на получение новых

знаний и фактически отсутствует диффузия инноваций.

Критерием уровня развития региональных центров инжиниринга являются разработка и использование передовых производственных технологий. Анализ динамики передовых производственных технологий в течение 10 лет, т.е. за период с 2003 по 2013 год, по регионам России позволяет выделить 4 группы субъектов федерации, имеющих определенный вектор инновационного развития и степень формирования инжиниринговых центров.

Таким образом, исследование субъектов Российской Федерации позволило определить четыре группы регионов, классифицируемых по

Ступень развития инжиниринга в регионах России	Уровень развития инжиниринга	Эффективность работы центров инжиниринга	Динамика разработанных передовых производственных технологий	Приоритеты или ступень развития науки в регионе: фундаментальная или прикладная стадия
1-я ступень (18 регионов)	Отсутствие или стадия становления сети инжиниринговых центров	Неэффективная организация работы центров	Отсутствие разработанных передовых производственных технологий в 2003–2013 гг.	В структуре затрат на исследования и разработки 10–35% направлены на прикладные исследования и разработки
2-я ступень (14 регионов)	Относительно низкий уровень развития инжиниринга	Неэффективная организация работы центров	Сокращение числа разработанных передовых производственных технологий в 2003–2013 гг.	В структуре затрат на исследования и разработки 35–50% направлены на прикладные исследования и разработки
3-я ступень (32 региона)	Средний уровень развития инжиниринга	Эффективная организация работы центров инжиниринга	Увеличение числа разработанных передовых производственных технологий в 2003–2013 гг. в 1.1 – 3 раза	В структуре затрат на исследования и разработки 50–70% направлены на прикладные исследования и разработки
4-я ступень (25 регионов)	Относительно высокий уровень развития инжиниринга	Эффективная организация работы центров инжиниринга	Увеличение числа разработанных передовых производственных технологий в 2003–2013 гг. в 3 и более раза	В структуре затрат на исследования и разработки 70–90% направлены на прикладные исследования и разработки

Рис. 4. Четыре ступени развития региональных центров инжиниринга в Российской Федерации

уровню развития инжиниринга как института развития инноваций, с характерными для данной ступени развития параметрами и особенностями. Распределение регионов по ступеням развития достаточно равномерное и обусловлено в первую очередь экономическим и научным потенциалом и текущим уровнем социально-экономического развития (рис. 4).

Таким образом, в качестве приоритетных институтов развития инноваций на мезоуровне предложено рассматривать технологические платформы, кластерные технологии, сети инжиниринговых центров. Предложен методический подход к оценке уровня развития и эффективности функционирования региональных инжиниринговых центров, который по сравнению с другими подходами больше ориентирован на оценку интенсивности разработки передовых производственных технологий и развитие способности мезосистем к практическому использованию фундаментальных знаний.

Примечания

1. Рассчитано и апробировано автором по данным: European Apparel and Textile Confederation. Annual report (2009–2014 гг.).

Список литературы

1. Гольберг В.В. Структурная модель инновационного процесса // Наука. Инновации. Образование. 2008. Вып. 6. С. 212.
2. Шматко А.Д. Развитие малых инновационных предприятий в академических институтах в условиях формирования технологических платформ // Интеллектуальная собственность. Промышленность. Научно-практический журнал. 2014. № 8. С. 35–42.
3. Шинкевич А.И., Галимулина Ф.Ф., Мисбахова Ч.А. Модели диффузии инноваций в контексте неинституциональной теории // Экономический вестник Республики Татарстан. 2015. № 2. С. 32–48.
4. Лубнина А.А., Мисбахова Ч.А., Галимулина Ф.Ф. Предпосылки возникновения институциональных ловушек в рамках инновационного процесса в России // Экономический вестник Республики Татарстан. 2015. № 3. С.11–15.
5. Комков Н.И., Иващенко Н.И. Институциональные проблемы освоения // Проблемы прогнозирования. 2009. № 5. С. 21–34.
6. Rogers E. Diffusion of Innovations. 4th ed. Simon and Schuster, 2010. 518 p.
7. Дежина И.Г. Технологические платформы и инновационные кластеры: вместе или порознь? М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 124 с.
8. Княгинин В.Н. Потенциал России на глобальном рынке инжиниринговых услуг // Материалы к совеща-

нию по вопросу развития инжиниринговых центров в России [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/media/files/2013/05/17/Кнуагинин.pdf> (дата обращения: 15.10.2015).

9. Перова В.И., Ласточкина Е.И. Нейросетевое моделирование динамики инновационной деятельности в регионах Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 3 (39). С. 49–58.

10. Сметана В.В. Инжиниринг в концепции промышленной политики [Электронный ресурс]. URL: <http://igduran.ru/files/agn/bergrat/present2014/smetana.pdf> (дата обращения: 02.02.2016).

11. Козак С. Технологические платформы как основа инновационного развития // Торгово-промышленные ведомости. 14.09.2012 [Электронный ресурс]. URL: http://trp-inform.ru/analytic_journal/2708.html (дата обращения: 28.09.2015).

12. Технологические платформы России и Европы: перспективы сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/news/recent/56760942.html> (дата обращения: 15.01.2015).

13. Evaluation Best Practices and Results: The Advanced Technology Program. U.S. Department of Commerce, Technology Administration, NIST, Advanced Technology Program [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atp.nist.gov/eao/ir05-7174/nistir05-7174.pdf> (дата обращения: 13.12.2015).

14. Лукша О.П. Европейские технологические платформы: возможности использования европейского опыта для создания нового инструмента содействия инновационному развитию российской экономики // Инновации. 2010. № 9. С. 34–41.

15. Материалы сайта Росстата [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 14.04.2016).

ECONOMETRIC MODELING OF INNOVATION DEVELOPMENT INSTITUTIONS AT THE MESOLEVEL

Ch.A. Misbakhova

Kazan National Research Technological University

The article presents an overview of the main development institutions at the mesolevel, including the networks of regional engineering centers, clusters, technology platforms. The author systematizes specific features and stages of formation of branch (sectoral) clusters at the mesolevel. By using the tools of econometric analysis in relation to the technology platform «Textile and Light Industry» taken as an example, we reveal key macroeconomic trends in this sector of industry and perform cluster analysis of structure-forming activity types in the sector. The author's classification is proposed of the subjects of the Russian Federation with respect to the structure of research and development costs as the most important indicator for the innovation development institutions at the mesolevel. Four stages in the development of regional engineering centers as innovation development institutions in the regional innovation system are identified.

Keywords: development institution, innovation, mesosystem, modeling, technology platform, engineering center, cluster, diffusion of innovations, textile and light industry.

УДК 330.117

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ КАК ОСНОВА МЕТОДОЛОГИИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

© 2016 г.

*В.И. Степанов,¹ О.Ю. Миргородская²*¹Сибирский федеральный университет, Красноярск²Сибирский государственный технологический университет, Красноярск

cdb104@ya.ru

*Статья поступила в редакцию 22.06.2016**Статья принята к публикации 12.08.2016*

Рассмотрена возможность построения на основе теории экономических механизмов справедливой системы распределения вновь созданной стоимости между работодателями и наёмными работниками. Исследована сущность процесса распределения добавленной стоимости с учётом предпочтений работодателей и наёмных работников. Актуализируется вопрос о неравных позициях взаимодействующих агентов при заключении трудовых контрактов. Рассмотрены аспекты применения теории экономических механизмов как научной основы согласования экономических интересов наёмных работников и работодателей. Предложена рейтинговая модель в качестве основы конструирования справедливого механизма распределения добавленной стоимости.

Ключевые слова: добавленная стоимость, экономический стимул, работодатель, наёмный работник, теория экономических механизмов.

Введение

Как известно, добавленной (вновь созданной) стоимостью называют часть стоимости продукта, созданного в организации, а валовая добавленная стоимость суммируется по видам экономической деятельности и участвует в расчете валового внутреннего продукта (ВВП) страны. Основными элементами добавленной стоимости являются расходы на заработную плату наёмных работников и прибыль. Распределение добавленной стоимости (а также ВВП) между субъектами экономических отношений – собственниками (работодателями) и наёмными работниками – представляет особый интерес для решения социальных целей, т.к. заработная плата является основным источником доходов большинства наёмных работников.

В настоящее время распределение добавленной стоимости снижает социальное измерение экономики России, поскольку, по выражению президента РФ В.В. Путина, «социальное самочувствие рабочих – тех, кто является стержнем любой экономики» представляет значимую проблему. В статье «Строительство справедливости. Социальная политика для России» он отмечает: «Давно миновало время, когда рабочие могли иметь низкий уровень жизни, низкий уровень образования... Между тем некоторые владельцы и менеджеры предприятий продолжают вести себя так, будто на дворе начало прошлого века. Как будто можно утвердиться на

рынке за счет экономии на работниках... Надо вместе с профсоюзами изучить возможность законодательно расширить участие рабочих в управлении предприятиями. Такое участие практикуется – например, в Германии в форме так называемых производственных советов» [1].

Современные исследователи острых проблем человечества включают в качестве одного из основных ориентиров поиск ответа на вопрос «как разрешить нарастающие проблемы в экономической и социальной сферах и устранить факторы, породившие такие самовоспроизводящиеся проблемы, как ужасающее неравенство в доходах, бедность и нищета на глобальном и национальных уровнях» [2].

В предлагаемой работе приведены оценки ведущими отечественными и зарубежными экономистами справедливости существующей системы распределения доходов и рассмотрена возможность снижения неравенства в распределении доходов путём согласования экономических интересов работодателей и наёмных работников на основе методологии конструирования экономических механизмов для реализации социальных целей.

Рост неравенства в распределении доходов и точка зрения экономистов на соотношение труда и капитала во вновь создаваемой стоимости

Проблеме распределения доходов уделяют внимание российские и зарубежные исследова-

тели. Самой распространённой оценкой неравенства является коэффициент Джини, предложенный в 1912 г. [3]. При равных заработках он равен нулю и увеличивается в пределе до единицы при концентрации заработков в отдельных подгруппах работников. В России за период 1992–2013 гг. коэффициент Джини вырос с 0.289 до 0.419 [4]. Это свидетельствует о существенном увеличении социально-экономического расслоения российского общества. Принимая во внимание увеличение в этом периоде ВВП в абсолютном исчислении, можно согласиться с мнением Джозефа Стиглица, что «увеличение ВВП выгодно только верхушке» [5]. Аналогичная позиция и у лауреата Нобелевской премии П. Кругмана, отметившего в отзыве на книгу Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке», что после 1980 г. львиную долю доходов стали получать граждане, которые стоят в верхней части шкалы распределения доходов, а семьи, расположенные в нижней части этой шкалы, по уровню дохода стали сильно отставать [6].

Другой показатель социального неравенства – децильный коэффициент фондов – свидетельствует, что, по официальным данным, средние уровни денежных доходов наиболее богатой группы населения превышают более чем в 16 раз денежные доходы первой (беднейшей) группы. Следует отметить, что официальные выборки не отражают реальную ситуацию, поскольку из неё выпадают люди с самыми высокими, в частности высший менеджмент, и самыми низкими доходами, а «в российском Обследовании заработной платы по профессиям в выборку не включаются первые лица предприятия» [3, с. 539]. Кроме того, выборки «цензурятся сверху, т.е. всем заработкам выше установленной максимальной величины присваивается значение, равное этой величине, что ведёт к искусственному занижению размаха вариации» [3, с. 539]. Это позволило академику РАН, директору Института социологии РАН М.К. Горшкову сообщить, что наряду с данными официальной статистики существуют и неофициальные данные, чаще всего получаемые методом массовых опросов. Согласно таким данным, фактический децильный коэффициент составлял 28–30 раз в 2013 г. [7].

Теоретические основы распределения добавленной стоимости были сформулированы в трудах классиков экономической науки. А. Смит в труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» утверждал: «Стоимость, которую рабочие прибавляют к стоимости материалов, распадается сама... на две части, из которых одна идет на оплату их заработной платы, а другая — на оплату прибыли их предпринима-

теля на весь капитал, который он авансировал в виде материалов и заработной платы» [8].

Проблема распределительных отношений касается не только России и отражена в докладах Международной организации труда (МОТ). В докладе МОТ «Заработная плата в мире в 2012–2013 гг.» отмечается значительное влияние размеров выплачиваемых дивидендов на соотношение труда и капитала во вновь создаваемой стоимости: «В развитых странах прибыль нефинансовых корпораций чаще всего относилась на выплату дивидендов, которые в 2007 году составляли 35% прибыли, что вынуждало компании сокращать долю добавленной стоимости, расходуемую на оплату труда» [9].

Современные экономисты отмечают, что работодателям, как субъектам рыночной экономики, имманентно свойственно стремление увеличить свою долю в добавленной стоимости, нарушая экономические интересы наёмных работников. Академик РАН А.И. Татаркин приводит мнение академика РАН В.Л. Макарова о том, что менеджер, бизнесмен всегда будет «стремиться получить прибыль» [10]. Более категоричен Р. Басария, утверждающий, что «если вследствие определенной ситуации на рынке собственник какого-либо фактора производства присваивает большую долю созданных ценностей (национального дохода), чем это было бы возможно в условиях свободной конкуренции, исходя из производительности соответствующих факторов, то это и будет эксплуатацией, или неправомерным присвоением» [11].

Следовательно, специфика рыночной экономики, определяющая противоположность экономических интересов хозяйствующих субъектов, требует создания общепризнанной научной методологии гармоничного согласования этих интересов для уменьшения неправомерного присвоения и обеспечения условий их бесконфликтного сосуществования. Поэтому важно построить такой механизм регулирования распределительных отношений, который бы стимулировал обе стороны – и наёмных работников, и собственников – увеличивать добавленную стоимость, а не наращивать свои доходы за счёт другой стороны.

Теория экономических механизмов как основа методологии распределения добавленной стоимости

Проблему справедливого распределения добавленной стоимости можно рассматривать как задачу согласования стимулов хозяйствующих субъектов и формирования механизма рационального распределения ресурсов. С точки зре-

ния современной теории эту проблему можно представить как один из вариантов организации стратегического взаимодействия экономических субъектов в условиях неполной информации. В общем случае речь идет о теоретическом осмыслении следующей ситуации [12]. Необходимо создать механизм, придумать единые правила, обеспечивающие достижение желаемого результата или социальной цели при определенных обстоятельствах. Однако сами обстоятельства разработчику неизвестны. Эта постановка проблемы, кажущаяся совершенно абстрактной, но имеющая огромное теоретическое и прикладное значение, потребовала многолетних усилий основоположников теории экономических механизмов: Л. Гурвица, сформулировавшего постановку задачи, Р. Майерсона и Э. Маскина, создавших аппарат и получивших основные результаты. За решение этой проблемы, за «основополагающий вклад в теорию экономических механизмов» Нобелевская премия по экономике за 2007 г. вручена Лео (Леониду) Гурвицу (Leo Hurwicz), Роджеру Майерсону (Roger Myerson) и Эрику Маскину (Eric Maskin).

Рассмотрим приложение наиболее известных результатов теории экономических механизмов к методологии справедливого распределения добавленной стоимости.

Понятие «механизм» применяют к любому взаимодействию между экономическими субъектами и рассматривают такое взаимодействие как стратегическую игру, называя механизмом саму форму игры. Формулировка, предложенная Л. Гурвицем, определяет механизм как взаимодействие между субъектами и центром, состоящее из трёх стадий: каждый субъект в частном порядке посылает центру сообщение, центр, получив сообщение, вычисляет предполагаемый результат, объявляет его и, по необходимости, претворяет его в жизнь [12, с. 6]. Л. Гурвиц сформулировал задачу формального анализа механизмов в терминах теории игр между агентами с их частными интересами, а анализ эффективности экономических механизмов свел к анализу эффективности равновесий в этих играх. Кроме того, ему принадлежит определение понятия совместимости по стимулам (incentive compatibility) – ключевого свойства оптимального механизма, согласно которому агенты с ненаблюдаемыми характеристиками должны быть заинтересованы выбирать ту стратегию поведения (тот контракт), которая предназначена именно для них. «Это условие является не чем иным, как удобной трактовкой предположения о рациональности экономических субъектов: каждый выбирает то, что он считает лучшим для себя» [12, с. 8]. Л. Гурвиц

также предложил механизм, способный устранять несовершенства экономических механизмов. Таковым является наличие органа власти или совета участников коллектива, ответственных за выбор механизма распределения и его эффективность. Этот механизм должен объединять мотивационную составляющую рыночной системы и контролирующую составляющую плано-административной системы.

Особой сферой применения своей теории Л. Гурвиц в телефонном интервью Нобелевскому комитету назвал «социальное обеспечение» [13].

Эрик Маскин создал теорию конструирования экономических механизмов, которую он рассматривает как «инженерную» сторону экономической теории реализации механизмов».

Основные положения своей теории реализации Э. Маскин изложил на международной научной конференции ГУ ВШЭ в докладе «Конструирование экономических механизмов: как реализовать социальные цели» [14]. Он считает, что конструирование экономических механизмов начинается с определения желаемого результата или социальной цели и критериев оценки оптимальности решения, которые зависят от постановки задачи, от контекста. Например, если социальная цель состоит в том, чтобы обеспечивать производство общественных благ, решение будет состоять из определенного количества таких благ. Критерий желательности или оптимальности полученного решения при оценке созданного механизма выбора того или иного общественного блага «часто выглядит так: максимизирует ли решение относительно этого общественного блага получаемую в целом выгоду за вычетом затрат на предоставление этого блага?» [14]. Механизм сделки между продавцом и покупателем (например, дома) «обычно оценивают как оптимальный, если он исчерпывает потенциальную выгоду от сделки между сторонами, т.е. требования к дому и плата одновременно являются Парето-оптимальными и индивидуально-рациональными» [14].

При создании методологии распределения добавленной стоимости желаемый результат должен обеспечивать справедливое распределение добавленной стоимости между двумя группами хозяйствующих субъектов, двумя подсистемами предприятия, включающими с одной стороны работников производительного труда, с другой – работодателей и высший менеджмент. Критерием оценки оптимальности распределения добавленной стоимости может служить соотношение доходов в валовой добавленной стоимости, согласованное с экономическими интересами обозначенных групп. В терминах трудовой теории стоимости соотношение

этих величин будет характеризовать уровень нормы прибавочной стоимости.

Определив цель и критерий оценки дизайна механизма, далее рассматривают возможность сконструировать соответствующий механизм и как он должен выглядеть, чтобы обеспечить достижение поставленной цели. Поскольку конструкторам механизма неизвестно оптимальное решение в каждом конкретном случае, то методология предусматривает генерирование необходимой информации при непосредственном применении механизма. Для этого к механизму предъявляются определенные требования, обеспечивающие реализацию механизма, согласованного по стимулам участников. Эти требования являются результатами исследований Э. Маскина и представлены в форме теорем.

Теорема 1. «Если правило коллективного выбора реализуемо, то оно должно быть монотонно» [14, с. 16]. Эрик С. Маскин обнаружил, что свойство, называемое монотонностью (теперь иногда называемое монотонностью по Маскину), является ключевым для реализуемости в равновесиях Нэша. Э. Маскин это свойство описывает следующим образом: «вариант a оптимален при состоянии Θ в соответствии с рассматриваемым правилом коллективного выбора f , т.е. $f(\Theta) = a$. Тогда, если a не опускается (имеет больший ранг) ни в чем ранжировании, относящемся к любой другой альтернативе при переходе от состояния Θ к состоянию Θ' , монотонность требует, чтобы a также был оптимален при состоянии Θ' . Однако если a опускается по отношению к некоторому варианту b в чем-то ранжировании, монотонность не налагает никаких ограничений». Реализуемость в равновесиях Нэша означает наличие спецификации стратегий (по одной для каждого участника), от которых ни один участник не склонен отклоняться в одностороннем порядке, поскольку стороны имеют такие стимулы, определяемые механизмом, которые заставляют их действовать в интересах друг друга и для достижения единой оптимальной цели.

Теорема 2. «Допустим, что имеется не меньше трех индивидуумов. Если правило коллективного выбора удовлетворяет условиям монотонности и отсутствия права вето, то оно реализуемо». Теорема 2 формулирует дополнительное условие, гарантирующее согласование стимулов. Это дополнительное условие называется отсутствием права вето. Э. Маскин описывает право вето следующим образом: «Допустим, что все индивидуумы, за исключением одного, согласились, что определенный вариант a является лучшим, т.е. они помещают a в начало своего списка предпочтений. Тогда, если пра-

вило коллективного выбора удовлетворяет условию отсутствия права вето, a должен быть оптимальным. Другими словами, оставшийся индивидуум не может наложить вето на коллективное решение».

Формулировку механизма, данную Л. Гурвицем, и теорему 2 Э. Маскина можно считать теоретическим обоснованием участия государства в регламентации и реализации правил распределения добавленной стоимости в условиях рыночной экономики.

Роль государства в формировании справедливого механизма распределения доходов

Академик Е. Примаков, оппонировав российским неолибералам, утверждающим, что «свободная игра экономических сил, а не государственное планирование, обеспечивает социальную справедливость», отмечал: «без государственного индикативного планирования экономического роста (конечно, не директивного) вообще невозможно преодолеть отставание в жизненном уровне населения от развитых западных стран. А такое отставание несомненно существует. Имеет место и огромное неравенство в доходах. По данным, приведенным в исследовании Global Wealth Report 2013, опубликованном на сайте международной финансовой корпорации Credit Suisse Group, 110 российских миллиардеров контролируют 35% всех активов» [15].

Академик РАН А.И. Татаркин также считает, что преимущественно рыночный подход к регулированию социально-экономического развития не является эффективным и результативным, и предлагает смешанный вариант регулирующего воздействия государства, объединяющий рыночное и плановое регулирование для поддержания «в единстве всех существующих и действующих в обществе форм, институтов и моделей» [10].

О необходимости усилить роль государства для создания справедливых социальных институтов в сфере распределительных отношений и проведения адекватной государственной политики, способной оказать влияние на создание справедливого распределения добавленной стоимости, отмечал Генеральный директор МОТ Гай Райдер в докладе «Заработная плата и неравенство доходов»: «Необходимо сосредоточить усилия на продуктивной экономике и принять на себя твердые обязательства инвестировать в людей, профессиональные навыки и рабочие места, преодолевать экономическое неравенство» [16].

Профессор М.Ю. Малкина приводит мнение одного из представителей современной этиче-

ской экономики Р.Т. Джорджа о неприемлемости рыночного подхода к рабочей силе и необходимости справедливых социальных институтов: «Система, допускающая «все, что фиксирует рынок», неприемлема с нравственной точки зрения. Чисто рыночный подход к рабочей силе – и к заработной плате как ее цене – не годится... Теория должна предусмотреть ограничение рыночных сил посредством установления таких социальных институтов, которые были бы приемлемы для разумных участников системы, вооруженных надлежащими знаниями» [17].

В качестве основного института регулирования отношений субъектов рынка труда обычно рассматривается заключаемый между ними контракт. Переговорные позиции работника и работодателя по структуре заключаемого контракта определяет институциональная среда. Как правило, она складывается не в пользу наемных работников, поскольку предприниматель и наемный работник согласовывают свои экономические интересы в неравных условиях. Наемный работник заключает трудовую сделку в основном в силу желания удовлетворить первичные, самые неотложные потребности, а конъюнктура свободного рынка в целом почти всегда более выгодна для капиталиста, чем для рабочего. Поэтому даже при равновесии спроса на труд и предложения труда в условиях чистых рыночных отношений существует определенная несправедливость в распределительных отношениях. Предприниматель обычно добивается большего, чем по справедливости полагается ему на капитал (а также на свой труд и дарование), рабочий же вынужден уступить часть того, что ему полагается за труд [9]. Это возможно путём создания общественного механизма распределения добавленной стоимости, учитывающего стимулы работодателя и наёмных работников, как собственников важного фактора производства.

Об опасности возникновения конфликтного равновесия при наличии высокого неравенства в распределении доходов свидетельствуют результаты исследования теоретико-игровой модели взаимодействия двух классов общества – элит и масс, отличающихся друг от друга долей совокупного богатства, которой они владеют, долей в населении, а также доступом к власти и принятию политических решений [18]. Полученные результаты говорят о том, что высокое неравенство между элитой и массами создает предпосылки для возникновения конфликтного равновесия и препятствует установлению общественного договора.

Возможным развитием конфликтного равновесия и отсутствия общественного договора является угроза забастовки, которая «значима

для предпринимателя тогда, когда он по своему опыту убеждён в её осуществимости. Наличие подобного опыта может привести к тому, что при заключении нового коллективного договора работникам не потребуется снова бастовать. Но, безусловно, работники способны добиться принятия своих требований при том непременно условии, что они на практике доказали способность бастовать, то есть бастовали» [19].

Участие государства в согласовании экономических интересов работодателей и наёмных работников выгодно «элитам» и «массам» (по терминологии Яркина). Это показал Е. Ясин, воспользовавшись логикой Э. Маскина и получив результаты повторяющейся игры двух игроков, имеющих возможность выбора стратегии между сотрудничеством, «кооперацией». Оказалось, что стратегия кооперации в повторяющейся игре выгодна обоим и те сообщества, где доминирует кооперация, в перспективе выигрывают, усваивая эту стратегию как социальную норму и тем самым развивая культуру деловых отношений [20].

Лауреат Нобелевской премии 2009 г. Элинор Остром показала, что кооперативное поведение широко распространено и во многих случаях приводит к лучшим результатам [21].

Грейдовая форма рейтинговой системы ранжирования компетенций работников и работодателей

Методология конструирования экономического механизма справедливого распределения добавленной стоимости должна обеспечить выполнение обязательных принципов: во-первых, согласовать стимулы игроков; во-вторых, выявить их предпочтения; в-третьих, добиться соответствия принципу монотонности по Маскину; в-четвертых, исключить возможность права вето. По нашему мнению, этим требованиям соответствует грейдовая формы рейтинговой системы ранжирования компетенций взаимодействующих экономических агентов, поскольку в [22] показано, что рейтинговая модель представляет собой методологию, обеспечивающую выполнение основных принципов конструирования экономических механизмов:

- лучшее рейтинговое место приводит к согласованности стимулов игроков;
- исключается влияние частных предпочтений центра, распределяющего ресурсы;
- информационная доступность выравнивает положение игроков и раскрывает стратегию действия каждого;
- доступ к информации о стратегии дает возможность центру исключать действия, не предписанные правилами;

– принцип монотонности обеспечивает контроль над стратегиями и делает бесполезным их изменение игроками в одностороннем порядке;

– система исключает допущения «права вето» со стороны центра;

– возможно введение лимита по максимальному объему ресурсов исходя из критериев оптимальности.

Грейдовую форму распределения материального поощрения предложил Хей. Она считается единственно правильным (с точки зрения математической модели) балльным методом оценки должностей (рабочих мест) [23]. Рейтинг должностей, с учётом ценности их компетенций для бизнеса, устанавливается на основе согласования интересов участников. Главным правилом корректного использования системы является вовлечение в проект грейдирования первого лица и ключевых менеджеров [24]. Включение работодателей в состав участников грейдовой формы распределения добавленной стоимости реализует принципы конструирования экономических механизмов и грейдирования. Соблюдение этих принципов позволит уменьшить «ярко выраженную дифференциацию в оплате труда» [25] и принять согласованное решение между работодателями и наёмными работниками о снижении экономически необоснованного разрыва в уровне оплаты труда.

Заключение

Таким образом, в конструировании механизма справедливого распределения добавленной стоимости должны принимать участие представители не менее трех участников – государство, «массы», «элиты». Применение основных принципов конструирования экономических механизмов – согласование стимулов, монотонность предпочтений, отсутствие права вето – обеспечит согласование интересов и понимание взаимодействующими субъектами, что равновесие Нэша предпочтительнее «конфликтного равновесия».

Благодарности

Выражаем нашу искреннюю признательность профессору А.В. Золотову за внимание к работе, полезные комментарии и ценные советы.

Список литературы

1. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 2012. 13 февр. URL: <http://www.krsk.kp.ru/daily/25833/2807793/> (дата обращения: 25.04.2016).

2. Садовничий В.А., Акаев А.А. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: ИСПИ РАН, 2012. С. 36.

3. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация: Монография / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшника. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

4. Воейков М., Анисимова Г. Тренды экономического роста и неравенства на постсоветском пространстве // Общество и экономика. № 3. Март 2015. С. 37.

5. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. С. 19. URL: <http://www.litres.ru/dzhozef-udzhinstiglic/cena-neravenstva-chem-rassloenie-obschestva-grozit-nashemu-buduschemu-2/chitat-onlayn/> (дата обращения: 25.04.2016).

6. Кругман П. Почему наступил новый «Позолоченный век». URL: <http://inosmi.ru/world/20140530/220679185.html> (дата обращения: 23.04.2016).

7. Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 22.

8. Петти В., Смит А., Рикардо Д. Антология экономической классики. М., 1993. С. 199.

9. Доклад «Заработная плата в мире в 2012–2013 гг.»: Заработная плата и справедливый рост / ГТПДТ и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М., 2013. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_213968.pdf (дата обращения: 23.04.2016).

10. Татаркин А.И. Регулирующий потенциал существующих моделей социально-экономического развития // Журнал экономической теории. 2015. № 2. С. 7–20.

11. Басария Р. К вопросу об эксплуатации труда в рыночной экономике // Общество и экономика. 2000. № 7. С. 196–200.

12. Измалков С., Сонин К., Юдкевич М. Теория экономических механизмов // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 4–26.

13. Амзин А. Трое распределителей: Нобелевку по экономике вручат американцам. URL: <https://lenta.ru/articles/2007/10/15/nobelecon/> (дата обращения: 23.04.2016).

14. Маскин Э.С. Конструирование экономических механизмов: как реализовать социальные цели: Докл. к X Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 7–9 апреля 2009 г. / Пер. с англ. Ю. М. Яновской; ред. пер. Ф.Т. Алескерова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. 22 с. URL: <http://www.hse.ru/data/565/294/1241/%D0%9C%D0%B0%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%BD.pdf> (дата обращения: 24.04.2016).

15. Примаков Е.М. 2013. Тяжелые проблемы России. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неолибералов. Доклад на заседании «Меркурий-клуба» // Российская газета. 2014. № 6 (15.01.2014). С. 5. URL: <http://rg.ru/2014/01/13/primakov.html>.

16. Доклад «Заработная плата в мире в 2014–2015 гг.»: Заработная плата и неравенство доходов / ГТПДТ и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М.: МОТ, 2015. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_213968.pdf

www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_356597.pdf (дата обращения: 23.04.2016).

17. Малкина М.Ю. От теории равновесия – к новой теории эксплуатации // TERRA ECONOMICUS. 2011. Т. 9. № 4. С. 18.

18. Яркин А.М. Эндогенные институты прав собственности и неравенство в модели с асимметричной борьбой за ренту // Экономический журнал ВШЭ. 2015. Т. 19. № 1. С. 45–80.

19. Золотов А.В., Попов М.В. Диалектика динамики уровня реального содержания заработной платы в условиях современного капитализма // Уровень жизни населения регионов России. 2007. № 8–9. С. 104.

20. Ясин Е. Институциональные ограничения модернизации, или Приживется ли демократия в России? // Вопросы экономики. 2011. № 11. С. 4–24.

21. Кузьминов Я., Юдкевич М. За пределами рынка: институты управления транзакциями в сложном мире // Вопросы экономики. 2010. № 1. С. 82–98.

22. Кцоев А.Б. Институциональные изменения: теория экономических механизмов и субсидирование

аграриев в России // Вопросы экономики. 2012. № 11. С. 66–77.

23. Воронина Л.П., Язева М.А. Система грейдинга как инструмент управления трудом персонала ООО «Уралкалий – Ремонт» // Вопросы управления: электронная версия журнала. 2013. № 4. Режим доступа: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2013/04/31/?print>.

24. Байер Н.Ю., Свиридова Л.В. Грейдинг как современный метод мотивации персонала // В кн.: Современные проблемы управления человеческими ресурсами: Монография / Отв. ред. Л.В. Свиридова; под общ. ред. В.В. Романова. Н. Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 2011. Гл. 2. С. 53–185. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/68999533> (дата обращения: 11.06.2016).

25. Кривошапко Ю. Чтоб ты жил на одну зарплату: Жалованию работодателей предложили установить потолок // Российская газета. 2016. 10 июня (столичный выпуск № 6994 (126)). URL: <https://rg.ru/2016/06/09/zhalovaniuu-rabotodatelej-predlozhili-ustanovit-potolok.html> (дата обращения: 11.06.2016).

THEORY OF ECONOMIC MECHANISMS AS THE BASIS FOR THE METHODOLOGY OF ADDED VALUE DISTRIBUTION

V.I. Stepanov,¹ O.Yu. Mirgorodskaya²

¹Siberian Federal University

²Siberian Federal Engineering University

The article considers the possibility of building a fair system for distribution of the newly created value between employers and employees, based on the theory of economic mechanisms. The essence of the process of distribution of added value with the account of the preferences of employers and employees is examined. A special emphasis is placed on the issue of unequal positions of the parties concluding employment contracts. Some aspects of application of the theory of economic mechanisms as the scientific basis for accommodation of employees' and employers' economic interests are also considered. A rating model is proposed as the basis for constructing an equitable mechanism for distribution of added value.

Keywords: added value, economic incentive, employer, employee, theory of economic mechanisms.

УДК 336.221.2

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАЛОГОВ ПО УРОВНЯМ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ РФ

© 2016 г.

Л.А. Чеснокова, Н.И. Яшина, М.Ю. Гинзбург

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

chesnokova-1985@list.ru

*Статья поступила в редакцию 08.06.2016**Статья принята к публикации 12.08.2016*

Рассматривается возможность применения количественных показателей как индикаторов теоретических критериев разграничения налогов по уровням бюджетной системы. Предлагается система подобных показателей для налога на прибыль; разрабатывается алгоритм расчета предложенных показателей; на основании теории весов и коэффициента вариации делаются предложения о конкретном (процентном) разграничении поступлений налога на прибыль согласно особенностям налогового потенциала каждого субъекта РФ. Исследование проводится для 83 регионов РФ за 2008–2012 годы. В результате субъекты России подразделяются на 8 групп в зависимости от возможного разделения налога на прибыль между двумя уровнями бюджета (федеральным и региональным).

Ключевые слова: налог на прибыль, алгоритм, коэффициент вариации, распределение, поступление, однородность, бюджет.

Введение

Эффективное распределение налогов по уровням бюджетной системы обеспечивает повышение результативности, продуктивности и стабильности каждого ее звена. В научной литературе данная проблема поднималась российскими и зарубежными авторами. Наиболее часто в зарубежных источниках данный вопрос поднимался в конце 50-х и 70-х годов прошлого века и в начале текущего. Учитывая особенности государственного устройства, распределение налогов волнует в первую очередь федеративные страны, такие как Германия, США, Япония, Швейцария, Аргентина и, конечно же, Россия [1]. В трудах О.В. Соломановой (2011), П.В. Савченко встречаются предложения о необходимости изменения действующей системы дифференцирования налоговой нагрузки по уровням бюджетной системы [1, 2]. Л.Ф. Курченко (2012) отмечает необходимость установления математической зависимости налоговых отчислений в бюджет регионального уровня от налогового потенциала территории – чем выше этот потенциал, тем более высокие суммы налогов должны быть в распоряжении субъекта РФ [3]. Р.Ю. Рыбакова (2004) отмечает возможность деления поступлений косвенных налогов в зависимости от возможности экспортируемости налоговой базы, поступлений прямых налогов в зависимости от мобильности налоговой базы. То есть чем менее постоянны вышеуказанные показатели, тем на более высоком уровне должен администрироваться налог [4]. В ра-

ботах Д.Ю. Федотова предлагается учитывать соотношение собственных доходов и расходов предыдущих периодов в целях планирования налоговых отчислений для конкретного субъекта на будущие финансовые годы [5]. А.В. Складар, А.Н. Цацулин разработали двухфакторные модели прогнозирования налоговых поступлений НДС и налога на прибыль, а также предложили возможность создания регрессионных моделей для дифференцирования этих налогов между бюджетами РФ [6]. В работах Н.А. Дорофеевой, А.В. Брилона отмечается необходимость учета статистических данных предыдущих периодов для планирования налоговых поступлений по регионам, авторы отмечают недостаток существующей системы дифференцирования ввиду отсутствия расчетного механизма [7]. Согласно выводам в работах Н. Шмелева, Е. Строева в РФ система распределения налогов по уровням бюджета периодически претерпевает изменения, тем не менее на тот момент не было выработано конкретного расчетного механизма распределения налогов по уровням бюджета, который бы не учитывал субъективного метода конкретных законодателей [8, 9].

В Российской Федерации распределение налогов производится на основе норм бюджетного и налогового законодательства, однако отсутствует практическое обоснование распределительных критериев [10]. В целях распределения налогов по уровням бюджетной системы РФ авторами были предложены и рассчитаны показатели для соответствующих критериев в раз-

Таблица 1

Показатели критериев распределения налогов

Наименование показателя	Формула расчета	Расшифровка формул
Показатель равномерности распределения налоговой базы	$K_{равн\,ij} = TB_{ij} / Org_{ij}$	TB_{ij} – налоговая база по налогу за j -й налоговый период по i -му субъекту РФ;
Показатель масштабности налоговой базы	$K_{масш\,ij} = T_{ij} / TI_{ij}$	Org_{ij} – количество организаций в j -м налоговом периоде по i -му субъекту РФ;
Показатель стабильности	$K_{стаб\,ij} = T_{ij} / GDP_j$	T_{ij} – сумма налога на прибыль в j -м налоговом периоде по i -му субъекту РФ;
Показатель эффективности	$K_{эф\,ij} = Su_{ij} / T_{ij}$	TI_{ij} – сумма налоговых доходов в j -м налоговом периоде по i -му субъекту РФ;
Показатель дисбаланса	$K_{дисб\,ij} = C_{ij} / T_{ij}$	GDP_j – сумма ВВП в j -м налоговом периоде по i -му субъекту РФ;
Показатель самообеспеченности (дисбаланса) по безвозмездным поступлениям в бюджет	$K_{сам\,ij} = T_{ij} / FA_{ij}$	Su_{ij} – доплата по налогу на прибыль в j -м налоговом периоде по i -му субъекту РФ;
Показатель взаимосвязи с благосостоянием	$K_{благ\,ij} = T_{ij} / I_{ij}$	C_{ij} – расходы консолидированного бюджета в j -ом налоговом периоде по i -му субъекту РФ;
Показатель мобильности по обособленным подразделениям	$K_{ij}^1 = \frac{TB_{ij}}{B_{ij}}$	FA_{ij} – безвозмездные поступления в j -м налоговом периоде по i -му субъекту РФ;
Показатель мобильности по эластичности	$K_{ij}^2 = \frac{\Delta TB_{ij}}{\Delta B_{ij}}$	I_{ij} – доход населения в j -м налоговом периоде по i -му субъекту РФ;
Показатель мобильности по количеству налогоплательщиков	$K_{ij}^3 = \frac{TB_{ij}}{T_{ij}}$	B_{ij} – количество обособленных подразделений по j -му субъекту РФ за i -й налоговый период;
		ΔTB_{ij} – изменение налоговой базы по j -му субъекту РФ за i -й налоговый период по отношению к $(i-1)$ -му периоду;
		ΔB_{ij} – изменение количества обособленных подразделений по j -му субъекту РФ за i -й налоговый период по отношению к $(i-1)$ -му периоду;
		T_{ij} – количество налогоплательщиков по j -му субъекту РФ за i -й налоговый период

резе субъектов РФ. В частности для распределения налога на прибыль, НДС, НДФЛ и акцизов получили количественную интерпретацию:

- 1) показатель мобильности налоговой базы;
- 2) показатель масштабности налоговой базы;
- 3) показатель равномерности налоговой базы;
- 4) показатель дисбаланса;
- 5) показатель стабильности налоговой базы;
- 6) показатель эффективности;
- 7) показатель самообеспеченности субъекта налоговыми поступлениями;
- 8) показатель взаимосвязи с благосостоянием населения.

Методология

Расчет коэффициентов произведен для каждого субъекта РФ за 4-летний период с 2009 по 2012 год согласно данным Федеральной налоговой службы и Федеральной службы государственной статистики [11, 12]. На основе полученных данных по субъектам рассчитаны коэффициенты вариации, показывающие равномерность изменений выбранных показателей из года в год. Коэффициент вариации выбран из-за того, что он представляет собой один из универсальных статистических показателей, отра-

жающих степень разброса значений независимо от их масштаба и единиц измерения. Коэффициент характеризует однородность данных, обеспечивает сравнительную оценку совокупности [13]. Вследствие этого коэффициент вариации позволит выделить регионы РФ с наиболее устойчивыми и наименее устойчивыми критериями.

Далее представлены данные расчета коэффициентов вариации по временным рядам для каждого из 10 показателей, интерпретирующих критерии распределения налогов по уровням бюджетной системы. Расчет произведен для одного из бюджетобразующих налогов – налога на прибыль.

Фактически полученные значения коэффициентов вариации для налога на прибыль по субъектам РФ представлены в таблице 2.

Значения, полученные в таблице 2, используются для распределения налога на прибыль между федеральным и региональным уровнями бюджетной системы на основе порогового значения коэффициента вариации в 33,3%. При превышении данного значения последовательность считается неоднородной, в ином случае – однородной [14]. Однородность последовательности, т.е. временного ряда по каждому из

Таблица 2

Показатели вариации по критериям распределения налогов по уровням бюджета РФ

Субъект РФ	Коэффициент вариации, %									
	$K_{длб;ij}$	$K_{сам;ij}$	$K_{благ;ij}$	$K_{эф;ij}$	$K_{масш;ij}$	K_{ij}^3	$K_{стаб;ij}$	K_{ij}^2	$K_{ранн;ij}$	K_{ij}^1
Белгородская область	42.77	56.8	41.74	28.34	20.10	20.21	51.93	74.74	23.97	27.6
Брянская область	10.81	13.57	8.48	27.43	11.26	11.26	4.23	58.65	56.99	31
Владимирская область	18.29	24.7	13.15	12.91	10.21	10.2	17.19	58.81	1.61	23.4
Воронежская область	21.7	24.96	15.09	15.49	19.75	19.74	20.4	58.59	11.21	28.58
Ивановская область	7.78	6.11	9.83	13.37	39.42	39.42	12.42	60.97	7.75	23.5
Калужская область	24.41	34.62	23.43	16.92	13.95	13.94	27.72	63.88	16.37	40.9
Костромская область	31.63	33.34	28.09	41.96	15.35	15.33	25.51	58.07	21.67	13.4
Курская область	29.76	41.19	25.09	37.06	9.89	9.88	29.88	60.98	3.05	12.3
Липецкая область	54.15	65.86	51.25	51.68	20.74	20.75	54.8	62.45	12.52	24.5
Московская область	17.48	34.32	13.84	9.22	14.13	14.12	17.3	57.79	3.05	20.1
Орловская область	28.4	39.94	21.52	24.92	18.02	17.99	24.89	58.32	2.92	13.72
Рязанская область	14.55	26.69	9.47	17.97	17.14	17.13	10.11	57.89	8.65	14.5
Смоленская область	11.79	23.32	11.73	24.04	15.17	15.17	9.52	58.14	12.93	24.6
Тамбовская область	3.91	5.91	10.72	19.46	22.5	22.49	4.04	57.9	13.06	26.7
Тверская область	12.4	18.82	57.84	11.76	18.31	18.29	4.59	58.78	11.52	23.5
Тульская область	39.34	53.55	36.7	28.26	21.97	21.97	36.84	57.73	10.38	15.89
Ярославская область	12.15	37.64	6.42	10.44	16.45	16.45	6.01	57.93	7.78	14.56
г. Москва	22.64	53.29	33.26	18.07	17.59	17.59	29.54	57.89	6.19	28.9
Республика Карелия	42.556	47.14	41.07	53.72	14.38	14.29	45.7	76.1	22.56	18.9
Республика Коми	19.72	38.87	13.78	31.13	6.52	6.52	24.2	59.32	54.01	37.8
Архангельская область	23.32	29.13	30.48	19.49	15.83	15.78	30.1	62.65	5.59	20.15
Вологодская область	60.32	97.08	29.36	42.72	21.69	21.69	81.54	58.95	4.22	45.66
Калининградская область	20.41	36.03	23.19	24.39	16.88	16.87	13.29	59.56	1.38	35.6
Ленинградская область	13.83	15.28	7.7	45.49	12.75	12.73	11.01	57.82	5.06	34.2
Мурманская область	19.83	32.04	29.15	15.09	22.65	22.63	20.11	60.48	9.92	27.6
Новгородская область	24.36	27.76	13.47	33.5	19.4	19.39	23.75	59.62	0.93	45.3
Псковская область	14.15	19.57	2.82	21.83	34.25	34.2	6.5	57.83	1.55	47.23
г. Санкт-Петербург	18.17	37.48	52.69	14.24	22.17	22.16	27	57.62	1.51	46.5
Ненецкий автономный округ	26.99	32.99	0	23.16	27.54	27.55	29.18	66.56	21.68	15.87

Продолжение таблицы 2

Субъект РФ	Коэффициент вариации, %									
	$K_{дисб_{ij}}$	$K_{сам_{ij}}$	$K_{благ_{ij}}$	$K_{эф_{ij}}$	$K_{масш_{ij}}$	K_{ij}^3	$K_{стаб_{ij}}$	K_{ij}^2	$K_{равн_{ij}}$	K_{ij}^1
Республика Адыгея	16.85	23.11	10.57	26.63	26.66	26.67			5.04	13.2
Республика Дагестан	7.02	6.19	8.49	30.82	31.46	31.5	3.22	59.96	14.44	15.4
Республика Ингушетия	61.08	67.12	64.62	30.35	37.65	37.67	20.89	81.95	15.31	23.4
Кабардино-Балкарская Республика	18.24	17	19.63	18.55	13.72	13.84	11.76	59.17	0.31	27.6
Республика Калмыкия	51.33	50.24	29.81	11.13	69.56	69.56	48.78	106.18	1.65	25.4
Карачаево-Черкесская Республика	8.63	6.53	7.32	4.44	49.16	49.09	10.15	59.8	33.16	40.01
Республика Северная Осетия – Алания	12.93	19.41	10.98	25.44	22.48	22.47	13.93	58	8.32	31.1
Чеченская Республика	17.54	16.4		13.93	35.98	35.96	9.57	60.62	18.47	21.1
Краснодарский край	15.75	27	13.11	10.5	11.37	11.37	16.9	57.8	4.68	36.7
Ставропольский край	20.05	20.03	17.61	15.94	12.53	12.53	16.38	58.15	9.5	28.9
Астраханская область	29.91	24.35	42.59	36.09	19.74	19.76	35.86	57.67	36.06	36.6
Волгоградская область	28.09	36.14	23.14	22.92	21.99	21.96	22.3	58.79	31.69	27.66
Ростовская область	20.86	22.06	12.13	14.7	19	18.99	15.43	57.67	8.06	18.29
Республика Башкортостан	19.29	27.96	14.58	33.91	20.44	20.42	12.93	59.22	4.91	26.7
Республика Марий Эл	18.77	24.2	17.78	15.57	10.15	10.14	21.83	58.85	0.08	14.25
Республика Мордовия	62.72	71.88	50.87	36.2	32.73	32.71	53.91	58.93	5.84	25.5
Республика Татарстан	24.31	58.6	20.87	12.78	8.19	8.19	21.48	58.63	2.56	39.9
Удмуртская Республика	15.35	24.84	16.15	22.87	10.63	10.57	14.25	57.78	3.25	34.4
Чувашская Республика	17.64	25.59	20.1	29.79	13.29	13.26	18.31	57.71	9.24	28.98
Кировская область	37.82	45.37	27.92	34.45	46.93	46.92	28.91	63.65	2.94	30.87
Нижегородская область	18.85	23.65	24.26	16.2	23.88	23.88	30.05	59.07	23.71	18.61
Оренбургская область	5.96	14.79	17.73	3.58	80.81	80.82	18.89	58.13	0.77	38.78
Пензенская область	42.16	43.5	8.86	9.22	54.6	54.58	4.95	57.65	8.18	31.5
Пермский край	30.93	42.04	30.34	28.16	98.82	98.83	35.24	58.53	26.83	32.2
Самарская область	28.61	50.81	27.25	19.58	17.56	17.55	26.01	58.17	4.23	27.6
Саратовская область	22.08	28.41	20.36	3.15	15.47	15.45	22.77	57.66	4.09	26.5
Ульяновская область	9.25	24.79	7.79	12.94	16.36	16.35	7.74	57.85	3.74	29

Продолжение таблицы 2

Субъект РФ	Коэффициент вариации, %									
	$K_{дизб_{ij}}$	$K_{сам_{ij}}$	$K_{благ_{ij}}$	$K_{эф_{ij}}$	$K_{масш_{ij}}$	K_{ij}^3	$K_{стаб_{ij}}$	K_{ij}^2	$K_{ранг_{ij}}$	K_{ij}^1
Курганская область	26.34	31.26	20.44	32.8	9.38	9.37	27.31	61.75	3.48	37.7
Свердловская область	27.39	43.66	30.61	21.76	14.54	14.54	33.21	59.86	11.99	23.25
Тюменская область	23.12	60.99	27.03	28.6	18.79	18.75	15.77	62.46	22.35	28.61
Челябинская область	44.07	67.77	54.69	21.75	33.34	33.32	47.6	62.88	7.61	32.4
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	16.78	31.34	20.99	27.94	17.29	17.29	25.32	58.51	11.09	12.53
Ямало-Ненецкий автономный округ	9.5	34.57	24.65	21.23	11.94	11.94	10.41	60.16	53.86	32.14
Республика Алтай	44.47	51.33	47.35	43.05	24.4	24.4	49.23	85.65	5.64	101.93
Республика Бурятия	19.64	24.06	17.48	39.51	19.03	19	9.64	60	20.72	29.67
Республика Тыва	27.25	29.39	30.37	25.37	31.39	31.17	16.51	62.53	13.7	39
Республика Хакасия	15.45	22.61	20.16	41.88	14.07	14.08	11.89	59.38	7.72	27.64
Алтайский край	14.6	18.4	22.36	13.57	18.33	18.31	13.01	58.19	4.59	19.31
Красноярский край	37.42	41	32.07	32.66	26.68	26.67	41.18	72.3	27.14	27.43
Иркутская область	17.68	40.4	22.34	42.09	23.43	23.3	13.4	60.48	1.13	31.64
Кемеровская область	39.92	50.95	39.41	27.6	18.29	18.29	47.45	65.38	24.71	29.73
Новосибирская область	15.17	34.02	15.58	18.3	12.22	12.22	13.93	57.63	18.61	13.85
Омская область	12.69	16.49	14.83	20.78	14.25	14.24	13.33	58.23	7.14	37.6
Томская область	12.82	26.17	18.57	30.95	7.53	7.51	11.8	58.99	4.79	35.4
Читинская область		11.1		8.76	16.53	16.53	6.89	57.87	0.78	16.5
Республика Саха (Якутия)	24.17	33.38	30.42	29.32	17.41	17.42	24.9	63.56	6.9	19.98
Камчатский край	7.95	18.64	17.15	6.3	42.76	42.72	9.29	57.85	4.87	17.56
Приморский край	23.28	46.63	14.02	14.89	18.74	18.71	20.83	59.68	2.56	19.91
Хабаровский край	22.93	28.59	28.43	25.94	13.78	13.75	28.03	61.15	4.73	20.24
Амурская область	6.1	34.26	12.38	42.04	20.47	20.46	3.24	58.07	11.67	15.97
Магаданская область	25.03	48.52	26.41	26.33	40.57	40.42	6.72	60.48	21.97	16.75
Сахалинская область	20.29		17.75	24.4	52.38	52.37	26.05	65.64	1.8	17.89
Еврейская автономная область	13.2	21.01	22.1	27.7	43.11	43.06	6.36	58.77	9.58	10.87
Чукотский автономный округ	56.28	67.3	88.36	134.79	52.14	52.13	56.04	60.3	20.72	20.02

Таблица 3

Расположение коэффициентов вариации в порядке возрастания

№ п/п	Коэффициент	Значение, %
1	$K_{\text{масш}}_{ij}$	20.10
2	K_{ij}^3	20.21
3	$K_{\text{равн}}_{ij}$	23.97
4	K_{ij}^1	27.60
5	$K_{\text{эф}}_{ij}$	28.34
6	$K_{\text{благ}}_{ij}$	41.74
7	$K_{\text{дисб}}_{ij}$	42.77
8	$K_{\text{сам}}_{ij}$	56.80
9	K_{ij}^2	74.74

Таблица 4

Значение весов коэффициентов вариации по Белгородской области

№ п/п	Значение коэффициентов в порядке возрастания, %	Вес коэффициента, %
1	20.10	20
2	20.21	17.78
3	23.97	15.56
4	27.60	13.33
5	28.34	11.11
6	41.74	8.89
7	42.77	6.67
8	56.80	4.45
9	74.74	2.22

показателей критериев распределения налогов, показывает, насколько постоянны поступления налога на прибыль в каждом субъекте РФ. Чем более постоянны поступления по отношению к конкретной расчетной базе, тем существеннее они для конкретного регионального бюджета и эффективнее его пополнение. Однородность означает для нас возможность закрепления налога за субъектным уровнем, отсутствие однородности – за федеральным. Из таблицы 2 видно, что коэффициент вариации по разным критериям может быть однородным или неоднородным, то есть один и тот же налог может быть отнесен по разным основаниям к разным уровням бюджета. В целях усреднения и определения итогового распределения налогов необходимо рассчитать вес каждого показателя.

Каждому критерию по субъекту K_i ($i = \overline{1, n}$) ставится в соответствие оценка его значимости. Затем строится система весов так, что

$$\sum_{i=1}^n a_i = 1, a_i \geq 0, i = \overline{1, n}, \quad (1)$$

где a_i – вес i -го показателя, i – номер текущего показателя для конкретного субъекта, n – количество показателей.

Все показатели ранжируются по убыванию значимости. Для нас убывание значимости будет означать удаление от порогового значения в 33.3%, то есть учитывая, что чем

ниже коэффициент вариации, тем стабильнее система, поэтому нам достаточно будет расположить значения коэффициентов по каждому субъекту в порядке возрастания.

Веса определим с помощью шкалы Фишберна [15]:

$$a_i = \frac{2(n-i+1)}{n(n+1)}. \quad (2)$$

Для примера произведем расчет для Белгородской области.

1) Расположим коэффициенты вариации по разным критериям, взятые из таблицы 2, в порядке возрастания и присвоим им порядковый номер (табл. 3).

2) Произведем расчет веса для каждого значения коэффициента [16]. Например, для первого по порядку коэффициента расчет выглядит так:

$$a_i = \frac{2(9-1+1)}{9(9+1)} 100\% = 20\%. \quad (3)$$

Итоговые значения весов представлены в таблице 4.

3) Теперь соотнесем значение коэффициентов вариации с предполагаемым уровнем бюджета по распределению налога на прибыль. Как уже было отмечено ранее, в том случае если коэффициент менее 33.3%, то налог можно отнести к региональному бюджету (РБ), при превышении значения к федеральному уровню (ФБ) (табл. 5).

Таблица 5

Соответствие значений показателей и уровней бюджета для Белгородской области

№ п/п	Значение коэффициентов в порядке возрастания, %	Рекомендуемый уровень бюджета	Вес коэффициента, %
1	20.10	Региональный	20
2	20.21	региональный	17.78
3	23.97	Региональный	15.56
4	27.60	Региональный	13.33
5	28.34	Региональный	11.11
6	41.73	Федеральный	8.89
7	42.77	Федеральный	6.67
8	56.80	Федеральный	4.45
9	74.74	Федеральный	2.22

4) Для распределения налога на прибыль между федеральным и региональным бюджетами на основе весов каждого из критериев предлагаем сложить веса тех коэффициентов, которые относятся соответственно к федеральному или региональному уровням предполагаемых бюджетов.

Доля поступлений в РБ:
 $20\% + 17.78\% + 15.56\% + 13.33\% + 11.11\% = 77.78\%$.

Доля поступлений в ФБ:
 $8.89\% + 6.67\% + 4.45\% + 2.22\% = 22.22\%$.

Таким образом, для Белгородской области можно распределить поступления по налогу на прибыль между региональным и федеральным бюджетами в соотношении 80% на 20%.

5) Аналогичные действия произведем для всех других субъектов и полученные данные занесем в таблицу 6.

По данным таблицы 6 только в 6 субъектах РФ (Чукотский автономный округ, республики Алтай, Мордовия, Карелия, Пензенская область, Пермский край) поступления налога на прибыль преимущественно стоит отнести к федеральному уровню бюджета. В данных субъектах суммарный вес возможных поступлений в федеральный бюджет более 50%. В связи с тем, что расчет был произведен на основе коэффициента вариации, это свидетельствует, что в вышеуказанных субъектах РФ поступления налога на прибыль существенно реагируют на изменения разных факторов, а поэтому должны быть в ведении федерального уровня [17].

В остальных регионах поступление налога на прибыль относительно стабильно и поэтому подлежит перераспределению в пользу регионального бюджета.

Для классификации всех исследуемых субъектов по размеру поступлений налога на прибыль необходимо выявить группы субъектов с наиболее сопоставимыми значениями. Оптимальное количество групп можно определить согласно формуле Стерджесса [18]:

$$n_{opt} = 1 + 3.322 \lg N, \quad (4)$$

где n_{opt} – оптимальное число интервалов (групп); N – количество анализируемых данных.

Отсюда оптимальное число групп для 80 видов налоговых поступлений равно $n_{opt} = 1 + 3.322 \lg 80 = 7.6$, после округления – 8.

Ширина каждого интервала ΔX_u определяется по формуле:

$$\Delta X_u = \frac{R}{n_{opt}}, \quad (5)$$

где R – размах вариации:

$$R = a_{max} - a_{min}, \quad (6)$$

a – суммарный вес поступлений налога на прибыль в бюджет (региональный или федеральный), a_{max} – максимальное значение поступлений по субъектам РФ; a_{min} – минимальное значение поступлений по субъектам РФ.

В данном случае размах вариации составляет $R = 84.8\% - 4.5\% = 80.3\%$, в том случае если расчет производится через данные по поступлениям в федеральный бюджет. Аналогичные данные получатся и при расчете размаха вариации через вес поступлений в бюджет субъекта:

$$\Delta X = 80.3\% / 8 = 10.0375\%.$$

Результаты

В итоге получается 8 групп субъектов РФ с интервалами поступлений налога на прибыль, представленные в таблице 7.

Исходя из таблицы 7, в большинстве субъектов РФ (группа 1) налог на прибыль следует преимущественно распределять в пользу регионального бюджета, аналогично существующему ныне распределению, т.е. в районе 90% в РБ и 10% в ФБ. В чуть меньшем количестве субъектов (группа 2) предполагается снижение доли

Таблица 6

**Распределение поступлений налога на прибыль между федеральным (ФБ)
и региональным (РБ) уровнями бюджета**

Наименование субъекта	Доля поступлений	
	в РБ	в ФБ
Белгородская область	77.78%	22.22%
Брянская область	91.00%	9.00%
Владимирская область	95.50%	4.50%
Воронежская область	95.50%	4.50%
Ивановская область	84.80%	15.20%
Калужская область	84.80%	15.20%
Костромская область	84.80%	15.20%
Курская область	84.80%	15.20%
Липецкая область	57.60%	42.40%
Московская область	91.00%	9.00%
Орловская область	91.00%	9.00%
Рязанская область	95.50%	4.50%
Смоленская область	95.50%	4.50%
Тамбовская область	95.50%	4.50%
Тверская область	91.00%	9.00%
Тульская область	68.20%	31.80%
Ярославская область	91.00%	9.00%
г. Москва	84.80%	15.20%
Республика Карелия	45.50%	54.50%
Республика Коми	77.30%	22.70%
Архангельская область	95.50%	4.50%
Вологодская область	57.60%	42.40%
Калининградская область	84.80%	15.20%
Ленинградская область	84.80%	15.20%
Мурманская область	95.50%	4.50%
Новгородская область	84.80%	15.20%
Псковская область	77.30%	22.70%
г. Санкт-Петербург	77.30%	22.70%
Ненецкий автономный округ	95.50%	4.50%
Республика Адыгея	95.4%	4.6%
Республика Дагестан	95.50%	4.50%
Республика Ингушетия	57.60%	42.40%
Кабардино-Балкарская Республика	95.50%	4.50%
Республика Калмыкия	57.60%	42.40%
Карачаево-Черкесская Республика	68.20%	31.80%
Республика Северная Осетия – Алания	95.50%	4.50%
Чеченская Республика	77.30%	22.70%
Краснодарский край	91.00%	9.00%
Ставропольский край	95.50%	4.50%
Астраханская область	57.60%	42.40%
Волгоградская область	91.00%	9.00%
Ростовская область	95.50%	4.50%
Республика Башкортостан	91.00%	9.00%
Республика Марий Эл	95.50%	4.50%
Республика Мордовия	45.50%	54.50%
Республика Татарстан	84.80%	15.20%
Удмуртская Республика	91.00%	9.00%
Чувашская Республика	95.50%	4.50%

Продолжение таблицы 6

Наименование субъекта	Доля поступлений	
	в РБ	в ФБ
Кировская область	57.60%	42.40%
Нижегородская область	95.50%	4.50%
Оренбургская область	77.30%	22.70%
Пензенская область	45.50%	54.50%
Пермский край	45.50%	54.50%
Самарская область	91.00%	9.00%
Саратовская область	95.50%	4.50%
Ульяновская область	95.50%	4.50%
Курганская область	91.00%	9.00%
Свердловская область	84.80%	15.20%
Тюменская область	91.00%	9.00%
Челябинская область	57.60%	42.40%
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	95.50%	4.50%
Ямало-Ненецкий автономный округ	84.80%	15.20%
Республика Алтай	45.60%	54.40%
Республика Бурятия	91.00%	9.00%
Республика Тыва	91.00%	9.00%
Республика Хакасия	91.00%	9.00%
Алтайский край	95.50%	4.50%
Красноярский край	77.30%	22.70%
Иркутская область	84.80%	15.20%
Кемеровская область	68.20%	31.80%
Новосибирская область	91.00%	9.00%
Омская область	91.00%	9.00%
Томская область	91.00%	9.00%
Читинская область	95.50%	4.50%
Республика Саха (Якутия)	91.00%	9.00%
Камчатский край	84.80%	15.20%
Приморский край	91.00%	9.00%
Хабаровский край	95.50%	4.50%
Амурская область	84.80%	15.20%
Магаданская область	77.30%	22.70%
Сахалинская область	77.30%	22.70%
Еврейская автономная область	84.80%	15.20%
Чукотский автономный округ	15.20%	84.80%

Таблица 7

Группы субъектов РФ по доле поступлений в ФБ и РБ

№ п/п	Размер поступлений в ФБ	Размер поступлений в РБ	Регион РФ
1	4.5% – 14.54%	85.46% – 95.5%	Области: Владимирская, Воронежская, Брянская, Московская, Орловская, Тамбовская, Смоленская, Тверская, Рязанская, Ярославская, Архангельская, Мурманская, Вологодская, Ростовская, Нижегородская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Курганская, Тюменская, Новосибирская, Омская, Томская, Читинская Округ: Ненецкий автономный, Ханты-Мансийский Республики: Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Северная Осетия, Башкортостан, Марий Эл, Удмурдская, Чувашская, Бурятия, Тыва, Хакасия, Саха Край: Краснодарский, Ставропольский, Алтайский, Приморский, Хабаровский

Продолжение таблицы 7

№ п/п	Размер поступлений в ФБ	Размер поступлений в РБ	Регион РФ
2	14.54% – 24.58%	75.42% – 85.46%	Область: Ивановская, Калужская, Костромская, Белгородская, Курская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Оренбургская, Свердловская, Иркутская, Амурская, Магаданская, Сахалинская, Еврейская. г. Москва, г. Санкт-Петербург. Округ: Ямало-Ненецкий Край: Красноярский, Камчатский Республика: Коми, Чеченская, Татарстан
3	24.58% – 34.62%	65.38% – 75.42%	Область: Тульская, Кемеровская Республика: Карачаево-Черкесская
4	34.62% – 44.66%	56.34% – 65.38%	Область: Липецкая, Вологодская, Астраханская, Кировская, Челябинская Республика: Ингушетия, Калмыкия
5	44.66% – 54.69%	45.31% – 56.34%	Область: Пензенская Республика: Карелия, Мордовия, Алтай Край: Пермский
6	54.69% – 64.73%	36.27% – 45.31%	-
7	64.73% – 74.77%	25.23% – 36.27%	-
8	74.77% – 84.81%	15.19% – 25.23%	Чукотский автономный округ

налога на прибыль, поступающего в региональный бюджет в зачет поступлений в федеральный (примерно 80% на 20%). Меньше чем по 10% от всего количества субъектов приходится на группы 3–5, т.е. группы, в которых поступления налога на прибыль в региональный бюджет находятся в районе от 50–70%, т.е. в целом обеспечивая более половины отчислений [17].

И только один субъект РФ из группы 8 требует коренного перераспределения налога на прибыль в пользу федерального бюджета.

Заключение

Результатом исследования могут служить следующие выводы:

1) в большинстве субъектов ныне существующий порядок распределения налога на прибыль имеет практическое обоснование;

2) субъекты РФ, для которых получились иные интервалы распределения налога, могут разработать свой механизм расчета конкретных долей или воспользоваться результатами таблицы 6 и алгоритмом, который был предложен авторами статьи;

3) для каждого субъекта и РФ в целом стоит определить, как часто проводить оценку поступлений в целях перераспределения налога между уровнями бюджетной системы.

Список литературы

1. Соломанова О.В. Моделирование налоговых доходов муниципальных образований // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2011. № 5 (79). С. 76–80.

2. Савченко П.В., Погосов И.А., Жильцов Е.Н. Экономика общественного сектора: Учебник / Под ред. П.В. Савченко. М.: ИНФРА – М, 2010. 763 с.

3. Курченко Л.Ф. Бюджетная система Российской Федерации: субфедеральный и местный уровни: Учебное пособие. М.: Дашков и К, 2012. 426 с.

4. Рыбакова Р.Ю. Принципы разграничения и распределения налогов по вертикали бюджетной системы // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2004. № 15. С. 34–39.

5. Федотов Д.Ю. Распределение налоговых платежей по уровням бюджетной системы России // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 4. С. 15–20.

6. Скляр А.В., Цацулин А.Н. Моделирование региональных бюджетных доходов от НДС // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 2. С. 13–18.

7. Дорофеева Н.А., Брилон А.В. Налоговое администрирование. М.: Дашков и К, 2010. 315 с.

8. Шмелев Н. Стратегия и тактика реформ // Вопросы экономики. 1998. № 1. С. 54–63.

9. Строев Е. О новых ориентирах экономической политики // Вопросы экономики. 1998. № 5. С. 16–26.

10. Об утверждении Порядка учета Федеральным казначейством поступлений в бюджетную систему РФ и их распределения между бюджетами бюджетной системы РФ. Приказ Минфина России от 18.12.2013 № 125н. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.11.2015).

11. Информационная система Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.11.2015).

12. Федеральная налоговая служба РФ. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 15.11.2015).

13. Бабинова В.С. Статистика в вопросах и ответах: Учебное пособие. М.: ТК Велби, 2004. 344 с.

14. Россия – методы расчета налоговой нагрузки. URL: <http://wonderties.com/rossiya-metody-rashetanalogoivojzag/> (дата обращения: 10.11.2015).

15. Кочетков Е.С., Смерчинская С.О., Соколов В.В. Теория вероятностей и математическая статисти-

стика: Учебник. 2-е изд., испр. и перераб. М.: Форум: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 240 с.

16. Елисеева И.И. Общая теория статистики. М.: Финансы и статистика, 2005. 657 с.

17. Чеснокова Л.А., Яшина Н.И. Распределение налога на прибыль между федеральным и региональным бюджетами на основе коэффициента вариации //

Налоги и налогообложение. 2015. № 9. С. 665–673.

18. Митяков Е.С., Корнилов Д.А. К вопросу о выборе весов при нахождении интегральных показателей экономической динамики // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. 2011. № 3. С. 289–299.

DIFFERENTIATION OF TAXES WITH REGARD TO THE LEVELS OF THE RUSSIAN FEDERATION'S BUDGETARY SYSTEM

L.A. Chesnokova, N.I. Yashina, M.Yu. Ginzburg

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

In this article, the possibility of application of quantitative indicators for differentiation of taxes with regard to the levels of the budgetary system is considered. The authors propose a system of indicators for the income tax and an algorithm to calculate such indicators. Based on the theory of weights and the coefficient of variation, it is proposed to differentiate (in terms of specific percentages) corporate taxes according to the peculiarities of the tax capacity of each territorial subject of the Russian Federation. The study performed by the authors covered 83 regions of the Russian Federation during the period from 2008 to 2012. As a result, subjects of the Russian Federation are subdivided into 8 groups according to the amount of assignments of the corporate tax to the federal and regional budget.

Keywords: corporate tax, algorithm, variation coefficient, distribution, receipt, uniformity, budget.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.4

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ОЦЕНКЕ АКТОРОВ ПРОЦЕССА

© 2016 г.

*А.О. Грудзинский,¹ О.А. Палева²*¹Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского²Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет

palolga@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 05.09.2016**Статья принята к публикации 10.09.2016*

Уточняется понятие функциональности высшего образования для всех акторов образовательного института. Делается вывод о том, что компетентностная модель, повышающая конкурентоспособность современного образования, должна содержать самостоятельную группу учебно-познавательных и предпринимательских компетенций. Отражены результаты шестиступенчатого социологического исследования в целях изучения мнения студентов, преподавателей и работодателей относительно ключевых компетенций, повышающих функциональность образования. На основании материалов исследования предлагается доработка ФГОС ВО на первом уровне высшего образования, конкретизирующая перечень ключевых компетенций, повышающих актуальность образования.

Ключевые слова: функциональность образования, общество знаний, компетентностная модель образования, компетентностный подход, ключевые компетенции, учебно-познавательные и предпринимательские компетенции, компоненты группы учебно-познавательных и предпринимательских компетенций.

О функциональности высшего образования в современном обществе знаний

Современное общество, подверженное масштабным изменениям, происходящим во всех его сферах, побуждает ученых к поиску новых моделей, описывающих эти изменения, так как те модели, что были разработаны в индустриальном и постиндустриальном обществе, не работают в инновационном обществе знаний. Если индустриальное общество базировалось на материальных факторах, то, изменив свои социально-экономические и культурные характеристики, оно превратилось в общество знаний, где огромное значение имеет нематериальный капитал [1]. Общество знания отличается от своих предшественников тем, что оно является в беспрецедентной степени продуктом собственных действий [2].

Сегодня конкурентоспособность членов этого общества зависит от того, насколько массово они будут проявлять такие качества как способность к познанию и самообучению, инициативе и предпринимательству. Тогда функциональность высшего образования нужно обсуждать в контексте того, как образовательные учреждения прививают эти качества выпускникам, способствуют ли приобретенные качества трудо-

устройству. Очень важно осознавать, что целевое долгосрочное закрепление на конкретном предприятии, принятое в индустриальном обществе, больше не является первостепенной задачей современной личности. Ее потребности гораздо шире и включают в себя возможности обеспечения самозанятости, способность к переквалификации и смене области профессиональной деятельности, способность к обучению в течение всей жизни, способность к предпринимательскому поведению.

Функциональность высшего образования необходимо рассматривать с точки зрения всех участников процесса, к которым, помимо обучающихся, относятся преподаватели, формирующие необходимые в современном обществе качества, и работодатели, получающие некий готовый продукт в виде выпускника вуза, который будет рентабельным только при наличии у него этих качеств.

Современная мировая образовательная практика структурирует необходимые обществу способности выпускника вуза в рамках принятой образовательной компетентностной модели. Российское высшее образование внедрило компетентностный подход в свои стандарты в 2010 г. Федеральные государственные образовательные стандарты используют модель, состоящую из двух групп компетенций — общекультурные и

профессиональные. К сожалению, данные стандарты далеко не совершенны в вопросе выделения компетенций, отвечающих за формирование у выпускников качеств, необходимых в современном обществе знаний. Способности к познанию, инициативной деятельности и предпринимательству сложно выделить в группе общекультурных компетенций. В то же время развитие у обучающихся данных способностей является приоритетным как на международном, так и на европейском уровне. Например, Коммюнике Ереванской встречи 14–15 мая 2015 г. Единого пространства высшего образования Европы указывает на необходимость повышения качества и актуальности обучения через формирование творческих, инновационных и предпринимательских компетенций [3].

Поэтому актуальным является исследование роли группы учебно-познавательных и предпринимательских компетенций (УППК) в обеспечении функциональности высшего образования в современном обществе знаний с точки зрения всех участников процесса.

Анализ проблем функций образования, активно обсуждаемых такими зарубежными исследователями как Э. Дюркгейм [4], Т. Парсонс [5], Р. Мертон [6], был дополнен изучением роли компетентностных образовательных моделей в повышении функциональности образования; в западном обществе это направление развивали и развивают Л. Спенсер [7], Д. Макклиланд [8], Д. Равен [9], Р. Уайт [10], Р. Бояцис [11], Г. Страка [12] и другие.

Для российской школы компетентностный подход в определении целей и содержания образования не является чем-то новым, разработки по данной тематике в психолого-педагогическом направлении относятся еще к советскому периоду и принадлежат таким ученым как В.В. Давыдову [13], И.Я. Лернеру [14], Г.П. Щедровицкому [15] и другим.

И.А. Зимняя [16], А.В. Хуторской [17], В.С. Сенашенко [18], А.М. Осипов [19], А.А. Московская [20], Л.С. Гребнев [21], А.О. Грудзинский [22] развивают относительно новое направление, связанное с изучением роли компетентностных моделей в построении образовательных процессов в вузе. В работах этих ученых уже ведется дискуссия о том, как учебно-познавательная компетенция отражает способность человека к саморазвитию.

Направление, связанное с изучением влияния предпринимательских компетенций на повышение функциональности образования, в российской школе появилось сравнительно недавно, и, по мнению ведущих исследователей в этой области, наша практика опережающего предприни-

мательского обучения существенно отстает от мировой действительности [23]. В работах С.С. Гиля [23], Г.В. Широковой, Т.В. Цукановой, К.А. Богатыревой [24], Ю.Б. Рубина [25] говорится о предпринимательской компетенции, как об универсальной и востребованной для любой профессии. А с 2014 г. содействие развитию предпринимательства в России является одним из важнейших вопросов для федеральных и региональных органов управления, что фиксируют ряд целевых программ.

Изучением вопроса, насколько структура и содержание образовательных программ отвечают реальным потребностям рынка труда, заняты В.В. Зырянов, Е.В. Караваева [26], А.Л. Демчук, Ю.Д. Артамонова [27], И. Б. Котловский, Е.Н. Ковтун, А.В. Синяков, И.Г. Телешова, С.В. Коршунов, Б.А. Сазонов [28].

Несмотря на все возрастающую важность роли УППК в компетентностной модели образования, вопрос этот изучается довольно поверхностно, и данная группа компетенций очень слабо отражена в государственных стандартах.

Функциональность образования сегодня – это разработка учебных программ с учетом тех требований, которые предъявляет к выпускнику вуза рынок труда. Сейчас эти требования конкретизированы ФГОС третьего поколения, где основным является компетентностный подход.

Результаты исследования

В своих предыдущих работах мы говорили о необходимости комплексного изучения вопроса о роли компетентностного подхода в повышении функциональности образования в современном обществе знаний, и давали обзор американского и немецкого компетентностных подходов [29, 30]. Так как переход России на компетентностную модель образования находится еще на начальной стадии, а исследования этой модели ведутся, в основном, с психолого-педагогической стороны, необходим комплексный социологический обзор опыта тех стран, где процесс внедрения давно завершен, имеются положительные результаты и анализ взаимосвязи образования со всей социальной системой (экономическими, политическими, социокультурными факторами) [29].

Изучив опыт Германии и США по внедрению компетентностной модели в образование и оценив текущую ситуацию, связанную с переходом на компетентностное образование в России, мы провели исследование, состоящее из двух этапов по шести направлениям в период с 2008 по 2015 гг. Так как функциональность образования сегодня – это разработка учебных про-

грамм с учетом тех требований, которые предъявляет к выпускнику вуза рынок труда, а эти требования конкретизированы ФГОС третьего поколения, необходимо изучить мнения всех участников образовательного процесса (студентов, преподавателей, работодателей), а также проанализировать стандарты ФГОС на предмет наличия в них необходимых современному обществу компетенций.

Первый этап исследования проходил в 2008 – 2009 гг. среди студентов США, Германии и России. Опрос проводился среди 100 американских, 100 немецких и 100 российских студентов третьего – четвертого года обучения с целью определения уровня владения ими базовыми компетенциями. Анкета из 36 вопросов была разработана таким образом, что ответы дают представление о мнении студентов относительно действующей сегодня в каждой из трех стран компетентностной модели, акцент ставился на учебно-познавательную компетенцию [29].

Второй этап начался в 2014 г. Опрос проводился среди 300 студентов нижегородских вузов. Цель опроса – выяснить, есть ли изменения во мнении студентов относительно базовых компетенций, так как в последние годы компетентностная модель активно внедрялась в образовательный процесс.

Так как опрос 2014 г. выявил существенные изменения в отношении российских студентов к базовым компетенциям, в 2015 г. был проведен опрос еще 600 студентов нижегородских вузов, подтвердивший эти изменения.

Фокус нашего исследования теперь направлен не просто на учебно-познавательную компетенцию, а на учебно-познавательную и предпринимательскую (УППК), так как основные тенденции развития современного общества знаний требуют формирования у студентов этой компетенции в числе базовых. Сравнительные итоги подводились по известным компонентам этой компетенции – мотивационно-ценностному, содержательно-деятельностному и рефлексивно-оценочному, и нами был добавлен четвертый компонент – инициативно-лидерский, показывающий, сформирована ли у студентов предпринимательская компетенция. Внутри каждого компонента находятся базовые качества, отвечающие за формирование этого компонента. Внутри мотивационно-ценностного компонента: мотивация и самомотивация. Внутри содержательно-деятельностного компонента находятся: особенности предпочтения различных компонентов учебной деятельности, познавательная активность и познавательная самостоятельность. Внутри рефлексивно-оценочного компонента: способы проверки знаний, наличие

или отсутствие самоконтроля, индикатором которого выступает частота проверок знаний; получение результата как элемента активности самосовершенствования. Внутри инициативно-лидерского компонента: инициативность, настойчивость, ответственность, влияние и убеждение, эффективность и результативность.

Что касается мотивационно-ценностного компонента, то результаты опроса американских и немецких студентов показали, что студенты США мотивированы к обучению применением знаний на практике. Студенты ФРГ мотивированы к учебе собственным выбором и ответственностью. Результаты опроса русских студентов в 2008 г. демонстрируют мотивацию к учебе внешними мотивами, такими как получение и сохранение работы, сохранение хороших отношений с родителями, а также необходимостью сдавать экзамены (52.2%). Результаты опроса 2014–2015 гг. показали, что 25% студентов среди прочих мотивирующих факторов указывают также собственный выбор, ранее этот пункт не выходил за пределы 3%.

Исследование содержательно-деятельностного компонента УППК показало следующее. Студенты США предпочитают работать в вузе в группах, домашнюю работу выполняют в библиотеке, желают усваивать знания тем же способом, как и другие. Студенты ФРГ предпочитают совмещение традиционного обучения с работой над проектом, домашнее задание выполняют в библиотеке, больше всего любят работать индивидуально (самостоятельно). Студенты из России по результатам 2008 г. предпочитают традиционное обучение в вузе и занятия дома (77.3%), и считают, что заучивание наизусть – гарантированный способ получения положительной оценки на экзамене. В 2014–2015 гг. столь же высокий процент опрошенных выбрал традиционное обучение и занятия дома (75%), а вот ко-



Рис. 1. Развитие мотивационно-ценностного компонента у студентов России (что мотивирует студентов к учебе, доля опрошенных в процентах)

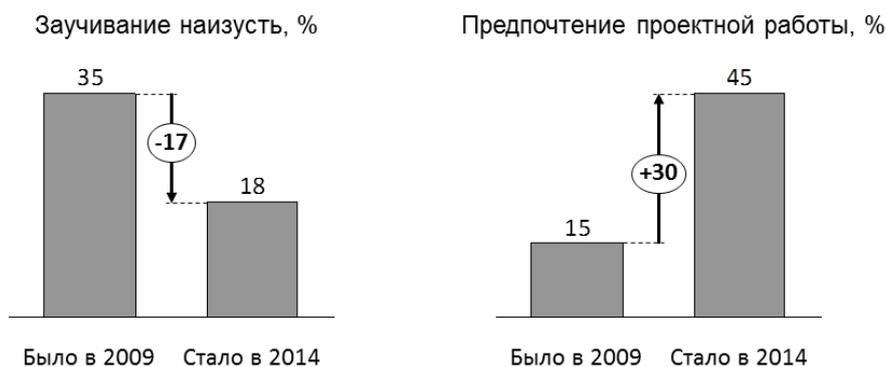


Рис. 2. Развитие содержательно-деятельностного компонента у студентов России (организация учебной деятельности, доля опрошенных в процентах)

личество считающих, что заучивание наизусть – это хороший способ сдать экзамен, снизилось в 1.5 раза. Также появилось большое количество студентов (45%), желающих регулярно работать над практическими проектами.

Изучение рефлексивно-оценочного компонента показало, что американские студенты предпочитают знать только личный результат в конце курса обучения, а в качестве проверки выбирают тесты с множественным вариантом ответов. Для немецких студентов важен личный результат с комментариями преподавателя, они предпочитают получать оценки по блоку дисциплин, а в качестве проверки выбирают тесты со свободным ответом. Российские студенты сравнивают себя с другими (33,8%), предпочитают частые и регулярные проверки знаний, особенно в виде экзаменов (33%). Эти показатели оказались практически одинаковыми при проведении опросов в 2008 и в 2014–2015 гг.

В 2008 г. у опрошенных российских студентов не было выявлено позитивного значения ни одного компонента учебно-познавательной и предпринимательской компетенции. Изучение мотивационно-ценностного компонента показало отсутствие самомотивации и наличие внешних мотивов. Значениями факторов содержательно-деятельностного компонента оказались: не самостоятельны, не готовы к современным способам обучения, не стремятся к пониманию вопроса, а заучивают наизусть. Внутри рефлексивно-оценочного компонента факторы приняли следующие значения: проверки знаний должны быть частыми, чтобы можно было сдать предмет и забыть про него, интересуют не столько личный результат, сколько то, чтобы он не был худшим в группе. Инициативно-лидерский компонент отсутствовал. При этом все четыре компонента УПК у американских и немецких студентов оказались сформированными.

По итогам опроса 2014–2015 гг. мы наблюдаем определенные позитивные изменения во всех компонентах, входящих в учебно-познавательную компетенцию. По сравнению с 2009 г. при изучении мотивационно-ценностного компонента выяснилось, что хотя он по-прежнему перегружен внешней мотивацией (получение и сохранение работы, необходимость сдавать экзамены и поддерживать хорошие отношения с родителями), тем не менее более часто стало указываться значение показателя «собственный выбор», т.е. у студентов появляется самомотивация, которой не было раньше. В содержательно-деятельностном компоненте тоже появились изменения, демонстрирующие положительную динамику. Несмотря на то, что студенты по-прежнему предпочитают традиционное обучение в вузе и традиционные занятия, значение показателя «предпочитают учить наизусть» снизилось в 1.5 раза. Появилось большое количество студентов, предпочитающих практическую работу над проектом традиционным занятиям в виде лекций и семинаров. В 2014–2015 гг. появляется инициативно-лидерский компонент. Студенты считают важным и необходимым настаивать на собственном мнении, учатся грамотно и эффективно распределять время в организации учебного процесса, берут на себя ответственность за это.

Параллельно в 2014–2015 гг. велось исследование, связанное с изучением мнения работодателей в России и за рубежом относительно учебно-познавательной и предпринимательской компетенции. Работодатели играют ключевую роль в определении тех базовых компетенций, которые нужны сегодня, так как являются заказчиками некоего конечного продукта, выпускаемого вузами. У истоков действующей американской компетентностной модели в свое время стояла Американская Ассоциация Менеджмента определившая пять кластеров ком-

петенций эффективного менеджера [31]. О необходимости перехода на компетентностную модель в Германии тоже заговорили немецкие предприниматели, которые в середине 90-х гг. прошлого столетия массово подняли вопрос о том, что существует разрыв между требованиями, которые предъявляет к выпускнику рынок, и реальным уровнем подготовки к взрослой самостоятельной жизни в условиях рынка [32].

Анализ существующих сегодня исследований мнений российских предпринимателей о ключевых компетенциях, прежде всего иллюстрирует важность постоянного взаимодействия бизнеса и образовательной системы для своевременного устранения всех несоответствий между федеральным государственным образовательным стандартом и реальными потребностями работодателей относительно качеств, которые должны быть сформированы у выпускника вуза. Следует обратить внимания на два основных момента: во-первых, студенты придают небольшое значение общекультурным компетенциям (у очно-заочной формы обучения количество тех, кто считает эти компетенции несущественными, доходит до 65%), обучающиеся считают, что для успешной карьеры в будущем гораздо важнее овладеть профессиональными компетенциями. [33]. И второй очень важный момент – усиление заинтересованности обучающихся в освоении предпринимательских компетенций (с 2011 г. доля заинтересованных выросла на 5,4%, но при этом у 60% российских студентов вообще не было курса по предпринимательству [24]. Что снова подтверждает необходимость выделения отдельной группы учебно-познавательных и предпринимательских компетенций.

Еще одно направление исследования было посвящено изучению мнений преподавателей относительно существующего компетентностного подхода. 50 глубинных интервью, проведенных с преподавателями нижегородских вузов, показывают, что отличительной особенностью адаптации компетентностной модели в российском образовании является низкий уровень знаний рядовых преподавателей о блоках компетенций, которые выделяются ФГОС ВО поколения три плюс, и, тем более, и о том, какие компетенции прописаны в этих блоках.

К основным итогам опроса экспертов можно отнести следующее:

– различаются ответы тех, кто имеет отношение к административной работе, и тех, кто ведет исключительно преподавательскую деятельность;

– даже в случае общего понимания того, что находится в блоках компетенций ФГОС ВО,

подавляющая масса преподавателей не осознает реального наполнения блока общекультурных компетенций;

– большинство преподавателей подчеркивает важность профессиональных компетенций;

– менее 50% опрошенных имеют четкое понимание, что такое учебно-познавательная и предпринимательская компетенции.

Шестое направление исследования, завершившееся в 2016 г., было посвящено анализу ФГОС ВО по направлениям бакалавриата (всего было проанализировано 10 блоков (физико-математические науки, естественные науки, гуманитарные науки, социальные науки, образование и педагогика, экономика и управление, сфера обслуживания, транспортные средства, архитектура и строительство, безопасность жизнедеятельности, природоустройство и защита окружающей среды) по 5 направлений в каждом, итого – 50 стандартов). Из проведенного исследования очевидно, что учебно-познавательная компетенция выделяется слабо, а о необходимости развития предпринимательской компетенции вообще говорится только в ограниченном количестве стандартов, связанных с экономикой и управлением. То есть учебно-познавательная компетенция не является доминирующей в блоке общекультурных компетенций, сложно выделить четкий перечень составляющих учебно-познавательной компетенции, опираясь на текст стандартов. Контент-анализ текста образовательных стандартов демонстрирует отсутствие четкого перечня компетенций, формирующих эти умения. Учебно-познавательная компетенция практически не выделяется в блоке общекультурных компетенций, не является узнаваемой и понятной, что показал и опрос преподавателей. Выделяются следующие компетенции, которые встречаются в блоке «Общекультурные компетенции» в исследуемых стандартах, относящиеся к учебно-познавательной компетенции:

– способность к объективному восприятию информации, ее анализу и обобщению,

– способность к приобретению новых знаний при помощи использования современных технологий,

– обладание высокой мотивацией к осуществлению своей профессиональной деятельности,

– способность работать как самостоятельно, так и в коллективе,

– способность к критическому осмыслению накопленного опыта и к переквалификации,

– способность к принятию решений в нестандартных ситуациях и готовность нести за них ответственность.

Таблица 1

Частота упоминаний общекультурных компетенций (ОК) экспертами

ОК повышают общую культуру	ОК отнимают время от усвоения профессиональных компетенций	ОК лежат в основе других компетенций	Отсутствует четкое понимание, зачем нужны ОК
38	8	10	2

Что же касается столь актуальной сегодня предпринимательской компетенции, то упоминания о ней практически не встречаются за пределами блока «Экономика и управление», но и внутри этого блока наиболее полно она отражена лишь в стандарте по специальности «Управление персоналом».

Под предпринимательскими компетенциями сегодня понимают доказанные способности выпускника вуза достигать коммерческих результатов в избранных сферах деятельности [23].

Количество необходимых предпринимательских компетенций варьируется в зависимости от сложности задач, которые необходимо решить, тем не менее существует перечень ключевых компетенций, которые сегодня необходимы каждому выпускнику вуза:

- умение выдвигать и утверждать бизнес-идеи;
- умение разрабатывать бизнес-модель и бизнес-план нового бизнеса;
- умение учреждать бизнес-единицы и выступать их участником;
- умение обеспечивать разработку и выведение на рынок продукта / услуги;
- умение создавать команду бизнеса;
- умение осуществлять ресурсное обеспечение бизнеса;
- умение обеспечивать безопасность бизнеса;
- умение обеспечивать конкурентоспособность и конкурентную устойчивость бизнеса;
- умение обеспечивать бесперебойное ведение и развитие совокупности внутрифирменных и межфирменных бизнес-процессов и бизнес-коммуникаций;
- умение осуществлять выход из бизнеса [23].

Данные компетенции практически не отражены в блоках общекультурных компетенций ФГОС ВО 3+, даже в стандартах направления «Экономика и управление» нет подробного перечня предпринимательских компетенций.

Мы же говорим о важности доработки ФГОС ВО 3+ в соответствии с требованиями сегодняшнего функционального образования, основанного на УППК, для чего предлагаем в общем блоке общекультурных компетенций (ОК), который у разных специальностей варьируется от 13 до 22 пунктов, выделить отдельный блок, посвященный УППК, состоящий из 10 унифицированных компетенций, отвечающих за формирование

способностей, необходимых выпускнику вуза в современном обществе знаний.

Обсуждение результатов

В заключении, характеризуя отношение всех акторов образовательного процесса к пониманию функциональности современного высшего образования, можно отметить, что необходимость внедрения нового набора компетенций, от которых и будет зависеть функциональность, осознается острее, чем 7–8 лет назад. Но наряду с этим существует большое количество проблем, мешающих вести обучение таким образом, чтобы оно действительно способствовало формированию этих компетенций. По результатам нашего исследования можно определить основные тенденции в отношении изменения требований функциональности образования, а также того, что мешает отвечать этим требованиям. Функциональность образования в условиях новой общественной парадигмы зависит от получения нового набора компетенций, который обязательно должен включать способность к постоянному познанию и предпринимательскому поведению (группа УППК). Компетентностная модель эволюционирует в соответствии с требованиями функционального образования и нуждается в изменении набора компетенций, что необходимо и работодателям, желающим получить специалистов со сформированными новыми качествами. И если студенты испытывают потребность в получении УППК, хотя и не четко осознают, какие компетенции являются ключевыми, то преподаватели не всегда готовы обучать в соответствии с новыми требованиями. Вышеуказанные сложности связаны, безусловно, с тем, что компетентностный подход в российском высшем образовании используется относительно недавно. Компетентностная модель, внедряемая в российское образование, сталкивается с определенным противодействием на всех его уровнях, так как любое реформирование образовательной системы влечет за собой ряд сложностей, связанных с неготовностью всех участников образовательного процесса принимать изменения. Предложенный примерный набор УППК, состоящий из четырех компонентов, должен существенно упростить задачу тем, кто отвечает за формирование этих ком-

петенций, тем, кто обучается по стандарту, и на выходе представить рынку труда рентабельного выпускника, обладающего необходимыми сегодня качествами.

Список литературы

1. Stehr K. Das Produktivitätsparadox // Wissenschaft in der Wissensgesellschaft / Hrsg. von S. Boesch, I. Schulz-Schaeffer. – Opladen : Westdeutscher Verl., 2003. S. 77–93.
2. Экономика и социология знания: итоги и перспективы. Отчеты по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знания» / Научный совет по Программе фундамент. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». М.: ИСПИ РАН, 2012. 892 с.
3. Ереванское коммюнике / Перев. Е.В.Шевченко // Bologna Process – European Higher Education Area. URL: http://www.ehea.info/Uploads/SubmittedFiles/5_2015/112705.pdf. (дата обращения: 19.06.2016).
4. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
7. Спенсер Л.М., Спенсер С.М. Компетенции на работе. Модели максимальной эффективности работы. М.: НИРО, 2005. 384 с.
8. Маккллланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007. 672 с.
9. Равен Д. Компетентность в современном обществе. М.: Когито-Центр. 2002. 362 с.
10. White R. Motivation reconsidered: the concept of competence // Psychological Review. Vol. 66. № 5. 1959. P. 297–333.
11. Бояцис Р. Компетентный менеджер. Модель эффективной работы. М.: НИРО, 2008. 352 с.
12. Straka G.A. Neue Lernformen/Alte Lernformen: Gestaltungsaspekte der Berufsbildung in Deutschland. In Bundesinstitut für Berufsbildung. Bielefeld: Bertelsmann, 2005. S. 111.
13. Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении (логико-психологические проблемы построения предметов). М.: Педагогика, 1972. 424 с.
14. Лернер И.Я. Процесс обучения и его закономерности. М.: Знание, 1980. 96 с.
15. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление. Идеология, методология, технология. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014. 468 с.
16. Зимняя И.А. Компетентность человека – новое качество результата образования // Проблемы качества образования. Материалы XIII Всероссийского совещания. Книга 2. Компетентность человека – новое качество образования. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2003. 40 с.
17. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Интернет-журнал «Эйдос». URL: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm>. (дата обращения: 24.06.2016).
18. Сенашенко В.С. Компетентностный подход в высшем образовании: миф и реальность // Высшее образование в России. 2014. № 5. С. 34–46.
19. Осипов А.М., Иванова В.А. Институциональные функции – «пороговая» проблема современной социологии образования // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 111–124.
20. Московская А.А. Должно ли высшее образование соответствовать спросу на рынке труда // Высшее образование в России. 2015. № 10. С. 75–82.
21. Гребнев Л.С. Общекультурные компетенции и воспитывающие технологии // Высшее образование в России. 2015. № 10. С. 48–51.
22. Грудзинский А.О., Бедный Б.И., Плехова Ю.О., Бедный А.Б. Роль и структура инновационного предпринимательского образования в исследовательском университете // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 3(79). С. 56–63.
23. Гиль С.С. Предпринимательские компетенции: решения для подготовки «рентабельного» выпускника ССУЗА/ВУЗА. Обеспечение соответствия квалификации выпускников новым требованиям экономики. М.: Академический проект, 2015. С. 113–120.
24. Широкова Г.В., Цуканова Т.В., Богатырева К.А. Глобальное исследование предпринимательского духа студентов. Национальный отчет. Россия. 2013/2014. 46 с.
25. Рубин Ю.Б. Теория и практика предпринимательской конкуренции. М.: Маркет ДС Корпорейшн, 2003. 584 с.
26. Зырянов В.В., Караева Е.В. «Болевые точки» перехода // Аккредитация в образовании. 2013. № 64. С. 30–33.
27. Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л. Развитие академической мобильности в вузах России // Высшее образование в России. 2012. № 12. С. 86–95.
28. Котловский И.Б., Караева Е.В., Зырянов В.В., Ковтун Е.Н., Синяков А.В., Телешова И.Г., Коршунов С.В., Сазонов Б.А. Мониторинг эффективности внедрения ФГОС: задачи и критерии // Высшее образование в России. 2012. № 8–9. С. 3–14.
29. Грудзинский А.О., Палеева О.А. Компетентностный подход как основа функционального высшего образования в США и Германии: опыт для России // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2(1). С. 25–34.
30. Грудзинский А.О., Палеева О.А. Учебно-познавательная компетенция как базовый элемент функционального образования // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1(37). С. 107–115.
31. Delamare F., Winterton J. What is competence? // Human Resource Development International. Vol. 8. No. 1. March 2005. P. 27–46.
32. Дахин А.Н. Компетентностное обучение в России и за рубежом: попытка сопоставления // Вопросы информатизации образования. – Научно-практический альманах. – Сент. – дек. 2011. С. 45–53.
33. Дюгай Е.Е. Формирование компетенций: миф или реальность // Педагогическое мастерство: материалы междунар. науч. конф. М.: Буки-Веди, 2012. С. 7–12.

EDUCATION'S FUNCTIONALITY EVALUATED BY PROCESS ACTORS*O. Paleeva, A.O. Grudzinsky*

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering

The article specifies the functionality of higher education for all actors of the educational institute, concluding that competence model when increasing competitiveness of modern education should contain a distinct group of educational/cognitive and entrepreneurship competences.

The author describes the results of her six-stage research of students', teachers' and employers' opinion with regards to key competences increasing the functionality of education. On the basis of the conducted research the author suggests an update of the federal educational standards on the first level of education, specifying a number of key competences that increase the relevance of education.

Key words: functionality of education, innovation knowledge society, competence educational model, competence approach, key competences, educational/cognitive and entrepreneurship competences, components of educational/cognitive and entrepreneurship competences.

УДК 316

**К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕШЕНИЯ
В ОНТОЛОГИЯХ «СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА»
(трансцендентализм М. Вебера и децизионизм К. Шмитта)
Часть 1. Трансцендентализм М. Вебера**

© 2016 г.

*К.Г. Мальцев,¹ Е.А. Зайцева²*¹Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского²Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

Maltsevaannav@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 05.05.2016**Статья принята к публикации 10.08.2016*

Проводится сопоставительный анализ методологических принципов теорий социального познания М. Вебера и К. Шмитта; доказываемся, что трансцендентализм и децизионизм являются необходимыми условиями возможности теории «социального порядка»; предлагается новая интерпретация процедуры каузального сведения М. Вебера и радикальной понятийности К. Шмитта; выявляются структурные тождества в описаниях трансцендентального субъекта познания и суверена – в их отношении к «социальному порядку»; определяется принцип различения дискурса и теории. В результате анализа способов репрезентации социальной действительности в «понимающей социологии» М. Вебера и в «радикальной понятийности» К. Шмитта приводятся аргументы в пользу утверждения К. Шмитта о конститутивности решения для «социального порядка».

Ключевые слова: социальный порядок, трансцендентализм, децизионизм, причинность, решение, случай, радикальная понятийность, очевидность, суверен, репрезентация.

Постановка вопроса

Исследование метода теоретического познания социальной действительности приобретает в убедительности в случае, если предметом изучения становятся теории, относительно методологической последовательности и пуризма которых достигнуто максимальное согласие научного сообщества и которые, как правило, квалифицируются им как «классические». В том случае если, опять же по согласному мнению профессиональных исследователей данной предметной области, такие теории полагаются в методологическом отношении существенно различными, но относительно конститутивных принципов их методологии удается аргументированно доказать (и, желательно, продемонстрировать посредством логической реконструкции, интерпретации, сопоставительного анализа) совпадение, – можно рассчитывать на приближение к очевидности, которой недостает именно социальному познанию (длящиеся с момента появления социологии как науки споры о методе, постоянная констатация методологического кризиса теоретической социологии¹ – лучшее подтверждение недостатка очевидности). Едва ли можно представить что-то столь различающееся, чем теоретическая социология М. Вебера и теория социального порядка К.

Шмитта: разные традиции, школы, понятийный аппарат, – по-видимому, они не совпадают ни в чем (может быть, кроме общей для них теоретической атмосферы новоевропейской философии, – но любую метафизику мы, насколько было возможно, вывели «за скобки» нашего рассмотрения в этой статье). Тем интереснее проследить, каким образом М. Вебер и К. Шмитт могут быть приведены к согласию – в радикальной понятийности (термин К. Шмитта), репрезентирующей социальную действительность. «Случай» и «решение» эксплицированы нашим исследованием в качестве конститутивных моментов методологии названных теоретиков «социального порядка»; задачей настоящей статьи является приведение доказательств данного утверждения.

Для того чтобы решение было осознано в своем конститутивном отношении социального порядка статусе², необходимо подозрение в «окказиональной природе» социальной реальности; романтический субъект (К. Шмитт, «Политический романтизм») перевел окказионализм как философское учение в статус одной из наиболее влиятельных установок общественного сознания³. В реальности, где случай (occasio) имеет по крайней мере не меньшее значение, чем причина (causa) (причем в данном случае совершенно неважно, для «самой» реальности

или для знания о ней), решение (Бога, заменяющей его инстанции, человека, субъекта и т.п.) становится не просто конститутивным для социальной реальности, но и условием ее возможности как таковой; децизионизм становится необходимым элементом социальной теории. Можно сказать иначе: в той степени, в какой социальной действительности приписывается «разрыв» (или мы *видим* разрыв, или мы *постулируем* его из каких-либо соображений, например революционных, – не суть⁴), в той степени решение является конститутивным ее (действительности) моментом, а *децизионизм* – необходимым принципом социальной теории. У М. Вебера и К. Шмитта были разные основания для того, чтобы включить случай в онтологию социального порядка; в результате мы имеем последовательности их рассуждений, сопоставимые в ключевых моментах; в той степени, в какой эти последовательности *необходимы*, – они являются *теориями*, сопоставление которых представляет научный интерес.

Необходимость «отсылки к решению» была осознана и помимо рассуждений о социальном: дуализм Декарта стал проблемой для европейской философии и «ответы»: «пари» Паскаля, «дьявольское зло» Канта, «*ungrund*» как основа свободы Шеллинга – вводили решение в онтологию не только социального порядка, но и мира в целом. Выбор в названных случаях (у Канта и у Шеллинга – «до времени», изначальный) конститутивен, так как изначально определяет «реальность» и даже «полагает» ее⁵. С. Жижек в работе «Возвышенный Объект Идеологии», интерпретируя гегелевскую «триаду рефлексии» (полагающая, внешняя, определяющая рефлексия) [3, с. 201], пишет: «Это один из главных уроков философии Гегеля: когда мы что-то совершаем, вмешиваемся в течение событий посредством какого-либо конкретного поступка, то реальное действие состоит не в этом индивидуальном, практическом, конкретном вмешательстве (или невмешательстве) в события. Реальное действие обладает символической природой, оно состоит в том, каким образом мы заранее структурируем мир, его восприятие так, чтобы сделать вмешательство возможным, чтобы открыть в нем (в мире) пространство для деятельности (или бездеятельности). Реальное действие, следовательно, предшествует конкретной, фактической деятельности; оно состоит в предварительном реконструировании символического универсума так, чтобы в него оказалось возможно вписать (конкретный) поступок» [3, с. 215]; «еще до того, как начать действовать в мире, нам необходимо совершить чисто формальный акт по обращению объективно

данной действительности в действительность «порождаемую сознанием», «полагаемую субъектом» [3, с. 216]; «такова суть проблемы «полагания предпосылок»: в своей конкретно-эмпирической деятельности субъект предпосылает себе, постулирует объективный «мир», в котором он действует, как заранее данный ему, как позитивное условие своей деятельности. Однако эта эмпирическая деятельность оказывается возможной только после того, как субъект структурирует свое восприятие мира таким образом, чтобы открыть в нем пространство для своего вмешательства. Другими словами, эмпирическая деятельность становится возможна только в том случае, если субъект ретроактивно полагает сами предпосылки своей деятельности, своего «полагания». Это «действие до действия», которым субъект полагает сами предпосылки своей деятельности, обладает в строгом смысле слова формальной природой. Это чисто формальное «обращение» действительности в нечто воспринимаемое, в нечто содеянное нами» [3, с. 217]. Эти предварительные замечания, выполняя роль аргументации посредством отсылки к авторитету в отношении существенности «вопроса о решении» в новоевропейской мысли, одновременно указывают нам направление исследования способов «вписания» решения в онтологию социального порядка.

Трансцендентализм М. Вебера

М. Вебер указывал на конститутивное значение решения для трех случаев: во-первых, при определении границ научного социального познания; во-вторых, при осуществлении процедуры «отнесения к ценности», выделяющей фрагмент социальной реальности для познания в качестве имеющего «культурное значение», то есть при конструировании предмета познания социологии как науки о действительности; в-третьих, в соответствии с общей методологической позицией баденского неокантианства, в процедуре «каузального сведения», решающей предпосылкой возможности которой является выход за рамки жесткой причинной необходимости порядка природы с опорой на точку зрения, укорененную в «царстве свободы», открытой практическим разумом. Все три указанных «случая», когда, по Веберу, требуется «принять решение», не просто связаны между собой, но представляют разные стороны одного и того же – манифестации конститутивной сущности воли в отношении всякой, в нашем случае – социальной, действительности.

Определяя границы социологии как эмпирической науки (то есть ограниченной опытом;

вопрос о том, насколько М. Вебер был связан кантовским, по мнению некоторых современных исследователей – физикалистским и ограниченным, пониманием опыта⁶, в данный момент нас не интересует), М. Вебер писал: «Можно, как я полагаю, без всякого сомнения установить, что при вынесении оценок в области практической политики (следовательно, также экономики и социальной политики) в той мере, в какой речь идет о том, чтобы вывести из них директивы для практически ценных действий, эмпирическая наука может своими средствами определить только следующее: во-первых, необходимые для этого средства; во-вторых, неизбежные побочные результаты предпринятых действий; в-третьих, обусловленную этим конкуренцию между возможными различными оценками и их практические последствия» [5, с. 566]. Средствами философских наук можно, помимо этого, «выявить «смысл» таких оценок, то есть их конечную смысловую структуру и их смысловые следствия; другими словами, указать на их место в ряду всех возможных «последних» ценностей и провести границы в сфере их смысловой значимости» [5, с. 566]; но: «Даже ответы на такие, казалось бы, простые вопросы, как, например, в какой степени цель оправдывает неизбежные для ее достижения средства, или до какого предела следует мириться с побочными результатами наших действий, возникающими независимо от нашего желания, или как устранить конфликты в преднамеренных или неизбежных целях, сталкивающихся при их конкретной реализации, – все это дело выбора или компромисса. Нет никаких научных (рациональных или эмпирических) методов, которые могут дать нам решение проблем такого рода, и менее всего может претендовать на то, чтобы избавить человека от подобного выбора, наша строго эмпирическая наука, и поэтому ей не следует создавать видимость того, будто это в ее власти» [5, с. 567]. Вебер настаивает на том, что наука об обществе (или группа наук – социальные науки) есть наука о действительности; что «наша наука, как и другие науки, занимающиеся институтами и процессами культуры, исторически вышла из практических точек зрения. Ее ближайшая и первоначально единственная цель заключалась в разработке оценочных суждений об определенных политико-экономических мероприятиях государства. Она была «техникой» в том же смысле, в каковом таковой в области медицины являются клинические дисциплины. Известно, как такое положение постепенно изменялось, хотя принципиальное разъединение в познании «сущего» и «долженствующего быть сущим» не

произошло» [6, с. 346]; цель познания, таким образом, связана с практической точкой зрения, то есть с точкой зрения действующего индивида, – и решение о выборе цели деятельности, по крайней мере, не детерминировано научным знанием в той мере, в какой из описанных выше возможностей научного знания следует очевидность «полной невозможности претворения в жизнь пусть даже самого приблизительного, какого бы то ни было постулата ценности, поскольку нельзя выявить возможные для этого пути» [7, с. 568]. Итак, решение о цели деятельности (элементом социальной реальности для Вебера является целенаправленная деятельность индивида, имеющая социальный смысл, то есть учитывающая других индивидов) определяет точку зрения, относительно которой структурируется научное социальное знание как описание условий, средств и т.п. этой целенаправленной деятельности. Цель всегда предполагает некую ценность как основание предпочтения для действия. Для удобства анализа Вебер методологически различал целерациональную и ценностнорациональную деятельность как две стороны осмысленного, то есть направленного к цели действия: «Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально рассматривает отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу, то есть действует, во всяком случае, не аффективно (прежде всего не эмоционально) и не традиционно. Выбор между конкурирующими и сталкивающимися целями и следствиями может быть в свою очередь ориентирован ценностнорационально – тогда поведение целерационально только по своим средствам. Индивид может также включить конкурирующие и сталкивающиеся цели – без ценностнорациональной ориентации на «заповеди» и «требования» – просто как данные субъективные потребности в шкалу по степени их сознательно взвешенной необходимости, а затем ориентировать свое поведение таким образом, чтобы эти потребности по возможности удовлетворялись в установленном порядке (принцип «предельной полезности»). Ценностнорациональная ориентация действия может, следовательно, находиться в различных отношениях с целерациональной ориентацией. С целерациональной точки зрения ценностная рациональность всегда иррациональна, и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение, ибо она в тем меньшей степени принимает во внимание последствия совершаемых действий, тем безус-

ловнее для нее самодовлеющая ценность поведения как такового (чистота убеждения, красота, абсолютное добро, абсолютное выполнение своего долга). Впрочем, абсолютная целерациональность действия тоже в сущности лишь пограничный случай» [7, с. 629–630]. Но, в любом случае, это различие типов действия не отменяет того простого факта, что целью деятельности может быть только то, что связано с ценностью; целью же науки является критика такой деятельности (то есть описание условий ее возможности, и затем все то, что мы, вслед за Вебером, определили как задачу социальных наук). Ценности в каждый данный момент в каждом данном обществе многообразны; «жизнь, основанная на самой себе и понимаемая из нее самой, знает только вечную борьбу богов, знает (если не прибегать к образу) только несовместимость наиболее принципиальных, вообще возможных жизненных позиций и непримиримость борьбы между ними, а следовательно, необходимость между ними выбирать» [7, с. 730], и, как было уже сказано, выбор не подлежит научной критике иначе, как «косвенно»: через сравнение и, может быть, через историческое объяснение наличествующих ценностей; науки «дают нам ответ на вопрос, что мы должны делать, если мы хотим технически овладеть жизнью. Но хотим ли мы этого и должны ли мы это делать и имеет ли это в конечном счете какой-нибудь смысл – подобные вопросы они оставляют совершенно нерешенными или принимают их в качестве предпосылки для своих целей» [7, с. 720]; исторические науки о культуре «учат понимать политические, художественные, литературные и социальные явления культуры, исходя из условий их происхождения. Но сами они не дают ответа ни на вопрос о том, были ли ценными эти явления культуры и должны ли они дальше существовать, ни на другой вопрос: стоит ли прилагать усилия для их изучения. Они предполагают уверенность, что участие таким путем в сообществе «культурных людей» представляет интерес. Но что это на самом деле так, они не в состоянии никому «научно» доказать, а то, что они принимают данный факт как предпосылку, еще отнюдь не доказывает, что это само собой разумеется. Это и в самом деле отнюдь не разумеется само собой» [7, с. 720–721].

Другой стороной того же самого, описанного выше, обстояния, является то, что выбор наукой объекта своего исследования тоже основывается на отнесении этого объекта к ценности, выделении его из бесконечного интенсивного и экстенсивного многообразия действительности; тематизация выделенного таким образом объекта в предмет руководствуется как раз целью,

которую преследует субъект познания, который, если отвлечься от случайности его исторических и биографических обстоятельств (что является необходимым условием научного исследования; привнесение этих обстоятельств в точку зрения познающего субъекта приводит к смешению отнесения к ценности и оценки, что, по Веберу, недопустимо), всегда остается культурным человеком. Поскольку «всякое мысленное познание бесконечной действительности конечным человеческим духом основано на молчаливой предпосылке, что в каждом данном случае предметом научного познания может быть только конечная часть действительности, что только ее следует считать «существенной», то есть достойной знания» [6, с. 369], то следует указать на основание такого предпочтения; мы это уже сделали, когда определили, что выбор происходит с точки зрения ценности: «Понятие культуры – ценностное понятие. Эмпирическая реальность есть для нас «культура» потому, что мы соотносим ее с ценностными идеями (и в той мере, в какой мы это делаем); культура охватывает те – и только те – компоненты действительности, которые в силу упомянутого отнесения к ценности становятся значимыми для нас. Ничтожная часть индивидуальной действительности окрашивается нашим интересом, обусловленным ценностными идеями, лишь она имеет для нас значение, и вызвано это тем, что в ней обнаруживаются связи, важные для нас вследствие их соотнесенности с ценностными идеями. Только поэтому – и поскольку это имеет место – данный компонент действительности в его индивидуальном своеобразии представляет для нас познавательный интерес. Однако определить, что именно для нас значимо, никакое «непредвзятое» исследование эмпирически данного не может. Напротив, установление значимого для нас и есть предпосылка, в силу которой нечто становится предметом исследования» [6, с. 374]. Важно понимать, что речь идет в данном случае не об исторически определенной ценности, но о ценности как идее: «Трансцендентальная предпосылка всех наук о культуре состоит не в том, что мы считаем определенную – или вообще какую бы то ни было – культуру ценной, а в том, что мы сами являемся людьми культуры, что мы обладаем способностью и волей, которые позволяют нам сознательно занять определенную позицию по отношению к миру и придать ему смысл. Каким бы этот смысл ни был, он станет основой наших суждений о различных явлениях совместного существования людей, заставит нас отнестись к ним (положительно или отрицательно) как к чему-то для нас значительному» [6, с. 379].

Точка зрения ценности, которую занимает культурный человек в отношении действительности, не обусловлена в своем формальном значении эмпирическим материалом (например, историческими или биографическими обстоятельствами), но логически предшествует любой исторической обусловленности (нас интересует в данном случае только точка зрения познающего субъекта, причем познающего научно; мы не хотим говорить в этой связи о «гносеологическом субъекте» неокантианства, хотя это было бы оправданно, но заставило бы в обосновании уклониться в сторону от предмета нашего рассуждения): «Познание культурной действительности – всегда познание с совершенно специфических особых точек зрения. Когда мы требуем от историка или социолога в качестве элементарной предпосылки, чтобы он умел отличать важное от неважного и основывался бы, совершая такое разделение, на определенной «точке зрения», то это означает только, что он должен уметь осознанно или неосознанно соотносить явления действительности с универсальными «ценностями культуры» и в зависимости от этого вычленять те связи, которые для нас значимы. Если часто приходится слышать, что подобные точки зрения «могут быть почерпнуты из материала», то это – лишь следствие навязного самообмана ученого, не замечающего, что он с самого начала в силу ценностных идей, которые он неосознанно прилагает к материалу исследования, вычленил из абсолютной бесконечности крошечный ее компонент в качестве того, что для него единственно важно» [6, с. 380].

Вопрос, следовательно, не в том, откуда берутся *вот эти* ценности; вопрос в том, откуда берутся ценности как таковые, что является условием возможности ценности как таковой. Ответ неокантианцев на этот вопрос известен; Вебер как один из крупнейших представителей этой школы – баденского неокантианства – был, одновременно, вполне ортодоксальным, в ее рамках, автором. Бесконечное воззрительное многообразие действительности в целом может рассматриваться научным естествознанием и есть как данная нам в опыте действительность – природа, всецело причинно детерминированная; естествознание есть способ знать эти причины (знание не отражает действительность, но имеет в отношении нее силу; причинности нет в самих вещах, но она есть только способ связи феноменов в нашем знании, но это «только» есть универсальная и необходимая связь опыта, то есть всего, что нам дано). Ценность *не есть* природа, не включена в эту причинно детерминированную реальность, она – другая реальность, открывающаяся *практическому разуму* как реаль-

ность идеи свободы и идеи долга. Закон этой реальности никак не связан с причинностью, формулируется Кантом как формальный принцип «ты должен, значит, ты можешь» и определен Кантом же посредством категорического императива (три формулировки категорического императива содержатся в работе Канта «Основоположения метафизики нравов» [8]). Точка зрения *долга* – единственная, которая может основываться не в универсальной причинной взаимосвязи природы, то есть идея ценности существенно связана с идеей долга.

Следует иметь в виду, что в этой области (в терминологии Канта – в «царстве свободы») нет никакого произвола; там есть причинность долга («должен, значит, могу»), которая в проекции с точки зрения ценности культурного индивида, познающего социальную действительность, принимает видимость телеологии так, что «телеологический характер истории обуславливается не целями, встречающимися в историческом материале, но лишь точками зрения, с которых производится оценка и которые имеются в виду при образовании исторических понятий» [9, с. 323]; но следует избегать вывода о действительности телеологической причинности в эмпирических науках: «В исторической науке, конечно, правомерна борьба против той телеологии, которая сводится к временному переворачиванию отношения причинности и допускает действующие цели. Причины, которые действуют прежде, нежели они действительны, никогда не бывают даны нам как факты, и поэтому, раз история должна быть эмпирической наукой, ее никогда не может занимать вопрос о том, оказывают ли на действительность влияние причины, обладающие способностью привлекать к себе материал для собственного их осуществления. Проблема телеологической причинности, если это вообще есть проблема, относится скорее к метафизике» [9, с. 321]. Но причинность, оформляющую действительность исторических наук о культуре, следует отличать от естественно-научной причинности; Риккерт делает это так: «Предпосылку, гласящую, что всякий процесс имеет свою причину, мы, чтобы отличать ее от законов природы, формулируемых эмпирическими науками, назовем не законом причинности, но основоположением причинности или каузальным принципом. Тогда, согласно нашей терминологии, всякая действительная связь причины и действия должна быть характеризуема как историческая причинная связь в самом широком смысле этого слова, так как всякая причина и всякое действие отличны от всякой другой причины и от всякого другого действия. Наконец мы говорим о каузальном

законе, когда индивидуальные причинные связи рассматриваются в отношении того, что общим с другими причинными связями, или если образуется безусловно общее понятие, содержащее в себе лишь то, что повторяется в каком угодно количестве причинных связей. Резюмируя это вкратце, мы отличаем историческую и естественнонаучную причинность друг от друга, а затем оба эти вида причинности от общего принципа причинности и, коль скоро соблюдается это трехчленное деление, оказывается, что понятие причинной связи как таковой отнюдь не заключает в себе понятия природной закономерности. Напротив того, понятие однократного и индивидуально-причинного ряда исключает возможность выражения его посредством понятий законов природы» [9, с. 352–353].

Точка зрения ценности культурного человека, укорененная в «царстве свободы» и, таким образом, внешняя по отношению к универсальной причинной взаимосвязи природы, обеспечивает общезначимость выделения фрагмента социальной реальности как имеющего культурное значение, детерминирует процесс его (фрагмента) познания в горизонте основоположения причинности посредством процедуры каузального сведения. Предметом каузального сведения являются исторические индивиды (Риккерт), или исторические факты (Вебер); Вебер различает два понятия исторических фактов: «Во-первых, такие компоненты действительности, которые, можно сказать, «само по себе» в своем конкретном своеобразии «представляют для нас ценность» в качестве объектов нашего интереса; во-вторых, такие, которые связаны с нашей потребностью понять те «представляющие для нас ценность» компоненты действительности в их исторической обусловленности как «причины» в ходе каузального регрессивного движения, как «оказывающие историческое воздействие» [10, с. 455]; задачей образования исторических понятий «является не подведение действительности под абстрактные родовые понятия, а расчленение ее на конкретные генетические связи, всегда сохраняющие свою специфическую индивидуальную окраску» [11, с. 71]; познание исторических фактов есть «введение «единичного факта» в качестве звена, то есть реальной причины, в реальную, следовательно, конкретную связь с применением также (среди прочего) и результатов образования понятий (с одной стороны, в качестве эвристического средства, с другой – как средство изображения)» [10, с. 436]; история есть наука о действительности потому, что для нее «индивидуальные единичные компоненты

действительности суть не только средство познания, но и его объект, а конкретные каузальные связи принимаются во внимание не как средство познания, а как реальное основание» [10, с. 436], социология, по Веберу, есть историческая наука о культуре, то есть к ней относятся все то, что Вебер определил верным для истории. Идеальный тип есть средство познания в исторических науках о культуре; никогда нельзя заранее сказать, какое из образованных понятий будет полезно для познания, критерий здесь – «в какой мере это будет способствовать познанию конкретных явлений культуры в их взаимосвязи, в их причинной обусловленности и значении» [6, с. 392]. Выводы исторических наук о культуре не субъективны, но общезначимы; «что становится предметом исследования и насколько глубоко это исследование проникает в бесконечное переплетение каузальных связей, определяют господствующие в данное время и в мышлении данного ученого ценностные идеи» [6, с. 382]; ведущая точка зрения связана с нормами нашего исследования, а «научная истина есть именно то, что хочет быть значимым для всех, кто стремится к истине» [6, с. 383]; в исследовании «идеально-типическое понятие – средство для вынесения правильного суждения о каузальном сведении элементов действительности» [6, с. 389]; идеальный тип не есть гипотеза, но «указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез. Не дает он и изображения действительности, но представляет для этого однозначные средства выражения» [6, с. 389].

Социальная действительность лишена того свойства природы, которое позволяет говорить о ней как универсально и всецело причинно определенной. В природе принцип эквивалентности причины и следствия не имеет исключений («закон сохранения энергии»); механическая причинность сведена к декартовскому толчку; подведение под закон возможно именно вследствие безусловности двух определенных выше принципов. Невозможность не просто количественно измерить отношение причины и следствия, но даже, ввиду отсутствия «границы», однозначно утверждать о связи двух исторических фактов/индивидов, вводит в реальность случай (разрыв, и как бы еще его ни называть) и заставляет считаться с каким-либо вариантом окказионализма. В случае М. Вебера – с субъектом познания: культурным человеком, который: имеет точку зрения, укорененную в ценности, возможность чего предоставляется «царством свободы». Если есть место случаю, то фрагменты социальной реальности условием своего упорядочения имеют решение субъекта, которое является точкой «кристаллизации» ус-

тойчивых образований, порядок которых определяется в отношении к детерминированной долгом воле субъекта не только как субъекта познания, но как субъекта целенаправленного действия: смысл действия есть условие устойчивости социального порядка. Решение не есть произвол: субъект, как мы видели, определен; существенной является не историческая определенность, но условие ее возможности: определенность долгом. Каузальное сведение, то есть установление генетических рядов, то есть структурирование социального порядка детерминировано ценностью; воля субъекта, его решение выбрать ценность, вернее, положить ее, и не произвольно, но в соответствии с формальным требованием долга, есть конститутивный акт, учреждающий социальный порядок. Мы возвращаемся к сделанным нами выше выпискам из книги С. Жижека «Возвышенный Объект Идеологии»: для того чтобы действовать, субъект должен положить условия, основания своих действий и познания, должен принять действительность (это подлинное решение является условием возможности деятельности, направленной к конкретной цели, которая тоже может описываться как последовательность решений; различие здесь скорее формальное, но от этого не менее значимое); общее основание здесь для М. Вебера как неокантианца – ценность и долг (долг как чистая форма; ценность – как содержание, исторически определенное, но, как идея ценности, тоже формальная). Итак, точка зрения исследователя имеет условием своей возможности точку зрения культурного человека, которая, в свою очередь, обусловлена точкой зрения свободного морально ответственного лица⁷: именно он, в конечном счете, является субъектом решения, встроенного в онтологию социального порядка, этот субъект трансцендентален (в кантовском смысле) причинному универсализму природы (в «трансцендентальном субъекте» совершенно нет ничего мистического; он постоянно «присутствует» у М. Вебера, что мы постарались показать). Различение между этими тремя точками зрения необходимо с точки зрения исследователя, желающего знать и принимать в расчет предпосылки своего исследования, то есть, если воспользоваться словами М. Хайдеггера [13], является условием «осмысленного говорения».

Примечания

1. В статье «Мультипарадигмальность в современной теоретической социологии: материалы к интерпретации» мы приводим многочисленные свидетельства авторитетных социологов и методологов социального познания о непрерывно длящемся (едва ли не с самого

момента появления науки) кризисе методологических оснований теоретической социологии [1].

2. По утверждению М. Вебера, социология как историческая наука о культуре есть наука о действительности; К. Шмитт, как мы увидим, в качестве методологического принципа определял для себя строгое воздержание от схем, «предшествующих» исследованию «феноменов действительности»; и для того, и для другого случая допустимо предварительно предположить, что «случай» имеет место в самой действительности; в результате исследования мы обнаружим способ, каким он «имеет место быть».

3. Ф.Р. Анкерсмит в «Политической репрезентации» писал: «Как заметил еще Карл Шмитт в «Политическом романтизме» (1919), просвещенческая ментальность была полностью противоположна «принципиальной беспринципности» парламентской демократии. Лишь романтизм с его уважением к разнообразию, ко всем парадоксам, оппозициям и противоречиям, присущим общественно-политической реальности, создал интеллектуальный климат, способствующий расцвету парламентской демократии. Было бы несправедливо забыть, какой вклад внес политический романтизм в становление представительной демократии и в зарождение политического мышления, необходимого для ее правильного функционирования. Политический романтизм – это нечто гораздо большее, чем националистический пафос или крайности (утопического) социализма: он также обеспечивает нас практикой представительной демократии» [2, с. 127–128].

4. В формальной логике, например у Зигварта, установлено, что основанием суждения является представление. Представления же не бывают истинными или ложными, они могут быть соответствующими «действительности» или нет, и последним критерием здесь является общепризнанность «всеми нормальными людьми» (по Канту, например). В большинстве же случаев, все «очевидно» (на основании общепризнанности) до всякого расследования, как «само собой разумеющееся». Отношение наблюдения и суждения/системы суждений в указанном нами отношении – совсем не просто и во всяком случае не «очевидно». Отсюда – самое простое: если я хочу констатировать наличие разрыва в моем представлении («вижу его»), – то ничто не может меня переубедить (кроме насилия) в том, что я, добросовестно или злонамеренно, ошибаюсь. Решение относительно реальности в этом отношении имеет существенно конститутивный характер. Следующий вопрос: чем вызвано мое желание видеть и постулировать разрыв (местом в системе общественного производства, например). Но, как мы покажем далее, условием возможности первого теоретического утверждения/суждения является разрыв, условием возможности теории как таковой – «точка зрения», парадигматическим принципом теоретического знания – децизионизм.

5. «Стоит лишний раз подчеркивать, как точно это шеллинговское определение исходного, вневременного выбора соответствует лакановскому понятию Реального, которое никогда не находится в действительности, но которое тем не менее с необходи-

мостью должно быть предположено, «сконструировано» задним числом для объяснения существующего положения вещей?» [3, с. 171].

6. См., например: Слотердаик П. Критика цинического разума [4, с. 75].

7. Ханна Арентд выдвинула идею интерпретировать политическое в горизонте «Критики способности суждения» [12], то есть прежде всего понимать действующего субъекта *эстетически*; здесь важно указать, что эстетический субъект не имеет возможности утвердиться вне универсальной причинной обусловленности; напротив, условием возможности его позиции является открытая возможность «царства свободы», что, в порядке логического следования, предполагает предшествование морального субъекта эстетическому; суть эстетического субъекта – в движении между «царством природы» и «царством свободы».

Список литературы

1. Мальцев К.Г., Зайцева Е.А. Мультипарадигмальность в современной теоретической социологии: материалы к интерпретации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 2.
2. Анкерсмит Ф.Р. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2012. 288 с.
3. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 238 с.
4. Слотердаик П. Критика цинического разума. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ Москва, 2009. 800 с.
5. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 547–602.
6. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–416.
7. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–736.
8. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Сочинения в 8 томах. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 153–247.
9. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб.: Наука, 1997. 532 с.
10. Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 416–495.
11. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–273.
12. Арентд Х. Лекции по политической философии Канта. СПб.: Наука, 2012. 303 с.
13. Хайдеггер М. Положение об основании. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 290 с.

ABOUT THE STATUS AND INTERPRETATION OF DECISION IN «SOCIAL ORDER» ONTOLOGIES (M. WEBER'S TRANSCENDENTALISM AND C. SCHMITT'S DECISIONISM)

Part 1. M. Weber's transcendentalism

K.G. Maltsev,¹ E.A. Zaitseva²

¹Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

²Nizhni Novgorod State Technical University

The article provides a comparative analysis of M. Weber's and C. Schmitt's methodological principles for social learning. The authors prove that transcendentalism and decisionism make the key conditions for the «social order» theory and suggest a new interpretation of M. Weber's causal reduction and C. Schmitt's radical conceptuality, Structural similarities in the descriptions of the transcendental subject of knowledge and the sovereign are identified – in their relation to the «social order». The principle of distinction between discourse and theory is also defined. Based on an in-depth analysis of the ways to represent social reality in M. Weber's «understanding sociology» and C. Schmitt's «radical conceptuality», the paper provides grounds to confirm C. Schmitt's statement about the constitutional nature of decision for «social order».

Keywords: social order, transcendentalism, decisionism, causality, decision, case, radical conceptuality, evidence, sovereign, representation.

УДК 316.473

ПУСТОТА ТЕКСТОВ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СЦЕНАРИЕВ КАК ОСНОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО МАНИПУЛЯЦИИ

© 2016 г.

Е.Н. Волков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

volken@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 13.01.2016**Статья принята к публикации 10.08.2016*

Делается попытка применить концепт «пустота» для описания и объяснения механизмов социально-психологической манипуляции. Концепт «пустота» представляется достаточно содержательным и продуктивным в анализе человеческого сознания и поведения в ситуациях целенаправленного социального воздействия. Кратко указаны эпистемологические и когнитивные аспекты человеческой «пустотности», приведены примеры их эксплуатации в манипулятивных культовых группах. Критическое мышление рассматривается как ключевое средство противодействия деструктивной манипуляции.

Ключевые слова: пустота, манипуляция, когнитивные иллюзии, текст, поведенческий сценарий, деструктивные культы, критическое мышление.

Тема и содержание данной статьи в значительной степени выросли из опыта консультирования жертв интенсивных социально-психологических манипуляций, осуществляемых в деструктивных культах, а также из работы с большим количеством текстов и документов тех же деструктивных культов и некоторых других мошеннических и манипулятивных групп и организаций, в частности финансовых пирамид. Непосредственным толчком для привлечения внимания к концепту «пустота» применительно к анализу человеческого сознания и поведения послужила работа над переводом статьи Ф. Кушмэна «Почему я пустое. К исторически определённой психологии» [1].

В статье «Человек как пустое место» [2] я попробовал как обозначить фундаментальные аспекты «пустотности» человека и социума, так и наметить направления исследования уже частных проявлений и динамики человеческой пустоты. «Пустота» человека понимается мною в данном случае как открытость индивидов процессу социализации и последующей непрерывной трансформации их веровательных и поведенческих комплексов, то есть как способность к социокультурной «наполняемости» и к широкоамплитудной (высоколабильной) изменчивости. Подобная открытость к наполнению и к изменчивости невозможна без наличия у индивидов таких свойств сознания, которые можно назвать «незанятыми пространствами», или «пустотами». Визуализация объёмной многомерности человеческой жизни в принципе невозможна без концепта «пустота», а его использование как раз позволяет конструировать продуктивные струк-

турные и динамические модели человеческого сознания и деятельности.

В данной статье для анализа были выбраны проблемы автономных провалов индивида в собственные пустоты и эксплуатации этих пустот внешними агентами, прежде всего манипуляторами.

Обе обозначенные группы проблем являются, как принято говорить, двумя сторонами одной медали, поскольку манипуляторы могут лишь предложить сценарий, декорации и роли, но индивид и в случаях самодеятельных «прыжков в пустоту», и в ситуациях внешнего провоцирования («фасилитирования») свою роль принимает и исполняет самостоятельно (что далеко не всегда сопряжено с намеренностью и осознанностью, а тем более с точным пониманием происходящего). Аналогии с марионеткой во втором случае существенно искажают существо дела вместо его прояснения, а вот «пустотный» подход позволяет многое понять значительно точнее. Манипулятор предлагает наполнение для пустот сознания манипулируемого, и если последний не может противопоставить наполнение собственного производства, а данная область пустоты оказывается для него опорной смысловой областью, то возникает высокая вероятность некритического принятия троянского дара манипулятора.

Критический рационализм и эволюционная эпистемология развеяли иллюзии независимого «гранитного» основания человеческого знания и «железобетонной» плотности и заданности социального бытия. К. Поппер убедительно показал, что все живые организмы вынуждены

изначально имитировать точки опоры в пустоте своего незнания реальности посредством пробных теорий (*tentative theories*). Укреплять и развивать эти теории можно как с помощью наполнения подкрепляющими фактами, так и, прежде всего, с помощью устранения ошибок, то есть «отчерпывания» промахов в «молоко» пустоты.

«Теории» в попперовском смысле можно разделить на «координатно-структурные» и «объемно-наполнительные». В «координатно-структурные» тогда попадают все метафизические положения (например, «мы живём в детерминированной Вселенной» или «мы живём в индетерминированной Вселенной») и все другие наиболее общие теории, задающие координатный каркас мировоззрения. В «объемно-наполнительные» попадают теории, конкретизирующие порядок и смысл жизни человека во всех исторических масштабах: от повседневного быта до эпохальных процессов (как, например, марксизм в свое время попытался опредметить метафизические представления о прогрессивном детерминизме социального мира приписыванием исторических функций реальным социальным группам).

Созданные нами конструкции позволяют концентрировать все внимание на их определённости и плотные элементы структуры, одновременно отвлекая от безбрежных пустот, в которых висят эти конструкции, а также от внутренних пустот самих конструкций.

Тексты (язык, речь) и поведенческие сценарии – важнейшие человеческие конструкции для обустройства пустоты (и в пустоте). Они, естественно, в значительной мере включают в себя пустоту как строительный материал.

Что я предлагаю понимать под «пустотой» текстов? Необходимо прежде всего выделить фундаментальную неполноту и ограниченность любого текста, неизбежно оставляющего несоизмеримо преобладающую часть смыслов и явлений «за скобками». Эту пустоту текста можно назвать «внешней». К «внутренней» пустоте текста, соответственно, стоит отнести степень неконкретности, банальности и логической разорванности (логические лакуны).

Что я предлагаю понимать под «пустотой» поведенческих сценариев (инструкций)? К поведенческим сценариям (инструкциям) относятся те же признаки «пустоты» (и «внешней», и «внутренней»), что присущи текстам, поскольку социальное поведение строится либо на неписанных (подразумеваемых) сценариях, которые всегда могут быть воспроизведены в виде текстов писанных, либо на текстовых инструкциях. Специфичным является лишь то, что тексты (команды), лежащие в основе наборов привыч-

ных поведенческих реакций (автоматизмов), функционируют на мало или совсем не осознаваемом уровне и требуют дополнительных усилий для извлечения на поверхность сознания и «перевода» в обычный текст. Следствием данной особенности выступает практически прямое действие поведенческих моделей в качестве сильнейших факторов, канализирующих бездумно-автоматическое поведение включённого участника в жёстко заданном ключе.

Последнее обстоятельство, правда, позволяет эффективно срабатывать альтернативным моделям поведения, даже если они представлены всего лишь одним из участников ситуации. Подобные факты указывают именно на наличие поведенческих и смысловых пустот, которые обнаруживаются и проявляют себя только в момент их заполнения.

«Пустотная» составляющая и человеческого бытия, и открывающейся перед взором индивида реальности, возможно, объясняет мощно действующую тенденцию ориентироваться на подтверждения («доказательства») и на успехи, а не на опровержения и ошибки. Это похоже на принцип скалолазов и высотников — не смотреть в пустоту пропасти, а сосредоточивать внимание на чем-то близком, осязаемом и привычном.

Вот что пишут об этом представители когнитивной науки: «...Испытуемые склонны проверять правильность условных утверждений с помощью подтверждающих примеров, хотя использование опровергающих было бы более адекватным. Введённое в теорию ментальных моделей ... «правило истинности» соответствует известной из социальной психологии и исследований принятия решения особенности мыслительных процессов, называемой установкой на подтверждение (*confirmation bias*). Она заключается в том, что мы обычно активно ищем подтверждающие некоторое правило или гипотезу примеры и игнорируем опровергающие... Отсюда, в частности, следует, что в случае задач, требующих работы с явно ошибочными, или контрфактическими, ситуациями, должны наблюдаться систематические ошибки» [3, с. 222].

К какому выводу подталкивают подобные факты? «В когнитивной науке стало весьма популярным мнение, что представители биологического вида *Homo sapiens sapiens* обнаруживают в процессах принятия решений не просто ограниченную рациональность ..., но, возможно, нечто большее — систематическую подверженность нашего мышления «когнитивным иллюзиям» [3, с. 251].

В результате человек способен очень долго ждать успеха (желаемого результата), сосредоточив всё свое внимание на том, что ему кажется

ся понятным, понятным и истинным («наполненное»), не обращая внимания на непонятое, непонятное и на огромные объёмы игнорируемой реальности, которые неосознанно присутствуют в его сознании столь же огромными пустотами.

Манипуляторы давно и хорошо знают об этой особенности человеческого восприятия и мышления. Они очень часто искусно объединяют привычные поведенческие сценарии и «набитые» вроде бы осмысленными словами и фразами тексты в своих спектаклях под одним и тем же названием «Совершенно Новые¹ Абсолютные Истины», достигая таким образом невероятной эффективности в маскировке пустоты и своих действий, и своих графоманских потуг. Эта эффективность связана с тем, что их жертвы, во-первых, оказываются в пустоте новых тем, новых терминов, новых перспектив, на что они реагируют неосознанно, но сильным желанием ощутить хотя бы иллюзию понятности и устойчивости; во-вторых, жертвы манипуляции в результате избирают своими опорами общие пустые места и привычные образы, а также свои индивидуальные ассоциации и интерпретации [4].

Отсутствие у большинства людей привычки всматриваться в пустоту, даже страх в отношении ситуаций столкновения с пустотой и одновременное наличие способности заполнять непонятные пустоты привычными ассоциациями и собственным нелогичным «потокосознанием» приводит к тому, что манипуляторам бывает достаточно «сляпать» любые проективные – и практически пустые, но набитые текстовыми и/или поведенческими «наполнителями», структуры, которые бы провоцировали у жертв компульсивное ассоциирование с ними².

Вперенность большинства людей в привычные, «наполненные», почти осязаемые и всегда ожидаемые знакомые стимулы (как афористично сформулировала героиня второго плана в оперетте И. Кальмана «Сильва»: «Я с незнакомыми не знакомлюсь») и отсутствие опыта и тем более привычки всматриваться в пустоты – свои и чужие – открывают перед манипуляторами практически бескрайние просторы для маневра.

Евдокия Марченко, «мать-основательница» и «гуру» движения «Радастея», с обезоруживающей прямоотой и меткой образностью описывает те качества своих адептов, в которых она обрела неисчерпаемый источник своего мошеннического обогащения: «Рождается название будущей книги – «Общество чистых тарелок». «Чистая тарелка» – всё съел, что положили. Существуют такие люди, которые вбирают в себя всё предложенное окружающими. Способ познать мир. Высшая степень доверия.

Этакая детскость восприятия происходящего. Считаешь себя приёмником, а их – дающими. Надеешься, что весь мир устроен целесообразно: по знакам. Наконец, испытав несколько приступов тошноты, рвоты, удушья, понимаешь: не всё, данное на тарелку, тебе подходит. Есть злодеи, отравители, злоумышленники, желающие завладеть твоим имуществом, достоинством, подкладывая на тарелку яды. Стоит ли всё съедать?

По вселенским законам тщательного планирования всё предложенное – знак. Взаимодействуй, читай, наслаждайся. По законам человеческого разума — отрави и властвуй. Учись на ошибках других, умный. Дай попробовать другим. Пусть кто-то будет первым, а ты ближе к концу; так надёжнее. Третье отображение является самым достойным, бестуманным, проверенным. Расскажу о ядах, предложенных в моей тарелке» [5].

Последняя фраза кажется саморазоблачительной, но Е. Марченко прекрасно понимает, что верующие в нее воспримут это высказывание либо как самоиронию, либо как особую мудрость (скорее второе, чем первое). Она также поняла – на уровне своего мошеннического таланта: что бы она ни писала, главное – писать как можно больше, заботясь лишь о минимальных поверхностных признаках содержательности и связности. Простейших и практически нерелевантных внешних признаков «серьёзности» и «содержательности» текста и «нормальности» и «правильности» поведения для многих людей достаточно – при определённых обстоятельствах, – чтобы не замечать пустоту «зияющих высот»³. Некритическое внимание и обыденное неумелое мышление утопают в объёмных наполнителях «твёрдых истин» (на деле не более твёрдых и надёжных, чем воздушные шары с газовыми горелками в разреженной стратосфере) – в толстых графомански-шизофренических фолиантах и в зрелище поведения десятков, сотен или тысяч единоверцев. Та же Е. Марченко непрерывно производит сотни, а то и тысячи «ритмов», состоящих из бессмысленного набора слов, но обладающих магическим смыслом для её адептов⁴.

Интенсивное производство псевдозаполнителей пустоты – один из самых типичных признаков манипуляции и пропаганды. Наиболее распространёнными видами сырья для этого производства являются: образы (визуализации), притчи, анекдоты (в самом широком смысле – от любых случаев из жизни до смешных или пошлых коротких сочинённых текстов), аналогии, ассоциации, схемы, модели.

Любопытным примером маскировки пустоты представляется так называемый «демонабор» в

сайентологии. Этот набор может содержать пластилин и целый ряд разных мелких предметов, из которых на занятиях по «дианетике» и «саентологии» предлагается создавать модели каких-нибудь понятий и состояний из сайентологической мифологии. Адепт, таким образом, и видит, и осязает, и, самое главное, сам создает нечто, что превращает для него мыльные пузыри фантазий Р. Хаббарда (сочинителя «саентологии») во что-то реальное и плотное.

В псевдотренинговых программах «личностного роста» (Lifespring и его клоны) несостоятельность и пустоту навязываемого мировоззрения маскируют социальными проектами, имеющими очевидный и осязаемый положительный результат. Участники таких программ полагают (а ведущие целенаправленно помогают именно такому полаганию), что раз они сделали одно-два явно хороших и правильных дела (помогли сиротам, природе и т. п.), то явно хорошими и правильными являются и их занятия в программе, и поведение ведущих, и те идеи, что они от последних восприняли. На деле же это пример того, как навязанный поведенческий сценарий позволяет отвлекать внимание жертв от пустот (провалов) других проявлений своего поведения и поведения манипуляторов [6].

В свете вышесказанного можно предложить следующее описание (определение) манипуляции:

Манипуляция — социальное воздействие со скрытой составляющей (прежде всего с наличием скрываемых агентом воздействия намерений, целей и желаемых результатов), провоцирующее мишень воздействия на выбор (часто автоматический, неотрефлексированный, неосознанный) определённых когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций из своего стереотипного набора при одновременном отказе от исследования и проверки возможных альтернативных интерпретаций поведения агента воздействия и возможных альтернатив своего восприятия и поведения. Манипуляция предполагает использование как ситуационных «подручных», так и специально фабрикуемых средств, отвлекающих внимание мишеней от пустот, которые складываются в ловушки.

Такой вид получает определение манипуляции именно в рамках «пустотного» подхода, позволяющего, на мой взгляд, дать более полное и точное описание этого явления.

Что можно предпринять для обуздания мошеннического манипулирования? Научить людей видеть пустоты и уметь учитывать не только «твердь» в системе своей когнитивной и социальной ориентации, но и «дырки от бубликов».

Рационально-критический принцип приоритетного поиска ошибок можно в данном контексте интерпретировать как поиск пустот (провалов). Интересное подкрепление этого вывода обнаруживается в когнитивных исследованиях: «Предпринятые в последнее время эксперименты с картированием мозговой активности свидетельствуют о том, что эффективность ментальных моделей в качестве средства решения задач на дедуктивные умозаключения определяется не столько процессами визуализации, сколько опорой на амодальные пространственные схемы. Визуализация сама по себе может затруднять нахождение решения» [3, с. 221].

Эти экспериментальные данные, как мне представляется, указывают на то, что эффективность мышления состоит в свободе от привязки к конкретным «картинкам» и в способности реализовывать любой «строительный материал» в любом сочетании и под любым углом зрения, то есть уметь распознавать и оценивать пустоты в любых сочетаниях с любыми наполнителями. Только при условии массового распространения таких навыков стоит рассчитывать на существенное повышение защищённости граждан от любых опасных форм манипулятивных воздействий, каков бы ни был статус агента-манипулятора, включая легитимизированные формы госпропаганды.

Наиболее качественно и эффективно подобную задачу можно решить лишь на основе повсеместного обучения умениям и инструментам критического мышления [7–9]. Критическое мышление «является самонаправляемым, самодисциплинируемым мышлением, которое предполагает усилия логически рассуждать на высшем уровне качества беспристрастным образом» [10]. Критическое мышление – это научно обоснованное, когнитивно квалифицированное и рефлексивно контролируемое рациональное мышление, которое способно само себя выстраивать и корректировать. Оно строится на осознанном принятии бесконечной пустоты человеческого незнания в виде принципа интеллектуальной скромности и на непрестанном критическом поиске и вычищении ошибок и миражей, независимо от степени соблазнительности их маскировки. Критическое мышление – безальтернативное решающее условие для спасения от терминальных последствий некомпетентного маркирования пустых мест как «гранитных оснований» или «скреп».

Примечания

1. Вместо концепта «Новые» могут применяться концепты «Забытые» или «Древние».

2. Маскировка пустоты текстов может выступать в форме нарушения жанровых границ или изобретения жанров-«мутантов», см. [4].

3. По меткому выражению философа А. Зиновьева в отношении утопического коммунистического проекта.

4. «Всё в "Радастии" строится на ритмах и напевах. При помощи различных ритмов можно улучшить свою жизнь, развить в себе понимание космических законов и многое-многое другое». URL: <http://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/3744437/5/#m7826204> (дата обращения: 20.11.2015).

Список литературы

1. Кушмэн Ф. Почему я пустое: К исторически определенной психологии // Практична психология та соціальна робота: Науково-практичний та освітньо-методичний журнал. 09/2012. С. 38–53.

2. Волков Е.Н. Человек как пустое место (в печати).

3. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006.

4. Волков Е.Н. Жанры влияния: стилистика и фреймы суггестии в создании образа «научной респектабельности» (Жанровый подход в типологии

методов продвижения в социуме псевдонауки и новых «религиозно-философских» концепций) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. Вып. 1 (4). 2005. С. 162–171.

5. Марченко Е.Д. Ритмология от события, или К чёрту общество чистых тарелок. СПб.: Авторский Центр «РАДАТС», 2006. URL: <http://www.radats.ru/e-library/element.php?ID=1647>. (дата обращения: 20.11.2015).

6. Волков Е.Н., Вершинин М.В. «Источники жизни» или паразиты иллюзий? Что тренируют на (псевдо)тренингах типа Lifespring (МГТО) // Журнал практического психолога. 2008. №4. С. 75–97.

7. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000. С.

8. Paul R.W. Critical Thinking: What Every Person Needs to Survive in a Rapidly Changing World. Rohnert Park, CA: Center for Critical Thinking and Moral Critique, Sonoma State Univ., 1990.

9. Коттрелл С. Искусство мыслить и успех в учёбе, карьере, жизни. 500 упражнений для развития мозга. М.: ЭКСМО, 2015.

10. Критическое мышление: описание Фонда за критическое мышление. URL: <http://evolkov.net/critic.think/defining.crit.think.html/> (дата обращения: 20.12.2015).

EMPTINESS OF TEXTS AND BEHAVIORAL SCENARIOS AS THE MAIN SPACE FOR MANIPULATION

E.N. Volkov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article contains an attempt to apply the concept of «emptiness» to describe and explain the mechanisms of social and psychological manipulation. The concept of «emptiness» is quite meaningful and productive in the analysis of human consciousness and behavior in situations of purposeful social impact. Epistemological and cognitive aspects of human «emptiness» are discussed in brief, some examples are given of their exploitation in manipulative cult groups. Critical thinking is considered as a key tool for counteracting destructive manipulation.

Keywords: emptiness, manipulation, cognitive illusions, text, behavioural scenarios, destructive cults, critical thinking.

УДК 316.4

**УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ СОСТОЯНИЕМ
КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

© 2016 г.

А.В. Куликова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

kulikova-alex@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 09.02.2016**Статья принята к публикации 10.08.2016*

Представлены результаты социологического исследования, в задачи которого входил мониторинг удовлетворенности потребителей состоянием конкурентной среды в регионе. Социологическое изучение конкуренции – сравнительно новое направление исследований. В экономосоциологических работах, посвященных данной теме, в фокусе внимания находятся взаимодействие конкурирующих агентов, его особенности, сети взаимодействия. Вопросы, связанные с интерпретацией рынка потребителями, особенностями восприятия конкурентной среды, изучены мало. По результатам исследования были выделены основные индикаторы состояния конкурентной среды: удовлетворенность потребителей уровнем цен, удовлетворенность качеством товаров и услуг, оценка широты представленности товаров и услуг.

Ключевые слова: конкуренция, рынок, рыночные ниши, потребители.

Изучение вопросов конкуренции – относительно новое направление исследований экономической социологии. В работах, посвященных данной тематике, в основном рассматривается тот ее аспект, который можно обозначить как взаимодействие организаций на рынке, различные стратегии их взаимодействия, формирующиеся сети социальных взаимосвязей. Но конкуренция имеет ряд объективных последствий и для потребителя: наличие или отсутствие выбора, уровень цен, качество, стабильность и широта выбора товаров и услуг. К тому же некоторые ученые полагают, что именно конкуренция является основой современного капиталистического общества (см., например, [1, с. 16]).

Цель данной статьи – рассмотреть особенности восприятия конкурентного пространства потребителями. В основе лежит мониторинговое социологическое исследование, проведенное кафедрой экономической социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского по инициативе и при поддержке Нижегородского территориального управления ФАС России. Первый этап исследования (август 2014 г.) включал в себя опрос 1000 респондентов, по 500 в Н. Новгороде и Городце. Второй (сентябрь 2015 г.) – 1002 респондента, 502 в Н. Новгороде и 500 в Городце. Выборки квотные по полу и возрасту.

Рассмотрение традиционно экономического понятия «конкуренция» в рамках социологии можно начать с трудов М. Вебера, который определял конкуренцию как «формально мирное состязание за возможность распоряжаться теми

шансами, которые возделают также и другие» [2, с. 117]. При этом в веберовской трактовке социального действия конкуренция будет пониматься не как противопоставление не связанных друг с другом двух или более участников рынка, а как действие, ориентированное на других. Здесь возникает новое направление изучения конкуренции, описывающее социальные предпосылки конкурентной борьбы, когда участники рынка формируют свои стратегии, принимая в расчет действия друг друга, обмениваясь между собой информацией (Х. Уайт) [3]. При этом делается акцент на том, что участники рынка тесно связаны друг с другом и даже зависят друг от друга, в том числе и от того, как строят свои отношения с покупателями.

В дальнейших исследованиях делается акцент на социальной укорененности экономических действий (понятие введено в научный обиход К. Паланьи и М. Грановеттером [4, 5]), на том, как формируются сети социальных взаимосвязей между конкурирующими агентами, как возникают и функционируют системы социальных отношений, формальные и неформальные. Последние представляют особый интерес для социологии [6, 7].

Продолжая идею социальной укорененности экономических действий, экономосоциологи приходят к выводу, что между конкурирующими агентами возможно установление договорных отношений (М. Аболафия, Н. Бигарт) [8, 9]. Такие соглашения имеют своей целью ограничение влияния краткосрочных интересов и оппортунистического поведения и возможны

Таблица 1

Оценка экономической ситуации жителями Нижегородской области, %

Аспекты	Очень плохо		Неудовлетворительно		Удовлетворительно		Хорошо		Отлично	
	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015
В России	5	3	14	24	49	52	26	18	7	2
В Нижегородской области	3	2	12	18	57	53	26	25	2	1
В вашем районе	3	3	13	15	48	52	33	28	3	2
В вашей семье	2	3	9	13	31	44	42	34	15	5

Таблица 1а

Оценка экономической ситуации (Нижний Новгород), %

Аспекты	Очень плохо		Неудовлетворительно		Удовлетворительно		Хорошо		Отлично	
	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015
В России	7	4	21	29	48	53	22	12	2	1
В Нижегородской области	4	2	15	23	57	55	23	19	1	1
В вашем районе	4	2	13	16	49	59	32	22	2	2
В вашей семье	2	3	6	14	34	47	45	31	12	6

Таблица 1б

Оценка экономической ситуации (Городец), %

Аспекты	Очень плохо		Неудовлетворительно		Удовлетворительно		Хорошо		Отлично	
	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015
В России	3	3	6	20	50	50	29	25	12	2
В Нижегородской области	3	3	8	13	58	51	29	31	3	2
В вашем районе	3	4	12	14	48	45	33	35	4	2
В вашей семье	2	3	11	13	28	41	40	38	18	5

главным образом на основе возникающих сетей социальных взаимодействий.

Таким образом, «экономическая социология предполагает, что между прямыми конкурентами, не вступающими друг с другом в экономические сделки, возникает сложный комплекс социальных связей, обеспечивающих общую устойчивость рынка» [10, с. 50].

В рамках подобного социологического понимания конкуренции можно назвать целый ряд исследовательских работ, посвященных анализу взаимодействия конкурирующих агентов [6, 10–14]. Однако вопросы, связанные с интерпретацией рынка потребителями, особенности восприятия конкурентной среды изучены мало.

Тенденции изменения общего социально-экономического фона

Восприятие состояния отдельных рынков не может не зависеть от восприятия общей социально-экономической ситуации в стране, тем более в условиях кризиса. Общая социально-экономическая ситуация, формирующая контекст предпринимательской и конкурентной

активности, по оценкам жителей Нижегородской области, заметно ухудшилась за прошедший год. Ухудшение затронуло все социальные горизонты – от ситуации в стране в целом до положения дел в отдельных семьях и домохозяйствах (таблицы 1, 1а, 1б).

В Нижнем Новгороде ухудшение ситуации ощущается более остро: за прошедший год заметно выросло число не удовлетворенных происходящим в экономике и страны (с 21% до 29%, см. табл. 1), и региона (с 15% до 23%). Заметно выросло и число тех, кто неудовлетворительно оценивает ситуацию и в своей семье (возросло с 6% до 14%). Жители Городца более сдержанно оценивают ситуацию у себя в районе, чем в Нижегородской области и стране в целом. Так, недовольных экономической ситуацией в стране только 20%, а в регионе – 13%. Ситуация в собственной семье также оценивается более позитивно, чем нижегородцами.

Динамика удовлетворенности потребителя уровнем цен на товары и услуги

Рост уровня цен был одной из первых реакций рынка на ситуацию экономической неста-

бильности. Население высказывает заметно повышенный, по сравнению с показателями прошедшего года, уровень недовольства ценами.

В первую очередь рост недовольства уровнем цен наблюдается по позициям, принадлежащим к категории наиболее необходимых товаров и услуг, таким как продукты питания, лекарства, услуги электроснабжения, – число недовольных по этим позициям увеличилось почти на 30%.

Вторая группа товаров и услуг, число недовольных уровнем цен по которой возросло на 10–20%, также включает социально необходимые позиции: одежда, медицинские услуги, в том числе стоматологические, жилищно-коммунальные (теплоснабжение, управление многоквартирными домами). В то же время заметно выросла удовлетворенность потребителей ценами на услуги общественного транспорта (на 21%), а также мобильную связь (на 16%) и Интернет (на 5%). Оценки стоимости социальных услуг претерпели некоторую отрицательную динамику, но остаются в целом на удовлетворительном уровне.

Специфика жителей Нижнего Новгорода, в сравнении с жителями районного центра, состоит в том, что уровень недовольства ценами практически на все виды товаров и услуг здесь выше, хотя население Городца значительно больше взволновано ростом цен на продукты питания и одежду, обувь: недовольство ценами на рынке продуктов за год возросло на 30% (у нижегородцев – на 25%), а на рынке одежды и обуви – на 21% (у нижегородцев только на 9%). При этом недовольство уровнем цен на услуги электроснабжения и теплоснабжения в обеих группах возросло практически в два раза.

Не столь значимы для жителей Городца, в отличие от нижегородцев, изменения ситуации на рынке общественного транспорта и услуг связи, сотовой и Интернета. Жители столицы региона, напротив, отмечают значительное улучшение уровня цен на данные услуги: на рынке услуг общественного транспорта число удовлетворенных возросло на 32% (среди жителей Городца – только на 9%), услуг сотовой связи – на 29% (среди жителей Городца – на 2%), услуг по предоставлению доступа к Интернету – на 19% (среди жителей Городца – отрицательная динамика – 8%).

Динамика удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг

Если рост цен вызывает заметное недовольство населения, динамика удовлетворенности качеством товаров и услуг не столь значительна. Здесь оценки населения скорее ситуативны,

по большинству товаров и услуг за прошедший год снизилось число тех, кто всегда доволен их качеством. Негативная динамика прослеживается на рынках топлива, сельхозтехники, одежды и обуви. Позитивная динамика в оценках населения заметна на рынках сотовой связи и услуг общественного транспорта (таблица 2).

Нижегородцы выше оценивают качество товаров и услуг по сравнению с жителями районного центра. Особенно это заметно в оценках рынков сотовой связи (62% в сравнении с 32%) и Интернета (51% в сравнении с 28%), услуг общественного транспорта (50% в сравнении с 24%) и жилищно-коммунальных (46–57% в сравнении с 28–36%). Однако и динамика снижения доли положительных оценок качества товаров и услуг у нижегородцев значительно выше, чем у жителей районного центра: по таким позициям, как качество одежды и обуви, мебели, бытовой техники, предоставления некоторых социальных услуг, – в среднем на 10%.

Жители области среди всех товаров и услуг особенно недовольны качеством медицинских услуг (26%), в том числе стоматологических (19%), лекарственных препаратов (16%), а также услуг по управлению многоквартирными домами (18%).

Динамика удовлетворенности потребителей стабильностью наличия и широтой выбора товаров и услуг

Стабильность предоставления товаров и услуг, а также широта выбора не представляют для населения региона особой проблемы. При этом наблюдается рост предложений на рынках одежды и обуви, продуктов питания, мебели и бытовой техники, лекарственных препаратов, связи (рост в среднем на 10–15%). Эти же рынки высоко оцениваются по стабильности предоставления товаров и услуг. Высоки оценки общественных и бытовых услуг, транспорта. Наблюдается рост недовольства предложением на рынках жилищно-коммунальных услуг (в среднем на 20%). Снизилось число удовлетворенных предложением на рынках сельхозтехники, удобрений (на 12%), топлива (на 10%), стоматологических услуг (на 9%). Еще более значительными темпами, на 25–30%, уменьшилось число довольных возможностью выбора в таких сферах, как дошкольное образование и уход за людьми с ограниченными возможностями. При этом удовлетворение спроса на данные услуги стало зависеть скорее от ситуации, от каждого конкретного случая (таблица 3).

Жителей районного центра от нижегородцев отличает, прежде всего, меньшая степень удов-

Таблица 2

Удовлетворенность положением дел со следующими товарами, работами и услугами, %

Направление деятельности компаний	Не довольны		Когда как		Довольны		Не довольны		Когда как		Довольны	
	Уровень цен						Качество					
	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015
Продукты питания	39	67	43	18	17	15	15	14	51	56	33	30
Одежда и обувь	29	44	50	36	20	19	12	11	50	64	37	25
Мебель	30	31	48	45	22	24	11	7	53	66	35	26
Бытовая техника	30	31	50	46	20	23	12	4	52	68	35	28
Сельхозинвентарь, мелкая сельхозтехника, удобрения	21	12	50	67	29	20	11	3	48	76	40	21
Общественное питание и услуги (парикмахерские и т.п.)	26	27	52	48	21	25	12	6	55	64	32	30
Общественный транспорт	45	15	37	46	18	39	25	9	47	55	27	37
Бензин и дизельное топливо	55	50	31	33	14	16	18	12	43	63	38	25
Лекарственные препараты	44	71	44	22	11	6	18	18	51	55	31	26
Стоматология	47	58	38	34	14	8	19	21	53	61	27	18
Медицинские услуги	45	54	41	36	13	10	21	28	54	56	24	16
Услуги в сфере культуры		20		64		16		13		71		16
Услуги учреждений дошкольного образования	25	16	49	72	26	12	15	9	52	78	31	12
Услуги детского отдыха и оздоровления		24		69		7		10		76		14
Услуги дополнительного образования детей		20		72		8		9		75		16
Услуги по уходу за детьми и гражданами с ограниченными возможностями	24	13	50	83	26	4	18	11	51	85	30	4
Услуги социального обслуживания населения		13		81		6		12		84		4
Сотовая связь	18	11	52	43	29	45	10	6	51	47	38	47
Интернет	19	11	48	51	33	38	12	9	44	51	43	39
Услуги по управлению многоквартирными домами	21	35	50	53	27	11	19	20	51	59	29	20
Водопровод	30	35	45	35	24	29	16	12	39	48	44	40
Электроснабжение	31	59	48	27	21	14	16	10	39	48	43	42
Теплоснабжение	31	50	46	38	23	12	18	11	38	52	43	37
Газоснабжение	30	35	46	37	24	27	12	7	42	45	45	47
Гостиничные услуги		11		75		13		4		80		15
Автокомпоненты		22		64		13		4		75		20
Строительство		31		61		8		14		74		11

лтовренности предложением и стабильностью работы рынков товаров и услуг. Особенно заметен рост не удовлетворенных предложением в сфере ЖКХ: рынок услуг по управлению многоквартирными домами, водоснабжения, электроснабжения, теплоснабжения и газоснабжения. Однако за прошедший год значительно выросло число тех, кто доволен выбором на рынках продуктов питания (рост на 17%), мебели (на 12%), бытовой техники (11%), одежды и обуви (7%).

Неудовлетворённый спрос и возможные варианты развития рынков

Оценки потребителями широты выбора компаний, предоставляющих различные товары и услуги, позволяет зафиксировать наблюдаемое

потребителями отчетливое снижение предложения почти на всех рынках. По сравнению с 2014 г. по всем исследуемым позициям частота мнений об избыточности данного товара или услуги снизилась.

При этом за прошедший год на фоне того, что предложение товаров и услуг на большинстве рынков уже не воспринимается как избыточное, значительно увеличилось число тех, кто говорит о достаточном уровне предложения (в среднем более чем на 20%). Исключение составляет лишь рынок жилищно-коммунальных услуг. Здесь мы видим, напротив, снижение предложения по всем услугам жизнеобеспечения населения.

Если же наметившаяся тенденция на сокращение предложения продолжится, может формироваться ощущение выраженного дефицита

Таблица 3

Удовлетворенность положением дел со следующими товарами, работами и услугами, %

Направление деятельности компаний	Не довольны		Когда как		Довольны		Не довольны		Когда как		Довольны	
	Стабильность наличия товара/услуги						Возможность выбрать, найти то, что нужно					
	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015
Продукты питания	8	3	35	31	56	66	7	4	28	17	62	79
Одежда и обувь	6	4	35	41	57	55	4	5	34	27	60	67
Мебель	7	4	40	40	51	55	7	4	37	29	54	66
Бытовая техника	6	4	42	42	51	53	7	5	39	33	51	62
Сельхозинвентарь, мелкая сельхозтехника, удобрения	8	3	46	67	45	30	13	5	38	59	47	35
Общественное питание и услуги (парикмахерские и т.п.)	7	4	42	48	50	48	5	5	40	42	53	53
Общественный транспорт	10	5	45	46	44	48	11	6	40	44	48	50
Бензин и дизельное топливо	10	4	40	54	49	42	8	5	37	53	52	42
Лекарственные препараты	9	7	45	46	45	47	9	8	45	38	44	54
Стоматология	10	10	41	54	47	36	9	13	41	48	48	39
Медицинские услуги	10	13	50	50	38	36	11	16	47	48	40	35
Услуги в сфере культуры		12		65		22		19		62		18
Услуги учреждений дошкольного образования	9	7	50	74	39	19	14	12	44	73	40	15
Услуги детского отдыха и оздоровления		9		74		17		17		67		15
Услуги дополнительного образования детей		6		74		19		11		70		18
Услуги по уходу за детьми и гражданами с ограниченными возможностями	13	13	46	81	39	5	20	22	44	73	35	4
Услуги социального обслуживания населения		11		81		7		21		74		4
Сотовая связь	6	5	43	36	50	59	5	2	38	32	55	65
Интернет	5	7	40	41	54	52	5	6	33	38	60	56
Услуги по управлению многоквартирными домами	11	11	47	57	41	31	14	23	44	57	40	19
Водопровод	11	7	41	40	47	52	13	27	35	45	50	27
Электроснабжение	9	5	42	43	47	52	13	30	36	43	48	27
Теплоснабжение	10	6	41	46	47	48	13	29	37	45	48	26
Газоснабжение	8	4	42	41	48	54	13	28	36	43	49	28
Гостиничные услуги		3		74		23		5		67		27
Автокомпоненты		3		65		31		4		60		35
Строительство		8		66		26		12		59		29

предложения. Уже сегодня потребители отмечают, что видят недостаточность выбора медицинских услуг, общественного питания, бытовой техники, сельхозинвентаря (таблица 4).

Вместе с тем недостаточное предложение указывает на возможные ниши для развития бизнеса. Основными направлениями для возможного появления новых бизнесменов можно считать: услуги в сфере культуры, дошкольного и дополнительного образования детей, детского отдыха и оздоровления, а также социального обслуживания населения, в том числе и услуги по уходу за детьми и гражданами с ограниченными возможностями.

При этом жители столицы региона испытывают больший недостаток в разнообразии компаний в вышеназванных отраслях, чем в район-

ных центрах. Перспективны для развития, по оценкам жителей региона, рынки жилищно-коммунальных услуг и управления многоквартирными домами, особенно в областных и районных центрах.

Анализ ответов опрошенных на открытый вопрос по поводу запросов на новые товары и услуги выявил дополнительные перспективы для развития предпринимательской деятельности. Несмотря на то, что жители Городца несколько чаще говорят о том, что подобной необходимости в новых товарах и услугах нет, все-таки некоторыми отмечается потребность в развитии медицинских услуг и сферы досуга и отдыха, а именно необходимость открытия учреждений культуры. Для жителей Нижнего Новгорода характерны другие запросы: ощущается нехватка

Таблица 4

Оценка широты выбора компаний, продающих различные товары, работы и услуги, %

Направление деятельности компаний	Избыточно много		Достаточно		Мало		Нет совсем	
	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015
Продукты питания	50	26	46	67	3	6	1	0
Одежда и обувь	49	17	46	74	4	8	1	0
Мебель	40	12	56	79	4	8	0	0
Бытовая техника	35	10	58	79	6	11	0	0
Сельхозинвентарь, мелкая сельхозтехника, удобрения	21	2	63	78	16	19	0	1
Общественное питание и услуги (парикмахерские и т.п.)	34	11	58	75	8	14	0	0
Общественный транспорт	25	10	57	78	17	12	0	0
Бензин и дизельное топливо	23	7	67	80	9	14	0	0
Лекарственные препараты	34	19	50	72	16	9	0	0
Стоматология	31	8	57	75	12	16	0	1
Медицинские услуги	25	9	53	71	22	19	0	1
Услуги в сфере культуры		2		54		37		7
Услуги учреждений дошкольного образования	13	2	55	66	32	31	1	1
Услуги детского отдыха и оздоровления		3		54		39		4
Услуги дополнительного образования детей		2		61		33		4
Услуги по уходу за детьми и гражданами с ограниченными возможностями	12	0	48	38	37	42	3	19
Услуги социального обслуживания населения		0		50		37		13
Сотовая связь	38	17	55	78	7	6	0	0
Интернет	34	10	58	82	7	7	0	1
Услуги по управлению многоквартирными домами	15	1	56	68	27	26	2	6
Водопровод	15	0	73	67	12	28	0	6
Электроснабжение	16	0	71	67	13	27	0	6
Теплоснабжение	14	0	72	66	14	27	0	7
Газоснабжение	13	1	74	64	13	27	0	8
Гостиничные услуги		12		69		16		2
Автокомпоненты		12		78		9		1
Строительство		11		72		16		1

парковок и спортивных центров и площадок. Общее для жителей двух городов – существует определенный социальный запрос, который связан с благоустройством города: улиц, дворов, детских площадок.

Выводы

Основной контекст интерпретации рынка потребителями формируется на фоне восприятия общей социально-экономической ситуации в стране. Если ситуация оценивается как кризисная, то и возможности рынка, особенности конкурентной среды воспринимаются критически. Уже сегодня можно говорить о наметившейся тенденции на сокращение предложения ряда товаров и услуг. При этом рынок открывает новые ниши для бизнеса, направления для развития предпринимательской активности. По результатам исследова-

ния были определены основные индикаторы состояния конкурентной среды: удовлетворенность уровнем цен, удовлетворенность качеством товаров и услуг, оценка широты представленности товаров и услуг.

Список литературы

1. Зингалес Л. Капитализм для народа: как вернуть Америке утраченный ею дух процветания // Экономическая социология. 2015. Т. 16. № 5. С. 14–19.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. 424 с.
3. Уайт Х. Рынки и фирмы: размышления о перспективах экономической социологии // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 5. С. 33–49.
4. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // «Великая трансформация»

Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / Под общ. ред. Р.М. Нуреева. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 44–71.

5. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 44–58.

6. Иващенко Н.Н. Изучение процессов конкуренции: анализ сетей взаимодействия предприятий // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 4. С. 54–66.

7. Радаев В.В. Что такое конкуренция // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 2. С. 16–25.

8. Аболафия М. Рынки как культуры: этнографический подход // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 2. С. 63–72.

9. Биггарт Н. Социальная организация и экономическое развитие // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 5. С. 49–58.

10. Радаев В.В. Атомизированные действия и социальные связи: основы конкуренции в российской розничной торговле // Мир России. 2009. Т. 18. № 2. С. 50–88.

11. Варзакова А. Сетевые отношения между конкурентами (на примере рынка радиорекламы Москвы) // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 4. С. 79–96.

12. Зуева Д.С. Сетевой маркетинг как нетрадиционная форма хозяйственной организации // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 4. С. 67–92.

13. Журавская Т.Н. «Зона свободной торговли»: конкурентная ситуация и деловые стратегии игроков на локальном рынке г. Благовещенска // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 1. С. 90–108.

14. Радаев В.В. Экономическая борьба и социальные связи: структура конкурентных отношений в новом российском ритейле // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 1. С. 19–56.

CUSTOMERS' SATISFACTION WITH THE STATE OF THE COMPETITIVE ENVIRONMENT IN THE NIZHNI NOVGOROD REGION

A.V. Kulikova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The paper presents some findings of a sociological study focused on customers' satisfaction with the state of competitive environment in the Nizhni Novgorod region. Competition is approached here from a relatively rarely employed customers' perspective; the research focus is shifted from competing business agents and networks of interaction to customers' assessments of diversity and stability of supply of goods and services, their quality and pricing. The results of the study identified the key status indicators of the competitive environment: satisfaction with the state of price level, satisfaction with the quality of goods and services, evaluation of the representation of goods and services

Keywords: competition, market, market niches, customers.

УДК 316.4

РОЛЬ ПРОФСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ РАБОТНИКОВ

© 2016 г.

А.В. Рушева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

avr0201@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.02.2016

Статья принята к публикации 10.08.2016

Исследуется влияние российских профсоюзных организаций на качество трудовой жизни в современных социально-экономических и политических условиях. Представлены подходы к изучению профсоюзных объединений, анализируются основные понятия по данной теме, составляющие качества трудовой жизни и функции действующих на предприятиях профсоюзов. Выявляются существующие причины негативного отношения к данному социальному институту, и подчёркивается актуальность развития профсоюзного движения в России, важность повышения уровня качества трудовой жизни и возможность влияния на его изменения за счёт активной деятельности профсоюзной организации.

Ключевые слова: качество трудовой жизни, профсоюзная организация, функции профсоюза, условия труда, руководство организации, трудовая деятельность, сотрудники, социальное партнерство, права, защита.

Представления людей о качестве жизни разнообразны, и их достаточно сложно стандартизировать. В каждой социальной общности такое понятие имеет свои особенности, обусловленные, как правило, существующей в ней культурой и отражающие самые разные стороны жизни человека. Качество жизни как социологическая категория отражает качество удовлетворения материальных и культурных потребностей людей (качество питания, качество и модность одежды, комфорт жилища, качество здравоохранения, образования, сферы обслуживания, окружающей среды, структура досуга, степень удовлетворения потребностей в содержательном общении, знаниях, творческом труде, уровень стрессовых состояний, структура расселения) [1]. Рассматривая качество жизни более масштабно, следует включить в него и оценку финансовой политики, степень социальной ответственности, совершенство правовой государственной системы, экологическую ситуацию конкретной территории и другие макро- и мезофакторы.

Для оценки уровня и качества жизни населения используются различные категории и показатели. Так, например, в рейтинге стран по объёму ВВП на душу населения Россия занимает 51-е место из 60 [2], в рейтинге стран по индексу человеческого развития – 50-е место из 188 [3].

Среди главных составляющих качества жизни, к которым относят здоровье, индивидуальное развитие путём обучения, досуга, возможность приобретения товаров и пользования услугами, личную безопасность, социальные воз-

можности и социальную активность, выделим занятость и качество трудовой жизни. Данный параметр заслуживает особого внимания, поскольку трудовая деятельность зачастую рассматривается как ключевая, ведущая, на которую человек тратит большую часть своей жизни и которая определяет качество его жизни в целом.

Развитие рыночных отношений в нашей стране сопровождается заметным увеличением роли человека в экономической деятельности, где он выступает не только как потребитель тех или иных товаров и услуг, но и как обладатель ресурсов (навыков, умений, знаний, творческого потенциала). Возможности поддержания ресурсности человека во многом зависят от тех условий, в которых он живёт и работает, а также от его личных стремлений и притязаний. Несмотря на очевидную важность человеческого фактора в обеспечении высокой производительности труда и конкурентоспособности, большое число руководителей и владельцев частных предприятий не уделяют достаточно внимания решению социальных вопросов и гарантиям, профессиональному развитию персонала, санитарно-экологическим нормам на рабочих местах. В данной статье речь пойдет о трудовой жизни человека, о факторах организационного окружения, определяющих качество трудовой жизни (и имеющих, как правило, объективный характер).

К настоящему времени в научной литературе имеется достаточно много трактовок и определений качества трудовой жизни. Обратимся к энциклопедическому словарю, в котором «каче-

ство трудовой жизни – это степень удовлетворения личных потребностей и интересов работника посредством его деятельности в данной организации, индикатор благосостояния, свободной реализации потенциала личности» [4, с. 660].

Возникновение понятия «качество трудовой жизни» учёные (в частности, Н.А. Винокуров, Н.А. Горелов) связывают с резким интересом к изучению условий труда в XIX веке. В их работах упоминается, что в развитых странах Западной Европы и Северной Америки лишь в начале XX века была поставлен вопрос о создании оптимальных условий жизни и работы трудящихся, реализации их творческого потенциала и его последующем использовании в процессе деятельности. Необходимость решения данной проблемы они связывают с явлением «отчуждения труда» как результатом научно-технического прогресса [5, с. 15].

В современном научном сообществе происходит изменение трактовки понятия «качество трудовой жизни», что связано с его интегральным характером. Так, согласно процессному подходу условия трудовой деятельности постоянно изменяются, причём в лучшую сторону. Ключевыми факторами позитивных перемен являются достижения научно-технического прогресса и само развитие общества. Системный подход к рассмотрению качества трудовой жизни предполагает совершенствование производственного процесса, соблюдение норм безопасности труда, то есть такие формы и условия деятельности, которые, с одной стороны, в наибольшей степени позволяют удовлетворить личные потребности работников, раскрыть их творческий потенциал, а с другой – в полной мере достичь организационных целей и реализовать интересы менеджмента и/или собственника предприятия. С позиций экономического развития общества, производственной жизни «качество трудовой жизни – это интегральный показатель, позволяющий со всех сторон охарактеризовать общество в экономическом плане, а также с точки зрения материального, духовного и медико-экологического развития» [6]. Деятельностный подход к управлению определяет рассматриваемое в данной статье понятие как «итог направленного, обдуманного, научно-практического взаимодействия участников социально-трудовых отношений с целью обеспечения условий для реализации способностей человека и удовлетворения потребностей взаимодействующих субъектов» [7].

Как видно, предмет нашего исследования достаточно многогранен, ему нельзя дать единственное определение. Важно выделить показатели качества трудовой жизни, движущие

силы и явления, под воздействием которых оно формируется.

На качество трудовой жизни влияют такие группы показателей, как трудовой коллектив; справедливое вознаграждение за труд; условия труда и состояние рабочего места; руководство организации; профессиональный рост и карьера; правовая и социальная защищённость; социальная инфраструктура организации [8]. Обеспечение вышеперечисленных условий организационного окружения человека на работе позволяет достичь как текущих целей предприятия, так и более амбициозных и перспективных планов руководства.

Хорошим «помощником» субъектов любого уровня управления в современных экономических отношениях являются профсоюзные объединения. Они играют особую роль в создании благоприятных условий для поддержания и развития трудового потенциала, их деятельность направлена на формирование социальных программ и решение социальных задач предприятия и государства.

В научной литературе сформулированы подходы, определяющие суть профсоюзных организаций. Так, профсоюзы могут быть представлены как социальный институт и институты политической системы общества; как общественные объединения (функционирование которых подкрепляется Федеральным законом № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» от 19.05.1995); как ключевые участники социально-го партнёрства и акторы трудовых отношений.

В данной статье рассматривался последний подход, согласно которому профсоюзный орган является обязательным субъектом регулирования трудовых отношений, способствует более полной реализации мер социальной политики организации, повышению уровня качества трудовой жизни.

Мировое профсоюзное движение прошло большой и сложный путь в своем развитии. В настоящее время первоначальные цели этих объединений трудящихся продолжают оставаться актуальными. Так, Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (1996 г.) гласит, что профсоюз – «это добровольное общественное объединение граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов» [9].

Актуальность деятельности профсоюзов в современном российском обществе обусловлена, прежде всего, его переходным состоянием. Несмотря на то, что с момента коренных поли-

тических и экономических изменений прошло уже более четверти века, социальные условия жизни для большинства населения страны остаются довольно сложными, в чём-то непонятными и неопределёнными. Несовершенство правовой системы и обретение разного рода свобод субъектами управления на разных уровнях иерархической системы власти имеют определённые негативные последствия для подчинённых им работников. Российское законодательство о труде сегодня содержит минимальное количество социально-трудовых гарантий и предполагает повсеместное внедрение договорной основы в трудовых отношениях между администрацией и наёмными работниками. Следовательно, одним из основных правомочных участников регулирования социально-трудовых вопросов становится/является профсоюз. Именно на него ложатся функции по обеспечению гарантий работников и представительства их интересов.

В одной из своих программных статей глава российского государства В.В. Путин обратил внимание на необходимость повышения роли профсоюзов и их активность на производстве [10]. Очевидно, следовало бы вместе с профсоюзами изучить возможность расширения участия рабочих в управлении предприятиями, повысить степень демократизации трудовых отношений. Участие в управлении предприятиями облегчает контакты с представителями работодателя, профессиональное обсуждение с ними всего круга производственных вопросов – условий и оплаты труда, графиков работы, стимулирования и др. Реализация защитной функции предполагает также активное участие профсоюзов в отношениях социального партнерства (заключение коллективных договоров), контроле (наряду с трудовой инспекцией), а также в досудебной и судебной защите трудовых прав граждан, способствуя ощущению безопасности, уверенности работников в завтрашнем дне.

Ещё одним важным и наиболее распространённым направлением деятельности современных профсоюзных организаций (особенно на конкретных предприятиях), позволяющим в некоторой степени улучшить качество трудовой жизни работников, является распределительная функция. Содержание её включает целевое расходование профсоюзных средств согласно статьям утверждённого бюджета, распределение путёвок на санаторно-курортное лечение, в оздоровительные лагеря, оказание материальной помощи нуждающимся сотрудникам и др.

Сегодня можно констатировать, что распределительные практики профсоюзов не только сохранились, но определённым образом транс-

формировались. Например, наблюдаются некоторые изменения в источниках получения средств и финансирования мероприятий, проводимых профсоюзными организациями. Повышению уровня качества трудовой жизни способствует и достаточно развитая законодательная основа, на которой действуют профсоюзные объединения. Можно выделить несколько групп нормативно-правовых актов, определяющих права профсоюзов в отношениях с органами государственной власти, органами местного самоуправления, работодателями, их объединениями (союзами, ассоциациями), другими общественными объединениями и гарантии их деятельности. К числу таких документов относятся: Конституция РФ, Трудовой кодекс РФ; Федеральный закон № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» от 19.05.1995; отраслевые соглашения и положения о профессиональных союзах, в которых отражена специфика работы профсоюзов и вопросы регулирования их деятельности на уровне законодательства субъектов Российской Федерации. Более конкретные правовые предписания, а также права и гарантии деятельности профсоюзов закреплены в учредительных документах профсоюзов (в соответствии со статьёй 7 ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»).

Одним из центральных законов для данных организаций является Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». Так, в главе 2 прописаны и закреплены основные социально значимые функции: статья 11 «Право профсоюзов на представительство и защиту социально-трудовых прав и интересов работников», статья 12 «Право профсоюзов на содействие занятости», статья 13 «Право профсоюзов, первичных профсоюзных организаций на ведение коллективных переговоров, заключение соглашений, коллективных договоров и контроль за их выполнением», статья 14 «Право профсоюзов на участие в урегулировании коллективных трудовых споров», статья 19 «Право профсоюзов на осуществление профсоюзного контроля за соблюдением законодательства о труде», статья 20 «Права профсоюзов в области охраны труда и окружающей среды», статья 22 «Права профсоюзов на социальную защиту работников», статья 23 «Право профсоюзов на защиту интересов работников в органах по рассмотрению трудовых споров» [9].

Безусловно, в своей деятельности субъекты профсоюзного движения руководствуются не только официально закреплёнными нормативными положениями, но и присущей им системой ценностей, в числе которых справедливость, труд, солидарность, коллективизм, един-

ство, интернационализм, патриотизм. Трудно не согласиться с тем, что именно такие ценностные ориентации позволяют профсоюзным работникам решать важные социальные вопросы; поддерживать социально ориентированную кадровую политику организации; выполнять роль социального деятеля, создавая благоприятные условия как для удовлетворения потребностей трудового коллектива, так и для реализации духовных, творческих и нравственных интересов каждого занятого работника, формировать лояльность и мотивацию персонала, повышать производительность труда.

Анализируя изменения, происходящие в последние два десятилетия в профсоюзных объединениях – впрочем, как и во всех действующих социальных институтах, следует заметить, что для развития и дальнейшего функционирования в своём большинстве ими была выбрана тактика конструктивного взаимодействия с субъектами власти. Взяв на себя роль одного из институтов социального партнерства, профсоюзы приняли конкретные обязательства по поддержанию социальной стабильности. Взамен они получили право участвовать в разработке и реализации мер социальной политики, выступая в роли консультантов, участвуя в заседании комиссий.

Результаты выбора подобной линии поведения неоднозначны: с одной стороны, в обществе периодически появляется информация о проявлении профсоюзной активности, а отдельными социальными группами даются положительные отзывы об оказанной профсоюзными деятелями помощи и звучат благодарности в их адрес; с другой – жёсткая критика, которая, как правило, заключается в неадекватности современного профсоюза защитить трудовые права работников, в бездействии, в выборе «соглашательской» бесконфликтной тактики поведения в отношениях с органами государственной власти и руководством предприятий. Так, данные опроса, регулярно проводимого ВЦИОМ, свидетельствуют о повышении степени защищённости прав трудящихся в России (с 71-го пункта до 58-го). И, тем не менее, произошедшие изменения не позволяют делать вывод о благоприятной ситуации на местах: 73% работников считают, что их права защищаются недостаточно (для сравнения – в 2010 году такого мнения придерживались 80% опрошенных). С точки зрения респондентов, за соблюдением норм трудового права и безопасными условиями труда следит администрация предприятия (17% мнений), непосредственные руководители (13%) и профсоюз (13% ответов).

Около половины работающих респондентов (45%) не видят реальных действий по защите

своих прав в компании. В сложных противоречивых ситуациях на рабочем месте 14% сотрудников надеются на их успешное разрешение с помощью начальства; 7% принимают самостоятельное решение о смене места работы; 6% обращаются за помощью в профсоюзные организации, 4% – к родственникам, друзьям и знакомым, и лишь 3% – в судебные инстанции. Некоторые из опрошенных (2%) приспосабливаются к сложившимся обстоятельствам, сокращая объём и темп работы, и всего лишь по 1% работников пробовали заявить о своих правах, участвуя в митингах и забастовках или прибегая к угрозам.

Предпринятые попытки защитить трудовые права тем или иным способом большей частью респондентов (60%) признаны успешными. У тех сотрудников, которые никогда не задавались подобными вопросами (65%), как правило, не возникало необходимости восстанавливать справедливость на рабочем месте (66%); а 19% вообще не видят смысла в подобных действиях [11].

Учитывая вышеизложенное, заключим, что во многом высказываемая сегодня критика в адрес профсоюзных объединений объективна. Как социальный институт профсоюз наделён определёнными социально значимыми функциями, невыполнение которых провоцирует социальные конфликты. В условиях нестабильной экономической обстановки и обострения социальных проблем активность и действенная помощь представительных органов государственной власти очень востребована населением. Работающие граждане (в такие периоды особенно) связывают свои большие надежды на соблюдение гарантий занятости и оплаты труда с руководством организаций и профсоюзными деятелями. Поэтому вполне понятны ситуации, когда не реализовавшиеся, но правомерные ожидания рядовых сотрудников – членов профсоюза в трудных обстоятельствах вызывают недовольство и разочарование в тех, кто должен обеспечивать им поддержку и защиту их прав.

Но так ли всё однозначно? Попробуем вскрыть некоторые причины такого негативного отношения и факторы, тормозящие становление российских профсоюзов как полноценных субъектов социальных отношений.

Как общественное добровольное объединение профсоюз формируется исключительно из работников, изъявивших желание (и конечно, надежду на содействие в решении социально-экономических проблем!) вступить в ряды данной организации, перечисляющих взносы (1% от заработной платы) и пользующихся теми благами (как материальными, так и духовными), которые он предоставляет. Как любая фор-

мальная организация профессиональный союз имеет официального лидера и утверждённые в законодательном порядке структуру и порядок деятельности, что порой сильно его бюрократизирует. Последнее обстоятельство оказывает существенное влияние на возможности социальных организаций достигать свои цели. Профсоюзы не являются исключением: длительные и упорядоченные бюрократические процедуры обязательного и порой неоднократного согласования рабочих вопросов со многими субъектами управления предприятия затягивают их решение, делают его неэффективным.

Стараясь «идти в ногу со временем» и не утратить возможности дальнейшего функционирования на рынке, субъекты управления формируют (в той или иной степени) социально ориентированную кадровую политику. Но заметим, что наблюдается разная реакция персонала на проявление заботы о нём: более уверенные в себе, активные и амбициозные сотрудники (доля которых на предприятиях сравнительно мала) тщательно соотносят уровень затраченных усилий с результатами своего труда, анализируют отношение руководства и получаемое вознаграждение. Остальная часть персонала, как правило, более пассивна и ведома. Такие люди не всегда имеют своё мнение или предпочитают помалкивать; перекладывают ответственность на других; жалуются на обстоятельства и безысходность; во всех своих неудачах и неприятностях винят кого угодно, только не себя; подстраиваются под ситуацию, не пытаясь в ней что-то изменить; испытывают облегчение, когда решения принимаются за них, а им говорят, что нужно делать.

В то же время решение актуальных социально-экономических вопросов и повышение уровня качества трудовой жизни не может происходить в одностороннем порядке; напротив – предусматривает формирование субъект-субъектных отношений между участниками. Иными словами, речь идёт об активной позиции как непосредственно профсоюзной организации, так и самих работников, имеющих общую цель и взаимонаправленность в действиях. Очевидно, устные высказывания со стороны персонала о насущных проблемах в трудовой деятельности, об ущемлении прав, несправедливых и противозаконных действиях со стороны руководства не имеют юридической силы и не являются «предметом для разбирательств». На предложения профторгов изложить жалобы и заявления в письменном виде недовольные работники в большинстве случаев отказываются, боясь возможных последствий и репрессивных действий со стороны начальства. Таким образом, боль-

шая часть членов профсоюза рассчитывают либо на разрешение ситуации «само собой», либо на инициативу сотрудников профкома вмешаться в ситуацию для «восстановления справедливости».

В данном случае приходится констатировать гражданскую пассивность, вытекающую из уверенности в том, что посредством активности всё равно ничего нельзя изменить. В сфере профсоюзного движения эта черта приобретает специфический оттенок, никак не меняя своей сущности: работники в своей массе не верят в то, что они смогут что-то изменить к лучшему, не верят в способность профсоюзов отстаивать их интересы. Возникает замкнутый круг: профсоюзные органы теряют способность быть равноправным партнером по отношению к власти и бизнесу, потому что не опираются на четко выраженную поддержку своих членов, а последние теряют доверие к профсоюзным органам, потому что последние не имеют влияния.

Низкая эффективность деятельности рассматриваемых организаций во многом обусловлена и сложившимися в настоящее время политико-правовыми условиями: у профсоюзных организаций сегодня нет достаточного силового ресурса – фактически запрещены забастовки, существенно ограничены возможности ведения официальных переговоров, уменьшены возможности их участия при заключении коллективного договора; они оказываются лишёнными реальных рычагов давления на работодателя. Это означает, что в вопросах заработной платы, условий труда, режима и т.д. профсоюзы не могут выдвигать свою позицию и бороться за нее [12].

Еще одна причина скептического отношения к профсоюзным объединениям кроется в информационной изоляции. Основная масса работников мало что знает о деятельности профсоюзной организации, действующей на предприятии, что логически ведет к естественному выводу: «Они ничего не делают».

Несмотря на имеющиеся недостатки и замечания к работе профсоюзных организаций, отметим, что профсоюзные деятели продолжают выполнять предписанные им функции, организуют и обеспечивают социальную и материальную поддержку большей части занятых на предприятиях работников, тем, кто оказывается в трудной жизненной ситуации, той части персонала, которая по уровню жизни и достатка относится к малообеспеченным слоям населения (а согласно статистике, таковых в России более 20% населения страны, т.е. среднедушевой доход не превышает прожиточного минимума [13]).

Профсоюзы в Российской Федерации до сих пор являются самой массовой общественной

организацией трудящихся; создают основу посредничества между администрацией и наёмным работником, представляя и защищая его интересы и права. Сегодня для российских профсоюзов характерны: достаточно разветвлённая организационная структура, большой опыт управления социально-трудовыми конфликтами и спорами. Кроме того, современные профсоюзные организации располагают определёнными материальными ресурсами и профессиональным кадровым составом.

С учётом вышеизложенного сформулируем некоторые перспективные направления деятельности профсоюзов в организациях:

- серьёзные конструктивные изменения в характере информационной деятельности профсоюзов;
- поддержка и создание благоприятных и безопасных условий труда в организации;
- работа по привлечению в профсоюзную организацию профессионально подготовленных молодых специалистов;
- выполнение и обеспечение всех социальных гарантий для работников;
- создание условий для повышения квалификации и уровня образования работников;
- сохранение традиций, проведение патриотических, морально-нравственных мероприятий;
- проведение культурно-массовых и оздоровительных мероприятий; активное участие в организации отдыха сотрудников [14].

В современном мире партнерство с профсоюзными объединениями является показателем цивилизованности бизнеса, востребовано администрацией предприятия, поскольку она объективно заинтересована в налаживании контактов с коллективом. Как один из важнейших социальных институтов профсоюз через реализацию своих прав и возможностей фактически оказывает влияние на все стороны жизни работников, имеет потенциал для улучшения условий производственной деятельности и повышения уровня качества трудовой жизни в целом.

Список литературы

1. Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philoso phy/4397/%D0%9A%D0%90%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E/ (дата обращения: 10.02.2016).

2. <http://svspb.net/danmark/vvp-stran-na-dushu-nasele nija.php> (дата обращения: 21.01.2016).

3. <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index /human-development-index-info> (дата обращения: 21.01.2016).

4. Управление организацией: Энциклопедический словарь / Под ред. А.Г. Поршнева, А.Я. Кибанова, В.Н. Гунина. М.: ИНФРА-М, 2009.

5. Гутгарц Р.Д. Эволюция подходов к проблеме управления кадрами предприятия // Менеджмент в России и за рубежом. М., 2002.

6. Егоршин А.П. Мотивация трудовой деятельности. Н. Новгород: НИМБ, 2003. 320 с.

7. Жулина Е.Г. Деятельностный подход к управлению качеством трудовой жизни // Управление персоналом. № 14. М., 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?2099> (дата обращения: 22.01.2016).

8. Андрухов В.А. Качество трудовой жизни – основа повышения эффективности труда // В мире научных открытий. 2011. № 6(18). С. 13.

9. Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ: Электронный документ. URL: http://base.garant.ru/10105872/1/#block_100 (дата обращения: 26.01.2016).

10. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России: Электронный документ. URL: <http://www.putin-itogi.ru/2012/02/13/statya-v-v-putina-stroitelstvo-spravedlivosti-socialnaya-politika-dlya-rossii/> (дата обращения: 10.02.2016).

11. Права трудящихся – и защищены ли они? [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115092> (дата обращения: 10.02.2016).

12. Лучшие практики профсоюзных организаций СНГ. Завершающий отчет из международного научно-исследовательского проекта «Профсоюзы в постсоциалистическом обществе: преодоление государственного-социалистического наследства», финансируемой INTAS (03-51-6318). М.: Институт сравнительных исследований трудовых отношений, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fpkk.ru/text/FinalIntas.pdf> (дата обращения: 27.01.2016).

13. Распределение населения по размеру среднедушевых денежных доходов / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 01.02.2016).

14. Низамутдинова Э.Р., Рабцевич А.А. Перспективы развития профсоюзного движения в России // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/02/9608> (дата обращения: 01.02.2016).

**THE ROLE OF TRADE UNION ORGANIZATIONS IN IMPROVING
THE QUALITY OF EMPLOYEES' WORKING LIFE**

A.V. Rusheva

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The aim of the article is to examine the impact of the Russian trade union organizations on the quality of working life in the current socio-economic and political conditions. Different approaches to the study of trade unions are presented, the main concepts pertaining to the topic are examined along with the components of working life quality and the functions of trade unions at the enterprises. The author points to existing causes of negative attitudes towards this social institution and highlights the relevance of the development of the trade union movement in Russia, the importance of raising the level of working life quality and the ability to influence change through the active trade union organization.

Keywords: quality of working life, trade union organization, working conditions, management, employment, employees, social partnership, rights, protection.

УДК 316.4.06

**ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ УЛУЧШЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ
В РАКУРСЕ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ И ПРАКТИКАХ
ИНТЕРАКТИВНОГО ОБЩЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ
(НА ОСНОВЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ
ПРОФИЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ)**

© 2016 г.

М.М. Старикова, Э.В. Бушкова-Шиклина

Вятский государственный университет, Киров

maria_kuzmina82@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.02.2016

Статья принята к публикации 10.08.2016

Представлен анализ возможностей улучшения жилищных условий россиян посредством участия в федеральных и региональных целевых жилищных программах. На основе феноменологического подхода рассмотрено проблемное поле улучшения жилищных условий населения в двух средах: официальной политики и повседневных практик интерактивного общения населения. Основными методами работы стали вторичный анализ данных отечественных и зарубежных социологических исследований и контент-анализ профильного федерального сайта и региональных интернет-форумов по проблемам жилья. Показаны несбалансированность современных процессов развития жилищной сферы, тренды жилищной политики и болевые точки решения жилищных проблем.

Ключевые слова: жилье, жилищные условия, жилищная политика, целевые программы улучшения жилищных условий.

Жилье, тип застройки, архитектурный облик и внутреннее убранство являются своеобразным паспортом эпохи. Социальная стратификация общества ярче всего выражается в жилищных условиях населения, поскольку недвижимость как вид собственности, ее качество, стоимость и престиж суть отражение социальных отношений и иерархий. Являясь дефицитным ресурсом, жилье всегда выступало детерминантом социальных процессов и стратификации и привлекало к себе внимание исследователей.

С начала 2000-х гг. был защищен ряд социологических диссертационных работ по проблемам жилья, в которых основное внимание уделено рынку жилья, жилищной политике и влиянию жилищных условий на репродуктивное поведение [1–7]. Однако проведенный авторами обзор основных рецензируемых периодических изданий по социологии и материалов крупных научных конференций свидетельствует, что жилищный вопрос изучается сравнительно мало в соотношении с другими социальными проблемами.

Имеющиеся работы по изучению конкретных стратегий улучшения жилищных условий населения (В.И. Гришанов, А.К. Гузанова, И.М. Шнейдерман, Н.Н. Ноздрин, С.Н. Ларин, Т.В. Стебеньева, С.М. Островский и др.) показывают высокую актуальность проблемы, однако зачастую не выделяя собственно данных стратегий

самих жильцов и конкретных ресурсов личности, необходимых для их реализации [8–12].

На практике люди в большинстве своем стремятся всячески улучшать параметры жилья, но для многих россиян решение жилищного вопроса представляет труднопреодолимые границы. По данным Федеральной целевой программы «Жилище» на 2011–2015 гг., жилищная проблема стоит перед 60% российских семей [13].

Нужно учитывать, что острота и трактовка жилищных проблем могут варьироваться в зависимости от субъекта и среды, в которой они рассматриваются (с позиции феноменологического подхода в социологии). В связи с этим нами была поставлена *цель* выявить проблемный фон жилищного вопроса в сферах, определяющих базовое видение и общественное восприятие жилищной проблематики: в дискурсе официальной политики и повседневных практиках интерактивного общения городского населения. Это позволит в дальнейшем дать дифференцированную оценку жилищных условий населения и практик их улучшения.

Перед нами стояли *задачи*:

1. Осмыслить проблемы жилищного обустройства в городах в различных ракурсах и практиках.

2. Сопоставить предложения официальной жилищной политики с реальными практиками участия населения в государственных жилищ-

ных программах (на примере регионов Приволжского федерального округа).

3. Обозначить наиболее острые для граждан проблемы участия в государственных программах улучшения жилищных условий населения.

Вопросы жилищного обустройства в сфере официальной жилищной политики

Для полноты картины о возможностях улучшения жилищных условий необходимо представлять официальные нормы, которые регулируются правовыми документами и ведомствами, формирующими и реализующими национальную жилищную политику. Дискурс официальных документов является важным социологическим материалом, способным дать представление о границах легитимных возможностей в операциях с жилой недвижимостью.

Наиболее адекватным методом социологического исследования официальной политики, на наш взгляд, является контент-анализ профильных текстовых источников. В нашем исследовании базой контент-анализа послужил сайт Министерства строительства России в разделе «Жилищная политика» [14]. В нем репрезентативно отражаются манифестируемые государством возможности улучшения жилищных условий населения, которые распространяются для реализации во всех субъектах Российской Федерации. Был проведен структурный контент-анализ раздела по принципу сплошной выборки документов. Для исследования была разработана матрица, включающая такие единицы анализа и счета, как ключевые слова о жилье, глаголы и словосочетания, обозначающие деятельность в сфере жилья, категории граждан, на которых рассчитана политика или конкретная программа, тональность материалов, постановления и законы, организации и учреждения, упоминаемые в документах. Обсчитывалась частотность встречаемых единиц с учетом общего объема каждого подраздела сайта. Представим основные результаты анализа.

На сайте четко сформулированы приоритеты государственной жилищной политики¹: 1) снижение стоимости 1 кв. метра жилья путем увеличения объема ввода в эксплуатацию жилья экономического класса; 2) развитие рынка доступного арендного жилья и развитие некоммерческого жилищного фонда для граждан, имеющих невысокий уровень дохода; 3) поддержка отдельных категорий граждан, которые нуждаются в улучшении жилищных условий, но не имеют объективной возможности накопить средства на приобретение жилья на рыночных условиях; 4) совершенствование условий приобретения жилья на рынке, в том числе с помо-

щью ипотечного кредитования; 5) улучшение качества жилищного фонда; 6) модернизация коммунального хозяйства.

Согласно данным мониторинга объемов жилищного строительства, в 2013 г. введено в эксплуатацию 70.5 млн кв. м жилья, в 2014 г. – 81 млн. кв. м, что превысило плановый показатель на 14%. Однако на сайте минстроя нет данных об объеме продаж введенного в эксплуатацию жилья. Встает вопрос: какой процент вводимого в эксплуатацию жилья при массовом строительстве будет реально использоваться, а какой простаивать незаселенным в силу дисбаланса между предложениями рынка и реальной покупательной способностью населения? Также обращает на себя внимание факт пропаганды новостроек и обновления жилья как основного вектора развития жилого фонда. Таким образом подспудно изыскиваются способы снять накапливающиеся проблемы «хрущевки» и ветхого жилья за счет стимуляции покупки населением дополнительной собственности, которая затем станет альтернативой пришедшим в негодность старым постройкам. Дополнительные риски создают и форсированные темпы и объемы строительства, поскольку сложно судить, насколько качественно новостроящееся жилье и как долго оно сможет эксплуатироваться без обветшания. Ведь практически во всех документах анализируемого ресурса подчеркивается специфика жилья – экономического класса. Для государства это, возможно, наиболее реальный способ решить текущие увеличивающиеся проблемы ветшающего жилищного фонда советских времен, но в то же время в средней и долгосрочной перспективе чревато новыми рисками.

Наибольший объем внимания (по количеству документов и их размеру (125 409 слов) на сайте жилищной политики уделен разделу «Обеспечение жильем отдельных категорий граждан». Данный раздел позволяет нам выяснить, кому, словами классика, «на Руси жить хорошо». Согласно законам, представленным в разделе, он сосредоточен на оказании «жилищной помощи» следующим категориям граждан: подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС; вынужденным переселенцам, выезжающим из районов Крайнего Севера, военнослужащим, инвалидам и ветеранам Великой Отечественной войны. Однако объем внимания к ним неравноценен. Чаще всего упоминаются как реципиенты жилья вынужденные переселенцы (114 раз), эвакуаторы / эвакуированные из радиоактивной зоны отселения чернобыльской катастрофы (95 раз) и граждане, уволенные с военной службы и

из органов внутренних дел, члены семьи военнослужащих (76 раз). Остальные категории упоминаются в среднем в 3–7 раз реже. С одной стороны, это говорит о явной обеспокоенности их судьбой, с другой стороны, значит, что именно военные наиболее «нужная» при сегодняшней стратегии развития категория. «Чернобыльцы», по результатам анализа, упоминаются так часто в силу большого количества редакций (8) законодательных актов относительно их господдержки, что, в свою очередь, может быть обусловлено частым изменением финансирования и пересмотром оценок последствий катастрофы.

Выделенные ключевые слова обобщенно маркируют жилье, определяют функции и деятельность государства в сфере обеспечения жильем. Проведенный анализ показал, что чаще всего встречаются слова и словоформы: жилое помещение (площадь жилого помещения, площадь жилья, нормативы площади, дополнительная жилая площадь) (133 раза), жилищные субсидии (73 раза), зона проживания (42 раза), жилищные условия (18 раз), жилищное строительство (11 раз), государственный жилищный сертификат (10 раз). Как видим, наиболее употребительна официальная лексика, не выделяются типы жилья, в центре внимания его площадь и стоимость (в ракурсе максимальной экономичности для государства и доступности для граждан), делается упор на новостройки и подчеркивается важная роль государственной поддержки.

Среди упоминаемых словосочетаний действий с жильем часто встречаются такие: обеспечение жильем (49 раз), предоставление мер социальной поддержки (38 раз), возмещение вреда (28 раз), выплата пособий, компенсаций (25 раз), получение и предоставление жилищных субсидий (28 раз) и др. Важно отметить, что доминирует императивная и проективная тональность глаголов. Субъектом права, исходя из форм и семантики представленных в документах глаголов, является государство в широком смысле слова. Сами правообладатели (переселенцы, ветераны, инвалиды, военнослужащие и др.) по большей мере играют роль ограниченного субъекта, т.е. хотя и предполагается, что для достижения предоставляемых жилищных благ гражданин может использовать свои льготные права, однако сами формулировки в документах подчеркивают решающую роль официальных инстанций.

Из официальных организаций наибольшее число упоминаний имеют Правительство РФ (163 раза) и органы исполнительной власти (47), тем самым подчеркивается масштабность и уровень сложности решения жилищного вопроса.

Из фактических способов улучшения жилищных условий, рассчитанных на широкий

круг граждан, в разделе жилищной политики сайта минстроя выделены ипотека, долевое строительство и аренда жилья.

Наибольшее внимание по объему документов (60082 слова) из вышеназванных способов уделено нормативному регулированию и развитию ипотеки как способа приобретения жилья.

Из выделенного перечня ключевых слов и глаголов деятельности, касающихся вопросов ипотеки, можно сделать следующие выводы. Как и ожидалось, большинство словоформ прямо или косвенно связаны с кредитованием, его обеспечением: заложено имущество (198 упоминаний); обеспечение (ипотекой, обязательств) (168); регистрация (прав, ипотеки) (115); исполнение обязательств (113); погашение (займа, долга,) (50); заключение договора (35); применяются правила (33); застрахован (от риска) (14) и прочие. Такое обилие глаголов деятельности в ипотечном законодательстве свидетельствует об активной позиции государства в вопросах дальнейшего развития ипотеки. Раздел «Ипотечное кредитование» по сравнению с остальными больше насыщен юридической и экономической лексикой, акцентируется максимальная роль правовой и экономической ответственности решившихся взять ипотеку.

Большой практический и научный интерес вызывает относительно небольшой (20182 слова) раздел сайта минстроя, описывающий формы распоряжения и эксплуатации арендного жилья. Это один из перспективных способов улучшения жилищных условий менее социально защищенных и обеспеченных категорий граждан. «21 июля 2014 г. был принят Федеральный закон № 217-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс... в части законодательного регулирования отношений по найму жилых помещений жилищного фонда социального использования». Данный закон... предусматривает возможность строительства наемных домов субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями и частными застройщиками. Частные застройщики, которые предложат на аукционах более низкий размер арендной платы за наем жилых помещений в таких домах, получают земельные участки в аренду без торгов по цене земельного налога. Вместе с тем документ предусматривает и дополнительную поддержку застройщикам, например в виде обеспечения участков инженерной инфраструктурой» [15]. Таким образом государство инициирует мероприятия по формированию рынка доступного арендного жилья и развитию некоммерческого жилищного фонда для граждан, имеющих невысокий уровень дохода. Однако четко не прописаны категории граждан,

которые могут воспользоваться социальным наймом, и не понятна процедура организации такого найма с позиции рядового гражданина.

Остается только один резонный для исследования вопрос: насколько фактически распространена в нашей стране официальная аренда жилья. Житейский опыт подсказывает, что большинство съемщиков и арендодателей пытаются обойти формальные документы во избежание дополнительного налогового бремени.

В настоящее время в России относительно предыдущих периодов немного федеральных целевых программ, направленных на стимулирование и поддержку жилищной обеспеченности населения. Исходя из контента сайта минстроя, единственной крупной общероссийской целевой программой в данном секторе является *Федеральная целевая программа (ФЦП) «Жилище»* на 2011–2015 гг. Большую ценность для анализа и представления возможностей этой программы имеют ее подпрограммы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ» и «Жилье для российской семьи» (<http://minstroyrf.ru/docs/1337/>).

В паспорте программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ» предлагаются разные пути приобретения жилья. Наиболее часто в документах встречаются понятия «жилье экономического класса», «жилые помещения» и «объект/проект жилищного строительства», что свидетельствует о направленности программы на обновление жилищного фонда и максимальную экономичность для всех субъектов. Повторим, что это вызывает опасения относительно качества такого жилья.

Стоит заметить, что слов с позитивной окраской намного больше, чем негативных, просматривается проективная настроенность на создание максимально позитивного имиджа и доступности программы в русле патернализма государства. Часто встречаются такие слова, как «доступный», «комфортный», «обеспечение», «реализация», «улучшение жилищных условий», «эффективность использования ресурсов».

Примечательно, что на сайте минстроя данная программа представлена отдельными разделами по каждому федеральному округу с дальнейшим членением по отдельным субъектам. Это дает возможность сравнить эффективность реализации программы и выявить ее специфику в отдельных регионах, а также подчеркивает ее большое значение и проработку.

Подводя итог анализа жилищной политики, отметим, что государство активно прорабатывает и обновляет нормативные акты и проводит

постоянный мониторинг состояния жилого фонда и жилищной обеспеченности населения. Однако за основу берется официальная статистика, которая порой очень далека от реального состояния дел. Контент официальной политики описывает юридические права и возможности граждан. В соответствии со спецификой сайта минстроя, жилищные проблемы отражены преимущественно официальным, неразговорным языком, тональность крайне сдержанная, умеренно позитивная. Это своеобразная официальная *minimax*-стратегия повышения жилищного благополучия населения.

Жилищный вопрос в ракурсе интерактивно-го общения на региональных форумах

Жилищная политика подразумевает не только ее официальное провозглашение, но и фактическую реализацию. Каким образом сегодня можно улучшить свои жилищные условия, насколько официальные возможности совпадают с реальной практикой жилищного обустройства людей? Какие грани жилищного вопроса сегодня больше всего волнуют россиян?

Наибольший практический интерес имеют ответы, получаемые из повседневных практик межличностного взаимодействия. Объективную картину повседневных практик интерактивного общения населения можно получить из анализа интернет-форумов, которые набирают все большую популярность в межличностном общении. Методом поисковых онлайн-запросов был найден ряд форумов по проблемам жилья в различных регионах России. Однако чтобы результаты анализа были сопоставимы, были отобраны похожие по своему замыслу и целевой аудитории интернет-ресурсы: форумы разделов «Квартирный вопрос» и «Интерьер, ремонт, домашний уют» на региональных сайтах «Кировчанка»², mama.kazan.ru³ и nn.mama.ru⁴, где свободно высказывают свое мнение и делятся опытом жители (в основном женщины-матери) регионов России – Кировской, Нижегородской областей и Республики Татарстан. По итогам работы создан комплексный протокол и проведен сравнительный анализ жилищных проблем в городах разного масштаба Приволжского федерального округа. Однако сразу отметим, что активность участников форумов оказалась неодинаковой, наиболее мощная рефлексия представлена на кировском сайте, а самая слабая – на нижегородском. Были проанализированы темы, обсуждаемые на форумах в 2014–2015 гг.

На первом этапе контент-анализа подфорумы были сгруппированы в тематические блоки (таблица), которые позволили выявить объем внимания и интенсивность обсуждения отдельных проблем жилья.

Таблица

**Протокол анализа форумов раздела «Квартирный вопрос» сайтов mama.kazan.ru,
nn.mama.ru и «Кировчанка» (по состоянию на 30.09.2015 г.)***

№	Название тематического блока	Город	Количество тем	% в расчете по каждому городу	Количество стр.	% в расчете по каждому городу
1	Ремонт и обустройство жилья	Казань	43	64.2	95	38.0
		Н.Новгород	39	42.9	112	30.5
		Киров	143	46.0	1472	49.3
2	Отзывы о районах и жилых комплексах	Казань	2	3.0	2	0.8
		Н.Новгород	4	4.4	49	13.3
		Киров	55	17.7	456	15.4
3	Отзывы о застройщиках / риелторах	Казань	2	3.0	7	2.8
		Н.Новгород	3	3.3	6	1.6
		Киров	22	7.1	164	5.5
4	Покупка / рассрочка / долевое строительство	Казань	2	3.0	3	1.2
		Н.Новгород	4	4.4	10	2.7
		Киров	13	4.2	20	0.7
5	Имущественный вычет, платежи, правовые вопросы	Казань	1	1.5	1	0.4
		Н.Новгород	13	14.2	42	11.4
		Киров	12	3.9	89	3.0
6	Вопросы ипотеки	Казань	1	1.5	1	0.4
		Н.Новгород	3	3.3	42	11.4
		Киров	11	3.5	84	2.8
7	Планировка, предпочтения в качестве жилья	Казань	3	4.5	4	1.6
		Н.Новгород	4	4.4	32	8.7
		Киров	25	8.0	38	1.3
8	Материнский капитал	Казань	0	0	0	0
		Н.Новгород	1	1.1	4	1.1
		Киров	9	2.9	194	6.5
9	Жалобы и отзывы о проблемах жилья	Казань	3	4.5	7	2.8
		Н.Новгород	7	7.7	12	3.3
		Киров	10	3.2	19	0.5
10	Строительство, свой дом	Казань	6	8.8	17	6.8
		Н.Новгород	4	4.4	27	7.3
		Киров	4	1.3	60	2.0
11	Аренда	Казань	2	3.0	2	0.8
		Н.Новгород	4	4.4	8	2.2
		Киров	3	1.0	3	0.1
12	Программы улучшения жилищных условий	Казань	1	1.5	110	44.0
		Н.Новгород	2	2.2	4	1.1
		Киров	2	0.6	375	12.6
13	Переезд	Казань	1	1.5	1	0.4
		Н.Новгород	3	3.3	19	5.3
		Киров	2	0.6	9	0.3
	Итого	Казань	67	100.0	250	100.0
		Н.Новгород	91	100.0	367	100.0
		Киров	311	100.0	2983	100.0

*Процент тем и процент количества онлайн-страниц по темам не имеют прямого соотношения, поскольку темы демонстрируют разнообразие формулировок названий подфорумов по одному аспекту жилищной проблематики, а количество страниц описывает интенсивность обсуждения проблем; таким образом, тем может быть немало, но обсуждаться они могут длительно либо интенсивно на большом количестве онлайн-страниц.

Как видно из представленных данных, наибольший интерес у горожан вызывают практические повседневные вопросы. Самыми обсуждаемыми во всех городах являются проблемы ремонта, поскольку именно этот способ улучшения жилищных условий наиболее доступен рядовым гражданам. Суэта вокруг вопросов ремонта свидетельствует о деятельной позиции населения, высокой значимости жилищного обустройства в жизненных стратегиях. Формат форума дает возможность узнать неофициальную информацию о застройщиках и отзывы о конкретных жилых районах и комплексах. В целом по объему страниц и количеству подфорумов в дискурсе интерактивного общения доминируют информационно-консультативные темы, где жители могут поделиться опытом, узнать необходимые сведения и новости. Темы с жалобами, личными мнениями и конкретными узкими вопросами поднимаются чуть реже и резко уступают первым по количеству откликов. В крупных городах, Казани и Нижнем Новгороде, жители уделяют меньше внимания обсуждению комфорта отдельных районов и качества застройщиков, возможно, в силу их большего разнообразия и меньшего страха экономических рисков, а возможно, в силу менталитета «большой деревни» в небольшом г. Кирове. Для Кирова актуальнее и вопросы ипотеки, имущественных вычетов, распоряжения материнским капиталом, что косвенно указывает на бедность региона и высокую озабоченность поисками средств для жилищного обустройства.

Для комплексного видения ситуации и проверки, насколько заявленные на сайте минстроя постановления и программы по обеспечению жильем реализуются в жизни, был проведен контент-анализ тематических форумов указанных выше сайтов, в частности форума «Программы по улучшению жилищных условий молодым семьям Кирова» сайта «Кировчанка», «Квартира по программе «Молодая семья» сайта mama.kazan.ru и форума «Жилье для российской семьи» – реальная возможность?» сайта НН.Мама.ru.

Для исследования была разработана матрица, содержащая такие категории: основные вопросы, проблемы и темы; ключевые слова о жилье и его улучшении; глаголы действий, связанных с жильем; названия фирм недвижимости и банков; программы и законы; эмоциональная окраска слов.

Поскольку активность жителей разных городов оказалась неодинаковой, с целью хотя бы приближенной сопоставимости частот для форума сайта «Кировчанка» была использована систематическая случайная выборка страниц

анализа с шагом отбора 6 стр. (ошибка выборки составила 5%, исходя из генеральной совокупности 312 стр.), для казанского форума использована выборка с тем же процентом ошибки с шагом отбора 3 (генеральная совокупность 110 стр.). Нижегородский форум анализировался методом сплошной выборки сообщений.

Кировская патетика жилищных проблем

Общая численность участников форума «Программы по улучшению жилищных условий молодым семьям Кирова»⁵ составила 532 человека. Это самая большая тема в разделе тем квартирного вопроса. Уже объем свидетельствует о популярности и актуальности поднимаемых проблем.

На первом месте (120 упоминаний) среди обсуждаемых кировчанами проблем участия в государственных программах поддержки нуждающихся стоит сбор надлежащих документов, так как данный этап влечет за собой долговременную бумажную волокиту, нет четкой системы шагов и сотрудники ведомств, исходя из комментариев участников, очень неохотно дают пояснения. Осведомление явно не входит в интересы исполнителей федеральных целевых программ. Это может быть связано с превышением количества желающих поучаствовать в программе над объемами финансирования и низкой профессиональной культурой служащих. Судя по контенту форума, сложности часто возникают из-за невозможности предусмотреть в официальных документах и предписаниях все сценарии и жизненные обстоятельства заявителей, например проблема подсчета квадратных метров заключается в прописке супругов в разных жилых помещениях, прописке не по месту жительства, что усложняет ситуацию с получением субсидий при участии в Федеральной целевой программе.

Второй по популярности в обсуждении (107 упоминаний в подфорумах) является проблема долгих сроков ожидания и выполнения всех официальных решений: субсидий, рассмотрения заявлений, постановки в список; нередкие приостановки действия закона и финансирования.

Далее в порядке уменьшения частоты упоминания были выделены следующие обсуждаемые на форумах темы: неинформированность граждан (96 упоминаний); вопросы, связанные с ипотекой и банком (60), разница между федеральной и региональной программами (об условиях участия, возможно ли одновременное участие) (34); ограниченный возраст для попадания под программу (27); отсутствие денег в региональном бюджете (20); проблемы очереди по программе (несправедливое движение очереди,

невозможность узнать свое место в очереди) (20) и др. Как видно, большинство тем связаны с проблемными моментами исполнения ФЦП и демонстрируют активную позицию жителей по отстаиванию своих интересов.

Время, о котором идет речь, также может дать дополнительную информацию для выводов. Участники чаще всего используют прошедшее время (100 случаев), что связано с обсуждением жизненного опыта, как видно, большого и незабываемого. Настоящее время в обсуждениях используется практически так же часто, как и будущее (83 и 76 случаев соответственно), что свидетельствует об устремленности к дальнейшим действиям и подчеркивает активную жизненную позицию граждан. Для сравнения: практически весь контент сайта минстроя маркирован как настоящее время, что создает статичную картину без динамики развития.

В противоположность сайту минстроя отметим крайне низкую насыщенность контента форума «Кировчанка» упоминаниями официальных законов и программ. Сам формат форума нацелен на обсуждение жизненного опыта и логично предположить, что тональность обсуждений будет экспрессивная. Участники данного форума по-разному выражают эмоции, у кого-то счастье: «А нам дали субсидию ура!!!!!! все очень удобно, вызвали сразу, в очереди не стояли, живем не нарадуемся, заскочили в последний вагон (позвонили)»; а у кого-то горькое разочарование: «От безысходности даже на сайт президента и Белых написала, очень некомпетентные там люди сидят!», «Сказали, лучше не рассчитывать...», «Смысла нет продолжать, сомневаюсь, что вообще успею», «Муж со свекровью сегодня целый день отсидели, и их так и не приняли!» Из выделенных эмоционально окрашенных сообщений на форуме преобладают высказывания с негативной тональностью, их в 3.5 раза больше, чем радостных и позитивных.

Обсуждение участия в жилищных программах нижегородцев

Скромный объем форума «Жилье для российской семьи» – реальная возможность?» сайта НН.Мама.ru (всего 2 онлайн-страницы и 16 участников) свидетельствует о небольшом резонансе региональных жилищных программ среди жителей Нижнего Новгорода.

В основном в Нижнем Новгороде интересуются программой семейные люди с детьми, не имеющие нижегородской прописки и достаточного стажа проживания в области.

Основные проблемы, которые обсуждаются, несколько отличаются от дискурса кировского форума: на первом месте стоит тема условий

участия в программе (15 упоминаний). Второе по популярности направление обсуждения – ограничения на право участвовать в региональной программе и затяжные на годы сроки ожидания в очереди решения (14 сообщений). Нижегородцы недовольны жесткими рамками условий участия в программе (нельзя воспользоваться поддержкой жителям без местной прописки и не имеющим 5-летнего стажа жительства в Нижегородской области, а также превысившим возрастной ценз). Также участники форума довольно часто обсуждают темы неудобства ипотеки как обязательного условия участия в программе (7) и неудобства районов, которые власти предлагают для льготного улучшения жилищных условий. Характерные для форумов соседних регионов проблемы сбора документов, неинформированности об условиях участия, вопросов разночтений с подсчетом квадратных метров, преимуществ различных госпрограмм, халатного отношения персонала для нижегородцев не имеют такой актуальности.

В силу небольшого объема форума словарное разнообразие ключевых слов намного уже по сравнению с дискурсом форумов соседних регионов.

В интерактивном общении нижегородцы, так же как и их соседи, практически не ссылаются на официальные документы и инстанции: преимущественно (11 раз) ссылаются на само название программы (региональная программа «Жилье для российской семьи»), лишь 2 раза упоминается администрация Нижнего Новгорода и правительство Нижегородской области.

Анализируя эмоциональную окраску сообщений, мы пришли к выводу, что жители данного региона настроены в отношении возможностей региональных жилищных программ еще более критично, чем их соседи. Доминируют сообщения с негативной и скептической оценкой: «Нужно минимум прожить в Нижнем 5 лет», «С 2007 года стоят, ...кажется, что уже вот-вот, но все время что-то отодвигает их очередь», «Скорее всего так и не получат они никаких средств от государства – или программа закончится или мужу её исполнится раньше 35 лет, и тогда они уже не смогут в ней участвовать». Позитивные оценки встретились лишь в 3 сообщениях.

Государственные жилищные программы в оценках жителей Казани

Тема «Квартира по программе «Молодая семья» лидирует с большим отрывом (110 стр.) среди других подфорумов на сайте mama.kazan.ru, а значит, актуальность участия в жилищных программах для казанцев очевидна.

Жители столицы Татарстана несколько отличаются по менталитету, общему уровню и укладу жизни от представителей соседних регионов, что отражается и в дискурсе их онлайн-общения. Кроме того, в Казани государственные программы улучшения жилищных условий реализуются через Государственный жилищный фонд при Президенте Республики Татарстан⁶ и имеют ярко выраженную региональную специфику. В упрощенном представлении, программа представляет собой участие в социальной ипотеке и балльно-рейтинговую систему «выигрыша» льготных квартир в специально строящихся жилых комплексах по принципу личных взносов и стажа участия.

Как и в Нижнем Новгороде, на первом месте по частоте упоминания (в каждом четвертом сообщении) оказалась тема условий участия в программе (96 упоминаний в выборке из 36 онлайн-страниц). На втором месте по распространенности стоят конструктивные вопросы, с чего начать и как выстроить стратегию участия в программе, поскольку жизнь показывает, что получение льготных квадратных метров от государства на практике затягивается иногда на годы и зависит от многих субъективных условий. Часто повторяется риторический вопрос в разных синонимических вариациях: «Стоит ли соваться?» Судя по количеству интересующихся, стоит. Далее по популярности стоят прагматичные вопросы правил подсчета имеющихся и предполагаемых квадратных метров (64 упоминания), новостей и изменений в программе (39 упоминаний), опыта использования материнского капитала для оплаты приобретения жилья и использования социальной ипотеки. Не встречающейся в других форумах является тема сроков сдачи домов и условий заселения в выигранное жилье (37 упоминаний). Часто звучат правовые вопросы, показывающие достаточно высокую правовую грамотность граждан.

Глаголы, связанные с жильем, выделенные в контенте форума, отражают прагматично-деятельную позицию казанцев. Чаще всего встречаются глаголы, связанные с выбором и оформлением нового жилья (164 слова), на втором месте ожидаемо часто встречаются глаголы «участвовать» в программе (92), «стоять» в очереди (84). В сравнении с двумя предыдущими форумами, в казанском много говорится о финансовых операциях (положить на счет, платить, доказать платежеспособность) (120 словоформ). Зато реже встречаются глаголы, связанные с проблемами сбора документов. Специфика программы отражается и в специфичных глаголах: часто пишут не просто «получить» квартиру, а «выиграть», «выявить побе-

дителя по баллам». В целом рассуждения и формулировки выглядят рациональнее и увереннее, чем у соседей по федеральному округу.

Основные операторы программы вполне четко определены и закреплены в дискурсе и сознании граждан: Государственный жилищный фонд (44 упоминания), кооператив «Строим будущее» (36) и «АкБарс банк» (22 упоминания).

Отличительной чертой казанского форума является его достаточно оптимистическая тональность. Хотя критических и эмоционально негативно окрашенных сообщений достаточно много (68), асимметрия позитивного и негативного полюсов восприятия слабо выражена: позитивных сообщений 48. Главным образом это связано с восприятием государственной программы как своеобразной лотереи, шансы выиграть в которой вполне реальны: «Подруга (одинокая мама с двумя детьми) получила квартиру по этой программе. Все-таки, это работает, оказывается!», «Поздравляю с выигрышем!», «А так стояли с 2008 г., теперь мы можем заселиться». Такой результат коррелирует и с общим экономическим статусом столицы Татарстана как региона-донора. Нет такого недовольства бесконечными очередями и несправедливым движением очереди, халатностью должностных лиц, обеспечивающих реализацию программы. В целом можно заключить, что жители Казани имеют более позитивный опыт участия в государственной жилищной программе.

Проведенный контент-анализ позволил сделать ряд содержательных выводов:

1. Проблемы жилищного обустройства имеют специфику выражения в различных средах и практиках жителей разных городов. Академический дискурс характеризует систематичность, высокая логичность и анализ причинно-следственных связей жилищных проблем; политический фон жилищного вопроса насыщен императивными формулировками и нормативными актами. Подчеркивается масштабность и уровень сложности решения жилищного вопроса. Наибольшее внимание в законопроектах по первоочередному обеспечению жильем уделяется ликвидаторам последствий катастрофы Чернобыльской АЭС, вынужденным переселенцам, выезжающим из районов Крайнего Севера, военнослужащим и ветеранам боевых действий, которые в процентном отношении составляют незначительную долю населения страны. Обращает на себя внимание факт пропаганды новостроек и обновления жилья как основного вектора развития жилого фонда. Сельские жители имеют меньше реальных возможностей улучшать жилищные условия по

заявленным в жилищной политике механизмам, государственных программ развития жилья на селе на сайте практически не представлено. В жилищной политике не выделяется специфика сельского жилья и меньше внимания уделяется наиболее уязвимой в плане демографического истощения части населения страны.

Доминирует правовая лексика, эмоционально слабоокрашенная, с умеренно позитивной семантикой.

Дискурс повседневных практик интерактивного взаимодействия наиболее эмоционален и нацелен на поиск решения здесь и сейчас, где ведущим лейтмотивом выступает жизненный опыт. В нем доминируют информационно-консультативные темы, где жители могут поделиться опытом, узнать необходимые сведения и новости. Однако правовая грамотность и знание официальных постановлений и правил невысоки, что часто служит причиной неудачных стратегий поведения участников программы и, как следствие, неудовлетворенности программами.

2. Мы попытались сопоставить предложения официальной жилищной политики с реальными практиками участия населения в государственных жилищных программах.

Государство стимулирует различные механизмы поддержания и обновления жилищного фонда с учетом возможностей различных категорий населения, однако в повседневной жизненной практике реализация федеральных законов и целевых программ упирается в бюрократическую волокиту и отсутствие правовой и финансовой грамотности участвующих сторон. На практике официальные жилищные проекты и программы часто реализуются с искажениями из-за невозможности предусмотреть в официальных документах и предписаниях все сценарии и жизненные обстоятельства заявителей.

Позитивным является факт высокой социальной активности и солидарности горожан в обмене жизненным опытом. Несмотря на большое количество проблемных моментов исполнения ФЦП, контент форумов отражает активную позицию жителей по отстаиванию своих интересов и готовность к высоким ресурсозатратам для совершения «главной покупки в жизни». Однако наиболее перспективным и реальным способом расширения и благоустройства квадратных метров, исходя из количества преград для участия в целевых программах для большинства рядовых граждан, остаются ипотека и различные способы обмена жилья с доплатой.

Общая тональность и удовлетворенность жителей региональной и государственной жилищной политикой коррелирует и с общим экономическим статусом региона: в Татарстане

удовлетворенность значительно выше, чем в Кировской и Нижегородской областях.

3. Одной из основных задач нашего исследования было выявление наиболее острых для граждан проблем участия в государственных программах улучшения жилищных условий населения. Мы составили своеобразный рейтинг таких проблем.

На первом месте стоят вопросы (не)информированности граждан об условиях участия, перипетий сбора надлежащих документов и отсутствие четкой системы шагов для участия в программах.

Остро стоит проблема долгих сроков ожидания и выполнения всех официальных решений, это своеобразное «заигрывание», а иногда и шантаж и превращение в заложников ситуации через наиболее желанное и труднодостижимое благо.

Многих жителей не устраивает ипотечное кредитование, особенно в связи с его высокими процентными ставками, как рекомендуемое, а в некоторых случаях и обязательное условие участия в целевых жилищных программах.

Проблемным моментом являются удаленные и окраинные районы жилищной застройки, которые предлагаются участникам жилищных программ. Население не устраивает в таком расположении удаленность жилья от места работы и широкой транспортной развязки.

Большая часть обозначенных проблем реализации жилищных программ являются вполне решаемыми при своевременной и четкой корректировке действий всех заинтересованных сторон процесса, что является позитивным моментом.

В дальнейшем необходимо расширить онлайн-географию эмпирической базы, провести повторное и сравнительное исследование, чтобы выявить тенденции и изменения отношения населения к официальной жилищной политике в различных субъектах РФ. Регулярный контент-анализ открытого интерактивного общения позволяет выявить наиболее проблемные моменты реализации жилищной политики и определить необходимые направления корректировки федеральных и региональных жилищных программ.

Статья подготовлена в рамках поддержанного в 2015 г. Российским гуманитарным научным фондом проекта № 15-33-01230-а2 «Исследование современных практик использования и улучшения жилищных условий горожан».

Примечания

1. См.: Презентация государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами

граждан Российской Федерации». Слайд 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://minstroyrf.ru/docs/1337/> (дата обращения: 28.09.2015).

2. Форумы «Квартирный вопрос», «Интерьер, ремонт, домашний уют» / Кировчанка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kirovchanka.ru/forum/viewforum.php?f=293>; <http://www.kirovchanka.ru/forum/viewforum.php?f=52> (дата обращения: 30.09.2015).

3. Форумы «Квартирный вопрос», «Уютный дом» / mama.kazan.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mamakazan.ru/forum/viewforum.php?f=43&sid=7b99b754665b204d744887116c78d39>; <http://www.mamakazan.ru/forum/viewforum.php?f=43&sid=7b99b754665b204d744887116c78d39> (дата обращения: 30.09.2015).

4. Форум «Квартирный вопрос» / НН.Мама.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nnmama.ru/forum/viewforum.php?f=227> (дата обращения: 30.09.2015).

5. Программы по улучшению жилищных условий молодым семьям Кирова // Сайт «Кировчанка» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kirovchanka.ru/forum/viewtopic.php?f=293&t=43115&sk=a> (дата обращения: 05.09.2015).

6. См. сайт Государственного жилищного фонда при Президенте Республики Татарстан. URL: <http://mail.gilfondrt.ru/private/news.php>

Список литературы

1. Барбасов А.А. Жилищные условия как фактор репродуктивного поведения: Дис. ... кандидата социологических наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2008. 159 с.

2. Мартынюк И.А. Жилищная сфера современной России в контексте изменений ее социокультурных характеристик: Дис. ... кандидата социологических наук / Южный федер. ун-т. Ростов-на-Дону, 2009. 138 с.

3. Соловьева Л.Г. Жилищная ипотека как социальный институт: Дис. ... кандидата социологических наук / Пензенский гос. ун-т. Пенза, 2003. 176 с.

4. Цой В.О. Экономико-социологическое исследование рынка недвижимости: Дис. ... кандидата соц. наук / С.-Петербургский гос. ун-т. СПб., 2009. 147 с.

5. Чеботарев И.В. Государственная жилищная политика трансформируемой России: социологический

анализ: Дис. ... кандидата социологических наук / М. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2012. 196 с.

6. Карасев Г.Г. Социально-экономический аспект реформирования жилищной сферы крупного российского города: Дис. ... кандидата социологических наук / Российская академия гос. службы при Президенте Российской Федерации. М., 2000.

7. Левашов В.И. Трансформация жилищно-коммунальной сферы современной России: состояние и пути оптимизации. Социологический анализ: Дис. ... кандидата социологических наук / Российская академия гос. службы при Президенте Российской Федерации. М., 2004.

8. Гришанов В.И., Гузанова А.К. Региональные и социальные различия в доступности для населения жилищно-коммунальных услуг // Качество и уровень жизни населения в современной России: состояние, тенденции и перспективы: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: ИСЭПН РАН, 2012. С. 75–89.

9. Шнейдерман И.М., Ноздрин Н.Н. Социально-экономические проблемы обеспечения населения жильем // Народонаселение. 2012. № 3. С. 52–61.

10. Шнейдерман И.М., Ноздрин Н.Н., Гришанов В.И., Гузанова А.К. Жилищные условия населения и услуги ЖКХ: Монография. М.: ИСЭПН РАН, 2012. 176 с.

11. Ларин С.Н. Пути инновационного развития сферы жилищно-коммунального хозяйства региона // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 6 (237). С. 24–35.

12. Стебеньева Т.В., Островский С.М. Зарубежный опыт воспроизводства жилищного фонда // Проблемы современной науки. 2012. № 3. С. 213–224.

13. Федеральная целевая программа «Жилище» на 2011–2015 годы. Паспорт программы. Постановление Правительства РФ № 1050 от 17.12.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12182235/> (дата обращения: 18.09.2015).

14. Официальный сайт Министерства строительства РФ. Раздел «Жилищная политика» [Электронный ресурс]. URL: <http://minstroyrf.ru/trades/zhilishnaya-politika/> (дата обращения: 23.09.2015).

15. Арендное жилье. Раздел «Жилищная политика». Официальный сайт Министерства строительства РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://minstroyrf.ru/trades/zhilishnaya-politika/9/> (дата обращения: 25.09.2015).

REFLECTION OF PROBLEMS OF HOUSING CONDITIONS IMPROVEMENT FROM THE PERSPECTIVE OF HOUSING POLICIES AND PRACTICES OF INTERACTIVE COMMUNICATION OF REGIONS' RESIDENTS (BASED ON THE CONTENT ANALYSIS OF THE MATERIALS OF RELEVANT INTERNET RESOURCES)

M.M. Starikova, E.V. Bushkova-Shiklina

Vyatka State University

The article presents an analysis of possibilities for improving the living conditions of Russians through participation in Federal targeted and regional housing programmes. By using the phenomenological approach, we consider the range of problems concerning the improvement of the population's living conditions from two perspectives: the official policies and daily practices of the residents' interactive communication. The main methods of research included the secondary analysis of the data of domestic and foreign sociological studies as well as the content analysis of the relevant federal website and regional Internet forums on housing issues. Our results demonstrate the lack of balance in current processes of the housing sector development. We also reveal current housing policy trends and some problem issues in this area.

Keywords: housing, housing conditions, housing policy, targeted programmes for improvement of living conditions.

УДК 316.7

ВИЗУАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

© 2016 г.

Н.В. Шалютина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Shalyut@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 16.02.2016**Статья принята к публикации 10.08.2016*

В условиях активного роста производства и потребления изображений доминирующей чертой социокультурного пространства становится визуализация. Изучение визуальных феноменов требует расширения когнитивного потенциала традиционных исследовательских методов. Актуальность приобретают междисциплинарные исследования, позволяющие изучать визуальные тексты как коммуникативные акты. Цель статьи – наметить теоретико-методологические рамки исследования визуальных сообщений. Статья представляет собой краткое описание базовых подходов к анализу визуальной информации в логике изучения визуальных текстов как полноценных актов коммуникации.

Ключевые слова: репрезентация, визуальность, композиционная интерпретация, контент-анализ, семиология, психоанализ, дискурсивный анализ, институциональный анализ, фотовыявление.

В настоящее время в социологии наблюдается повышенный интерес к сфере визуальных репрезентаций, сформировавший особую междисциплинарную область научного анализа. Данное направление сфокусировано на изучении процесса создания визуального образа, его социальной сущности и воздействия на сознание человека. Появление этой области исследований, получившей название «визуальной социологии» [1], связано с так называемым «визуальным (иконическим) поворотом» [2]. Поворот, произошедший в гуманитарных дисциплинах, связан с доминированием визуальной культуры в нашей повседневности; с распространением новых медиа, в которых коммуникация носит визуальный характер, а в визуальном превалирует коммуникативная функция.

Визуальная социология, используя достижения различных дисциплин, изучает широкий спектр визуальных практик: кино и искусство, рекламу и архитектуру, социальные сети и телевидение. Традиционные способы интерпретации визуальных репрезентаций, сложившиеся в области искусствоведческих дисциплин, не могут удовлетворить потребность в изучении визуальной культуры во всех её проявлениях, особенно в сфере новых медиа. Визуальная социология позволяет расширить дисциплинарные границы социологии, привлекая методы семиологии, психологии, философии, антропологии для того, чтобы изучить эстетические свойства визуального образа, его технические параметры и социальные характеристики.

Очевидно, что визуальные тексты способны не только описывать события, но и формировать новые смыслы, а благодаря распространению современных технологий фиксации, обработки и передачи изображений власть над визуальными образами уже не является уделом избранных. Визуальная социология изучает не только тексты и контексты, но и процессы производства и восприятия изображения. Эмпирические исследования в рамках визуальной методологии охватывают разные грани социальной жизни: идентичность и субкультуры, социальные группы и организации, гендер и материальную культуру.

В рамках исследования визуальности можно выделить две парадигмы. Одна из них – «нерепрезентативная» (Н. Трифт [3], В.Л. Круткин [4, 5], Е.В. Петровская [6]), рассматривающая способность визуального образа конструировать социальную реальность. Другая парадигма – «интерпретативный» подход (П. Штомпка [7], С. Холл [8], Е.Ю. Рождественская [9]), согласно которому образ – это отражение повседневности или некая социокультурная репрезентация, раскрывающая идеологию и цель своих авторов и допускающая некоторую манипуляцию со зрителем. Подобное понимание феномена визуальности закладывалось в русле антипозитивистских концепций: это, прежде всего, интеракционная парадигма, изучающая визуализацию повседневных паттернов; семиотика, сфокусированная на декодировании текстов, как письменных, так и визуальных; а также постструктурализм – система символических значений визуальности [10].

Визуальная социология, являясь междисциплинарной областью исследования, не дает универсальных способов анализа и имеет преимущественно качественный, интерпретативный характер. В каждом конкретном случае необходимо продумывать, какой из упомянутых подходов использовать для обоснования эмпирического исследования, и разрабатывать уникальный алгоритм работы с визуальными данными.

Схема исследования визуальных сообщений может быть выстроена по аналогии с исследованием коммуникации на естественном языке. Здесь также работает традиционная модель коммуникации Г. Лассуэла: «кто говорит? – что говорит? – кому говорит? – по какому каналу? – с каким эффектом?» [11]. Соответственно, можно выделить три предметные области исследования визуального сообщения:

1. Производство изображения (кто создал визуальный материал и почему?);
2. Содержание изображения (что представлено и как, по какому каналу?);
3. Восприятие аудиторией и эффекты (как получено и интерпретировано?).

Каждая из этих областей имеет свою модальность и оценивает визуальные данные с точки зрения социального, технического и композиционного (эстетического) аспекта [12]. С точки зрения технологии изучается, каким образом (с использованием каких инструментов и оборудования) визуальный материал был изготовлен, распространен и продемонстрирован аудитории, каковы технические характеристики самого изображения. Композиционный аспект изучает жанровые характеристики, композицию визуального текста, качество приема изображения. Социальная модальность изучает производство, распространение и интерпретацию сообщения с точки зрения социокультурных, экономических, политических и институциональных практик. В сущности, эти модальности трудно отмежевать друг от друга, поэтому визуальная социология учитывает в разной степени все три модальности при изучении производства, содержания и восприятия визуального образа.

Конкретные методы интерпретации изображения зависят от цели исследования и специфики проблемы, требующей анализа. Однако визуальная социология опирается на сложившиеся традиции в исследовании визуальных феноменов, которые были сформированы в рамках определенных дисциплин и зависят, кроме прочего, от типа визуального материала. Традиционно, изобразительное искусство изучается методом композиционного анализа; реклама – с помощью семиологии; кино – с помощью психоанализа; учреждения, демонстри-

рующие визуальные образы (музеи, галереи), – методами институционального анализа; фотографии (и другие изображения, включая картины, карты, книжные иллюстрации) – методами дискурсивной и структурной интерпретации; телевизионные программы – методами изучения аудитории; большие массивы визуальных данных – методом контент-анализа.

Рассмотрим указанные методы в соответствии с каждой из трех областей исследования визуального материала.

В области производства изображения особый интерес для исследователя представляет выяснение мотивов автора, стереотипов и идей, которые вкладывает автор в визуальный текст. Для этих целей применяется *психоаналитическая интерпретация*.

С точки зрения психоаналитической концепции, некоторые стороны сообщения способны раскрыть мотивацию автора, и прежде всего сам жанр визуального текста. Например, фотографии могут быть семейными или газетными, художественными или спонтанными, туристическими или рекламными. Соответственно жанр наряду с заголовками и подписями может многое рассказать исследователю о замысле автора. Популярным объектом психоаналитической интерпретации является кино. Фильм раскрывает не только мотивацию и внутренний мир режиссера, но и социальные, политические и культурные условия его создания.

Кроме автора визуального текста психоаналитическая интерпретация фокусируется и на тех, кто в нем фигурирует, на героях фотографии или фильма (например, З. Фрейд использовал такой подход при анализе характеров героев литературных произведений [13]). В этом случае для интерпретатора существенны поза, мимика, жесты, внешний вид, направление взглядов запечатленных людей, а также их осведомленность о проводимой фотосъемке и её цели.

Этот подход можно использовать и для анализа визуального текста, того, как зритель воспринимает изображение. Реакция зрителя на фильм, с этой точки зрения, интерпретируется как контрперенос: зритель идентифицирует себя с героем и проецирует на фильм собственные эмоции и неосознанные желания.

Институциональный анализ также проследживает путь визуальных данных с момента производства и до потребления, фокусируясь при этом на исследовании музейных культурных практик. Музей (галерея, выставка) рассматривается как социокультурный институт, функции которого – классифицировать, кодифицировать и дифференцировать объекты культуры. Этот подход уделяет внимание практикам

организации культурных объектов и приданию им новых атрибутов и ценности. Институциональный анализ охватывает сферу производства изображения, включая изучение культурных компетенций, необходимых для работы с визуальными текстами, и сферу потребления изображения, то есть взаимодействия культурных объектов с публикой, в результате чего образуются «социальные поверхности», обладающие автономным характером [12].

Изучение этого взаимодействия предполагает анализ следующих элементов: технология демонстрации культурного объекта (открытый или защищенный экспонат, реконструкция, симулякр); текстовые или визуальные технологии интерпретации (этикетки и надписи, индикаторные панели, каталоги); само пространство музея (цветовое покрытие стен, освещение, декорации, порядок расположения экспонатов); регуляция поведения посетителей музея (маршруты выставки, время просмотра, музейные правила, технологии слежения за посетителями).

Что касается исследования содержания визуальных сообщений, то здесь возможно применение не только качественных, но и количественного метода – *контент-анализа*. При этом исследуются только те наглядные стороны объекта, которые можно четко и однозначно идентифицировать. Как правило, контент-анализ применяется к большим объемам визуальных данных для отслеживания динамики объекта, его элементов. Классический пример применения контент-анализа в рамках исследования визуальных текстов – исследование моды Дж. Ричардсона и А. Крёбера, посвященное закономерностям развития женской одежды [14]. Исследователями были выделены элементы женской моды, которые, с одной стороны, могли быть четко отслежены по фотографиям, а с другой стороны, служили критерием для определения тенденций женской моды. Выбранные критерии анализа наглядно продемонстрировали цикличность в области моды, чередование этапов стабильности и изменчивости и длину этих периодов. В традиционном контент-анализе частота обращения к определенному смысловому элементу текста является показателем степени внимания коммуникатора к той или иной стороне изучаемого явления. Но чтобы дать исчерпывающий анализ процесса визуальной коммуникации, необходимо учитывать и восприятие аудитории, а точнее — смыслы, которые она выносит из визуального сообщения. Текст и контекст сообщения неотделимы, поэтому количественный анализ визуальных документов необходимо дополнять качественными, интерпретативными процедурами.

Композиционная интерпретация применяется, как правило, в сфере изобразительного искусства и предлагает анализ содержания и формы изображения через изучение его происхождения, материала, техники и стилистики изображения. Ключевые компоненты композиционной интерпретации: содержание, цвет (оттенок, насыщенность, контраст), пространственная организация изображения (перспектива и угол зрения). Для движущегося изображения – повествовательная структура (нарратив), монтаж, мизансцены, звук.

Семиотический подход предлагает по аналогии с естественным языком декодировать язык визуальных символов, раскрыть коммуникативные стороны визуального сообщения, его денотацию и коннотацию. Семиотическая интерпретация учитывает, что создатель изображения и его герои – люди, существующие в определенном социокультурном контексте, со свойственными ему визуальными канонами, стереотипами, идеологией. Эти общепринятые паттерны, воплощенные в визуальных символах, и становятся в центре внимания. Семиотический анализ рассматривает визуальные данные в качестве репрезентации, в виде определенных кодов, имеющих социокультурные значения. Например, Д. Дайер предлагает следующую концептуальную схему для семиотического анализа рекламы: 1) репрезентация тела (возраст, пол, раса, волосы, телосложение, внешний вид); 2) репрезентация манер (мимика, поза, зрительные контакты); 3) репрезентация деятельности (позиционная коммуникация, движения тела); 4) реквизит; 5) спецэффекты [12].

П. Штомпка предлагает алгоритм исследования фотографии, сфокусированный на изучении находящихся на ней знаков (иконических, индексных и символических). Он выделяет целый ряд категорий, которые могут быть знаками-указателями достатка в сельской среде, включающий экономические переменные (постройки, техника, вся наблюдаемая инфраструктура), а также культурные и психологические категории, выражающие индивидуальные особенности, степень ухоженности дома и прилегающей территории и др. [7].

Применяя семиотический подход к анализу рекламных фотографий, исследователи, как правило, не только выделяют типы знаков, но и связывают с ними определенные системы значений (образ товара, репрезентация окружающего мира и человека) и коды (социальные, технические или интерпретативные). В зависимости от использованных в визуальном тексте кодов определяется источник авторитетности текста и эмоциональный фон изображения.

Семиотический анализ визуального текста с помощью указанных категорий в некоторых случаях является подготовительным этапом для содержательного *структурного анализа*. Структурная интерпретация рассматривает социальные ситуации и явления, представленные на снимке, как типичные. С этой точки зрения, зафиксированные события являются социальными фактами, отражающими функционирование социальных структур, скрытых от непосредственного наблюдения. Структурная интерпретация основывается на выявлении имманентных элементов социальной жизни: интеракций, норм, идей и возможностей. Существуют несколько вариантов проведения структурного анализа, например можно выделить методику анализа фотографий, предложенную П. Штомпкой [7]. Анализ включает в себя изучение текста и контекста сообщения. Штомпка предлагает 15 значимых контекстов, представляющих собой типичные области социальной жизни, которые задают возможные темы для анализа визуальных данных. К контекстам относятся такие сферы, как дом, работа, наука, религия, потребление, путешествия и т.д. В каждой из этих сфер он выделяет шесть граней: личности, их действия и взаимодействия, коллективность, культура и окружение. Разложив визуальный текст на элементы в соответствии с указанными категориями анализа, исследователь не только описывает репрезентацию реальности, но и по внешним проявлениям раскрывает особенности культуры и структуры общества.

Свой вариант анализа визуальных сообщений предлагает Р. Чалфен [12]. Она уделяет внимание не только фотографии как объекту интерпретации, но и связанным с процессом фотографирования практикам. В исследовании, посвященном изучению практики семейного фотографирования, Чалфен рассматривает семейный фотоальбом как некий визуальный нарратив. Её метод состоит в последовательном заполнении дескриптивной решетки, включающей в себя фиксацию 5 компонентов (участники, обстановка, топики, сообщение, код) на каждом из 5 этапов фотографического процесса (планирование, момент съемки и то, что происходит за кадром, последующее редактирование и показ). В итоге исследователь получает наглядную таблицу, позволяющую определять отношения между элементами и этапами процесса визуальной коммуникации и ставить исследовательские задачи.

В области восприятия материала аудиторией визуальная социология предлагает метод *фото-выявления*, совмещающий анализ фотографии и интервью. Как правило, изображение использу-

ется как повод или стимул для индивидуального или группового интервью. Фотографии, задействованные в интервью, могут быть созданы как самим интервьюируемым, так и исследователем или кем-то другим. Фото-выявление исходит из того, что визуальный образ способен вызвать глубокую и спонтанную реакцию респондента, побуждать его к интерпретации материала. Иногда в ходе интервью с использованием фотографий высказываются мнения, предрассудки и стереотипы, которые не всегда можно спровоцировать вербальным вопросом. Исследователь переходит от указательных вопросов, побуждающих описывать изображение, к рефлексии и интерпретациям интервьюируемых, которые не всегда удается стимулировать исключительно вербальным воздействием. В процессе фото-выявления респондент берет на себя роль эксперта, что способствует более полному раскрытию его внутренних переживаний и установок.

Изначально фото-выявление было сосредоточено на четырех тематических блоках: социальная организация, социальный класс, семья; местное сообщество и историческая этнография; идентичность; культура. В последние годы появляются прикладные исследования, направленные на решение институциональных проблем в области здравоохранения, образования и потребительского поведения [15].

Дискурсивная интерпретация рассматривает визуальный текст как акт коммуникации со зрителем. Этот подход сфокусирован на социальном статусе зрителя, условиях получения визуального сообщения и контексте просмотра. Идентификация зрителя включает весь спектр его социальных характеристик (профессиональную, классовую, этническую принадлежность и т.д.), а также уровень компетенции, необходимый для восприятия визуального текста. Дискурсивная интерпретация учитывает не только социальные различия между аудиториями, но и институциональный контекст просмотра, который зависит от вида фотографии: репортажная или семейная, туристическая или официальная, художественная или спонтанная. Например, контекстом для просмотра репортажной фотографии будут СМИ, для официальной – политика, для художественной – галерея и т.д. От вида фотографии зависит и способ общения зрителей со снимками: беглый просмотр или созерцание, то есть способ экспозиции настраивает зрителей на особый режим восприятия, задает определенные ожидания.

Идентификация получателей сообщения и режима просмотра дополняет композиционную, семиотическую, структурную и дискурсивную

интерпретацию визуального. Как правило, указанные выше подходы к интерпретации визуального сообщения редко используются по отдельности: в сочетании друг с другом они позволяют показать все многообразие значений визуального текста.

Стратегии и концептуальные основы работы с визуальной информацией, использование междисциплинарной визуальной методологии позволяют социологии сохранять связь с динамикой социокультурной жизни, расширяя когнитивный потенциал традиционных исследовательских методов. Необходимость этого связана с экспансией визуальности и усилением дифференциации визуальной сферы в современном социокультурном пространстве. Визуальный язык приобретает самостоятельность, транслирует идеи и воздействует на сознание наравне с естественным языком. Визуальная социология предлагает рассматривать изображение как полноценный акт коммуникации со всеми его элементами. Приобретая визуальное измерение, социология не только использует достижения техники и технологии фиксации, сохранения и передачи изображений, но и переводит научный анализ в область виртуального и способствует формированию визуальной компетентности индивидов, умению читать визуальные знаки.

Список литературы

1. Ball M.S., Smith G.W.H. Analyzing visual data. London: Sage, 1992. URL: <https://uk.sagepub.com/eng/eur/analyzing-visual-data/book3148> (дата обращения: 20.01.2016).
2. Савчук В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1(10). С. 93–108.
3. Thrift N. Intensities of feeling: towards a spatial politics of affect // *Geografiska Annaler*. 2004. #86. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.0435-3684.2004.00154.x/pdf> (дата обращения: 25.01.2016).
4. Круткин В.Л. Кит Мокси: о визуальных исследованиях и иконическом повороте // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2011. Вып. 2. С. 30–36.
5. Круткин В.Л. Фотографический опыт и его субъекты // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов, 2007. С. 43–61. URL: http://rfaf.ru/rus/library/25_b1198_view_p1 (дата обращения: 20.01.2016).
6. Петровская Е.В. Теория образа. URL: [https://docviewer.yandex.ru/pdf&name=Петровская%20Е.В.%20Теория%20образа%20\(2010\).pdf](https://docviewer.yandex.ru/pdf&name=Петровская%20Е.В.%20Теория%20образа%20(2010).pdf) (дата обращения: 19.01.2016).
7. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М.: Логос, 2007. 200 с.
8. Hall S. Representation: cultural representation and signifying practice. London: Sage, 1997. URL: http://faculty.washington.edu/pembina/all_articles/Hall1997.pdf (дата обращения: 25.01.2016).
9. Рождественская Е.Ю. Визуальный поворот: анализ и интерпретация изображений // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов, 2007. С. 28–42. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1775> (дата обращения: 03.12.2015).
10. Ушкин С.Г. Визуальная социология: интеракционистский, семиотический и постструктуралистский подходы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1 (29). С. 203–213.
11. Лассуэл Г. Структура и функции коммуникации в обществе // Назаров М.М. Массовая коммуникация и общества. Введение в теорию и исследования. М.: Аванти плюс, 2003. С. 233–243.
12. Rose A. Visual Methodologies. URL: [http://dlx.bookzz.org/genesis/566000/1ed5aca72aa201d1b1e142557b7f1499/_as/\[Dr_Gillian_Rose\]_Visual_Methodologies_An_Introdu\(BookZZ.org\).pdf](http://dlx.bookzz.org/genesis/566000/1ed5aca72aa201d1b1e142557b7f1499/_as/[Dr_Gillian_Rose]_Visual_Methodologies_An_Introdu(BookZZ.org).pdf) (дата обращения: 20.01.2016).
13. Юнг К., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. М.: REFL-book, 1996. 304 с.
14. Богданова Н.М. «Визуальная социология»: новая наука или особый угол зрения // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 67–79.
15. Harper D. An argument for visual sociology. URL: http://www.skidmore.edu/~rscarce/Visual_Sociology/Visual_Sociology_PDFs/Harper-VS.pdf (дата обращения: 22.01.2016).

VISUAL METHODOLOGY: MAIN CONCEPTUAL APPROACHES

N.V. Shalyutina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

With the advancement of production and consumption of images, visualization appears to become a dominant feature of social and cultural space. Analysis of visual phenomena requires the extension of the cognitive potential of traditional methods. Interdisciplinary research, which allows investigating visual texts as communicative acts, acquires special relevance. The article aims to outline the theoretical and methodological framework for the visual analysis and presents a brief description of some basic conceptual approaches to the analysis of visual texts as valuable acts of communication.

Keywords: representation, visuality, compositional interpretation, content analysis, semiology, psychoanalysis, discourse analysis, institutions analysis, photo elicitation.

УДК 316.7

ОСНОВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ИЗМЕРЕНИЯ КОМФОРТНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КЛИМАТА ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ

© 2016 г.

А.А. Попель

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

a_popel@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 29.02.2016**Статья принята к публикации 10.08.2016*

Рассмотрена проблема опосредованности общей способности к творчеству средовым фактором, проанализированы понятия «организационная культура» и «организационный климат», доказана необходимость создания благоприятного организационного климата для раскрытия творческого потенциала сотрудников. Задача статьи определена как проведение сопоставительного анализа основных зарубежных опросников, используемых для измерения организационного климата для творчества и инноваций, выявление их достоинств и недостатков; представлена история создания некоторых из них. Научная новизна заключается в определении основных задач и условий создания авторского опросника, предназначенного для измерения влияния организационного климата на способность к социальному творчеству (социальную креативность).

Ключевые слова: социальная креативность, организационный климат для творчества и инноваций, опросник, средовой фактор.

Как показывает мировая практика, успех многих компаний во многом зависит от способности их сотрудников постоянно производить и воплощать в жизнь новые идеи, что дает им существенное конкурентное преимущество на рынке. В данной связи все острее актуализируется необходимость создания специального организационного климата, который бы, во-первых, позволил сотрудникам проявить их творческий потенциал во всей его полноте, а во-вторых, способствовал воплощению полученных идей на практике.

Следует отметить, что история изучения организационного климата отнюдь не нова. В современной социологии и психологии накоплен весьма богатый эмпирический и теоретический материал, описывающий различные аспекты влияния особой, специально сконструированной среды на развитие творческих способностей человека [1–4].

При анализе проблемы обусловленности способности к творчеству средовым фактором принято выделять два основных подхода [5]. Первый подход – психогенетический – использует близнецовый метод для определения соотношения наследуемого и средового фактора в развитии интеллекта и креативности. Второй – более нам близкий подход, средовой, состоит в формировании особой искусственной среды и исследовании ее влияния на способность к творчеству.

Для описания среды организации традиционно используются два весьма близких по зна-

чению термина: социально-психологический (реже – организационный) климат и организационная культура, однако, несмотря на довольно внушительную разработанность данного вопроса в отечественной и зарубежной литературе, не удалось достичь единого мнения в разработке универсального определения для каждого из них. Не менее дискуссионным является и вопрос о степени их синонимичности.

Весьма подробно данная проблема освещена в работе С.К. Рощина «Об исследованиях социально-психологического климата в США» [6].

Для нас же интерес представляет исследование, проведенное под руководством профессора В. Вербеке, в котором были проанализированы 32 определения организационного климата и 54 определения организационной культуры соответственно с 1960 по 1993 г. [7]. Последующий контент-анализ данных показал, что организационный климат следует рассматривать как способ восприятия сотрудниками своей организации с позиции конкретных характеристик. Организационная культура же соотносится с тем, как нечто осваивается, как формируется способ действия.

Анализ англоязычной литературы по данной проблеме показал, что наиболее часто используются такие близкие по значению, но не тождественные термины, как «творческий климат» (creative climate) и «инновационный климат» (innovative climate). Разница между ними состоит в том, что первый описывает условия, необходимые для собственно создания и выдвиже-

ния новых идей; второй же фокусируется на успешности их практического воплощения [8].

Анализ близких по семантике русскоязычных терминов позволил нам выделить в качестве оптимального термин «организационный климат для творчества и инноваций» (в дальнейшем – организационный климат), предложенный И.Н. Дубиной [9].

В данной работе мы рассмотрим вопрос влияния организационного климата на раскрытие творческого потенциала личности, проанализируем наиболее распространенные опросники для оценки творческого климата, определим их сильные и слабые стороны, а также кратко расскажем об их создателях. В настоящее время таковыми являются: Creative Climate Questionnaire (CCQ), Situational Outlook Questionnaire (SOQ), KEYS, Team Climate Inventory (TCI), Шкала поддержки инноваций Зигеля (SSSI) [10], а также активно набирающий популярность The Dolphin Index.

Актуальность изучения организационного климата обусловлена прежде всего тем огромным влиянием, которое он оказывает на самые различные аспекты деятельности организации: производительность труда [11], финансовое благополучие [12], удовлетворенность работой [13], удержание сотрудников [14] и др.

Тем не менее, несмотря на довольно внушительный объем накопленных теоретических и практических исследований по различным аспектам данной проблемы [15], вопрос о влиянии организационного климата именно на развитие способности к творчеству достаточно долго находился на периферии научного интереса.

Одним из первых, кто предпринял первую (и, следует отметить, весьма успешную) попытку восполнить данный пробел, стал шведский исследователь Горан Эквалл (Goran Ekvall).

Первая опубликованная работа Эквалла, посвященная деятельности инженеров-рационализаторов, увидела свет в далеком 1971 г., однако ее появлению предшествовала более чем двадцатилетняя исследовательская работа, сделанная автором на шведском автомобильном гиганте Volvo и в ряде иных крупных международных компаний.

В 1996 г. была опубликована наиболее известная работа Эквалла «Организационный климат для творчества и новаций» [16], которую по праву можно считать своеобразной кульминацией научных изысканий автора. В ней на основе глубокого системного анализа накопленных за долгие годы эмпирических данных и собственных теоретических гипотез Эквалл впервые и наиболее полно представил собственную концепцию влияния организаци-

онного климата на развитие творческих способностей человека, которая послужила основой для создания его самого знаменитого опросника для оценки креативного климата – The Creative Climate Questionnaire (CCQ).

CCQ включает в себя 50 утверждений, распределенных по 10 шкалам:

1. Вовлеченность в работу (Challenge);
2. Свобода (Freedom);
3. Количество времени, затрачиваемого сотрудниками на поиск новых идей (The Idea Time);
4. Поддержка идей (Idea Support);
5. Открытость (Trust/Openness);
6. Динамизм (Dynamism);
7. Юмор (Playfulness/Humour);
8. Дискуссии (Debates);
9. Конфликты (Conflicts);
10. Степень риска (Risk Taking).

Непосредственно сразу после публикации работа Эквалла вызвала весьма неоднозначную реакцию в научном сообществе, чему в немалой степени способствовало то обстоятельство, что спустя год была опубликована работа Терезы Амабиле по схожей тематике [17]. Закономерно встал вопрос – чью же работу считать лучшей? Ответ на него попытались найти Дж. Мултри и А. Янг в своей работе «Исследование проблемы творчества в творческих организациях» [18], в которой подвергли обе концепции тщательному сравнительному анализу. В результате авторы пришли к выводу, что теория Эквалла, несмотря на популярность и ряд прочих достоинств, имеет, тем не менее, более обобщенный, абстрактный характер, чем концепция Амабиле.

Впоследствии CCQ был переведен на английский язык и получил название SOQ (Situational Outlook Questionnaire). Принципиальным отличием модернизированной версии явилось отсутствие шкалы «Динамизм» и несколько иное количество утверждений в определенных шкалах [19]. В 2000 г. Эквалл предпринял попытку валидизировать его, а также определить степень взаимной корреляции двух опросников [20].

В дальнейшем SOQ послужил основой для создания Марком Брауном собственного опросника The Dolphin Index, который отличается от SOQ наличием дополнительных шкал («Стресс», «Общность взглядов», «Материальное стимулирование» и «Признательность за выполненную работу»), а также преобразованием исходных шкал CCQ «Конфликты», «Дискуссии» и «Открытость» в шкалы «Распространение идей» (Idea Proliferation) и «Положительные отношения с коллегами» (Positive Relationships).

Бесспорными достоинствами CCQ выступает простота и удобство его применения на практи-

ке, что в значительной степени объясняет его столь высокую популярность среди практикующих социологов и психологов. Другим преимуществом опросника, на наш взгляд, является довольно глубокая теоретическая разработанность тех концептов, которые составляют его основу.

К недостаткам ССQ можно отнести следующие моменты. Во-первых, он скорее измеряет не собственно организационный климат, а субъективные ощущения сотрудников о нем. Во-вторых, признается несоответствие между заявленным и фактическим масштабами его применения. Дело в том, что ССQ задумывался как инструмент для измерения климата на уровне организации, однако в дальнейшем Эквалл по непонятным причинам ограничил его применение уровнем отдела или подразделения, что привело к рассогласованности между тем, что постулировалось в теории, и тем, что фактически измерялось [10]. В-третьих, несмотря на то, что сам автор неоднократно заявлял о достаточно высокой надежности опросника [16], в ряде работ отсутствуют точные статистические данные (например, количество респондентов) или описание соответствующих процедур [21].

Следующим опросником, который мы хотели рассмотреть в данной работе, является опросник TCI.

Опросник TCI (Team Climate Inventory) был разработан Нейлом Андерсоном и Майклом Вестом в 90-х гг. прошлого века для оценки группового климата с позиции возможности стимулирования им потенциальных инноваций [22]. Авторы определяли инновации как новые идеи, что, на наш взгляд, синонимично креативности.

В первоначальной версии опросник содержал 61 утверждение, в дальнейшем их количество было уменьшено до 38 [22]. В 1999 г. была разработана более компактная финская версия TCI, считающаяся всего 14 утверждений [23].

Теоретическую основу опросника составила модель Веста, в которой были обозначены четыре фактора, способствующие появлению инноваций в группе: способность увидеть результат (Vision), вовлеченность и безопасность (Participative Safety), ориентация на поставленную задачу (Task Orientation) и поддержка инноваций (Support for Innovation).

Основными достоинствами TCI являются удобство его практического применения и наличие дополнительной литературы, в которой приводится описание его применения и интерпретации данных. Также признается высокая степень согласованности между полученными эмпирическими данными и факторной структурой опросника.

Опросник KEYS (в ранней версии – Work Environment Inventory) был создан Терезой Амабиле для того, чтобы оценить, насколько сильно организационный климат способен стимулировать способность к творчеству у сотрудников на различных уровнях корпоративной иерархии.

Автор понимает под креативностью «производство новых и полезных идей в любой области», а инновация рассматривается как «успешное внедрение креативных идей в организации» [24, p. 115].

Теоретическую основу опросника составляет собственная компонентная модель Амабиле [25]. KEYS содержит десять шкал, разделенных на три группы: стимулирующие шкалы, препятствующие шкалы и шкалы-критерии. Ниже мы рассмотрим шкалы первых двух групп.

1. Поддержка на уровне организации. Поддержка на уровне организации означает мотивирование сотрудника принимать риски и выдвигать новые идеи, признание его заслуг, предоставление заслуженного поощрения, деятельностное участие руководства в процессе принятия решения.

Было показано, что поощрение сотрудника в форме неожиданного «бонуса» (в частности, признание профессионализма сотрудника, предоставление возможности выполнять более интересную работу в будущем и т.д.) в гораздо большей степени стимулирует его творческую способность [26].

2. Поддержка на уровне руководства. Как отмечает автор, ясность поставленных задач, доверительные отношения между руководством и подчиненными и степень поддержки руководством творческих начинаний своих сотрудников положительно влияют на их креативность.

3. Поддержка на уровне группы. Ряд проведенных экспериментов убедительно доказал, что непосредственно сама группа способна оказывать мощное влияние на степень творческой активности сотрудника [27].

4. Степень свободы. Автономность при выполнении сотрудником поставленных задач, а также возможность самостоятельно выбирать средства и способы достижения поставленной цели могут положительно влиять на его творческие способности [28].

5. Достаточность ресурсной базы. В ряде работ приводятся данные, свидетельствующие о том, что достаточность доступных ресурсов благотворно влияет на психологическое самочувствие сотрудников, что может привести к проявлениям творчества [29–31].

6. Характер работы. Считается, что интересные задания стимулируют проявления

творчества в гораздо большей степени, чем рутинные [31].

7. Объем выполняемой работы. Автор предлагает дифференцировать два типа нагрузки на сотрудника: *excessive workload* – излишне высокая нагрузка (негативная коннотация) и *challenge* – интересная задача, требующая мобилизации ресурсов сотрудника, в том числе и энергетических (положительная коннотация).

По мнению Амабиле, некритично высокая нагрузка (*challenge*) в течение непродолжительного времени способна стимулировать творческие способности сотрудника (так, в одном из экспериментов сотрудники отдела перспективных разработок создали более творческие продукты в условиях недостаточного временного ресурса). С другой стороны, если постоянно подвергать сотрудника излишне высокой нагрузке (*excessive workload*), она в буквальном смысле выжжет в нем все творческое начало [32].

8. Факторы, препятствующие креативности. Ряд исследователей полагают, что закулисные игры, неконструктивная критика, избегание риска, излишний формализм и управленческий консерватизм отрицательно сказываются на внутренней мотивации сотрудников, а следовательно, и на их креативности [33].

На наш взгляд, KEYS сегодня является наиболее совершенным инструментом измерения креативного климата в организации прежде всего из-за огромного объема работы, проделанной Т. Амабиле и ее коллегами. Дальнейшее совершенствование опросника может касаться улучшения его факторной структуры, а также проведения дополнительных экспериментов с целью более тщательной валидации.

Наименее представленным в литературе является последний из рассматриваемых нами опросников – Шкала поддержки инноваций Зигеля (SSSI – Siegel Scale of Support for Innovation).

Данный опросник предназначен для оценки таких факторов организационного климата, которые, как полагают, свойственны инновационным компаниям [34]. В качестве таковых авторы видят следующие:

1. Лидерство. В инновационной организации понимается как всяческое содействие появлению и продвижению новых идей на всех уровнях организации, а также поддержка личностного развития каждого ее члена.

2. Чувство принадлежности. Все члены организации чувствуют свою причастность в работе над новым, что способствует формированию у них преданности коллективу и организации в целом.

3. Толерантность к многообразию. Члены коллектива могут самостоятельно выбирать пу-

ти и способы достижения намеченной цели, какими бы экстравагантными они ни казались на первый взгляд.

4. Постоянное развитие. Понимается как постоянное совершенствование, следовательно, приветствуется любое проявление творческой мысли.

5. Соответствие. Понимается как согласованность между процессами внутри организации и желаемыми целями.

Опросник содержит 61 утверждение, каждое из которых предлагает 6 вариантов ответа.

Давая свою оценку SSSI, отметим, что, на наш взгляд, он является наиболее противоречивым инструментом из всех описанных по следующим причинам.

Во-первых, описаны лишь три случая применения данного опросника [35, 36], что дает весьма поверхностное представление о нем.

Во-вторых, в двух из трех процитированных выше работ респондентами выступали школьники старшей школы и студенты, что ставит под сомнение адекватность полученных результатов при возможном применении опросника в иных возрастных группах или организациях иной, необразовательной, направленности.

Наконец, отсутствуют данные о его конвергентной и дискриминантной валидности.

Как показал сравнительный анализ основных опросников для оценки организационного климата для творчества и инноваций, все они в разной степени довольно успешно выполняют задачи, которые когда-то были возложены на них их создателями; имеют богатый опыт применения в самых различных сферах, достаточно широко освещены в научной печати. Однако при всем многообразии их несомненных достоинств для нас остается невыясненным следующий вопрос: какой вид творческой деятельности они все-таки измеряют – общее творчество или творчество специализированное? Мы склонны предположить, что вероятнее всего таковым является общее творчество, что, в свою очередь, существенно ограничивает их применение в нашем исследовании.

Отсутствие опросника для измерения организационного климата применительно именно к специализированному творчеству (в нашем случае – творчеству социальному) означает необходимость его создания и апробации. Мы полагаем, что подобный инструмент может быть создан на основе опросника *Dolphin Index* за счет адаптации существующих или введения в его структуру дополнительных шкал, направленных на измерение влияния организационного климата на развитие социальной креативности. Подробное описание основных характери-

стик подобного опросника будет представлено в дальнейших публикациях автора.

Список литературы

1. Шадриков В.Д. Эволюция взглядов и сущность способностей // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 58–64.
2. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. Изд. 2-е, расшир., доп. СПб.: Издательство «Питер», 1999. 368 с.
3. Ушаков Д.В. Интеллект: структурно-динамическая теория. М.: ИП РАН, 2003. 259 с.
4. Воронин А.Н. Интеллект и креативность в межличностном взаимодействии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 270 с.
5. Тихомирова Т.Н. Интеллект и креативность в условиях социальной среды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 230 с.
6. Рощин С.К. Об исследованиях социально-психологического климата в США // Организационная психология: Хрестоматия / Сост. Л.В. Винокуров, И.И. Скрипюк. СПб.: Питер, 2000. С. 388–400.
7. Verbeke W., Volgering M., Hessels M. Exploring the conceptual expansion within the field of organizational behaviour: organizational climate and organizational culture // Journal of Management Studies. 1998. Vol. 35. Issue 3. P. 303–329.
8. Дубина И.Н. Организационный климат для творчества и инноваций: подходы и методы оценки // Инновации. 2007. № 7 (105). С. 31–34.
9. Dubina I.N. Managing creativity: theoretical approaches to employees' creativity regulation // Int. Journal of Management Concepts and Philosophy. 2005. Vol. 1. № 4. P. 334–349.
10. Mathisen G.R., Einarsen S. A review of instruments assessing creative and innovative environments within organizations // Creativity Research Journal. 2004. Vol. 16. № 1. P. 119–140.
11. Ekvall G., Ryhammar L. Leadership style, social climate and organizational outcomes: a study of a Swedish university college // Creativity and Innovation Management. 1998. 7(3). P. 126–130.
12. Schuster F.E., Dunning K.E., Morden D.L. et al. Management practice, organization climate and performance // Journal of Applied Behavioral Science. 1997. 33. P. 209–226.
13. Gunter B., Furnham A. Biographical and climate predictors of job satisfaction and pride in organization // The Journal of Psychology. 1996. 130. P. 193–208.
14. Sims R.L., Keon T.L. Ethical work climate as a factor in the development of person-organizational fit // Journal of Business Ethics. 1997. 16. P. 1095–1105.
15. Hunter K. Bedel L., Mumford M. Dimensions of creative climate: a general taxonomy // The Korean Journal of Thinking and Problem Solving. 2005. Vol. 15. № 2. P. 97–116.
16. Ekvall G. Organizational climate for creativity and innovation // European Journal of Work and Organizational Psychology. 1996. 5(1). P. 105–123.
17. Amabile T.M. Motivating creativity in organizations: On doing what you love and loving what you do // California Management Review. 1997. № 40. P. 39–58.
18. Moultrie J., Young A. Exploratory study of organizational creativity in creative organizations // Organizational Creativity in Creative Organizations. 2009. 18(4). P. 299–313.
19. Isaksen S.G., Lauer K.J., Ekvall G. Situational Outlook Questionnaire: a measure of the climate for creativity and change // Psychological Reports. 1999. 85. P. 665–674.
20. Isaksen S.G., Lauer K.J., Ekvall G., Britz A. Perceptions of the best and worst climates for creativity: preliminary validation evidence for the Situational Outlook Questionnaire // Creativity Research Journal. 2000. 13(2). P. 171–184.
21. Ekvall G. The organizational culture of idea management: A creative climate for the management of ideas // Managing Innovation. 1991. P. 73–79.
22. West M.A., Anderson N.R. Innovation in top management teams // Journal of Applied Psychology. 1996. 81. P. 680–693.
23. Kivimaki M., Elovainio M. A short version of the team climate inventory: development and psychometric properties // Journal of Occupational and Organizational psychology. 1999. 72. P. 241–246.
24. Amabile T.M. Creativity in context. Boulder, CO: Westview Press, 1996. 336 p.
25. Amabile T.M. A model of creativity and innovation in organizations // Research in Organizational Behavior. 1988. Vol. 10. P. 123–167.
26. Amabile T.M., Hennessey B.A., Grossman B.S. Social influences on creativity: The effects of contracted-for rewards // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. 50. P. 14–23.
27. Schoorman F.D., Mayer R.C., Davis J.H. An integrative model of organizational trust: past, present and future // Academy of Management Review. 2007. 32(2). P. 344–355.
28. Amabile T.M., Gitomer J. Children's artistic creativity: Effects of choice in tasks materials // Personality and Social Psychology Bulletin. 1984. 10. P. 209–215.
29. Damanpour F. Organizational innovation: A meta-analysis of effects of determinants and moderators // Academy of Management Journal. 1991. 34. P. 555–590.
30. Eek D., Selart M. The choice between allocation principles: Amplifying when equality dominates // International Journal of Psychology. 2009. 4(2). P. 109–119.
31. Haas M.R. Knowledge gathering, team capabilities, and project performance in challenging work environments // Management Science. 2006. 52. P. 1170–1184.
32. Amabile T.M. Motivational synergy: toward new conceptualizations of intrinsic and extrinsic motivation in the workplace // Human Resource Management Review. 1993. 3. P. 185–201.
33. Yang K., Pandey S. How do perceived work political environment and administrative reform affect employee commitment? // Journal of Public Administration Research and Theory. 2008. Vol. 19. P. 335–360.
34. Siegel S.M., Kaemmerer W.F. Measuring the perceived support for innovations in organizations // Journal of Applied Psychology. 1978. 63. P. 553–562.
35. Orpen C. Measuring support for organizational innovation: a validity study // Psychological Reports. 1990. 67. P. 417–418.
36. Henkin A.B., Davis J.H., Singleton C.A. Organizational support for innovation: perception and perspectives // The Journal of Applied Social Sciences. 1993. 17. P. 221–236.

MAIN TOOLS FOR MEASURING COMFORT IN ORGANIZATIONAL CLIMATE FOR SOCIAL CREATIVITY*A.A. Popel*

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The paper discusses the problem of general creativity being influenced by an environmental factor, analyzes the concepts of «organizational culture» and «organizational climate», argues for the need of creating a favorable organizational environment to encourage creativity among employees. The aim of the paper is to provide a comparative analysis of key international questionnaires for measuring creative organizational climate, to define their strengths and weaknesses as well as to provide a brief insight into the history of their creation. The scientific novelty reveals itself through determining key tasks and conditions for creating an original questionnaire to measure the impact of organizational climate on social creativity.

Keywords: social creativity, creative organizational climate, questionnaire, environmental factor.

УДК 316.25

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО И АССОЦИАЦИЙ: ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ И ГАБРИЕЛЬ ТАРД ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ОБЩЕСТВЕ

© 2016 г.

А.В. Курамиев, А.А. Широков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

neededs@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 08.12.2015**Статья принята к публикации 10.08.2016*

Делается попытка пересмотреть оценку вклада в развитие социологической теории Э. Дюркгейма и Г. Тарда. На основе применения компаративного анализа теорий социальных изменений демонстрируются различия проектов социологии Э. Дюркгейма и Г. Тарда: эти различия не сводятся к противостоянию психологизма и социологизма или социологического номинализма и реализма, а рассматриваются как результат принципиально различного понимания природы социального факта. Авторы акцентируют внимание на недооцененности в российской социологии проекта социологии ассоциаций Г. Тарда как альтернативы социологии Э. Дюркгейма.

Ключевые слова: Э. Дюркгейм, Г. Тард, теории социальных изменений, социальное, ассоциация, социальный факт.

14 марта 2008 г. в Кембриджском университете начались дебаты о природе социологии и её отношения к другим наукам. Прототипом выступили дебаты между Г. Тардом и Э. Дюркгеймом, которые проходили в Высшей школе социальных наук (Ecole des Hautes Etudes Sociales) в 1903 г.¹ Зачем нужна была реконструкция старых дебатов? Одним из инициаторов выступил Б. Латур, значительная часть работ которого связана с такой областью, как исследования науки и технологий (Science and Technology Studies, STS)², в частности он предложил оригинальную теорию науки и того, как конструируются научные факты [3]. Согласно ей, наука – это один из способов упорядочивания, который существует в современном, так называемом западном или модерном мире, то есть наука – это некоторый способ создать порядок³, притом что любой порядок есть некоторая форма асимметрии. Согласно Б. Латуру, наука делает примерно следующее: до того как установлен научный факт, существует равная вероятность, равная возможность произнесения любого высказывания. Любое высказывание, в целом, является возможным, например: общество – это реальность особого рода или общество – это способ связи между собой элементов (ассоциация). В ходе научного процесса эти высказывания (или описания реальности, будь то социальной реальности или реальности вообще) нагружаются ресурсами (аргументами, исследованиями, данными и т.п.) и из этого множества отбираются одно или несколько описаний, которые будут более вероятны, возникает асим-

метрия. Соответственно, в нашем случае, представление, согласно которому общество – это сущность особого рода, становится более распространено, производство таких высказываний становится более вероятно. Чтобы создать такие асимметрии, ученые спорят между собой, пытаются убедить друг друга. Б. Латур указывает на то, что термин «спор» удачен, так как это понятие объединяет политический и эпистемологический контексты. Классические исследования науки демонстрируют, что на научный процесс влияет множество различных факторов, в том числе социальных и политических, хотя это и не означает, что они некоторым образом детерминируют научное знание.

В случае Э. Дюркгейма и Г. Тарда причина поражения последнего в интеллектуальном «поединке» было множество. Спор между ними был чем-то большим, нежели простое различие во мнениях: произошло столкновение двух конфликтующих традиций мысли, двух оппозиционных секторов французского общества, двух враждебных систем институтов. «Концепция Дюркгейма основывалась на картезианстве. Наследство, ассоциируемое с именем Декарта, отождествлялось с причиной, порядком и властью и приютилось в бюрократических институтах, служивших примером этого духа геометрии: церковь, правительственная администрация, армия и государственная университетская система. [...] Поскольку буржуазия и картезианство все более и более отождествлялись с установленными в конце XIX века институтами, их оппоненты были все более и более антибур-

жуазными, антиинституциональными, антиколлективными и время от времени революционными» [5, с. 309]. Позитивизм стал официальной научной доктриной после создания во Франции Третьей республики [6, с. 36]. Помимо этого Э. Дюркгейм переиграл Г. Тарда не в интеллектуальном споре, а на поле институализации социологии как научной дисциплины во Франции. «Это стало возможным благодаря “широкому” дюркгеймовскому определению социологии как науки, которое позволило наиболее талантливым представителям философии, истории, права и лингвистики занять посты в самых влиятельных университетах Франции и выработать социологическую ориентацию в каждой из этих дисциплин» [7, с. 308–309].

Однако важно понять, что все могло сложиться по-другому, в качестве более вероятного могло устояться иное описание реальности, история могла пойти иначе⁴. Поэтому чтобы понять историю науки, нам необходимо совершить некоторый скачок во времени, когда есть несколько альтернативных высказываний, и забыть об исходе исторических процессов. «История науки редко бывает справедлива не только к побежденным, но даже и к победителям. Она отдает слишком много одним и слишком мало другим. Следует быть справедливее и одинаково судить о победителях и побежденных» [9, с. 66]. Соответственно, чтобы понять асимметрию, нужно практиковать симметрию⁵. Чтобы понять те дебаты и споры, которые проходили на заре утверждения социологической дисциплины, мы будем рассматривать теории Г. Тарда и Э. Дюркгейма симметрично.

Ключевым вопросом, который обсуждался в 1903 г., было «отношение между социологией и другими социальными науками и вспомогательными дисциплинами». В начале транскрипции этих дебатов приведена цитата сына Г. Тарда – Гийома Де Тарда: «Вы вспоминаете дискуссию между Дюркгеймом и моим отцом, имевшую место в высшей школе социальных наук? Они еще не сказали и слова, но по их лицам, взгляду, жестам и расстоянию между ними всем было понятно, что подобный разговор был абсолютным безумием» [12, р. 1].

В конце XIX в. Г. Тард был одной из ключевых фигур социологии во Франции и преподавал в Коллэж де Франс (le Collège de France). Э. Дюркгейм с 1902 г. возглавлял кафедру «науки о воспитании» в Сорбонне, которая впоследствии была переименована в кафедру «науки о воспитании и социологии». Через год после дебатов Г. Тард умер, заняв хотя и почетную, но не соответствующую ему позицию «предшественника» классиков социологии – причем не самого луч-

шего, так как был заклеен грехом «психологизма» и «спиритуализма» [13, р. 117]. Однако стоит отметить, что за последние десятилетия интерес к фигуре Г. Тарда возрос, например, в Англии вышел сборник статей, посвященный его наследию [14], а в 2012 г. вышло очередное переиздание его главной работы «Монадология и социология» [15]. В то же время в российском поле социологии рецепция остается прежней – социолог психологического направления [16–20].

Мы же обратимся к другому, но не менее важному для обоих оппонентов вопросу – социальным изменениям, посмотрим, какие теории социальных изменений предлагают Э. Дюркгейм⁶ и Г. Тард⁷ и как они могут нам помочь понять те социальные изменения, которые происходят в современном обществе.

Сначала рассмотрим основные положения теории социальных изменений Э. Дюркгейма. Ее основа изложена в работе «О разделении общественного труда», где он анализирует изменения в основном на макро- и мезоуровнях. Разделение труда является для него структурой общества: «...разделение труда свойственно не только миру экономики; его возрастающее влияние можно наблюдать в самых разнообразных областях общественной жизни» [21, с. 44]. В этой работе Э. Дюркгейм пытается ответить на один из главных вопросов социологии – как возможно общество? Каким образом совокупность индивидов может его составить? Солидарность становится ключевой категорией для решения этих вопросов.

Механическая солидарность – это солидарность вследствие сходства: индивиды подобны друг другу и взаимозаменяемы. Будучи членами одного и того же коллектива, они похожи друг на друга, потому что испытывают одинаковые чувства, привержены одинаковым ценностям, признают одно и то же священным. Общество сплочено, потому что индивиды еще не дифференцированы. Примером являются неразвитые, архаичные общества. Этому виду солидарности соответствует репрессивное право – наказание индивида, нарушившего закон, обычай. Усложнение разделения труда происходит вследствие изменения формы коллективного сознания и возникновения нового типа солидарности – органической, при которой сплоченность коллектива происходит уже вследствие дифференциации. Консенсус достигается, поскольку индивиды различны, по аналогии с живым организмом, в котором каждый орган выполняет свою отличную функцию, но для жизни необходимы они все, каждый делает свой вклад. Здесь господствует реститивное право (восстановление в правах, в имущественном положении и др.).

Механическая солидарность присуща тем обществам, которые Э. Дюркгейм назвал сегментарными. «Мы говорим об этих обществах, что они сегментарны, чтобы указать, что они образованы повторением подобных между собой агрегатов» [21, с. 167]. Сегмент – это некоторая группа, в которой индивиды тесно связаны друг с другом, но в то же время она локализована, относительно изолирована от других и ведет собственную жизнь. Сегментарное устройство несовместимо с органической солидарностью, поскольку сегмент предполагает самодостаточность и разрыв с внешним миром.

Первопричина усложнения общественной дифференциации и разделения труда – дезинтеграция механической солидарности и сегментарной структуры. Развитие органической солидарности происходит вследствие увеличения объема общества и его материальной и моральной плотности. «Разделение труда прямо пропорционально объему и плотности обществ, и если оно прогрессирует непрерывно в процессе социального развития, то потому, что общества становятся более плотными и, как правило, более объёмистыми» [21, с. 244]. Одно увеличение объема не вызывает общественной дифференциации, чтобы это произошло, необходимо также увеличение плотности – моральной и материальной. Материальная плотность – это концентрация индивидов на данной площади, а моральная плотность – это интенсивность коммуникаций и взаимодействий между индивидами. «Разделение труда прогрессирует, стало быть, тем более, чем больше число индивидов, которые находятся в достаточном соприкосновении, чтобы иметь возможность воздействовать и реагировать друг на друга» [21, с. 239]. «Моральная плотность не может увеличиваться без того, чтобы не возрастала в то же время материальная плотность...» [21, с. 240]. Таким образом, общественная дифференциация – это результат увеличения объема общества и его материальной и моральной плотности.

Для объяснения смены формы солидарности Э. Дюркгейм опирается не только на понятие о борьбе за существование: чем больше индивидов живут вместе, тем сильнее борьба за существование [21, с. 248]. В этом объяснении заметно также влияние теории общественного договора Т. Гоббса [25]. Общественная дифференциация – это своего рода мирное разрешение борьбы за существование. Вместо уничтожения одних ради выживания других, как это происходит в животном мире, разделение труда позволяет уцелеть большему числу индивидов. Каждый перестает воевать со всеми и получает возможность выполнять определенную функ-

цию. Необходимость уничтожения большинства индивидов пропадает в тот момент, когда они становятся непохожими друг на друга, каждый вносит свой вклад в жизнь всех остальных. «Итак, разделение труда есть результат борьбы за существование; но оно представляет её смягченную развязку. Благодаря ему соперники не вынуждены истреблять друг друга, но могут существовать бок о бок» [21, с. 252–253].

Таким образом, в теории социальных изменений Э. Дюркгейма общество движется от сегментарного устройства к организованному. Переход от механической к органической солидарности происходит вследствие увеличения объема общества и его моральной и материальной плотности. Все это влечет за собой усложнение общественного разделения труда и усиление его роли, изменяется не только уклад экономической жизни, но и характер межчеловеческих отношений.

Перейдем к теории социальных изменений Г. Тарда. Причиной социальных изменений, согласно ему, выступают новые идеи – изобретения или открытия: «под этими двумя терминами я (Г. Тард. – *Авт.*) понимаю всякое нововведение или всякое дальнейшее улучшение предшествовавшего нововведения во всякого рода социальных явлениях: в языке, религии, политике, праве, промышленности, искусстве» [23, с. 7]. Однако само изобретение – заслуга не только того, кто его сделал, но и многих тех, кто подготовили появление научной теории, накапливая множество фактов. Распространяются эти нововведения посредством подражания, которое трактуется Г. Тардом достаточно широко, как «подражания-обычая или подражания-моды, подражания-симпатии или подражания-повиновения, подражания-обучения или подражания-воспитания, подражания слепого или подражания сознательного и т. д.» [23, с. 16]. Для Г. Тарда это некоторое универсальное средство или механизм, который обеспечивает повторяемость, объясняет сходство феноменов, это часть универсального закона повторения.

«Изобретение» – изобретает, «подражание» – распространяет, два концепта завязаны друг на друге: «...если мы разложим социальные факты на их составные элементы, то найдем в каждом из них, даже в самом простейшем, различные комбинированные изобретения, молнии гения, накопленные и превращенные в обыденные источники света. [...] В общественном отношении все оказывается изобретениями и подражаниями; подражания – это реки, вытекающие из тех гор, что представляют собой изобретения» [23, с. 7–8]. Таким образом, изобретение становится значимым социальным явлением или социаль-

ным фактом посредством распространения через подражание. Сами изобретения появляются тем чаще, чем интенсивнее и полнее происходит обмен идей между индивидами и группами.

Вопрос, который интересовал Г. Тарда: «по каким причинам некоторые из нововведений (какой-нибудь десяток из сотни неологизмов, мифологических идей, промышленных изобретений и т. д.) быстро усваиваются многими и распространяются в массе, подражающей их авторам? И почему другие, громадное большинство, девяносто из ста, осуждены на забвение?» [23, с. 122]. Он предлагает два типа распространения нововведений: логический и внелогический. Логический связан непосредственно с содержанием нововведения и с осознанностью потребности в нововведении. «Под влиянием причин логических человек принимает нововведение потому, что он находит его полезнее или истиннее других, то есть согласнее с целями и принципами, ранее принятыми тоже в силу подражания. В этом случае дело идет единственно о самом изобретении или открытии... независимо от доверия или недоверия к личности его носителей или к месту и времени его возникновения» [23, с. 122]. Распространение нововведений такого типа может происходить в двух формах: логические поединки и логические союзы. Логический поединок – это такой вид распространения нововведения, при котором вытесняются существующие идеи или привычки, или когда оно происходит параллельно с распространением другого нововведения, удовлетворяющего те же потребности. Логические поединки разделяются на индивидуальные и общественные: «Лишь с завершением процесса индивидуального поединка начинается поединок общественный. Каждому акту подражания предшествует колебание индивида, потому что каждое изобретение или открытие, стремясь распространиться, встречает препятствие, которое должно устранить и которое заключается в идее или привычке, усвоенной каждым отдельным лицом из публики» [23, с. 142]. В противоположность поединку распространение в форме логического союза предполагает, что нововведения не противостоят друг другу, а, наоборот, дополняют и стремятся к соединению.

Внелогический тип лучше всего описывает сверхлогические законы подражания – это некоторые закономерности в распространении нововведений. Согласно Г. Тарду, при равных логических условиях: «1) образцы внутренние вызывают подражание прежде образцов внешних и 2) пример личностей, классов и местностей, признаваемых высшими, берет верх над

примерами личностей, классов и местностей низших. [...] Подобная преобладающая роль принадлежит: 3) то настоящему, то прошедшему» [24, с. 165]. Иными словами, верования и желания передаются раньше, чем внешние аспекты поведения, вроде этикета или манер; подражать будут скорее тому, что находится выше в социальной иерархии.

Г. Тард выступал против идеи «втиснуть социальные факты в законы развития, в силу которых они должны, в общем и целом, с незначительными отклонениями, повторяться» [24, с. 12]. Он противопоставлял концепции однолинейного развития свою, которая «почти полная противоположность представлениям линейных эволюционистов и г-на Дюркгейма. Вместо того, чтобы все объяснять предполагаемым верховенством закона эволюции, заставляющего коллективные феномены бесконечно воспроизводиться и повторяться в определенном порядке, объяснять меньшие факты через большие, а часть через целое, я объясняю коллективные черты сходства целого скоплением воедино единичных элементарных действий, объясняю большее через меньшее, а целое – через часть» [24, с. 21]. Движущей силой эволюции Г. Тард считает «целый ряд научных открытий и промышленных изобретений, которые непрестанно накапливаются, взаимно пользуются друг другом, образуют системы и пучки; существующая между ними очень действительная диалектическая связь, точно так же не лишенная извилин, смутно отражается в той связи, которая объединяет народы, способствовавшие её установлению» [24, с. 63].

Итак, Г. Тард акцентирует внимание на причинах и механизмах социальных изменений. По его мнению, социальные изменения можно объяснить возникновением новых идей (изобретений). Изобретение распространяется посредством подражания и таким способом получает социальную значимость. Согласно Г. Тарду, частота подражаний зависит от интенсивности взаимодействия людей, с увеличением интенсивности растет вероятность заимствования, а изобретения появляются тем скорее, чем чаще и полнее происходит обмен идеями между индивидами. Таким образом, для Г. Тарда социальные изменения связаны не с изменениями форм социальности, а с изменениями скорости и механизмов распространения информации.

Чтобы понять различия двух этих теорий социальных изменений, необходимо разобраться в том, как Э. Дюркгейм и Г. Тард видят сам объект изучения социологии. По мнению обоих, социология должна заниматься исследованием социальных фактов и делать это следует с помощью

статистики. Однако их понимание социальных фактов радикальным образом отличается.

Для Э. Дюркгейма общество – это реальность особого рода, не сводимая к другим ее видам. «Общество – не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *sui generis*, наделенную своими особыми свойствами» [22, с. 493]. Социальная реальность играет главенствующую роль в детерминации человеческого сознания и поведения, индивидуальная реальность вторична. Коллективные представления господствуют над индивидуальными, коллективное сознание – над индивидуальным. Социальный факт, по Э. Дюркгейму, обладает двумя отличительными признаками: «1) его внешнее существование по отношению к индивидуальным сознаниям; 2) принудительное воздействие, которое он оказывает или способен оказывать на те же сознания» [22, с. 528]. Общество в его концепции выступает как независимая от отдельных личностей, внешняя и надиндивидуальная реальность. Поэтому, говоря о социальных изменениях, Э. Дюркгейм делает упор на структурных факторах.

Для Э. Дюркгейма источник социальных изменений в самой социальной реальности – увеличение объема и плотности населения, которое влечет за собой прогресс разделения труда и, следовательно, социальные изменения. Изменения в таких областях, как язык, законы, грамматика, объясняются через структурные изменения общества. Причины социальных явлений следует искать в социальной среде: «...объяснения социальной жизни нужно искать в природе самого общества» [22, с. 492]. Разделение труда – общественный феномен, и поэтому может быть объяснен лишь с помощью другого общественного феномена: «...определяющую причину данного социального факта следует искать среди предшествующих социальных фактов, а не в состояниях индивидуального сознания» [22, с. 499]. Этому принципу соответствует и объяснение Э. Дюркгеймом феномена разделения труда как мирного разрешения борьбы за существование.

В отличие от Э. Дюркгейма, Г. Тард акцентирует внимание на микроуровне. Для него центральной проблемой является связь между монадами [15, р. 27]. Социальное, в его трактовке, это не особая сфера реальности или регион мира, а связь между монадами⁸. В этом смысле, каждая вещь – общество и все вещи – социальные факты [15, р. 28]. Общество – это имя, которое может быть предписано любой ассоциации, например сообщество клеток, звезд или солнечных систем. В «Законах подражания» Г. Тард дает достаточно расплывчатое оп-

ределение человеческого общества: «...это группа индивидов, оказывающих друг другу взаимные услуги» [23, с. 54]. Его проект социологии – это, безусловно, редукционизм, но не психологический, а монадологический, социология для него – это что-то вроде «психологии» взаимодействия. «Требовать основных социальных фактов надо не исключительно от внутримозговой психологии, но, главным образом, от между-мозговой психологии, то есть той, которая изучает происхождение сознательных отношений между несколькими, прежде всего между двумя индивидуумами. Разнообразные группировки и комбинации этих основных социальных фактов и образуют затем так называемые простые социальные явления, составляющие предмет специальной социологии» [24, с. 13].

Для Г. Тарда в человеческом обществе нет ничего уникального и особенного, быть обществом монад – это полностью общее явление, это материал, который составляет мир, и в обществе людей нет ничего особенно нового. Сущности, которые интересуют его, не столько люди, сколько новшества, кванты изменений, живущие своей собственной жизнью, – промышленные изделия, стихи, формулы, политические идеи и т.п. [15, р. 60]. Само разделение природы и общества нерелевантно для понимания человеческих интеракций. Таким образом, Г. Тард отказывается брать общество в качестве более высокого, более сложного феномена, чем отдельная монада. Подобная иллюзия, по его мнению, связана с тем, что мы видим человеческое общество наизнанку, в нем – мы дома, мы истинные элементы этих связанных систем индивидов, которые мы называем городами или государствами. Мы знаем все, что происходит внутри. Однако как бы ни были близки и гармоничны отношения между членами группы, они никогда не детерминируют нас полностью, точно так же как сама группа никогда не появляется из ниоткуда. Хотя всегда есть участник, который представляет и персонифицирует группу, эти лидеры всегда такие же члены группы, родившиеся от определенных матери и отца, а не от коллектива в целом или их подопечных [15, р. 36].

Поскольку по Г. Тарду, социальный факт – это нечто много раз повторяющееся, сходное, то источник изменений следует искать на микроуровне. Более того, само разделение на микро- и макроуровни не поможет понять, как общество производится. Нечто большое и целое не превосходит монады, это скорее более простая и стандартизированная версия одной из монад, которая преуспела в том, чтобы ее интересы и цели разделялись другими. Например, Г. Тард

говорит о «народном духе» как о продукте индивидуальных потребностей индивидов. В его концепции каждая область, вроде тех же законов или языка, развивается самостоятельно, хотя порой «их пути пересекаются». Он считает ошибочной идею, «что для понимания правильности, порядка, логического хода социальных фактов следует оставить подробности, с их крайней нерегулярностью, и подняться до обширных обобщений; та мысль, что начало, источник всякой социальной координации находится в каком-нибудь очень общем факте, от которого оно и исходит, значительно ослабляясь, к фактам частным; вообще та мысль, что хотя человек и хлопочет, но его ведет закон эволюции. Я придерживаюсь в некотором роде обратного мнения» [24, с. 62]. Таким образом, чтобы понять социальные изменения, необходимо посмотреть на то, как появилось нововведение и с помощью каких конкретных механизмов и каналов оно получило распространение.

Итак, серьезное расхождение между Э. Дюркгеймом и Г. Тардом состоит в том уровне, на котором социальные изменения анализируются. Э. Дюркгейм, рисуя свою картину социальных изменений, использует скорее общие мазки и делает ставку на макрофакторы, изменения, которые его интересуют, носят социетальный характер. Есть прошлое в виде традиционного и сегментарного общества и настоящее в виде современного Э. Дюркгейму индустриального общества раннего капитализма. В этом контексте очень трудно ответить на вопрос, куда мы движемся. Иной формы солидарности, кроме механической и органической, Э. Дюркгейм не предлагает, и в некотором смысле, согласно ему, развитие конечно. Г. Тард акцентирует внимание на конкретных механизмах социальных изменений, условиях распространения инноваций, в связи с чем некоторые его идеи, при должной модернизации, могут быть актуальны и сегодня. Например, для изучения последствий появления новых способов передачи информации вроде Интернета. Хотя на вопрос о том, как появляются сами нововведения, Г. Тард так до конца и не отвечает, изобретение оказывается некоторой случайностью. В то же время у Э. Дюркгейма и Г. Тарда есть нечто общее – они выделяют плотность населения как фактор, способствующий изменениям, но по-разному это объясняют.

Г. Тард предложил иной, альтернативный социологии Э. Дюркгейма, проект социологии ассоциаций. Разница между ними отнюдь не сводится к противостоянию психологизма и социологизма или социологического номинализма и реализма. Конечно, Г. Тарда с опреде-

ленными оговорками можно назвать номиналистом, но вряд ли это многое даст.

Э. Дюркгейм считал, что у социологии должен быть свой собственный, отдельный от других наук предмет – социальные факты или общество, которое есть реальность *sui generis*, носящая надындивидуальный характер. Более того, у социологии должен быть свой объяснительный принцип, с помощью общества можно объяснить другие феномены. Подобный взгляд на социологию как на науку о социальном был доминирующим в первой половине XX века. Вероятно, несмотря на критику и существующие альтернативы, идея общества, как её предложил Э. Дюркгейм, останется и будет вдохновлять социологов еще долгое время. Более того, она необходима, поскольку отчасти ориентирована на социальную инженерию.

Однако в конце XX века в социологической теории наблюдается усиление альтернативных подходов, в частности распространение метафор сети [27], потока [28], текучей среды [29], в связи с чем творческое наследие Г. Тарда актуализируется, особенно в теоретическом плане. По Г. Тарду, общество – это, в первую очередь, принцип объединения, ассоциация, и нет никаких оснований выделять человеческие ассоциации среди остальных. В таком рассмотрении социология становится наукой об ассоциациях, отношениях между любыми возможными объектами. Это не значит, что социология ассоциаций в духе Г. Тарда навсегда останется за бортом, интерес к подобным идеям среди социологов возрастает в последние десятилетия в связи с изменениями, происходящими в мире. Однако в российской социологии эвристический потенциал Г. Тарда недооценен.

Примечания

1. В главных ролях: Бруно Латур (Габриэль Тард), Бруно Карсенти (Эмиль Дюркгейм) и Саймон Шаффер (Декан).

2. STS – одно из наиболее популярных направлений в современных социальных науках, оно берет начало из социологии научного знания и исследует процесс создания знания и технологий, а также социальные последствия их применения. Для введения в проблематику см. [1; 2].

3. Идея способа упорядочивания мира в дальнейшем легла в основу масштабного проекта Б. Латура по исследованию режимов существования (*Modes of Existence*), в котором наука является одним из таких режимов. Поскольку наш текст посвящен не Б. Латуру и исследованию его творчества, мы ограничимся ранней концептуализацией науки как способа упорядочивания. Подробнее о науке как режиме существования см. [4].

4. Для исследователей науки и технологий было важно изобрести альтернативный «Вигской истории» способ исторического повествования. Этот термин был введен Г. Баттерфилдом и означает ретроспективное историческое описание, рассматривающее все исторические процессы в перспективе того, что в итоге свершится. В области исследований науки и технологий это означает, что, исследуя некоторый научный спор, исход которого уже известен, мы описываем все события, предшествующие финальной развязке, так, будто бы изначально было известно, какой ученый прав и чья теория истинна. Как показал Д. Блур, даже математика могла пойти альтернативным путем [8].

5. Принцип симметрии введен в 1976 г. Д. Блуром в рамках его сильной программы в социологии научного знания [10]. Это методологический принцип, который означает, что нам необходимо одинаковым образом объяснять и победителей и проигравших, и истинное и ложное знание. Этот принцип – выпад против социологии знания К. Маннгейма, согласно которой социологическим образом можно объяснить только ложное научное знание, то есть те теории, которые в ходе научного процесса были отброшены и признаны неистинными. О сильной программе в социологии научного знания см. [11].

6. Теория социальных изменений представлена во многих работах Э. Дюркгейма, но основная её часть изложена в «О разделении общественного труда», впервые она вышла в парижском издательстве «Алькан» в 1893 г. Перевод этого издания был сделан П.С. Юшкевичем и вышел в 1900 г. в Одессе в типографии Г.М. Левинсона. Ко второму изданию в 1902 г. Э. Дюркгейм написал важное для понимания его теории предисловие. Третье издание вышло в 1911 г., еще при жизни Э. Дюркгейма. В данной работе используется русский перевод А.Б. Гофмана по третьему изданию: Durkheim E. De la division du travail social. P.: Alcan, 1911 г. [21]. Общие методологические основы Э. Дюркгейма наиболее полно изложены в работе «Правила социологического метода», или «Метод социологии», которая была написана в 1895 г. Первый перевод «Метода социологии» вышел в 1899 г. в Южно-Русском книгоиздательстве Ф.А. Иогансона. Ко второму изданию «Метода социологии» (1901) Э. Дюркгейм написал новое предисловие. В дальнейшем эта работа выдержала множество изданий во Франции. В данной статье используется русский перевод А.Б. Гофмана по тринадцатому изданию: Durkheim, E. les règles de la méthode sociologique. P.: Presses Universitaires de France, 1956 [22].

7. Относительно теории Г. Тарда: наша работа базируется на его труде «Законы подражания», т.к. именно в ней он впервые и наиболее полно изложил свою концепцию социальных изменений. Также, по своему собственному выражению, в этой работе Г. Тард «старается составить очерк общей социологии». Поэтому она представляет интерес и при изучении его методологии. Сама работа написана в 1890 г. Её единственный перевод вышел в 1892 г. в издании Ф. Павленкова. В данной работе используется переиздание этого перевода [23]. При изучении методологии Г. Тарда наибольший интерес представляют

две его работы: «Монадология и социология» и «Социальные законы». В данной работе используется перевод И. Гольденберга [24]. В последней он кратко излагает содержание предшествующих трудов и объясняет их связь. Стоит отметить, что при написании работы «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм был знаком с работой Г. Тарда «Законы подражания», неоднократно ссылаясь на нее, полемизируя по самым разным вопросам, в том числе критикуя концепцию подражания Г. Тарда. В «Правилах социологического метода» Э. Дюркгейм противопоставляет своё видение социальных фактов теории Г. Тарда. Последний, в свою очередь, также был знаком с работами Э. Дюркгейма. В «Социальных законах» Г. Тард противопоставляет свою концепцию социальных изменений представлениям линейных эволюционистов, и в частности Э. Дюркгейма.

8. Монада – это некоторый материал, из которого составлены все элементы вселенной. Эту концепцию Г. Тард позаимствовал у Г. Лейбница, в трактовке которого монады существуют изолированно друг от друга: «Монады вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти» [26, с. 413–414].

Список литературы

1. The Handbook of Science and Technology Studies / Ed. by E. J. Hackett, O. Amsterdamska, M. Lynch, J. Wajcman. Third Edition. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2008. 1065 p.
2. Sismondo S. An Introduction to Science and Technology Studies. Second Edition. Wiley-Blackwell, 2010. 244 p.
3. Latour B., Woolgar S. Laboratory life. The Construction of Scientific Facts. Princeton University Press, 1986. 296 p.
4. Latour B. An Inquiry into Modes of Existence. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2013. 490 p.
5. Загребина А.В. Теория Г. Тарда в контексте французской социологии второй половины XIX века // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 308–309.
6. Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма // История социологии в Западной Европе и США: Учебник для вузов / Отв. ред. акад. РАН Г.В. Осипов. М.: Издательская группа «НОРМА-ИНФРА-М», 1999. С. 140–182.
7. Фирсова Н.Ю. Предвестник исследований диффузии инноваций Габриэль Тард: «Общество – это подражание» // Социология власти. 2012. № 6–7(1). С. 298–314.
8. Блур Д. Знание и социальное представление. Глава 6. Возможна ли альтернативная математика / Пер. Е. Напреенко // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 150–177.
9. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.
10. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. London: Routledge, 1976. 156 p.
11. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5–6. С. 162–185.

12. The Debate [online]. URL: <http://www.brunola-tour.fr/sites/default/files/downloads/TARDE-DURKHEIM-GB.pdf> (дата обращения: 29.11.2015).
13. Latour B. Gabriel Tarde and the End of the Social // *The Social in Question: New Bearings in History and the Social Sciences*. London: Routledge, 2002. P. 117–132.
14. *The Social after Gabriel Tarde: Debates and Assessments (Culture, Economy and the Social)* / Matei Candea (Editor). London: Routledge, 2010. 304 p.
15. Tarde G. *Monadology and Sociology* / T. Lorenc (Translator). Melbourne: re.press, 2012. 95 p.
16. Гофман А.Б. Социология как социальная психология: Г. Тард // *История теоретической социологии*. В 4 т. Т. 1 / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон+, 1997. С. 215–220.
17. Зборовский Г.Е. Теория подражания. Идеи Г. Тарда // *История социологии: Учебник*. М.: Гардарики, 2007. С. 107–110.
18. Кон И.С. Психологическая социология конца XIX – начала XX в. // *История социологии в Западной Европе и США: Учебник для вузов* / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Издательская группа «НОРМА-ИНФРА-М», 1999. С. 56–78.
19. Култыгин В.П. Г. Тард // *Классическая социология*. М.: Наука, 2000. С. 48–55.
20. Овчаренок В.П. Психологическая социология Г. Тарда // *История социологии: В 3 кн.: Учебник*. Кн. 1: *История социологии (XIX – первая половина XX в.)* / Под ред. проф. В.И. Добренькова. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 116–125.
21. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990. С. 3–390.
22. Дюркгейм Э. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990. С. 391–532.
23. Тард Г. *Законы подражания*: Пер. с фр. М.: Академический Проект, 2011. 304 с.
24. Тард Г. *Социальные законы* / Пер. с фр. И. Гольденберга // *Социальные этюды*. СПб.: Издание Ф. Павленкова. С. 1–82.
25. Гоббс Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. М.: Мысль, 2001. 478 с.
26. Лейбниц Г. *Монадология* // Готфрид Вильгельм Лейбниц. *Сочинения в четырех томах*. Том 1. М.: Академия наук СССР, Институт философии, Издательство «Мысль», 1982. С. 413–429.
27. Кастельс М. *Информационная эпоха: Экономика, общество и культура* / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ВШЭ, 2000. 606 с.
28. Урри Д. *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия* / Пер. с англ. Д. Кралечкин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
29. Mol A., Law J. *Regions, Networks, and Fluids: Anaemia and Social Topology* // *Social Studies of Science*. 1994. №4. P. 641–672.

**SOCIOLOGY OF THE SOCIAL AND ASSOCIATIONS:
EMILE DURKHEIM AND GABRIEL TARDE ABOUT CHANGES IN SOCIETY**

A.V. Kuramshev, A.A. Shirokov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

In this article, the authors try to redefine G. Tarde's and E. Durkheim's contribution to social theory. Drawing on comparative analysis of the theories of social change, the differences between E. Durkheim's and G. Tarde's sociological projects are shown. These differences cannot be reduced to the opposition between psychologism and sociologism or sociological nominalism and realism. They are considered as a result of essentially different understanding of the nature of social fact. The authors make an assumption that G. Tarde's sociology of associations project, which is underestimated in Russian sociology, is an alternative to E. Durkheim's sociology.

Keywords: E. Durkheim, G. Tarde, theories of social change, social, associations, social fact.

УДК 316.4 – 327.8

РОЛЬ США В МИРОВЫХ МЕДИАПОТОКАХ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ РЫНОК РОССИИ

© 2016 г.

А.В. Грицан

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

anna.gritsan@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 09.02.2016**Статья принята к публикации 10.08.2016*

Раскрывается значение, направление и объём основных медиапотоков, распространённых в современном мире. Анализируется мировой рынок аудиовизуальной продукции, определяются ключевые акторы данной отрасли, оценивается их вклад в производство и экспорт медиатоваров. Особое внимание уделено средствам массовых коммуникаций с наибольшей аудиторией – телевидению и кино. Отмечена ведущая роль США в экспорте медиапродукции в страны мира, оценивается степень влияния иностранного контента на аудиовизуальный рынок Российской Федерации, и рассматриваются основные тенденции его развития. Результаты исследования получены методом вторичного анализа статистических и социологических данных.

Ключевые слова: медиапотоки, массовые коммуникации, аудиовизуальные медиа, аудиовизуальный рынок.

Введение

Информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности государства [1]. В результате обострившихся в последние годы противоречий между Западом и Россией и набирающих обороты «информационных войн» упрочение политического режима и поддержание общественного согласия в Российской Федерации как никогда зависит от повышения информационной безопасности. В числе национальных интересов страны в этой сфере – развитие современных информационных технологий, отечественной индустрии информации, а также повышение конкурентоспособности отечественной продукции телекоммуникационной отрасли. В этой связи доминирование ряда стран в мировом информационном пространстве, оттеснение России с внешнего и внутреннего информационного рынка можно рассматривать как угрозу развитию отечественной индустрии информации, а значит, политической и экономической безопасности. Особенно заметно такое доминирование в индустрии аудиовизуальных товаров, где особое место занимают телевидение и кинематограф, наиболее полно передающие тенденции массовой культуры. Она при помощи современных телекоммуникационных сетей создаёт опасность унификации культур, разрушения этнической самобытности и существенного сокращения культурного многообразия. В сложившихся условиях Россия сталкивается с не-

обходимостью адаптации своей традиционной культуры к условиям глобализации, балансируя между модернизацией и сохранением самобытности. Сокращение диспропорции в информационной сфере и повышение конкурентоспособности отечественной медиапродукции – важные задачи внутренней и внешней политики государства. Это делает исследование поля массовых коммуникаций Российской Федерации и её внутреннего рынка аудиовизуальных товаров особенно *актуальным*.

За последние десятилетия существенно выросли темпы распространения информационно-коммуникационных технологий, объединив весь мир в единую сеть. Возникновение технологий, развитие и распространение различных медиа было сконцентрировано на Западе – в развитых странах Европы и Северной Америки. Созданная коммуникационная медиасеть служит каналом передачи данных между странами. Однако в движении и распространении информации наблюдаются особые закономерности, которые позволяют делать выводы о влиянии определенных акторов массовых коммуникаций и тенденциях их развития в мире и в России. *Цель* данной статьи – дать характеристику акторов, направлений и объёмов мировых медиапотоков и оценить их влияние на медиарынок России. В фокус данного исследования попали аудиовизуальные медиаресурсы – телевидение и кино, поскольку их аудитория является наибольшей. Для достижения поставленной цели автором были решены следующие *задачи*:

- проанализированы объёмы мировой торговли продуктами культуры;

- выявлены основные производители таких групп медиативаров, как печатная продукция, телевизионные программы, кино;

- дана оценка последствий экспорта аудиовизуальных товаров США в разные страны мира, в том числе в Россию;

- проанализированы медиарынок России и доля иностранного контента в его аудиовизуальной части.

Теоретико-методологической базой данного исследования стали труды американского медиа-критика и социолога Герберта Шиллера о роли США в современном мире [2], а также работы профессора Калифорнийского университета Бена Багдикяна о концентрации власти над мировыми информационно-коммуникационными сетями [3], которые позволяют оценить влияние западных корпораций и их продуктов на мировую медиаиндустрию. Автор статьи опирается также на концепцию «свободного информационного потока», разработанную канадским социологом Винсентом Моско [4] и экспертом в области международных отношений профессором Хамидой Мовлана [5], утверждавшими, что западные медиа осуществляют одностороннее влияние на мировые рынки. Этот тезис подтверждают проанализированные в статье статистические данные таких международных организаций, как ООН, ЮНЕСКО, Всемирная торговая организация и т. д.

Из трудов отечественных авторов были использованы работы историка Семёна Гуревича, посвятившего их теории и экономике СМИ [6], а также экономиста и социолога Елены Вартаковой, научные изыскания которой раскрывают разные аспекты медиаэкономики зарубежных стран, а также развития и становления информационного общества [7–9].

Среди работ отечественных авторов отмечается нехватка исследований, в которых были бы проанализированы доминирующие в мире медиапотоки. В трудах, посвящённых медиарынку России, как правило, значительное внимание уделяется отрасли рекламы и её доле на информационном рынке страны. Однако такие сферы, как телевидение и кино, существенно меньше изучены. Исходя из этого, *научная новизна* данного исследования заключается в том, что в статье впервые на основе обширных данных таких международных организаций и исследовательских центров, как Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ЮНЕСКО, Бюро экономического анализа США, Комиссия по международной торговле США и др., был проанализирован рынок аудиовизуальной продукции США с 1980 по 2012 г., дана оценка его влияния на разные страны мира, в том числе на

Россию. Исследование проведено *методом вторичного анализа* первичных статистических и социологических данных, которые рассматриваются автором под новым углом зрения для выявления новых зависимостей и тенденций. В рамках данной работы этот метод представляется наиболее эффективным, так как позволяет посредством анализа результатов ранее проведенных социологических исследований свести их воедино для достижения новых исследовательских целей и решения задач.

Мировые медиапотоки

Западные медиа с ведущей ролью США являются всемирными по сфере распространения и влияния. США лидируют в области экспорта аудиовизуальной продукции, а одним из наиболее ярких индикаторов распространения телевидения и других медиапродуктов США является значительное увеличение объёмов экспорта американских фильмов и телевизионных программ с 1980 г., что позволяет говорить о повышении влияния западной культуры во всем мире.

Объёмы мировой торговли продуктами культуры (фильмы, телевидение, печатные медиа, музыка) с 1980 по 1991 г. выросли практически втрое – с 47.8 до 213.7 млрд долларов [10, с. 4]. Конференция по торговле и развитию ООН (UNCTAD) подсчитала, что сумма всемирного экспорта продуктов и услуг индустрии культуры в 2005 г. достигла 424.4 млрд долларов (3.4% всего объёма мировой торговли) в сравнении с 227.4 млрд. долларов в 1996 г. Таким образом, за период 1996–2005 гг. индустрия культуры увеличила свою долю мирового рынка, в среднем вырастая на 8.7% в год в 2000–2005 гг. [11, с. 4].

Основные составляющие мирового экспорта и импорта аудиовизуальных товаров – печатная продукция (книги, газеты, журналы), телевидение (телепрограммы, телешоу, сериалы) и кино. Крупнейшие среди этой медиапродукции – телевидение и кино – наиболее распространены в странах мира и приносят наибольшую прибыль производителям.

Печатная индустрия

Печатная индустрия, имеющая самую длительную историю и оказавшая наибольшее влияние на развитие массовых коммуникаций, в настоящий момент продолжает концентрироваться в западных странах. В 2002 г. 61% мирового рынка книгопечатания занимала продукция, изданная в европейских странах. Ещё большая доля рынка приходилась на газеты и периодиче-

Таблица 1

Экспорт избранных медиапродуктов, 2002 г.

Регион	Книги		Газеты и периодические издания	
	Объём в миллионах USD	Доля мирового рынка, %	Объём в миллионах USD	Доля мирового рынка, %
Европа	6 599	61	3 096	70
Северная Америка	2 317	21	1 041	24
Азия	1 489	14	144	3
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	310	3	78	2
Африка	35	0.3	6	0.1

Таблица 2

Экспорт американских фильмов и телевизионных программ по регионам мира, 2004 г.

Регион	Объём экспорта фильмов и телевизионных программ (миллионы USD)
Европа	6 787
Азия и страны бассейна Тихого океана	1 835
Латинская Америка	757
Африка	124
Ближний Восток	114
Все страны	10 480

US International Services: Cross-border Trade in 2004 [Электронный ресурс] // Survey of Current Business. P. 72. (http://www.bea.gov/scb/pdf/2005/10October/1005_xborder.pdf).

ские издания, публикуемые в Европе, – 70%. Страны Северной Америки занимали вторую позицию и соответственно 21% и 24% мирового рынка печатной продукции (табл. 1) [12, с. 64].

С течением времени эти тенденции в сфере экспорта печатной продукции существенно не изменились. В 2006 г. более 56% мирового экспорта приходилось на долю пяти крупнейших экспортеров: США (16.7%), Соединенное Королевство (15.6%), Германия (13.6%), Франция (5.7%) и Китай (4.9%). Доминирующее положение в этом секторе продолжала занимать Европа (64%), за которой следовали Северная Америка (20%), Восточная Азия (10.7%), Латинская Америка и страны Карибского бассейна (2.7%), Центральная и Южная Азия (0.9%), страны бассейна Тихого океана (0.87%), Африка к югу от Сахары (0.35%) и арабские государства (0.23%) [13, с. 131]. Приведённые данные показывают, что большая часть мирового экспорта печатной продукции приходилась на страны Запада, где одну из лидирующих позиций занимали Соединенные Штаты Америки.

Телевидение

Наиболее потребляемые продукты культуры сегодня – телевизионные программы и кино. Крупнейшие медиакорпорации, транслирующие свою продукцию по всему миру, находятся на Западе (Comcast Corporation, The Walt Disney Company, Time Warner Inc., Viacom, News Corporation и т.д.). Американский медиакритик и социолог Герберт Шиллер отмечал, что эти

корпорации зачастую совместно с западными (в основном американскими) военными и политическими интересами подрывают культурную автономию стран Юга и приводят их в зависимость от аппаратного и системного обеспечения коммуникаций и медиа. Шиллер определял данную модель влияния как культурный империализм – «сумму процессов, в результате которых общество превращается в современную мировую систему, и то, как его правящая верхушка привлекается, подкупается, испытывает давление, принуждение и вынуждена перестраивать социальные институты, с тем, чтобы они соответствовали, а иногда даже продвигали ценности и структуру господствующего центра системы» [14, с. 9].

В 2004 г. американские телевизионные программы транслировались в 125 странах мира, куда были проданы за 10 480 млн долларов (табл. 2). Примерно 85% всех детских программ, 81% фильмов, около 75% телевизионных программ, проданных на мировом рынке, были произведены в США [15, с. 39]. При этом основным торговым партнёром США являлась Европа (6 787 млн долларов), а стоимость экспортированных товаров в 120 раз превысила стоимость импорта с континента (56 млн долларов).

Открытие аудиовизуального рынка панъевропейским и международным операторам значительно изменило телевизионную картину в Европе, в 20 раз увеличив количество каналов, доступных европейской аудитории, – с 93 каналов в 1993 году до более чем 1700 в 2005

Таблица 3

**Экспорт/импорт американских фильмов и телевизионных программ
в избранных странах, 2004 г. [16, с. 72]**

Страны	Экспорт (миллионы USD)	Импорт (миллионы USD)
Британия	1 820	34
Германия	970	2
Франция	914	14
Япония	894	27
Канада	861	29
Нидерланды	725	2
Испания	645	1
Италия	560	1
Мексика	284	9
Бразилия	197	6
Все страны	10 480	341

году, большую часть из которых составили развлекательные каналы. Именно это в значительной степени увеличило американское присутствие на европейском телевидении.

Ряд других стран также показывают высокие рейтинги экспорта продуктов культуры (табл. 3). Например, телевизионные продукты из Мексики широко распространяются в странах Латинской Америки и в испаноговорящих регионах США. Страны с огромным внутренним рынком, такие как Бразилия и Индия с их киноиндустрией, также имеют высокие показатели экспорта, но по-прежнему в значительной степени уступают США.

Всё более возрастающее влияние американских продуктов культуры привело к тому, что идеи Герберта Шиллера о «культурном империализме» постепенно сменились теориями зависимости и модернизации, на смену которым вскоре пришла критическая теория массовых коммуникаций, утверждавшая, что в современном мире происходит распространение «массовой культуры» и её превращение в товар. Этому способствовала и концентрация прав собственности на производство культурных ценностей в руках нескольких производителей. По мнению представителей франкфуртской школы Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера, распространение массовой культуры подрывает критическое вовлечение масс в важные социально-политические процессы и обеспечивает политически пассивное социальное поведение и подчинение рабочих классов правящей элите [17, с. 163].

Идея «массовой культуры» актуализирует дискуссию об информационном потоке между странами. И хотя развитие культурной индустрии в странах Латинской Америки, Индии и странах СНГ создаёт некоторый контрпоток медиатоваров, их распространение и влияние заметно лишь на ограниченном геокультурном пространстве. В то же время западная медиа-

продукция продолжает распространяться по всему миру, увеличивая с каждым годом объёмы продаж и кассовых сборов, что особенно заметно при оценке индустрии кино.

Киноиндустрия

Один из ключевых факторов доминирования США на мировом рынке развлечений – киноиндустрия. Голливудские фильмы транслируются более чем в 150 странах мира, где в основном занимают большую часть рынка [18] (табл. 4).

Исследование, проведённое Европейским аудиовизуальным обозревателем, показало, что в десятку наиболее популярных фильмов в 34 странах Европы в 1996–2004 гг. вошли исключительно голливудские фильмы. К тому же пятёрка наиболее посещаемых европейских фильмов была англоязычной. В рамках ЕС около 72% фильмов, показанных в 2004 г., были голливудскими, около 25% – европейскими и лишь 2% приходилось на кинокартины, снятые в других частях мира [19]. В странах с относительно небольшой или вовсе неразвитой киноиндустрией зависимость от голливудских фильмов ещё более значительная. По данным ЮНЕСКО, более одной трети стран мира совсем не производят фильмы, например, Африка (состоящая из 53 государств) сняла лишь 600 фильмов за всю свою историю – меньше, чем Индия производит каждый год [12, с. 47].

В 2005 г. общемировые объёмы доходов от проката кинофильмов составили 23.2 млрд долларов. При этом кассовые сборы в Северной Америке составили 9.7 млрд долларов, в Европе – 6.2 млрд долларов, а в Азии – 5.3 млрд долларов [20, с. 210]. Как уже указывалось выше, поток экспорта продуктов культуры распространяется, как правило, в одном направлении. В соответствии с отчётом Европейского аудиовизуального обозревателя за 2008 г., львиная доля

Таблица 4

Доля всего рынка киноиндустрии в избранных странах, 2004 г., % [19, с. 17]

	Местные фильмы	Иностранные фильмы	
		Голливуд	Другие
Индия	93	7	-
США	83	10 (совместно с европейскими киностудиями)	7
Китай	55	45	-
Южная Корея	54	41	5
Франция	39	47	14
Япония	38	62	-
Германия	24	76	-
Италия	20	62	18
Испания	14	78	8
Британия	12	84	4
Россия	12	81	7
Канада	4	90	6
Австралия	1	89	10

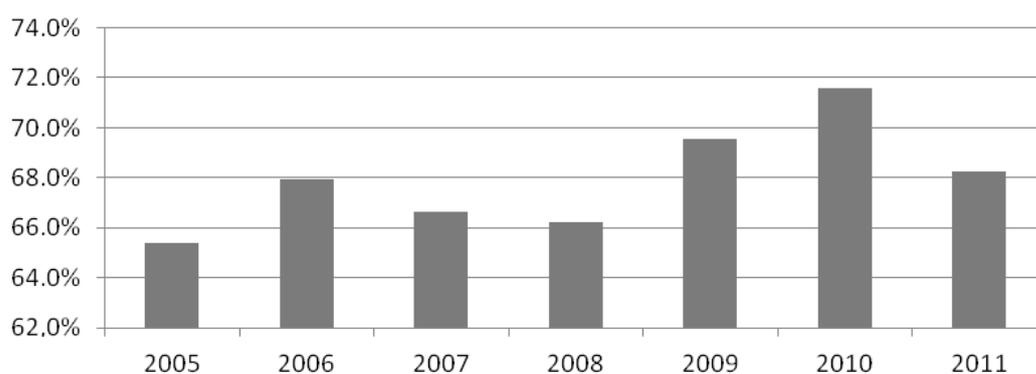


Рис. 1. Доля американских фильмов на национальных рынках

кассовых сборов в таких странах, как Канада (88%), Австралия (84%), Россия (75%), Германия (73%), Испания (72%), Италия (71%) и Великобритания (65%), приходилась на США [21, с. 9].

Для оценки ключевых мировых медиапотоков автором был проведён вторичный анализ статистических данных, предоставляемых ЮНЕСКО. Исследуемая база данных содержит информацию о рейтинге производителей кинопродукции более чем в 47 странах мира с 2005 по 2011 г., составленном в зависимости от количества посещений кинотеатров и соответствующей доли рынка, занимаемой страной-производителем. Анализ позволил выделить 28 стран¹, для которых имелись данные не менее чем за три года², и составить рейтинг производителей для каждой из них, подсчитав средний показатель занимаемой доли рынка. Исследование показало, что Соединенные Штаты Америки были основным производителем кинопродукции в каждой из стран на протяже-

нии 7 лет. Представленная на рис. 1 диаграмма отражает результаты проведённого анализа. Для 28 стран было выведено среднее арифметическое значение доли рынка, занимаемой американским кино за период с 2005 по 2011 г. Это позволяет утверждать, что в исследуемый промежуток времени доля американских кинофильмов на национальных рынках этих стран не опускалась ниже отметки в 65% [22].

Полученные данные не оставляют сомнений в ведущей роли США в сфере экспорта товаров культуры. Основано это преимущество не только на могуществе американских медиакорпораций, но и на степени распространённости английского языка в мире. В исследованиях, проведённых в 2015 г. немецким социологом Улрихом Аммоном, отмечено, что английский язык – родной для 527 млн человек и самый изучаемый язык в мире, который штудирует порядка 1.5 млрд человек [23]. На английском языке говорят в 101 стране мира, при этом в 35 странах он имеет статус официального [24].

Таблица 5

Доля фильмов на английском языке			
Год	Количество снятых фильмов	Количество фильмов на английском языке	%
2007	2918	1044	36%
2008	3161	1014	32%
2009	3125	1010	32%
2010	3463	1336	39%
2011	3560	1296	36%

Вторичный анализ базы данных Института статистики ЮНЕСКО, проведённый автором статьи, подтвердил факт доминирования английского языка в кинематографе. Массив обработанных данных представляет собой информацию о количестве снятых фильмов более чем в 55 странах с указанием количества картин на английском языке, снятых в период с 2007 по 2011 г. Автором были выбраны 34 страны³, для которых имеются данные за каждый год, и подсчитано количество снятых фильмов и лент на английском языке. Полученные данные отражены в табл. 5 [25].

Как видим, число англоязычных фильмов в указанных странах с 2007 по 2011 гг. не снижалось ниже отметки в 32%, подтверждая тот факт, что английский язык – самый распространённый язык в киноиндустрии, что в значительной степени поддерживает доминирование американских продуктов на рынке аудиовизуальных товаров.

Всестороннее проникновение американских медиа, рекламы и телекоммуникационных сетей способствует распространению консьюмеристского подхода, что помогает США использовать «мягкую силу» для продвижения своих национальных и политических интересов [26]. Оборот американских продуктов культуры продолжает определять всемирную «повестку дня» и актуализирует вопрос их потребления в кросс-культурном контексте. Некоторые учёные считают, что мировое – национальное – местное взаимодействие продуцирует скорее «гетерогенный разрыв», нежели всемирную гомогенную культуру [27]. Другие исследователи настаивают на идее гибридизации, смешанной формы культуры, возникающей на основе адаптации западных медиажанров в местных языках, стилях и обычаях [28–30].

С другой стороны, критики утверждают, что транснациональные корпорации при поддержке соответствующих правительств осуществляют не прямой контроль над развивающимися странами, доминируя на рынках, в ресурсах (в том числе трудовых) и в производстве. Проникая на рынок, они подрывают культурную автономию стран Юга и создают зависимость как в области

технического, так и в области программного обеспечения коммуникаций и медиа, что получило название «транснационального корпоративного культурного доминирования» [14, с. 32]. И, как показывают проанализированные выше данные, это доминирование с самого момента возникновения телеграфа и до сих пор находится в руках стран Запада, среди которых ведущая роль принадлежит США.

Российский рынок аудиовизуальной продукции

Российский рынок аудиовизуальной продукции значительно вырос за последнее десятилетие, увеличив объём отечественных товаров на теле- и киноэкранах. Доля национального контента в эфире 6 крупнейших российских телевизионных каналов (Первый канал, Россия 1, НТВ, СТС, ТНТ, Рен-ТВ) в 2012 г. составляла 77%, а зарубежного – 23% [31, с. 69]. Анализ содержания телевизионного контента в эфире этих телеканалов показывает, что наибольшую долю зарубежных трансляций занимают полнометражные фильмы (83%), а также детские анимационные фильмы и сериалы (83.4%). Основной производитель этого контента – США. Их доля составляет 71%, тогда как на Великобританию и Францию приходится 6% и 5% соответственно [31, с. 71]. Вторичный анализ данных о рейтинге производителей кинопродукции показывает, что с 2007 г. доля голливудских фильмов на экранах российских кинотеатров не снижалась ниже отметки в 60%⁴ [32], принося наибольшую прибыль от проката. В 2013 г. сборы от проката фильмов в России составили 1.4 млрд долларов. Страна заняла 7-е место в мире по величине рынка кино [33, с. 5], при этом американские фильмы составили 70.8% кинорынка России [34, с. 292]. На рис. 2 представлены данные о прибыли производителей по годам.

Социологические исследования, в свою очередь, показывают, что отечественная кинопродукция, в отличие от голливудской, не пользуется большой популярностью среди россиян. К такому выводу можно прийти, проанализировав результаты опроса жителей

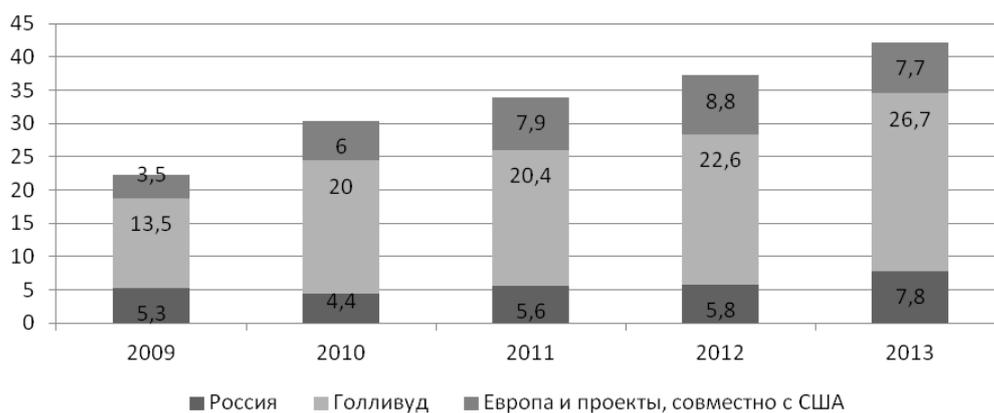


Рис. 2. Прибыль от показа фильмов в зависимости от производителя (млрд рублей) [35, с. 4]

городов восьми федеральных округов России, проведённого в 2011 г. [36]. Примерно 18% опрошенных (выборка составила 1500 человек) редко или никогда не смотрят их в кинотеатрах. Среди зрителей в возрасте 18–24 года этот показатель достигает почти 30%. Исследование показало, что 42% опрошенных не придают значения стране-производителю, но перевес всё же остаётся на стороне иностранных производителей, так как в десятке прокатных лидеров (первая половина 2011 г.) находятся только иностранные кинокартины [37, с. 7].

По данным исследовательского центра Movie Research, доля отечественного кино (в кинотеатрах на территории России и стран СНГ, исключая Украину) в 2013 г. составила 18,5% и оказалась самой высокой за предыдущие четыре года [38]. В 2014 г. касса отечественного кино сократилась на 1,2%, а посещаемость снизилась на 3,4%: всего 34,98 млн человек посетили отечественные картины в сравнении с 155,57 млн человек, посетившими зарубежные [39]. При этом следует отметить, что 71% аудитории кинотеатров в России составляют зрители в возрасте 16–30 лет [40]. Примерно 58% зрителей в возрасте 45–60 лет и 74% зрителей старше 60 лет предпочитают в основном советское кино по телевидению [41].

Анализ данных социологических опросов позволяет увидеть следующие тенденции:

- большая часть населения России смотрит кино по телевидению, при этом следует обратить внимание на то, что иностранная кинопродукция появляется на экранах только в вечернее или ночное время, а в прайм-тайм транслируются российские и советские фильмы;

- кинотеатры в основном посещают зрители в возрасте 18–30 лет, и именно они являются основными потребителями иностранной кинопродукции, доля которой в российских кинотеатрах составляет более 60%;

- уровень популярности советского кино остаётся стабильным среди всех возрастных

категорий, при этом он наиболее низок среди молодых людей и максимально высок среди зрителей старше 60 лет;

- уровень популярности современного российского кино остаётся низким среди всех возрастных групп населения;

- доля полнометражных российских фильмов и анимационных фильмов и сериалов невысока: менее 1/5 на телевидении и около 1/3 в кинотеатрах.

Данные исследований говорят о том, что у населения России существует значительный спрос на аудиовизуальные товары, в частности на кино. Это подтверждают объёмы кассовых сборов, которые также говорят о том, что россияне платят в основном за иностранную кинопродукцию. Рынок российского кино с каждым годом растёт, но при этом его популярность не повышается, что может быть обусловлено, в том числе, сравнительно низким финансированием отечественного кинопроизводства. Если бюджет голливудских фильмов достигает сумм в 0,5 млрд долларов, то в России средний бюджет кинокартины составляет всего 104 млн рублей (3,3 млн долларов) [42, с. 52].

Выводы

Исследование показало, что на мировом рынке аудиовизуальной продукции (в том числе на российском) доминируют западные производители, среди которых лидирующую позицию занимают США. Американские медиапотоки не уменьшаются на протяжении уже трёх десятилетий, а, напротив, всё более распространяются по всему миру. Более 3/4 всех телевизионных программ и фильмов, проданных на мировом медиарынке в 2000-х гг., были произведены в США. Более семи лет доля американских кинофильмов на национальных рынках стран мира не опускается ниже отметки в 65%. В последние годы страны объединения БРИК (Бразилия, Россия, Индия и

Китай) находятся среди десяти основных аудиовизуальных рынков американского кино, при этом Россия занимает там 9-е место.

Американские медиапроизводители предлагают аудитории продукт массовой культуры, представляющий собой стандартизированную картинку, пропагандирующую ценности западного мира. В современных условиях технологического прогресса это создаёт опасность унификации культуры, а также сокращения культурного многообразия.

Российский рынок аудиовизуальных товаров значительно вырос за последнее десятилетие, однако, как показывают социологические исследования, представленная на нём продукция отечественной киноиндустрии не пользуется спросом у россиян. Качество российского кино остаётся сравнительно низким, что делает его мало популярным в стране. К тому же аудитория российского кино как на телевидении, так и в кинотеатрах всё меньше представлена возрастной группой 18–30 лет, которая отдаёт предпочтение иностранному кинопродукту.

На современном этапе Россия столкнулась с необходимостью адаптации своей традиционной культуры к условиям глобализации. Вопрос повышения конкурентоспособности отечественной медиапродукции должен стать приоритетной задачей внутренней политики Российской Федерации. Активные действия в этой сфере крайне необходимы для повышения информационной безопасности страны, роста и укрепления позиций отечественного медиапродукта на внутреннем рынке и его выхода на международный рынок. Для уменьшения доли зарубежного медиаконтента в России и повышения популярности отечественной аудиовизуальной продукции автор предлагает предпринять следующие шаги:

- повысить финансирование сферы киноиндустрии;
- активизировать работу государственных структур по продвижению отечественных телевизионных программ и кинопродукции на международном рынке;
- повысить конкурентоспособность кино- и телестудий посредством адаптации зарубежного опыта, привлечения экспертов в сфере дизайна, режиссуры, а также звёзд мирового кино;
- заключить международные договоры с иностранными кино- и телестудиями о создании совместных программ и кинофильмов;
- продумать систему привлекательной ценовой политики для потенциальных зарубежных покупателей контента отечественных телеканалов.

Примечания

1. Австралия, Австрия, Бельгия, Чили, Чехия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Италия, Латвия, Ливан, Литва, Мексика, Марокко, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Россия, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, Украины, Великобритания, Венесуэла.

2. Для 23 стран имеются данные за все годы с 2005 по 2011; для Бельгии, Великобритании и Венесуэлы – данные за 2007–2011 гг., Чили – данные за 2006–2011 гг., Россия – данные за 2007–2009 гг.

3. Австралия, Азербайджан, Беларусь, Канада, Камбоджа, Чили, Китай, Чехия, Египет, Финляндия, Франция, Габон, Грузия, Гайана, Исландия, Индия, Ирландия, Израиль, Латвия, Ливан, Мальта, Мексика, Марокко, Новая Зеландия, Португалия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Южная Африка, Швейцария, Великобритания, Соединенные Штаты Америки, Венесуэла.

4. В 2007 г. – 60.1% (кассовые сборы – 8.4 млрд рублей), в 2008 г. – 62.3% (кассовые сборы – 12.4 млрд рублей), в 2009 г. – 71% (кассовые сборы – 16.9 млрд рублей).

Список литературы

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html> (дата обращения: 02.06.2015).
2. Schiller H. Mass Communications and American Empire. 2nd ed. New York: Westview Press, 1992. 214 p.
3. Bagdikian B. The media monopoly. 5-th ed. Boston: Beacon Press, 1997. 289 p.
4. Mosco V. The political economy of communication: rethinking and renewal. London: Sage, 1996. 307 p.
5. Mowlana H. Global communication in transition. The end of diversity? // Communication and Human Values. Vol. 19. London: Sage, 1996. 248 p.
6. Гуревич С.М. Экономика средств массовой информации. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1999. 255 с.
7. Варганова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2003. 335 с.
8. Варганова Е.Л. СМИ стран северной Европы в начале 2000-х гг.: реструктуризация рынка прессы? // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2002. № 5. С. 69–82.
9. Варганова Е.Л. Телевидение цифровой эпохи: к постсетевой и интерактивной модели // От центрального к цифровому: Телевидение в России / Под ред. В.В. Струкова и В.В. Зверевой. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2014. С. 1–26.
10. International Flows of Selected Cultural Goods 1980–1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001213/121362Eo.pdf> (дата обращения: 01.08.2015).
11. Creative Economy Report 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://unctad.org/en/Docs/ditc20082cer_en.pdf (дата обращения: 20.08.2015).
12. International Flows of Selected Cultural Goods and Services 1994–2003 [Электронный ресурс] / UNESCO Institute for Statistics. – Montreal: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organiza-

- tion, 2005. 98 p. URL: http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/culture05_en.pdf (дата обращения: 01.08.2015).
13. UNESCO World Report: Investing in Cultural Diversity and Intercultural Dialogue. Paris: United Nations Educational, Cultural and Scientific Organization, 2009. 402 p.
14. Schiller H. Communication and cultural domination. New York: International Arts and Sciences Press, 1976. 127 p.
15. Bielby D.D. Global TV: Exporting Television and Culture in the World Market. New York: New York University Press, 2008. 288 p.
16. US International Services: Cross-border Trade in 2004 [Электронный ресурс] // Survey of Current Business. P. 25–77. URL: http://www.bea.gov/scb/pdf/2005/10October/1005_xborder.pdf (дата обращения 20.07.2015).
17. Adorno T. Dialectic of enlightenment. Cultural memory of the Present / Edited by G. Noeri. California: Stanford University Press, 2002. 282 p.
18. Miller T., Govil N., Maxwell R. et al. Global Hollywood. 2nd ed. London: British Film Institute, 2004. 448 p.
19. Thussu D.K. Media on the move. Global flow and contra-flow. New York: Routledge, 2007. 256 p.
20. World Film Production/Distribution [Электронный ресурс] / Screen Digest. P. 210. URL: <http://www.filmandmusicaustralia.at/fileadmin/dateien/Statistik/WorldFilmProduction06.pdf> (дата обращения: 28.07.2015).
21. Audiovisual services. Background Note by the Secretariat [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/tad/services-trade/47559464.pdf> (дата обращения: 15.07.2015).
22. Origin of top 5 countries of all feature films exhibited [Электронный ресурс] / UNESCO Institute for Statistics. URL: <http://www.uis.unesco.org/DataCentre/Excel/Culture/Top%20%20countries%20films%20exhibited%20-%20Top%20%20des%20pays%20des%20films%20vus.xlsx> (дата обращения: 29.07.2015).
23. Noack R., Gamio L. The world's languages, in 7 maps and charts [Электронный ресурс] // The Washington Post, 2015. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/04/23/the-worlds-languages-in-7-maps-and-charts/> (дата обращения: 16.08.2015).
24. CIA World Factbook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/Library/publications/the-world-factbook/fields/2098.html> (дата обращения: 21.02.2015).
25. Language of film production [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uis.unesco.org/DataCentre/Excel/Culture/Language%20of%20film%20production%20-%20Langue%20de%20production%20des%20films.xlsx> (дата обращения: 29.07.2015).
26. Nye J. Power in the Global Information Age: From Realism to Globalization. London: Routledge, 2004. 240 p.
27. Appadurai A. Disjuncture and difference in the global cultural economy // Theory, Culture & Society. 1990. № 7. P. 295–310.
28. Kraidy M. Hybridity: The Cultural Logic of Globalisation. Philadelphia: Temple University Press, 2005. 226 p.
29. Martin-Barbero J. Communication, Culture and Hegemony: From Media to Mediations / Trans. E. Fox // Communication and Human Values. Vol.14. London: Sage, 1993. 272 p.
30. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992. P. 211.
31. Телевизионный рынок и video on demand в России [Электронный ресурс] / Европейская аудиовизуальная обсерватория. 133 с. URL: <http://www.obs.coe.int/documents/205595/552774/RU+TV+and+VoD+2013+KVG+Research+RU.pdf/b5d281b6-432c-4bf8-bc8e-a3895d2216bb> (дата обращения: 01.06.2015).
32. Exhibition of feature films [Электронный ресурс] / UNESCO Institute for Statistics. URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=CU_L_DS&popupcustomise=true&lang=en# (дата обращения: 25.07.2015).
33. Theatrical market statistics 2013 [Электронный ресурс] / Motion Picture Association of America, inc. 31 p. URL: http://www.mpa.org/wp-content/uploads/2014/03/MPAA-Theatrical-Market-Statistics-2013_032514-v2.pdf (дата обращения: 30.06.2015).
34. European Audiovisual Observatory, Yearbook 2013. Television, cinema, video and on-demand audiovisual services in Europe [Электронный ресурс] / European Audiovisual Observatory: Strasbourg, 2013. 335 p. – URL: http://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/002/084/022/RUG01-002084022_2014_0001_AC.pdf (дата обращения: 14.06.2015).
35. Russian film market overview. 2013 results [Электронный ресурс] / Nevafilm Research, 2014. 8 p. URL: <http://nevafilm.ru/english/reports/04-2014-russian-film-market-overview.2013-results> (дата обращения: 20.06.2015).
36. Российское кино в поисках зрителя [Электронный ресурс] / Исследовательский холдинг «Ромир». URL: http://romir.ru/studies/147_1314216000/ (дата обращения: 15.06.2015).
37. КиноСтатистика 1Н2011. Отчет о состоянии киноотрасли России [Электронный ресурс] / Movie Research Company, 2011 г. 18 с. URL: http://movieresearch.ru/catalog/uploads/file/255MovieStatistics_1H2011_by_Movie_Research.pdf (дата обращения: 10.06.2015).
38. «Киностатистика-2013»: российская киноиндустрия в цифрах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.movieresearch.ru/news/154> (дата обращения: 01.08.2015).
39. Посещаемость кинотеатров в 2014 остановила свой рост впервые за 12 лет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.movieresearch.ru/news/165> (дата обращения: 11.06.2015).
40. Шафикова А. Киноаудитория России [Электронный ресурс]. 13 с. URL: <http://www.movieresearch.ru/catalog/uploads/file/199Kinoauditoriya.pdf> (дата обращения: 01.06.2015).
41. Кино: что и как смотрят россияне [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11192> (дата обращения: 10.06.2015).
42. The film industry in the Russian Federation [Электронный ресурс] / Nevafilm, RFilms (Invest Collegium), Groteck. European Audiovisual Observatory: Strasbourg, 2010. 173 p. URL: http://nevafilm.ru/english/reports/092010_film_industry_russia_2010/_titled_attachments/russianfilmindustry_nevafilm2010.pdf (дата обращения: 20.06.2015).

**THE ROLE OF THE USA IN THE WORLD MEDIA FLOWS AND THEIR IMPACT
ON RUSSIAN AUDIOVISUAL MARKET**

A.V. Gritsan

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

In this article, we examine the significance, direction and scale of the main media flows in the world. An analysis is presented of the world market of audiovisual products and key actors of the field are identified. Particular attention in the article is paid to the television and film industry as means of mass communication with the widest audience. The author underlines the leading role of the USA in the export of media products to other countries, assesses the influence of foreign content on Russian audiovisual market and examines main tendencies of its development. In this study, the author used the method of secondary analysis of statistical and sociological data.

Keywords: media flows, mass communications, audiovisual media, audiovisual market.

УДК 323/324(100-87), 316

ЭВОЛЮЦИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО КОНТЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕСПУБЛИК МОЛДОВА, БЕЛАРУСЬ, ЛИТВА, КАЗАХСТАН

© 2016 г.

Ю.Ю. Абрамова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

civicinitiatives@gmail.com

Статья поступила в редакцию 01.07.2016

Статья принята к публикации 10.08.2016

Представлен сравнительный анализ тенденций, унифицирующих и дисагрегирующих факторов развития и совершенствования социальной работы в четырех странах постсоветского пространства (Молдова, Беларусь, Литва, Казахстан). Предложен анализ некоторых аспектов процесса эволюции институционального оформления социальной работы. Выявлены основные положения профильного законодательства о социальной работе четырех государств, тенденции развития гендерной составляющей профессии «социальный работник».

Ключевые слова: социальный работник, социальная работа, профессиональная ассоциация социальной работы, социальное законодательство, гендерное равенство, социальная политика, этический кодекс социальных работников.

Постоянный интерес исследователей вызывают социальные процессы, происходящие на территории постсоветского пространства, особенно в свете как общемировой, так и свойственной данной территории интенсификации социальных изменений, различных реформ, неизбежными предпосылками и следствием которых являются множасьщиеся отраслевые и социальные кризисы. Последние, в свою очередь, вновь актуализируют, продвигая в иерархии граней социальное, человекоориентированное измерение общества, его способность своевременно реагировать на новые социальные вызовы, уменьшая расширяющийся перечень критериев уязвимости как отдельно взятого индивида, так и целых социальных групп и даже слоёв населения.

Естественно, подобные процессы протекают с некоторой дифференциацией и в скорости, и в глубинной своей сущности (с точки зрения прямых и косвенных результатов) на разных постсоветских территориях, что, не в последнюю очередь, вызвано различной степенью «советскости» рассматриваемых в данной статье государственных образований в период их нахождения в составе СССР. Обладая совершенно разным историческим опытом, данные образования сегодня тяготеют к различным центрам силы, что накладывает отпечаток на все сферы жизнедеятельности общества, на формирование и реформирование базовых его ценностей. Совершенно очевидно, что процесс трансформации как упомянутых государств, так и всего постсоветского пространства сегодня находится

в самой активной фазе, что является одной из важных причин как внутриэлитарного конфликта, так и конфликта между элитами и «массами» на значительной части данных территорий. Всё это, безусловно, влияет на современный контент социальной работы, вынужденной в ускоренном порядке проходить этапы становления и развития как в прикладном, так и в теоретико-методологическом плане.

Стоит сфокусировать внимание на том, что предметом данной статьи является в большей степени анализ прикладной составляющей социальной работы в таких республиках, как Молдова, Беларусь, Казахстан и Литва. В то же время будет сделана попытка сравнения теоретико-методологических её основ, зафиксированных и не зафиксированных в тех или иных нормативно-правовых документах.

Среди множества дефиниций термина «социальная работа» остановимся на определении, сформулированном Международной ассоциацией школ социальной работы и Международной федерацией социальных работников: «Профессиональная деятельность социальных работников способствует общественным изменениям, решению проблем человеческих взаимоотношений; содействует укреплению способностей к функциональному существованию в обществе и освобождению людей в целях повышения уровня благополучия. Используя теории поведения человека и общественных систем, социальная работа способствует взаимодействию людей с их окружением. *Принципы прав человека и социальной справедливости*

являются фундаментом социальной работы» [1, с. 91]. Определение, данное этими неправительственными организациями в 2001 г. на конгрессе в г. Копенгагене, представляющими сегодня профессиональные ассоциации социальных работников из 116 стран мира в общем количестве около 1 миллиона человек, органично вобрало в себя понимание социальной работы и как науки, и как профессиональной деятельности, и как социального института.

Конечно, обозначенная дефиниция не закреплена в какой-либо международной конвенции, а следовательно, не является обязательной для имплементации в национальное законодательство стран, однако закреплённые в ней понятия можно рассматривать как некие базовые ценности, смысл и ориентир социальной работы вне зависимости от национальных границ. Примечательно, что членами этих международных организаций из рассматриваемых нами стран являются профессиональные ассоциации только из Литвы и Белоруссии.

В целом формирование национальных/страновых профессиональных ассоциаций социальных работников является серьёзным этапом институционального развития системы социальной работы как таковой, так как в этом процессе, наряду с оформлением законодательной базы, формулируются и закрепляются базовые дефиниции, ценности, стандарты, ориентиры и особенности функционирования рассматриваемой области жизнедеятельности общества. Подобные ассоциации могут быть институционализированы в качестве профсоюзов или просто некоммерческих организаций (как это произошло в Республике Беларусь или в Литовской Республике, например).

Первой такая ассоциация появилась в Литве – 7 декабря 1993 г. [2, с. 1]. Ассоциации социальных работников Литвы понадобилось более 10 лет, чтобы открыть представительства во всех 10 районах государства и объединить в своих рядах более 1300 социальных работников. Сегодня членами ассоциации являются около 6000 специалистов в области социальной работы.

Немного позднее – 16 января 1996 г. была официально зарегистрирована некоммерческая организация Белорусская ассоциация социальных работников. В республике насчитывается около 40 тысяч занятых социальной работой граждан, однако надо понимать, что помимо непосредственно социальных работников в это число входит, например, технический и медицинский персонал домов-интернатов для престарелых или инвалидов или педагогический персонал интернатов для детей, оставшихся без попечения родителей, сотрудники Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь.

В Республике Молдова зарегистрировано сразу несколько подобных ассоциаций: Ассоциация социальных ассистентов ASTAS (зарегистрирована 23 февраля 2001 г.), Ассоциация по продвижению социальной помощи в Молдове (18 октября 2000 г.) и Ассоциация социальных работников Республики Молдова (зарегистрирована 15 июля 2013 г.) [3, с. 133]. Общая численность непосредственно социальных работников здесь сегодня составляет около 1300 человек (без учета Приднестровья). Кроме них в Молдове трудятся ещё 3700 специалистов в области социальной защиты населения и предоставления различных социальных услуг.

В 2004 г. была создана Ассоциация социальных работников Казахстана, преобразованная в 2006 г. в Ассоциацию социальных работников, инвалидов и волонтеров – общественное объединение «АСРИВ» [4, с. 2]. Всего в сфере социальной защиты и социального обслуживания населения в Казахстане занято до 50 тысяч человек.

Важно понимать, что в соответствии с определением социальной работы и социального работника, взятым за основу в данной статье, необходимо апеллировать не только непосредственно к «социальным работникам» как к представителям одноимённой профессии¹ [5, с. 136], но и к представителям других сфер занятости, также осуществляющим социальную работу и предоставляющим социальные услуги населению (например, заместитель директора по социальным вопросам, специалист по социальным льготам, координатор социальных программ, организатор труда, социальный работник в общине, организатор общественных работ, опекун, если говорить о Литовском классификаторе занятости).

В целом профессии, относящиеся сугубо к социальной работе, в современной парадигме её существования, относительно новы для всех рассматриваемых территорий, что обусловлено значительным периодом их историко-политической общности в новой истории. В Литве и Беларуси данный тип профессий был включён в национальный классификатор в 1995 г.² В Молдове готовить социальных работников в системе высшего образования начали в 1998 г. [6, с. 150], а в Казахстане первые высококвалифицированные (с высшим образованием) социальные работники³ появились в 1996 г. [7, с. 1].

За прошедшие, в среднем, 20 лет контент социальной работы в упомянутых странах серьёзно эволюционировал: появились новые направления развития социальной работы как науки, новые профессии и новые вызовы, отягощённые мировыми и региональными кризисами, особенностями развития территорий, необходимо-

Таблица

Даты празднования Дня социального работника и их узаконивание в рассматриваемых странах				
Страна	Литва	Беларусь	Казахстан	Молдова
Дата праздника	27 сентября	5 января	Последнее воскресенье октября	Третье воскресенье сентября
С какого года отмечают	2004	1998	2011	2001

стью эволюции «экстерном», что зачастую превратило болезненными реформами и всякого рода шоковыми терапиями.

Важными этапами в процессе эволюции социальной работы в рассматриваемых странах явились развитие профильного законодательства, появление этических кодексов социальных работников или узаконивание официальных праздничных торжеств по поводу Дня социального работника в качестве меры повышения престижа профессии (табл.).

Как видно, несмотря на всю близость и сходство контекста эволюции социальных процессов, Казахстану понадобилось на 13 лет больше для принятия такой, на первый взгляд, несущественной меры, как введение официального празднования Дня социального работника. Однако не стоит принижать реальное значение этого праздника для профильных специалистов, получающих по этому поводу столь необходимое локальному ментальному полю внимание, признание и поощрение.

Принимая во внимание наличие или отсутствие этических кодексов социальных работников в анализируемых странах, отметим, что нравственный, этический кодекс, в принципе, во многих сложных случаях является существенным дополнением законодательства. Нуждающиеся люди находятся в окружении и служб, и населения. От того, как будет действовать нравственный кодекс, как он будет регулировать моральные устремления социальных работников, зависит и качество социальной защиты. Социальный работник, возможно, как никакой другой специалист остается один на один со своей компетентностью, совестью, морально-нравственными установками. Как врач свою деятельность соотносит с клятвой Гиппократова, так и социальный работник должен свято руководствоваться высшими принципами профессиональной компетентности, этики и морали, порядочности, ответственности и самоконтроля – Кодексом этики профессионального социального работника.

Эти кодексы в значительной мере компенсируют недостатки правового обеспечения сферы социальной работы, так как зачастую законодательство в период преобразований отстает от потребностей социальной сферы [7, с. 2].

В этой связи интересно, что в Литве есть свой этический кодекс для социальных работ-

ников [8, с. 25]⁴, несмотря на то, что соответствующая ассоциация является членом Международной федерации социальных работников, где также есть свой кодекс, обязательный для исполнения её членами. В Белоруссии своего этического кодекса нет. Этический кодекс социальных работников/ассистентов Республики Молдова был разработан Ассоциацией по продвижению социальной помощи в Молдове и утверждён на коллегии Министерства здравоохранения и социальной защиты РМ 29 ноября 2005 г. [9, с. 7]. Следов этического кодекса социальных работников Казахстана отыскать не удалось.

Достаточно активными темпами развивается законодательная база в области социальной работы на всех рассматриваемых территориях. «Законы 90-х», сменившие советские нормы или регулировавшие правоотношения в ранее не отрегулированных общественных сферах, в основной своей массе стали уже частью истории, уступив место более адекватным вопросам времени законодательным актам второй половины так называемых «нулевых». Знаковыми, с точки зрения констатации эволюции контента социальной работы в обозначенных государствах, можно считать Закон №123 «О социальных услугах», принятый в Республике Молдова 18 июня 2010 г. (последние изменения 21.07.2014), Закон «О социальных услугах» Литовской Республики Х-493 от 19 января 2006 г. (последние изменения от 15.12.2015), Закон Республики Беларусь «О социальном обслуживании» № 395-3 от 22 мая 2000 г., получивший новую редакцию 13 июля 2012 г. (вступила в силу с 1 января 2013 г.), казахстанский Закон «О специальных социальных услугах» от 29 декабря 2008 г. №114-IV (последние изменения датируются декабрём 2015 г.).

Представляется важным, что практически во всех 4 странах изменения в существующее законодательство вносились либо совсем недавно, либо не более 2 лет назад, что подтверждает тезис не только о становлении социальной работы во всех её ипостасях как таковой, но и об актуальности данного процесса.

Конечно, не стоит забывать, что в 2004 г. одна из рассматриваемых стран официально стала частью Европейского союза, что, безусловно, наложило отпечаток на реформы, проводимые во всех отраслях жизнедеятельности об-

щества этого государства. Кроме того, в первое десятилетие независимости в Литве шли наиболее интенсивные процессы социальных изменений, чем в других государствах постсоветского пространства. Этими процессами обусловлено появление весьма специфических законодательных актов и в области социальной работы, например закона «О компенсациях лицам, отказавшимся в 1990–1991 гг. от насильственной службы в Советской армии и пострадавшим из-за этого от действий Советской армии» (принят 10.05.2012 и вступил в силу 01.01.2013) [10].

Опуская дискуссии о самых одиозных проявлениях новой социальной политики Литвы, отметим, что в плане предоставления социальных услуг в Литве был реализован достаточно инновационный для всего региона подход: если в советской системе предоставления социальных услуг деньги за оказанные населению услуги проходили через государственные органы (зачастую во всех других рассматриваемых в данной публикации странах так происходит и сегодня), минуя конкретного бенефициара этих услуг, то в новой системе Литвы деньги за оказание социальных услуг проходят непосредственно через бенефициара, нуждающегося в таких услугах, минуя государственные органы. Такой механизм финансирования предоставления социальных услуг предусматривает создание своеобразной конкуренции между органами, предоставляющими эти самые услуги, как на уровне муниципалитетов, так и между муниципальными, государственными и неправительственными «провайдерами» социальных услуг, что, несомненно, должно способствовать повышению их качества.

С другой стороны, Республика Казахстан одной из первых на постсоветском пространстве предприняла попытку перейти к интегрированной системе оказания социальных услуг за счет объединения усилий органов управления в сфере социальной защиты, образования и здравоохранения. Закон о специальных социальных услугах не имеет аналогов в большинстве постсоветских стран. В данном законе предпринята попытка организации межведомственной координации при оказании социальных услуг. В большинстве стран – республик бывшего СССР социальная составляющая в отраслях здравоохранения, образования и других регулируется отдельными, не связанными между собой отраслевыми нормативными актами. В этом вопросе Республика Казахстан, безусловно, сделала значительный шаг вперед. Кроме того, принятие данного закона сделало реально эффективными усилия по деинституционализации многих сфер социально-обслуживания и социальной защиты – возвра-

щение в семьи детей-инвалидов из детских психоневрологических медико-социальных организаций, например. С недавних пор появилась интересная возможность присоединения представителей уязвимых групп населения к практике социальных контрактов, разработанных в Казахстане в рамках программы по содействию занятости населения.

Серьезно продвинулась в деле оказания социальных услуг населению и Республика Беларусь, приняв в 2012 г. новую редакцию закона «О социальном обслуживании». В этой редакции закона четко определена система социального обслуживания, дано определение ряда новых терминов в области социального обслуживания («государственный социальный заказ», «социальная услуга», «социальный проект»), регламентированы права и обязанности граждан в области социального обслуживания, уточнены основания оказания социальных услуг, перечень видов социальных услуг, раскрыто их понятие, а также установлены новые для Беларуси виды социальных услуг, такие, например, как услуги сопровождаемого проживания или услуги социальной передышки – освобождение родителей (членов семьи) от ухода за ребенком-инвалидом на определенное время в целях предоставления им возможности для восстановления сил, решения семейно-бытовых вопросов.

В Республике Молдова интересными представляются тенденции в области образования социальных работников, подготовка социальных экспертов в качестве совершенно новых для страны специалистов. Такие специалисты должны появиться в результате прохождения магистерской программы «Продвинутое знание в социальной работе и социальной экспертизе» как ответ на всё более расширяющиеся потребности в социальных услугах, предоставляемых в соответствии с принятым во внимание в данной публикации определением социальной работы как таковой. «Мы должны понять важность подобного специалиста для нашей страны. Социальный работник – это человек, который приходит и оказывает непосредственную помощь семье или человеку, а социальный эксперт – тот, кто обладает системным взглядом на проблемы населенного пункта, района. Он должен обеспечить и активно участвовать в мониторинге качества социальных услуг, предлагать методы развития этих услуг в зависимости от существующих потребностей. Это очень хорошо подготовленный человек, знающий систему социальной помощи на уровне населенного пункта, района, страны», – заявила г-жа Валентина Булига в мае 2015 г., будучи в то время министром труда и социальной защиты населения Респуб-

лики Молдова [11]. Первые такие специалисты должны появиться в Молдове уже в 2017 г. В целом, одна из самых развитых законодательных баз среди стран постсоветского пространства (в том числе и в области социальной работы) является предпосылкой для появления в современном классификаторе занятости Республики Молдова значительного количества профессий, напрямую относящихся к социальной работе: социальный ассистент (высшее образование), социальный ассистент коммунитарный, социальный ассистент коммунитарный супервизор, научный исследователь в области социального обеспечения, научный исследователь – стажер в области социального обеспечения, консультант по вопросам семьи, инспектор по охране детства, специалист по телефонной поддержке для детей, специалист по оценке призвания лиц с ограниченными возможностями, семейный ассистент, патронатный воспитатель, персональный ассистент, социальный ассистент (средней квалификации), общинный посредник, социальный педагог, социальный педагог в общежитиях для учащихся, социальный педагог в общежитиях для студентов [5].

Констатируя серьёзные эволюционные шаги в контексте социальной работы в рассмотренных странах, различия и общности данного процесса, интенсивность развития социальной сферы и растущий общественный запрос на её профессионализацию, а также относительно короткий срок для оценивания проводимых реформ, отметим основные проблемные моменты/направления дальнейшего развития.

Несмотря на то, что представления о социальной работе как о сугубо третьестепенном, однообразном и не требующем какой-либо квалификации вообще занятии постепенно уходят в прошлое (лишь бы человек был хороший), труд людей, занятых в этой области, явно недооценён ни с точки зрения социального статуса профессии, ни в вознаграждении (по всем странам оплата труда социальных работников, например, в среднем на 40% ниже среднего уровня заработной платы по стране в целом). В то же время растущий вследствие интенсивных социальных изменений запрос на социальные услуги в обществах упомянутых стран требует всё более высокой степени квалификации специалистов социальной сферы, сокращения сроков периодичности повышения этой квалификации (намного чаще, чем раз в 5 лет, как это предусматривается в Молдове, например) и их дальнейшей профилизации (например, крайне актуальна специализация социальных работников в области работы с жертвами/агрессорами в ситуациях насилия в семье).

Государства по-прежнему инвестируют значительную часть средств бюджета в работу с последствиями множащихся социальных проблем, в то время как социальная работа может и должна быть направлена в значительной степени на снижение риска уязвимости различных социальных групп (программы активного старения, социальное предпринимательство и др.). Такое положение вещей также «завязано» на проблеме социального иждивенчества, что прямо противоречит предназначению социальной работы – «укреплению способностей к функциональному существованию индивидуума в обществе».

Развитие системы оказания платных социальных услуг (деньги за социальные услуги проходят через их бенефициара, а не распределяются между государственными и муниципальными структурами, минуя его), усиление конкуренции в области предоставления социальных услуг, более полное раскрытие потенциала использования социального заказа – необходимые инструменты повышения качества социальной работы и необходимые ступени эволюции её контента.

Сегодня социальная работа остаётся крайне феминизированной областью функционирования общественного организма. Как и повсюду в мире, в социальных службах анализируемых государств преобладают женщины (82.5% – в Беларуси, например). Так как значительную часть бенефициаров социальных услуг составляют женщины, достаточно важным представляется вопрос продвижения концепции гендерного равенства в социальной работе. По словам президента Международной федерации социальных работников Лены Доминелли, «социальная работа – это профессия, где мужчины руководят женщинами, занятыми на переднем крае делами клиентов, большинство из которых также являются женщинами» [7]. От того, распознают ли социальные работники гендерное неравенство на индивидуальном уровне в непосредственном взаимодействии с клиентами или на структурном уровне в организационных, социальных и политических отношениях, зависят перспективы антидискриминационного обслуживания, социальной справедливости. Повседневная коммуникация, реализуемая в процессе социальной работы, и прикладной характер профессии служат одновременно обоснованием необходимости и важности работы для осуществления принципов гендерного равенства. Феминистская социальная деятельность вносит ценности эгалитаризма в отношения между работниками социальных служб и их клиентами, выступая альтернативой патерналистским отношениям между клиентом и специалистом,

нацелена на активное изменение отношений, процессов и институтов социального, в том числе гендерного, неравенства.

Примечания

1. 341205 «Социальный работник» – код профессии, согласно Классификатору занятий Республики Молдова (CORM 006-14).

2. Подготовку профессиональных социальных работников с квалификацией «Социальная работа, организация медико-социальной помощи населению» с 1995 г. начала кафедра под руководством Т.П. Михневич в БГПУ им. М. Танка. Основным заказчиком кадров стало вновь образованное Министерство социальной защиты населения Республики Беларусь. Ещё ранее – с 1990 г. к подготовке социальных педагогов приступил Белорусский университет культуры (БУК).

3. Их подготовка в вузах Казахстана была начата в 1992 г., на базе Квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих СССР, который был дополнен квалификационной характеристикой «Специалист по социальной работе» Постановлением Госкомтруда СССР от 23 апреля 1991 г. № 92.

4. Принят Литовской ассоциацией социальных работников в Вильнюсе в 1998 г.

Список литературы

1. Социальная работа: введение в профессиональную деятельность: Учебное пособие / Отв. ред. А.А. Козлов. М.: КНОРУС, 2005. 368 с.

2. Vaitiekus E., Kaušylienė A., Juodkaitė S. The role of Lithuanian association of social workers in development of harmonious society. URL: <http://www.tissa.net/archive/2006/abstracts%20/Vaitiekus,%20Edmundas-%20Kausyliene,%20Angele-%20Juodkaite,%20Skaidre%20P.pdf>. С.1.

3. Государственный реестр зарегистрированных организаций Министерства юстиции Республики Молдова URL: <http://rson.justice.md/organizations>

4. Лазаренко Д.В. Подготовка социальных работников в Республике Казахстан. URL: http://www.rusnauka.com/12.APSN_2007/Pedagogica/20528.doc.htm

5. Приказ об утверждении Классификатора занятий Республики Молдова. (CORM 006-14) № 22 от 03.03.2014. URL: [http://www.angajat.md/files/Clasificatorul%20ocupatiilor%20\(ru\).pdf](http://www.angajat.md/files/Clasificatorul%20ocupatiilor%20(ru).pdf)

6. Bulgaru M. Asistența socială fundamente teoretice și practice. Chisinau, 2009. P. 495.

7. Баймуканова М.Т., Боброва В.В., Кендирбекова Ж.Х., Сакаева А.Н. Особенности подготовки социальных работников к гендерной работе с семьей // Вестник Карагандинского государственного университета. 2012. URL: <http://articlekz.com/article/5789>.

8. Tidikis R. Etiniai socialinio darbo orientyrai // Socialinis Darbas. 2002. NR. 1(1). P. 25–26.

9. Bulgaru M. Deontologi aasistenței sociale // Studia Universitatis Moldaviae. 2013. № 8 (68). P. 3–15.

10. Закон «О компенсациях лицам, отказавшимся в 1990–1991 годах от насильственной службы в Советской армии и пострадавшим из-за этого от действий Советской армии». URL: <https://www.e-tar.lt/portal/ru/legalAct/TAR.0744084BFEF5/KHVuYIbOyA>

11. Социальный эксперт – новая профессия в Республике Молдова. URL: <http://ulim.md/ru/news/ulim/expertul-social,-o-noua-profesie-in-republica-moldova>.

EVOLUTION OF THE CONTENT OF SOCIAL WORK IN THE POST-SOVIET COUNTRIES: MOLDOVA, BELARUS, LITHUANIA, KAZAKHSTAN

Yu.Yu. Abramova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

A comparative analysis is presented of the trends, unifying and disaggregating factors in the development and improvement of social work in four post-Soviet countries (Moldova, Belarus, Lithuania, Kazakhstan). Some components of the evolution process in the institutionalization of social work are examined. Key provisions of pertinent legislation on social work in the four states are examined, development trends of the gender component of the social worker's profession are identified.

Keywords: social worker, social work, professional association of social work, legislation on social services, gender equality, social policy, ethical code of social workers.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 738.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

© 2016 г.

Г.А. Кручинина, Е.Г. Светкина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

galinakruchinina2009@rambler.ru

*Статья поступила в редакцию 13.02.2016**Статья принята к публикации 03.08.2016*

Сформулирована актуальность использования инновационных форм обучения, в том числе средств информационно-коммуникационных технологий в процессе формирования здоровьесберегающих компетенций у студентов вуза. Представлена организация учебно-воспитательного процесса по дисциплине «Физическая культура», основанная на медицинском освидетельствовании и включающая распределение студентов на медицинские группы здоровья. Предложены инновационные формы и методы обучения в практической реализации личностно-ориентированных программ самооздоровления, самоорганизации здорового образа жизни студентов вуза. Разработано содержание фронтальной, групповой и индивидуальной самостоятельной форм обучения, основанных на использовании современных информационно-коммуникационных технологий. Показаны конкретные примеры рекомендованных интернет-ресурсов сферы восстановительного фитнеса, физической культуры и спорта, лечебной и адаптивной физической культуры. Представлены результаты экспериментального исследования, которые констатируют эффективность применения инновационных форм обучения в учебно-воспитательном процессе студентов вуза, отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе.

Ключевые слова: здоровьесберегающие компетенции, средства информационно-коммуникационных технологий, студент вуза, специальная медицинская группа, формы обучения.

Постановка научной проблемы. В настоящее время перед обществом остро стоит вопрос об оздоровлении студентов вузов, о необходимости привития им навыков здорового образа и стиля жизни. Переход на многоуровневую систему высшего образования, большой объем учебной нагрузки (студенты вынуждены адаптироваться к комплексу факторов, специфических для высшей школы), низкий уровень физической активности являются причинами ухудшения их здоровья (так, более 47% студентов 1-го курса вузов имеют ослабленное здоровье). Это подтверждается исследованиями состояния здоровья студентов вузов, проводимыми российскими учеными (В.А. Ананьев, А.Г. Бусыгин, А.В. Чоговадзе и др.), что зафиксировано в официальных источниках и наших исследованиях [1; 2].

Образовательные учреждения являются звеном социализации населения, где среди других ценностей усваивается ценность здоровья, формируется мотивация сохранения своего здоровья и здоровья окружающих, вырабатывается осознанная мотивация к компенсации недостатка двигательной активности [3].

В Федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования поколения 3+ практически во всех направлениях подготовки студентов (гуманитарных, технических, естественнонаучных и т.п.) при выделении общекультурных компетенций присутствует здоровьесберегающая компетенция.

Согласно современной концепции физического воспитания, физическая культура призвана формировать общекультурные компетенции, включающие здоровьесберегающие компетенции, не только обеспечивать комплексный подход в развитии физического совершенствования и оздоровления, но и воспитывать социальную, трудовую и творческую активность студенческой молодежи, существенно влияющую на состояние и развитие общества [4].

Цель исследования – разработка содержания и проверка эффективности инновационных форм организации обучения с использованием средств информационно-коммуникационных технологий при формировании здоровьесберегающих компетенций студентов вуза.

Таблица 1

**Содержание здоровьесберегающих компетенций студентов направления подготовки
«Менеджмент»**

Учебная дисциплина	Содержание здоровьесберегающих компетенций
Физическая культура	– обладать способностью придерживаться этических ценностей и здорового образа жизни (ОК-22)
Культурология	– знание и понимание законов развития природы, общества и мышления и умение оперировать этими знаниями в профессиональной деятельности (ОК-2); – умение критически оценивать личные достоинства и недостатки (ОК-11) и др.
Психология	– знание базовых ценностей мировой культуры и готовности опираться на них в своем личностном и общекультурном развитии (ОК-1); – знание и понимание законов развития природы, общества и мышления и умение оперировать этими знаниями в профессиональной деятельности (ОК-2); – способность находить организационно-управленческие решения и готовность нести за них ответственность (ОК-8); – стремление к личностному и профессиональному саморазвитию (ОК-10); – умение критически оценивать личные достоинства и недостатки (ОК-11); – способность учитывать последствия управленческих решений с позиций социальной ответственности (ОК-20); – способность придерживаться этических ценностей и здорового образа жизни (ОК-22) и др.
Безопасность жизнедеятельности	– владение навыками рационализации, основными методами защиты производственного персонала и населения от возможных последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий (ОК-21) и др.

Гипотеза. Мы считаем, что процесс формирования здоровьесберегающих компетенций должен быть основан на концепции формирования физической культуры личности; на применении различных форм здоровьесберегающей деятельности; на использования инновационных форм обучения, в том числе использования информационно-коммуникационных технологий; на индивидуализации обучения в зависимости от мотивации студентов, состояния их здоровья; на учете психологических параметров и образа жизни и т.п. В вузе эта миссия возложена на дисциплины, входящие в базовую часть профессионального цикла практически всех направлений подготовки студентов: «Физическая культура», «Безопасность жизнедеятельности», «Культурология», «Психология». В направлении подготовки «Государственное и муниципальное управление» применяется учебная дисциплина «Акмеологические основы развития личности государственного служащего».

Здоровьесберегающие компетенции формируются на каждом направлении подготовки студентов неодинаково. В качестве примера, рассмотрим содержание здоровьесберегающих компетенций, формируемых у студентов направления подготовки «Менеджмент» при изучении конкретных учебных дисциплин (табл. 1) [5].

Методология и содержание исследования. Исследователи в области формирования здоровьесберегающих компетенций студентов вуза пред-

лагают разные пути решения данной проблемы. Ю.В. Лукашин, например, рекомендует включать спецкурсы для студентов, проводить обучающие семинары для преподавателей и методистов, разрабатывать методические пособия, направленные на формирование здоровьесберегающих компетенций студентов в процессе профессиональной подготовки и таким образом расширять знания о здоровье, здоровом образе жизни [6]. В понимании Н.Г. Анিকেевой, необходимо взаимодействовать «с кафедрами общегуманитарных дисциплин, с клубом студенческого самоуправления, со студенческой научно-исследовательской лабораторией по проблемам здоровьесбережения», включать в учебный процесс проведение занятий с элементами здоровьесбережения; формировать мотивацию к здоровьесберегающей деятельности на практических занятиях; проводить занятия по овладению профессионально-прикладной физической культурой [7, с. 58].

Организация учебно-воспитательного процесса по дисциплине «Физическая культура» начинается с распределения студентов на медицинские группы здоровья: основную, подготовительную и специальные «А» и «Б» (по медицинским показателям уровня здоровья и функционального состояния организма). К *основной* и *подготовительной* группам здоровья относятся относительно здоровые студенты. К *специальной медицинской группе «А»* относятся студенты, имеющие отклонения в состоянии здоровья постоянного или временного характера,

имеющие отклонения в физическом развитии, которые не мешают выполнению учебной деятельности, но требуют ограничения физических нагрузок. Студенты *специальной медицинской группы «А»* освобождаются от участия в соревнованиях, сдачи контрольных обязательных нормативов, но не освобождаются полностью от практических занятий по дисциплине «Физическая культура». Именно эти студенты наиболее нуждаются в специально подобранных комплексах физических упражнений, направленных на укрепление здоровья. К *специальной медицинской группе «Б»* относятся студенты, имеющие хронические и др. заболевания. Для данной группы студентов допустимы регулярные самостоятельные занятия по индивидуальным комплексам упражнений, предложенных преподавателем [8].

В Законе «Об образовании в РФ» № 273-ФЗ (в главе 2, статье 16) находят свое отражение новые формы получения образования с применением информационно-коммуникационных технологий. В нем отмечается, что при реализации образовательных программ с применением информационно-коммуникационных технологий должны быть созданы условия для функционирования электронной информационно-образовательной среды, включающей в себя электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, совокупность информационных технологий, телекоммуникационных технологий, соответствующих технологических средств и т.д. [9].

Вопросами использования информационно-коммуникационных технологий в формировании общекультурных и профессиональных компетенций студентов вуза посвящены исследования ряда авторов (М.В. Кручинин, Г.А. Кручинина, Е.Г. Светкина, Н.В. Лапчинская и др.) [10–13].

Анализируя различные подходы к формированию здоровьесберегающих компетенций, принимая во внимание особенности данного процесса у студентов с отклонениями в состоянии здоровья, мы предлагаем использовать в учебно-воспитательном процессе информационно-коммуникационные технологии.

Активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в учебно-воспитательный процесс дисциплины «Физическая культура» эффективно в ходе:

- практической реализации личностно-ориентированных, индивидуальных программ оздоровления;
- обеспечения повышения интереса и мотиваций к физкультурно-оздоровительной, учебно-познавательной деятельности студентов;

- экономии времени на этапах закрепления учебной информации и проверки усвоения материала здоровьесберегающей направленности;

- создания возможности преподавателю комплектовать учебные группы, в которые объединяются студенты, имеющие идентичные проблемы в состоянии здоровья;

- самостоятельного освоения студентами ценностей физической культуры;

- практической самоорганизации здорового образа жизни, овладения практикой и методикой развития личностных качеств для успешной профессиональной деятельности и конкурентоспособности на рынке труда.

Формирование здоровьесберегающих компетенций у студентов специальной медицинской группы выстраивается на основе различных принципов, в том числе принципа инновационности, который предполагает внедрение в учебно-воспитательный процесс педагогических практик здоровьесбережения и развития личности с использованием современных информационно-коммуникационных технологий и выбор *форм обучения студентов* (фронтальной, групповой, индивидуальной самостоятельной).

Фронтальная форма обучения студентов вуза включает аудиторные занятия под руководством преподавателя, такие как:

- лекция – монологическое изложение преподавателем студентам информации с использованием видео- и аудиофрагментов, списка рекомендованных литературных источников и ссылок на интернет-ресурсы, необходимых для самостоятельной подготовки к выполнению здоровьесберегающих комплексов упражнений;

- просмотр и рефлексия учебных фильмов; материалов, представленных в сети Интернет, по физиологии, основам здорового образа жизни, оказанию первой доврачебной помощи, теоретическим основам заболеваний и т.д., позволяющих знакомиться с новой информацией, изучать технику движений, закреплять лекционный материал и т.д.

Групповая форма обучения студентов предполагает применение групповых (парных) занятий, позволяющих в процессе формирования здоровьесберегающих компетенций обеспечить обучение студентов под контролем назначенного преподавателем ответственного студента из группы, создать условия для общения, повысить положительный настрой и мотивацию занимающихся. Создаются условия, в которых студенты легче и быстрее раскрывают свои сильные стороны и развивают слабые, лучше запоминают технику движений. Максимально используются взаимные консультации, обсужде-

ние результатов выполненных заданий, метод проектов с применением средств информационно-коммуникационных технологий, разработка электронных презентаций и др.

Индивидуальная самостоятельная форма обучения студентов включает индивидуальные занятия студентов и консультации преподавателя вне аудитории по выяснению возникших вопросов, преодолению затруднений при подборе индивидуальных комплексов упражнений, по определению противопоказаний и показаний к физической нагрузке с использованием информационно-коммуникационных технологий (личная электронная почта и электронная почта кафедры физического воспитания kaffizvos@vvrpa.vvags.ru), Skype, форум в системе дистанционного обучения «Прометей» и т.д.; презентацию комплексов упражнений для работников конкретной профессии с предоставлением материала по целям, задачам, средствам и определяющему функциональному назначению с обязательным использованием фотографий, графических изображений, схем и картинок в программе Microsoft Power Point).

Для успешного формирования здоровьесберегающих компетенций у студентов вуза нами разработаны хотлисты сайтов по дисциплинам базовой части профессионального цикла выпускника-бакалавра. Используя информацию на указанных порталах и сайтах, студенты в большей степени получают возможность развивать общекультурные компетенции, в том числе здоровьесберегающие. Представим некоторые порталы и сайты хотлиста сайтов по дисциплине «Физическая культура», входящей в базовую часть профессионального цикла выпускника-бакалавра:

- Основы физической культуры в вузе ([http://www. http://cnit.ssau.ru/kadis/ocnov_set/](http://www.http://cnit.ssau.ru/kadis/ocnov_set/));
- Всемирная организация здравоохранения (<http://www.who.int/ru/>);
- Дубровский В.И. Валеология. Здоровый образ жизни (<http://lib.mexmat.ru/books/69634/>);
- Лечебная физическая культура. Справочник / В.А. Епифанов, В.Н. Мошков, Р.И. Антуфьева. М.: Медицина, 1987. 528 с. (<http://www.twirpx.com/file/1207074/>) и др.

Студенты используют эти методические материалы на практических занятиях в вузе и в процессе самостоятельной работы по дисциплинам базовой части профессионального цикла.

Мы разработали требования к подготовке студентами обзора и выполнению анализа рекомендованных интернет-ресурсов сферы восстановительного фитнеса, физической культуры и спорта, адаптивной и лечебной физической культуры. Алгоритм выполнения задания вклю-

чает представление следующих элементов: название сайта; его цели и задачи; основное содержание; краткая характеристика и дизайн; элементы навигации; научная, образовательная, социальная значимость конкретного интернет-ресурса. Используются справочные материалы о заболеваниях человека (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Болезнь>; <http://www.who.int> и др.); медицинские энциклопедии (<http://www.medical-enc.ru> и др.); электронные газеты, журналы (www.akSPORT.ru; <http://www.zdgazeta.ru/> и др.), методические материалы для преподавателей физической культуры и т.д.

В формировании здоровьесберегающих компетенций у студентов специальной медицинской группы мы используем информационно-коммуникационные технологии и ресурсы сети Интернет, объединенные нами в электронном учебно-методическом комплексе по лечебной физической культуре «Кейс по лечебной физической культуре». В таблице 2 представлены некоторые составляющие содержательного наполнения отдельных элементов электронного учебно-методического комплекса «Кейс по лечебной физической культуре» (http://niu.ranepa.ru/?page_id=22412).

В формировании здоровьесберегающих компетенций студентов, отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе, нами широко используются технологии *вики* и *блог* в профессиональной подготовке, как наиболее подходящие для коммуникации студентов вуза.

Примером использования технологии *вики* в профессиональной подготовке студентов, отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе, является подготовка проекта на тему «Здоровьесбережение». Работая в микрогруппах по методу проектов с использованием сервиса *вики*, студенты отбирают и изучают информацию об интересующих их заболеваниях, подготавливают схемы/рисунки, комплексы упражнений и размещают их на *вики*, созданных для творческих работ их микрогруппы. После презентации подготовленного материала студенты размещают комментарии в *вики* к работам студентов других микрогрупп. Работа по методу проектов осуществляется с применением поисковых систем, материалов онлайн-энциклопедий, порталов и сайтов здоровьесберегающей направленности, электронной почты, *вики*, *блога*.

Рассмотрим использование технологии *вики*, онлайн-энциклопедий, поисковых систем, программ MS Word, PowerPoint и электронной почты при выполнении проекта на тему «Фитнес для работников моей специальности». Студент, с учетом своей специальности и своего заболе-

Таблица 2

**Элементы учебно-методического комплекса «Кейс по лечебной физической культуре»
для студентов специальной медицинской группы**

Разделы	Форма обучения	Средства информационно-коммуникационных технологий
Тексты лекций по дисциплине «Физическая культура»	Фронтальная	Интернет-сайт: http://www.asu.ru/files/documents/00000917.doc
	Групповая	MS Word
	Индивидуальная	Онлайн-энциклопедии Электронные пособия
Учебники и учебные пособия	Фронтальная	http://niu.ranepa.ru/?page_id=22412
	Групповая	Физическая культура в вузе: модульный подход: Учебное пособие / Н.В. Лапчинская, Е.Г. Светкина. Н. Новгород: Волго-Вятская акад. гос. службы, 2008. 176 с. Социальные и медико-биологические основы профессиональной деятельности государственных служащих: Учебное пособие / Н.В. Лапчинская, Е.Г. Светкина. Н. Новгород: Волго-Вятская академия гос. службы, 2009. 182 с.
	Индивидуальная	http://www.booksmed.com/lechebnaya-fizkultura/1591.html Adobe Acrobat Document (pdf) http://www.ebio.ru/index-3.html
Комплексы упражнений	Фронтальная	Интернет-ресурсы: http://zdd.1september.ru/2002/08/2.htm http://trete-dyhanie.ru/metodika/cigun/cigun-dlya-glaz http://www.med39.ru/massage/m3.html http://def.kondopoga.ru/2008/01/13/.html http://arkalika.ru/2011/05/ http://www.volgota.com/ru/node/3264 http://shemeacov.narod.ru/mudra/mudra.htm MS PowerPoint
	Групповая	
	Индивидуальная	Официальный сайт НИУ РАНХиГС: http://niu.ranepa.ru/?page_id=22412 «Личный проект самооздоровления», Светкина Е.Г. MS Word Блог «Двигайся для здоровья!»
Методические основы и формы ЛФК	Фронтальная	Интернет-сайты: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine/16473/
	Групповая	
	Индивидуальная	Онлайн – энциклопедии Вики
Диагностика и тестирование систем жизнеобеспечения	Фронтальная	Интернет-сайты:
	Групповая	http://bituha.ru/teloslojenie http://www.ozdorovis.ru/readarticle.php?article_id=148 http://atlet-ys.narod.ru/formule.html http://subscribe.ru/group/sovetyi-tselitelya/2810083/ http://www.vmedaonline.narod.ru/Chapt01/C1_5343.html
	Индивидуальная	MS Word Adobe Acrobat Document (pdf)
Задания для самостоятельной работы	Фронтальная	Журналы в сети Интернет: http://sportdoktor.ru/ http://www.rncvmik.ru/?ni=journal http://lfksport.ru/ Газеты в сети Интернет: http://www.gazeta.ru/sport/
	Групповая	Поисковые системы Media Player Classic MS Word
	Индивидуальная	Блог Электронная почта MS Word

вания, заполняет таблицу общей информации о своем заболевании, основываясь на своих знаниях. Поработав с интернет-ресурсами – он-

лайн-энциклопедиями (<http://www.medical-enc.ru>; <https://ru.wikipedia.org/wiki/Болезнь>; <http://www.who.int> и др.) и расширив свой кругозор,

Таблица 3

Характеристика заболеваний студентов

Разделы задания	Содержание задания
Формулировка заболевания	Сколиоз – искривление позвоночника во фронтальной плоскости
Причины его возникновения	Слабость мышечно-связочного аппарата, травмы, параличи, врожденные аномалии развития позвоночника
Противопоказанные физические нагрузки	Осевая нагрузка на позвоночник, ассиметричные виды спорта, ротация, гиперэкстензия в поясничном и шейном отделе позвоночника, ударные физические нагрузки
Возможные осложнения	Остеохондроз, протрузия межпозвоночного диска, усугубление угла искривления позвоночника
Меры профилактики	Укрепление мышечного корсета, эргономичность рабочего места, контроль правильной осанки в течение дня и т.д.

вносит найденную онлайн-информацию в таблицу (табл. 3).

Студентам рекомендуют использовать:

– порталы и сайты о здоровом образе жизни, на которых размещены новости, заметки, статьи о рациональном питании, двигательной активности; биографии известных людей, которые с помощью физкультуры и спорта смогли преодолеть свой недуг и т.д. (например, www.pereroidenie.info; www.zdorovy.ru; www.fisio.ru; www.zdorlife.ru);

– визуальные технологии, программные средства Microsoft, мультимедийные обучающие программы на CD-дисках, электронную почту, чат, поисковые системы, телекоммуникационные проекты, просмотры документальных фильмов об упорстве людей, имеющих отклонения в состоянии здоровья, например, российских параолимпийцев (<http://rutv.ru/brand/show/episode/749513>) и т.д.;

– видеотрансляции соревнований по различным видам спорта, видеонюжести и т.д. (<http://www.championat.com/>).

Блог студентов может выступать в качестве электронного портфолио, содержащего коллекцию материалов, демонстрацию достижений студента.

Нами создан блог преподавателя «Двигайся для здоровья», который содержит информацию по изучаемой теме, задания, применяемые на занятиях; ссылки на дополнительные источники, информационно-справочные интернет-ресурсы, видеофайлы.

Блог преподавателя содержит гиперссылки в виде иконок на блоги студентов, которые становятся их личным сетевым пространством. В своих блогах студенты пишут о том, что их интересует, чем они увлекаются; выполняют задания преподавателя; обсуждают проблемы здоровья и лечебный эффект движения.

Развитию здоровьесберегающих компетенций способствует использование следующих

учебных интернет-ресурсов: Scrabook – расширение для браузера Firefox, позволяющее сохранять веб-страницы на компьютере для их последующего просмотра off-line; управлять их коллекцией, используя для создания презентаций, подготовки к докладам и другим формам заданий.

Результаты экспериментального исследования. Для определения эффективности использования информационно-коммуникационных технологий в организации учебно-воспитательного процесса дисциплины «Физическая культура» мы скомплектовали две группы:

– контрольная группа (КГ) – обучение осуществляется без использования информационно-коммуникационных технологий (n=67);

– экспериментальная группа (ЭГ) – обучение осуществляется с использованием информационно-коммуникационных технологий (n=68).

Данные проведенного нами экспериментального исследования представлены в таблице 4.

Результаты исследования, представленные в таблице 4, свидетельствуют, что студенты экспериментальной группы в большей степени изменили отношение к своему здоровью, научились оценивать показатели физических качеств. Наиболее значительная разница наблюдается в показателях, касающихся овладения методикой составления личных оздоровительных комплексов; желаний и возможности заниматься саморазвитием, самоконтролем, самосовершенствованием потребности в самостоятельных занятиях физической культурой.

Заключение. Результаты проведенного исследования подтверждают эффективность организации процесса формирования здоровьесберегающих компетенций у студентов вуза, отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе, с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Таблица 4

**Использование информационно-коммуникационных технологий
в формировании здоровьесберегающих компетенций у студентов вуза**

Использование информационно-коммуникационных технологий в формировании здоровьесберегающих компетенций позволяет студентам:	% от общего числа студентов в группе	
	КГ (n = 67)	ЭГ (n = 68)
Изменить отношения к своему здоровью, основам здорового образа жизни, физической культуре	35%	61%
Оценить свои показатели, характеризующие уровень своей физической подготовленности (выносливости, гибкости, силы и т.д.)	43%	55%
Владеть методикой составления личных оздоровительных комплексов	20%	94%
Заниматься саморазвитием, самоконтролем, самосовершенствованием потребности в самостоятельных занятиях физической культурой	29%	97%

Список литературы

1. Министерство образования Российской Федерации «Об оценке и аттестации учащихся, оцененных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе для занятий физической культурой». Письмо от 31.10.2003 № 13-51-263/123. – URL: <http://www.zakon.edu.ru> (дата обращения: 28.10.2015).

2. Кручинина Г.А., Светкина Е.Г. Формирование здоровьесберегающих компетенций с использованием средств информационных и коммуникационных технологий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2–1. С. 100–102.

3. Рылова Н.Т. Организационно-педагогические условия создания здоровьесберегающей среды образовательных учреждений: Автореферат дис. ... канд. пед. наук. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2007. 24 с.

4. Приказ Министерства образования и науки РФ от 10.12.2014 № 1567 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.03.04 Государственное и муниципальное управление (уровень бакалавриата)» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.02.2015 № 35894). – URL: <http://fgosvo.ru> (дата обращения: 28.10.2015).

5. Приказ Министерства образования и науки РФ от 20 мая 2010 г. № 544 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 080200 Менеджмент (квалификация (степень) «бакалавр»). – URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 28.10.2015).

6. Лукашин Ю.В. Формирование здоровьесберегающей компетенции у студентов педагогического вуза: Автореферат дис. ... канд. пед. наук. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского, 2010. 28 с.

7. Анисеева Н.Г. Формирование здоровьесберегающей компетенций студентов при профессиональной подготовке в вузе: на материале дисциплины «Физическая культура»: дис. ... канд. пед. наук. Тюмень. 2009. 218 с.

8. Лапчинская Н.В., Светкина Е.Г. Физическая культура в вузе: модульный подход: Уч. пособие. Н. Новгород: Волго-Вятская акад. гос. службы, 2008. 176 с.

9. Закон «Об образовании в РФ» № 273-ФЗ. – URL: <http://www.zakonrf.info> (дата обращения: 27.10.2015).

10. Кручинин М.В., Кручинина Г.А. Формирование общекультурных и профессиональных компетенций студентов вуза средствами проектной деятельности в условиях информатизации образования: личностно-ориентированный подход // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. – URL: www.science-education.ru (дата обращения: 29.10.2015).

11. Кручинина Г.А., Кручинин М.В. Учебный проект как форма взаимосвязи аудиторной и внеаудиторной работы студентов при изучении гуманитарных дисциплин в условиях информатизации образования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 3 (35). С. 169–176.

12. Лапчинская Н.В., Светкина Е.Г. Использование информационных и коммуникационных технологий в организации учебно-воспитательного процесса студентов дисциплины «Физическая культура» // Вестник университета (Государственный университет управления). 2014. № 6. С. 132–135.

13. Лапчинская Н.В., Светкина Е.Г. Технология формирования здоровьесберегающих компетенций в вузе // Вестник университета (Государственный университет управления). 2011. № 14. С. 125–127.

**THE USE OF INNOVATIVE FORMS OF TRAINING IN THE DEVELOPMENT
OF HEALTH-SAVING COMPETENCIES OF UNIVERSITY STUDENTS***G.A. Kruchinina, E.G. Svetkina*

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

This article describes the process of development of health-saving competencies in university students with the use of information and communication technologies. We present the results of experimental studies, which confirm the effectiveness of the application of innovative forms of learning in the educational process of university students classed as a special medical group in terms of their health.

Keywords: health-saving competencies, tools of information and communication technologies, university student, special medical group, forms of training.

УДК 378.147

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЕКТНОГО МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ В ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ КУРСА «ОСНОВЫ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ»

© 2016 г.

И.В. Кузьмина, Л.Б. Лозовская, О.А. Морозов, В.А. Новиков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

oa_morozov@nifti.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 24.04.2016**Статья принята к публикации 03.08.2016*

Рассматривается опыт организации практических занятий по дисциплине «Основы теории управления» на основе метода проектного обучения. Проект по созданию микропроцессорной системы автоматического регулирования представляет собой комплекс технических, программных, информационных и учебно-методических средств, который обеспечивает практическое закрепление изучаемого материала и способствует эффективному формированию и реализации межпредметных связей ряда основных дисциплин направления подготовки «Информационные системы и технологии».

Ключевые слова: проектный метод, информационные технологии, формирование межпредметных связей.

Введение

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту по направлению подготовки 09.03.02 «Информационные системы и технологии» выпускник бакалавриата должен обладать соответствующими общекультурными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями, быть готов решать различные профессиональные задачи, среди которых выделим проектно-конструкторскую деятельность, системный анализ предметной области, разработку средств реализации информационных технологий, научно-исследовательскую деятельность. Современные стандарты высшего образования с целью повышения эффективности обучения предполагают внедрение активных методов в вузовский учебный процесс для повышения качества обучения, повышения мотивации студентов и их ответственности за результаты обучения, что ведет к формированию компетентности как владению выпускниками определенными компетенциями, включая личностное отношение к предмету деятельности.

Формирование и развитие компетентности учащихся школ и студентов вузов в области использования информационных технологий, навыков работы с различными компьютерными программами и техническими средствами в области будущей (проектируемой) профессиональной деятельности наиболее эффективно решается в рамках дифференцированного обучения и применения проектных методов обучения [1–3]. Рассматривая понятие компетентности как ведущее содержательное основание об-

разования, Рж. Равен указывает на необходимость применения методов обучения, которые должны содействовать выявлению и формированию компетентностей учеников в зависимости от их личных склонностей и интересов [4]. Метод проектов предлагается в [4] в качестве основного дидактического средства, при этом обращается внимание на достоинства метода междисциплинарных проектов.

Под проектом обычно понимается завершённый цикл продуктивной деятельности отдельного человека или коллектива. В высшей школе в настоящее время довольно часто используют элементы проектной технологии обучения. Наиболее эффективным с позиций результативности является использование проектного метода в ходе выполнения курсовой и выпускной квалификационной работы, а также при прохождении учебно-исследовательской и производственной практик. Применение проектного метода в процессе обучения в высшей школе означает подготовку вхождения студентов в проектно-технологический тип культуры, организующийся в социуме в настоящее время [2; 5].

В данной статье рассматривается опыт организации практических занятий по дисциплине «Основы теории управления» на основе метода проектного обучения. Проект по созданию микропроцессорной системы автоматического регулирования состоит из нескольких основных этапов, связанных с решением различных профессиональных задач, требует от студентов активного использования имеющихся знаний и навыков, развивает основные компетенции проектно-конструкторской, проектно-технологической и



Рис. 1. Примерная структура связей проекта, реализуемого в курсе «Основы теории управления», с другими дисциплинами

научно-исследовательской деятельности, а также способствует эффективному формированию и реализации межпредметных связей ряда основных дисциплин направления подготовки «Информационные системы и технологии».

Реализация проектов создания микропроцессорной системы автоматического регулирования

Согласно рабочему учебному плану по направлению подготовки 09.03.02 «Информационные системы и технологии» физического факультета ННГУ, дисциплина «Основы теории управления» преподается в 6 семестре (3 курс), предполагает предварительное знакомство студентов с основами математического анализа, теории функций комплексной переменной, основными понятиями разделов «Электричество» и «Колебания» общего курса физики, базовыми и прикладными информационными технологиями; знание студентами основных принципов, базовых концепций информатики и программирования, владение основами радиотехники и электроники. Дисциплина «Основы теории управления» имеет целью формирование у студентов систематизированных знаний в области теории автоматического регулирования, способов описания и расчета систем управления, а также приобретение опыта по расчету основных

характеристик и реализации простых систем автоматического управления (регулирования).

Практические занятия по курсу «Основы теории управления» предполагают выполнение студентами проектов по созданию микропроцессорной системы автоматического регулирования. Реализуемый в рамках практики проект можно рассматривать как комплекс технических, программных, информационных и учебно-методических средств, обеспечивающих практическое закрепление материала, изучаемого в рамках данного курса и дисциплин, на изучение которых этот курс опирается, а также освоение студентами основ современных информационных технологий в области разработки и использования цифровой электроники и микропроцессорных систем, технологий программирования, инструментальных средств информационных систем (рис. 1), изучаемых на следующих этапах обучения.

Так, задача получения информации о текущем состоянии объекта управления требует разработки устройства усиления аналогового сигнала с датчиков и сопряжения с аналого-цифровым преобразователем, входящим в состав микроконтроллера. Данные знания студенты получают в разделе «Аналоговая электроника» курса «Радиотехника и электроника». Необходимые знания по теории линейных систем, теории дискретизации и методам цифровой обработки сигналов даются в кур-

се «Информационные технологии». Эти дисциплины студенты изучают в предшествующем семестре. Кроме того, при выполнении проекта требуются навыки работы с микроконтроллером, изучение методов его программирования и сопряжения с внешними устройствами через имеющиеся в его составе интерфейсы, что является предметом изучения дисциплин, преподаваемых на старших курсах.

Таким образом, в ходе выполнения проекта реализуются те или иные межпредметные связи с уже изученными или будущими учебными курсами. Например, базовыми в технических приложениях являются такие разделы теории управления, как виды и принципы управления, структура систем управления, типовые звенья систем автоматического регулирования, основные законы регулирования и типовые регуляторы. Типовые звенья систем автоматического регулирования при реализации на современной электронной базе достаточно просто выполняются на основе операционных усилителей, для их расчета и применения требуются знания, полученные студентами в курсе «Радиотехника и электроника». В качестве основных законов регулирования обычно рассматривают пропорциональный (П), интегральный (И) и дифференциальный (Д), а также комбинированные методы регулирования. Наиболее распространенным типом регуляторов является ПИД-контроллер, реализующий воздействие на объект управления как на сумму пропорциональной, интегральной и дифференциальной составляющих. Такие регуляторы в настоящее время выпускаются в виде специализированных микросхем, а с другой стороны, могут быть легко реализованы с помощью программируемых микропроцессоров (микроконтроллеров). В этом плане реализация закона регулирования на основе программируемого микроконтроллера способствует формированию межпредметных связей с другими дисциплинами, изучаемыми на старших курсах.

В структуру таких курсов обычно входит лабораторный практикум, где изучаются принципы построения, программирования и работы микропроцессоров и устройств цифровой электроники, их взаимодействие с персональным компьютером через различные программно-аппаратные интерфейсы, основы разработки цифровых электронных устройств на базе программируемых логических интегральных схем. Целью лабораторных практикумов является приобретение навыков проектирования электронных устройств, использования средств электрических измерений и приборов, включая автоматизированные и микропроцессорные

устройства. Предварительное знакомство студентов с основами микропроцессорной техники и некоторыми интерфейсами, способами сопряжения с внешними исполнительными устройствами, по нашему мнению, значительно повышает уровень мотивации студентов, обеспечивает практическое закрепление изучаемого материала, позволяет эффективно использовать выделенные рабочим учебным планом часы учебной нагрузки и в целом способствует повышению качества обучения.

Для выполнения проекта учебная группа в зависимости от количества студентов делится на 2–3 подгруппы; каждой подгруппе формулируется проектное задание на разработку управляющей микропроцессорной системы для конкретного технического устройства. В настоящее время на рынке учебного оборудования предлагается достаточно широкий спектр лабораторных установок и соответствующих методических разработок – от универсальных учебно-научных комплексов до систем промышленной автоматизации, которые могут быть использованы в учебном процессе. В качестве примера можно привести программно-аппаратный комплекс «Робот “Бабочка”» [6], включающий в себя электродвигатель, контроллер привода, систему технического зрения и встроенные средства разработки систем управления в реальном времени, который позволяет решать целый набор задач по расчету и стабилизации периодических движений нелинейных мехатронных систем. Однако стоимость таких устройств достаточно высока, в связи с чем было принято решение разработать для целей использования в учебных студенческих проектах набор относительно простых технических макетов, включающих в свой состав исполнительные механизмы, датчики и устройства создания внешних воздействий (помех). Набор доступных макетов технических устройств регулярно пополняется, что делает возможным исключить (минимизировать) дублирование выполняемых работ в соседние один-два учебных года. В частности, разработаны действующие макеты следующих устройств (рис. 2а): регулятор температуры с управляемым источником питания, регулятор температуры с управляемым вентилятором, светодиодный регулятор освещенности экрана, регулятор скорости вращения электродвигателя с переменной нагрузкой, система стабилизации вертикальной устойчивости.

Выполнение проектного задания включает следующие этапы (рис. 3): разработка структурной схемы устройства управления; проведение схемотехнического моделирования (используются соответствующие программные пакеты

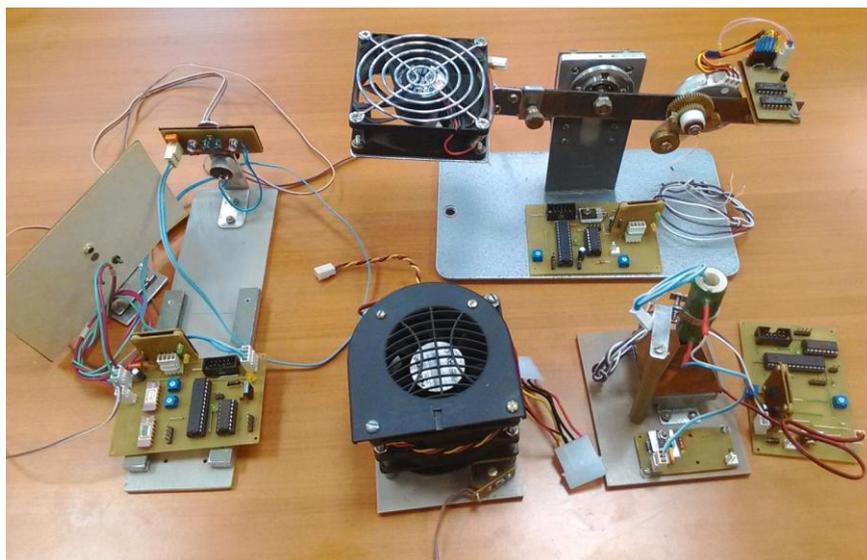


Рис. 2а. Макеты устройств



б)

Рис. 2б. Этап отладки управляющего программного обеспечения микроконтроллера

схмотехнического моделирования, например MicroCap); разработка и изготовление (включая монтаж электронных компонентов) печатной платы; отладка аналоговой и цифровой частей схемы; разработка и отладка программы для микроконтроллера; проведение испытаний.

Практические занятия по дисциплине «Основы теории управления» начинаются с решения студентами общей задачи – моделирование схемы автоматической подстройки частоты с использованием пакета схмотехнического моделирования. Полученный опыт моделирования схем аналоговой обработки сигналов с использованием компьютерных моделей работы схем на основе транзисторов и операционных усилителей, расчета параметров аналоговых фильт-

ров, способов согласования аналоговых и цифровых схем в дальнейшем активно используется студентами при выполнении соответствующих этапов проекта. Немаловажным фактором является также то, что в режиме ограниченного времени на выполнение этапа разработки и монтажа печатной платы регулирующего устройства схмотехническое моделирование позволяет свести к минимуму ошибки, выявляемые на этапе отладки аналоговой и цифровой частей разрабатываемого устройства, и в большинстве случаев избежать необходимости повторного проектирования и изготовления печатной платы.

При формировании подгрупп преподаватель обычно придерживается следующей стратегии: сначала назначаются ответственные за выпол-

Заключение



Рис. 3. Этапы выполнения проекта

нение проекта («менеджеры проекта»), которые затем поочередно набирают свою команду из числа студентов группы. Подобная стратегия в определенной степени гарантирует относительное равенство подгрупп без привлечения психолого-педагогических методов тестирования из технологии дифференцированного обучения [7; 8]. В дальнейшем студенты самостоятельно распределяют между собой функции и степень участия в различных этапах проекта. Основная роль преподавателей заключается в проведении текущих консультаций, обсуждении выбранных студентами технических решений, проверке результатов моделирования и текущего контроля состояния выполнения этапов проекта. Одним из ключевых этапов проекта является этап разработки и отладки управляющей программы для микроконтроллера (рис. 2б). Поскольку навыки программирования микроконтроллеров и работы с технической документацией у большинства студентов отсутствуют, значительная нагрузка, особенно в части выполнения контролирующих функций, ложится на преподавателя.

После завершения этапа проведения испытаний студентам выставляется индивидуальная оценка, формирующаяся на основе общей оценки проекта и сведений о степени участия студентов подгруппы в реализации проекта, предоставляемых менеджерами проекта. Полученные студентами оценки за практику учитываются преподавателем в ходе проведения экзамена.

Изучение современных информационных систем и технологий требует формирования у студентов соответствующих компетенций, знаний и навыков использования широкого спектра программных и технических средств, предполагает применение различных подходов и средств проектирования и анализа систем, методов моделирования информационных процессов, а также совокупности теоретических и инженерных знаний в области их разработки и грамотного использования средств инструментальной поддержки [1; 2].

В структуру курса «Основы теории управления» входят такие разделы, как «Основные понятия и определения теории автоматического управления», «Математические модели систем управления», «Устойчивость систем управления», каждый из которых опирается на фундаментальные знания курсов физико-математического цикла и, в свою очередь, являются основой для изучения последующих дисциплин технического и естественнонаучного цикла. Данный подход реализует межпредметные связи курсов, необходимые для успешных учебных и профессиональных занятий. В связи с этим эффективным является применение метода междисциплинарных проектов с точки зрения формирования у учащихся компетентностей, актуальных для дальнейшей профессиональной деятельности.

Использование проектного метода наряду с информационными технологиями разработки электронных устройств и систем автоматического регулирования активизирует мыслительную деятельность студентов при решении возникающих проблем. В рамках междисциплинарного проекта происходит не только усвоение новых дисциплинарных знаний, повторение и закрепление ранее изученного в других курсах, но и интегральное введение в систему знаний.

Организационно работа проводится в рамках самостоятельной работы и групповой аудиторной и внеаудиторной форм обучения, что позволяет студентам производить поиск и анализ информации, обмениваться дисциплинарными знаниями, совместными усилиями вырабатывать решение проблемы, осуществлять продуктивную деятельность, развивать навыки, актуальные для дальнейшей профессиональной деятельности. Преподаватель мотивирует обучающихся, направляет учебную деятельность студентов, организует необходимое педагогическое сопровождение, осуществляет своевременный текущий контроль, оценку и коррекцию обучения на каждом этапе проекта.

Внедрение проектного метода в обучение является одним из условий переориентации высшего профессионального образования с традиционного «знаниевого» подхода на личностно-ориентированный и компетентностный. Выполнение сложного многостороннего проекта с применением информационных технологий определяет готовность выпускников к проектно-конструкторской, проектно-технологической, научно-исследовательской, организационно-управленческой деятельности.

Список литературы

1. Гвоздева Т.В., Баллод Б.А. Проектирование информационных систем: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 509 с.
2. Морозов О.А., Лозовская Л.Б., Новиков В.А., Сдобняков В.В. Применение информационных технологий в курсах цифровой электроники физического факультета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2015. № 4 (40). С. 189–194.
3. Корнилаева Т.В., Лозовская Л.Б., Малых М.Ю. Проблемы профильного обучения и профессионального самоопределения // Нижегородское образование. 2009. № 2. С. 40–47.
4. Равен Дж. Педагогическое тестирование: Проблемы, заблуждения, перспективы. М: Когито-Центр, 1999. 144 с.
5. Швец И.М. Проектный метод: особенности и проблемы использования в высшей школе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3(4). С. 235–240.
6. Лабораторная установка – робот «Бабочка». – URL: <http://www.robotics-spb.ru> (дата обращения: 07.04.2016).
7. Гребенев И.В., Лозовская Л.Б., Морозов О.А. Определение параметров когнитивных стилей учащихся при ориентации на физический профиль образования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2005. № 1. С. 154–158.
8. Grebenev I.V., Lozovskaya L.B., Morozova E.O. Methodology of determining student's cognitive styles and its application for teaching physics // SpringerPlus. 2014. Т. 3. № 1. Р. 1–8.

EXPERIENCE OF PROJECT-BASED TRAINING IN THE PRACTICAL COURSE «FUNDAMENTALS OF CONTROL THEORY»

I.V. Kuzmina, L.B. Lozovskaya, O.A. Morozov, V.A. Novikov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

We present our experience of organizing a practical course on the subject «Fundamentals of Control Theory» with the use of the project-based training method. Developing a project of the microprocessor automatic control system requires technical, software, information and educational tools that ensure practical consolidation of the material studied, thus contributing to the effective creation and implementation of interdisciplinary links between several basic training courses in the area of studies «Information Systems and Technologies».

Keywords: project-based method, information technologies, creation of interdisciplinary links.

УДК 378.147

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

© 2016 г.

В.Б. Лещева, И.Ю. Храмова, С.В. Едемская

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

khramova.irina@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 22.11.2015**Статья принята к публикации 03.08.2016*

Инновационные методы обучения могут дать определенный синергетический эффект и обеспечить достижение целей образования только в том случае, если применяются последовательно и в системе. В качестве основного фактора достижения результатов на каждом уровне в системе высшего образования предлагается рассматривать концепцию формирования и реализации основных образовательных программ, базирующуюся на применении проектно-целевого подхода, согласно которому образовательная программа создается как проект, завершённый по отношению к установленным целям и результатам образования. Разработка содержательно-методического наполнения программы возлагается на мультидисциплинарные проектные группы, состоящие из представителей академического и профессионального сообщества. Структуру основной образовательной программы предлагается формировать как логически простроенную систему взаимосвязанных модулей, каждый из которых ориентирован на достижение конкретных результатов обучения, трансформирующихся в целевые компетенции.

Ключевые слова: образовательная программа, проектно-целевой подход, мультидисциплинарная проектная группа, компетентностный подход, модульная структура образовательной программы.

Введение

В Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы в достаточно жесткой форме описаны перспективы развития образования в части подготовки кадров для экономики страны при отсутствии новых разработок, подходов и методов в образовании, «ориентированных на формирование эффективного человеческого потенциала». [1] В документе отмечается характерное для современного российского образования рассогласование номенклатуры предоставляемых услуг и требований к качеству и содержанию со стороны потребителей этих услуг. В решении приоритетных задач экономического развития и образования как условия социально-экономического развития регионов и страны в целом предпочтение отдается реализации инновационных проектов по разработке новых моделей образовательных программ.

Разработка образовательных программ в рамках реализации Федерального государственного образовательного стандарта «3+» (ФГОС 3+) и следующего за ним стандартов четвертого поколения требует принципиально иных подходов и методов их проектирования, реализации и оценки качества их усвоения.

Развитие концепции формирования образовательных программ

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» дает право организациям, осуществляющим образовательную деятельность, самостоятельно разрабатывать и утверждать образовательные программы. Образовательным организациям высшего образования, в отношении которых установлена категория «федеральный университет» или «национальный исследовательский университет» предоставлено право самостоятельно разрабатывать и утверждать образовательные стандарты по всем уровням высшего образования [2, ст. 11, 12]. Законом определены и основные требования к образовательным стандартам, среди них: преемственность основных образовательных программ (далее ООП) и вариативность их содержания для соответствующего уровня образования, предоставление возможности формирования образовательных программ с учетом образовательных потребностей и способностей обучающихся.

Федеральные государственные стандарты третьего поколения (ФГОС 3), пришедшие на смену государственным стандартам первого и второго поколений, принципиальным образом должны были изменить саму логику построения и содержание учебных курсов, оценочные сред-

ства результатов обучения. Компетентностный подход, положенный в их основу, хорошо нам знаком благодаря активной работе в совместных международных проектах в области разработки и аккредитации учебных дисциплин. Накопленный практический опыт позволяет выработать собственное видение подходов к формированию образовательных программ в условиях ФГОС 3+ и сформулировать предложения по их практической реализации.

Мы участвовали в разработке и международной аккредитации целого ряда курсов по дисциплинам профессиональной подготовки специалистов для бизнеса по направлениям экономического профиля подготовки, в основу которых был положен компетентностный подход. Разработка курсов велась в рамках совместных проектов с Шотландским квалификационным управлением, с Гилфордским консорциумом учебных заведений и Суррейским университетом Федерации открытых колледжей (Великобритания). Работа в проектах по времени совпала с периодом действия государственных стандартов первого и второго поколений, направленных, как известно, на освоение студентами дидактических единиц и базирующихся преимущественно на применении традиционных методов обучения. Проверка освоения дидактических единиц на основе единых тестовых материалов обязывала оставаться в жестких рамках содержания и набора дисциплин стандарта, поэтому разрабатываемые курсы встраивались в рамки действующих стандартов. Цели подстраивались под содержание, в результате нарушалась сама сущностная основа и логика формирования у обучаемых профессиональных компетенций. Тем не менее четкое определение цели и средств достижения результатов способствовало повышению уровня мотивированности студентов и качественных параметров обучения; успешное освоение студентами данных курсов позволяло им получить международный сертификат, признаваемый в европейских странах.

Переход к стандартам третьего поколения, основанным на компетентностном подходе, без соответствующей подготовки преподавателей был воспринят как требование перечислить компетенции из ФГОС в рабочих программах, а принцип преемственности образовательных программ был реализован через изменение не содержания, а формы представления образовательных и рабочих программ. Отказ от дидактических единиц должен был привести, но не привел к концептуальным изменениям в содержании и структуре рабочих программ, когда первичны компетенции, и именно под форми-

рование этих компетенций разрабатывается перечень и содержание дисциплин. Фактически содержание обучения складывается из набора отдельно взятых дисциплин. При этом даже в дисциплинах, преподаваемых на одной кафедре, не достигается согласованности содержания, а знания, получаемые студентами, носят не столько комплексный, сколько мозаичный характер. Конечно, существует способ увязки компетенций с содержанием учебных дисциплин, так называемая матрица компетенций. Тем не менее, она не дает представления о механизме сформированности модели выпускника, готового к выполнению профессиональной деятельности и решению профессиональных задач, определенных образовательным стандартом.

Существенным недостатком формирования образовательных программ в настоящее время является несогласованность действий авторов в формировании содержания учебных дисциплин, даже в том случае, когда преобладающая часть дисциплин профессионального цикла проектируется выпускающей кафедрой. Среди причин этого можно назвать то, что при формировании профилей исходным посылом являются не потребности работодателей в профессиональных компетенциях выпускника, а профессиональные интересы преподавателей соответствующей кафедры. Объем часов на изучение дисциплины и перечень дисциплин определяется выпускающей кафедрой по профилю обучения, исходя из имеющихся ресурсов, интересов преподавателей и их нагрузки. Кроме того, компетенции не всегда коррелируют с ЗУН, расписанными под определенные дисциплины. Как следствие, далеко не оптимальным образом используется учебное время, снижается мотивация студентов к усвоению результатов обучения.

ФГОС 3+ представляет собой шаг вперед в развитии компетентностного подхода к обучению, так как предоставляет возможность выстроить логику процесса обучения с ориентацией на формирование компетентностной модели выпускника в результате обучения. Но ФГОС 3+ является подготовительным этапом к разработке основных профессиональных образовательных программ с учетом соответствующих профессиональных стандартов, стандартов следующего, четвертого, поколения. Для увязки профессиональных и образовательных стандартов предстоит разработать карту компетенций и соответствующие результаты обучения с дифференциацией по уровням овладения соответствующими компетенциями. В каждом конкретном случае разработчики должны самостоятельно определить структурные единицы образовательной программы, но отсутствие дисциплинарной рег-

ламентации в новом ФГОС создает определенные проблемы в ее проектировании.

Согласимся с автором статьи «О проблемах трансляции компетенций в содержание обучения»: «Часто проектировщики остаются на позициях традиционной модели содержания обучения, которая концентрирует внимание на дисциплинарных параметрах процесса. <...> В компетентностной модели процесса обучения должна быть задана не предметная, а другая логика построения структуры содержания. <...> Требуется перепроектирование процесса образования и обучения» [3, с. 65–66]. Автор предлагает реализовать принцип «надпредметности» при формировании ООП, различая понятия межпредметного, междисциплинарного подхода и «надпредметного» подхода к структурированию содержания программы. Очевидно, что дисциплинарная структура образовательных программ сдерживает внедрение инноваций в процесс ее реализации, «загоняет» составителей в «прокрустово ложе» стандартного набора дисциплин, ограничивает возможности комплексной оценки сформированности компетенций, снижает степень ответственности преподавателей-предметников за качество подготовки выпускника.

Не сложилось четкого представления о том, каким уровнем знаний и умений должен обладать выпускник бакалавриата, например, в отличие от выпускника образовательного учреждения среднего профессионального образования (СПО). Профессиональные задачи, для решения которых готовится выпускник прикладного бакалавриата, например, направления подготовки 38.03.01 «Экономика», в полном объеме совпадают с перечнем задач подготовки специалистов уровня СПО при углубленной подготовке по соответствующему виду профессиональной деятельности. Причем углубленная подготовка по сравнению с базовой предполагает не углубление подготовки, а расширение количества профессиональных навыков не более чем на одну позицию. На освоение уровня углубленной подготовки СПО на базе полной средней школы образовательный стандарт отводит 2 года 10 месяцев, на освоение программы бакалавриата – 4 года. Возникает вопрос, какие дополнительные профессиональные преимущества имеет выпускник бакалавриата по сравнению с выпускником СПО.

Зачастую профили бакалавриата и программы магистратуры по экономическим направлениям формируются по принципу оригинальности названия, а не исходя из потребности практики и бизнеса в специалистах. Но если 5–10 лет назад можно было привлекать абитуриентов новизной и оригинальностью названия

программы, профиля или дисциплин ООП, то в настоящее время только глубина знаний и качество преподавания может быть явным конкурентным преимуществом вуза. Не способствуют повышению качества подготовки и ежегодно изменяющиеся учебные планы с постоянно меняющейся интерпретацией перечня изучаемых дисциплин.

Сложившаяся к настоящему времени ситуация в высшем образовании, в частности по экономическим специальностям, заставляет искать концептуально новые для нашей образовательной системы подходы, соответствующие вызовам времени.

Необходима перестройка самой организации формирования ООП. Отправную информацию при формировании содержания ООП дают профессиональные стандарты, на основе которых прописываются знания, умения, навыки, формирующие компетенции, после чего могут быть сформированы модули с четким представлением «входящих» и «выходящих» ЗУН по каждому модулю, что позволит увидеть степень готовности студента к усвоению следующих модулей. По определению, данному в ФГОС нового поколения, модуль – совокупность частей учебной дисциплины (курса) или учебных дисциплин (курсов), имеющая определенную логическую завершенность по отношению к установленным целям и результатам воспитания, обучения, то есть отвечающая за выработку той или иной компетенции или группы компетенций. Как следует из данного определения, модуль может рассматриваться как часть дисциплины или как совокупность дисциплин, но главное, чтобы такая структурная единица, как модуль, имела логическую завершенность с точки зрения достижения цели, а цели в компетентностной модели образования задаются сформированностью компетенций для выполнения определенных видов профессиональной деятельности. Концепция формирования конструкции ООП как системы взаимосвязанных модулей не только активно обсуждается научно-педагогическим сообществом [3; 4], но и выходит на уровень практической реализации – пока в виде проекта TUNING Russia. В соответствии с алгоритмом реализации проекта предлагается формировать образовательную программу как «развертку» компетентностной модели выпускника в структурные единицы содержания образования – модули, которые, в свою очередь, конструируются на основе предварительно спроектированной структуры результатов обучения. В такой конструкции результаты проектируются от конечной точки процесса – от компетентностной модели выпускника путем назна-



Рис. PDCA-цикл

чения собственных результатов обучения (системно увязанного для каждого этапа подготовки по виду деятельности) [3].

В основу разработки и дальнейшего развития ООП может быть положен круг (или колесо) Деминга (PDCA-Zyklus, Deming, 1986) [5].

Цикл контроля качества или PDCA-цикл описывает итерационный процесс решения проблемы и предназначен для обеспечения контроля качества. Он описывает этапы процесса постоянного совершенствования, который является основой системы контроля качества, обеспечивая тем самым постоянное улучшение как самого процесса, так и его реализации. Исходным пунктом разработки ООП является определение ее качественных целей (критериев качества). В качестве оперативных целей (критериев) в процессе разработки могут выступать соответствие четко установленных квалификационных целей и концепции ООП, оптимальные условия обучения. В процессе практической реализации такими целями могут быть качественное содержательное и методическое наполнение ООП, консультационное сопровождение студента в процессе обучения, соразмерные промежуточные и итоговые испытания.

Содержательное и методическое наполнение ООП возможно только на основе разработки концепции ООП.

Проектно-целевой подход к формированию основной образовательной программы

Принятие ФГОС 3+ и работа над следующим поколением стандартов требует принципиально

новых подходов к организации как процесса разработки и реализации ООП, так и процесса обучения. В Концепции федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы в качестве основного подхода рассматривается проектно-целевой подход [1]. Проектно-целевой подход позволяет по-новому подойти к процессу формирования, содержательного и инструментального наполнения ООП, отвечающего современным вызовам, и выстроить логику процесса обучения с ориентацией на формирование компетентностной модели выпускника как результата обучения на определенном уровне наилучшим образом. Проектно-целевой подход предполагает рассмотрение целей, содержания, технологии образования как проект инновационной деятельности на интегративной основе. Основными составляющими этого подхода являются проектирование содержания образования, позиционирование в методологии отечественной педагогики, построение проектно-целевой технологии обучения, проектный метод управления [6, с. 105].

Использование проектно-целевого подхода в полной мере вписывается в концепцию проектно-ориентированного университета, реализуемую в ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Возможность применения проектного подхода при реализации образовательных программ в условиях меняющегося рыночного спроса достаточно подробно обоснована в статье А.О. Грудзинского [7].

Подобный подход, на наш взгляд, может быть вполне применен для формирования и реализации ООП в условиях ФГОС 3+.

Мы предлагаем рассматривать процесс разработки и реализации ООП как проект, осуществлением которого будет заниматься проектная группа. При этом под проектной группой понимается полуавтономная группа сотрудников университета, действующая «в рамках миссии, стратегического плана и устава университета, общих процедур финансового менеджмента в конкретном университете, имеющая высокую степень самостоятельности в выборе методов решения поставленных задач» [7, с. 28].

Проектная группа должна формироваться как мультидисциплинарный коллектив. В настоящий момент ООП представляет собой пакет рабочих программ дисциплин с нечетко определенными целями, требованиями к доказательству достижения сформированности компетенций, случайным образом подобранным фондом оценочных средств и формально прописанными образовательными технологиями. Вышеуказанный подход позволит преодолеть организационную разобщенность преподавателей при подготовке содержательного и методического наполнения ООП и сформировать ее как совокупность взаимосвязанных модулей.

Мы предлагаем формировать мультидисциплинарные группы преподавателей, представителей бизнеса и органов государственного регионального управления для создания и реализации образовательных программ в сфере экономики и управления хозяйствующими субъектами.

В высшей школе советского периода связь с практикой не только поощрялась, но была органично встроена в учебный процесс. Курсовые и дипломные работы – проекты выполнялись на базе практики, в организациях, на предприятиях под руководством специалистов не ниже начальника отдела. В настоящее время деловые отношения с бизнесом должны устанавливаться на иной основе – на основе привлечения его представителей к формированию ООП и определению содержания обучения. Степень ориентированности образовательных программ на рынок труда становится ключевым показателем эффективности высшего образования и качества подготовки специалистов.

Возможность более активного взаимодействия вуза и работодателей определяется тем обстоятельством, что вуз, самостоятельно разрабатывая вузовские ООП по каждому направлению и уровню подготовки (бакалавриат и магистратура) на основе примерных основных образовательных программ, имеет высокую степень самостоятельности при проектировании как содержания, так и технологий его освоения. В этой связи можно проследить полный цикл такого взаимодействия: профессиональные стан-

дарты – образовательные стандарты – основные образовательные программы, ориентированные на формирование компетенций – оценка приобретенных компетенций.

Углубление в понимании применимости компетентного подхода к формированию образовательных программ на основе проектно-целевого метода предполагает изменение форм управления ООП. На кафедре ответственность за подготовку выпускника по профилю обучения в бакалавриате и по программе магистратуры возлагается на заведующего кафедрой. Недостатки подобной формы управления рассмотрены выше. В рамках проектно-целевого подхода предлагается возложить ответственность за организацию деятельности проектной группы и методическое обеспечение учебного процесса на руководителя ООП по направлению и профилю подготовки.

В соответствии с Концепцией проектно-ориентированного университета, предложенной А.О. Грудзинским, руководитель проектной группы несет ответственность за разработку учебных планов, подбор команды квалифицированных преподавателей, использование дистанционных образовательных программ, за издание учебно-методического обеспечения, составление сметы расходов на реализацию программы и обеспечение ее развития [7].

В ряде статей поднимается вопрос о внутренней структуре вуза, более предпочтительной с точки зрения получения наибольшего синергетического эффекта, а также вопрос о том, какого принципа организации управления следует придерживаться (департамент образовательных программ или кафедра) [8; 9].

Полагаем, что назначение руководителя и создание проектной группы не означает ликвидацию кафедр и не требует создания отдельного структурного подразделения в виде департамента образовательных программ, поскольку современный вуз занимается не только и не столько образовательными технологиями. Кафедра как центр научных исследований ведет активную научно-исследовательскую деятельность, что особенно актуально для научно-исследовательских университетов, поэтому на кафедру возлагается ответственность за качество содержательно-методического обеспечения преподавания. Присутствие в структуре управления вуза кафедр актуализируется потребностью обеспечения опережающего обучения. Концепция опережающего обучения реализуется в ННГУ им. Н.И. Лобачевского, но рассматривается применительно к естественнонаучным и инженерным специальностям [10, с. 5]. По нашему мнению, она также должна

лечь в основу подготовки обучающихся по экономическим специальностям.

Необходим сценарный подход к определению содержания и рассмотрению возможных траекторий поведения индивидуумов и организаций на разных этапах экономического цикла.

Проектно-целевой подход к формированию ООП позволяет активнее внедрять в образовательный процесс проектный метод обучения. Степень интеграции проектного обучения в учебный процесс может быть различной: от полной перестройки учебного процесса под проектное обучение до использования данного метода как спецкурса (факультатива), частично интегрированного в учебный план на старшем, выпускном, курсе для завершения процесса формирования профессиональных навыков. Первый вариант как наиболее «экстремальный» нашел отражение в одном из немецких вузов, где была изменена форма организации учебного процесса с семестровой на пятидневную. В университете SRH Hochschule Heidelberg (Германия) реализуется программа «4-1-4-1-4-1 Modell», представляющая собой тематическое пятидневное блочное обучение. Каждый блок завершается разработкой проекта, рассчитанного на 40 часов учебного времени и выполняемого в течение недели после изучения теоретического курса [11].

Один из вариантов интеграции проектного метода обучения в учебный процесс рассматривается в статье «Реализация проектов в микс-группах, обучающихся по экономическим направлениям подготовки» [12]. Проекты, ориентированные на решение комплексных проблем в микс-группах, позволяют увидеть место и роль каждого специалиста в сложной иерархии производственных взаимосвязей, подготовить себя к командной деятельности, оценить собственные лидерские качества, увидеть перспективы собственного профессионального роста. Такой взгляд может показаться сверхоптимистичным, но процесс обучения не может быть нацелен на консервацию сложившихся в обществе коммуникаций.

Заключение

Стандарты нового поколения 3+ позволяют повысить степень автономности вузов в определении содержания образования и ответственности за его качество, что позволяет по-новому взглянуть на процесс формирования ООП. Основу этого процесса составляет изменение самого подхода к формированию ООП. Компетенции выпускника должны определять структуру, содержательное и методическое наполнение современной ООП. Во главе угла должны стоять не местечковые интересы кафедр в обеспечении

занятости преподавателей, а обеспечение практической реализации компетенций, положенных в основу востребованной рынком труда модели выпускника. На процесс разработки и практической реализации ООП следует смотреть с точки зрения проектного подхода. При этом руководитель ООП как руководитель проекта должен нести все бремя ответственности за качество результата реализации данного проекта. В процесс разработки ООП следует активно привлекать работодателей. Обеспечение гарантии качества ООП должно рассматриваться не как статический, а как динамический процесс, включающий регулярный мониторинг качества ООП. Использование проектно-целевого подхода к формированию ООП расширяет возможности использования активных методов обучения и прежде всего проектного подхода в учебном процессе.

Список литературы

1. Концепция федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы / Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B?query=2765-%D1%80> (дата обращения: 10.10.2015).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «Об образовании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 30.09.2015).
3. Соснин Н.В. О проблемах трансляции компетенций в содержание обучения // Высшее образование в России. 2014. № 12. С. 64–71.
4. Караваева Е.В. Рекомендуемый алгоритм проектирования программ высшего образования // Высшее образование в России. 2014. № 8–9. С. 5–15.
5. Beise A.S., Jungermann I., Wannemacher K. Qualitätssicherung von Studiengängen jenseits der Programmakkreditierung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dzhw.eu/pdf/pub_fh/fh-201401.pdf. (дата обращения: 15.11.2015).
6. Мухаметзянова Г. Проектно-целевой подход – императив формирования профессиональной компетентности // Высшее образование в России. 2008. № 8. С. 104–110.
7. Грудзинский А.О. Концепция проектно-ориентированного университета // Университетское управление: практика и анализ. 2003. №3 (26). С. 24–37.
8. Соломин В.П., Громова Л.А. Управление структурными подразделениями университета в условиях реструктуризации // Высшее образование в России. 2014. № 12. С. 19–25.
9. Чучалин А.И., Таюрская М.С., Муратова Е.А. Оценка стейкхолдерами результатов обучения в системе гарантий качества образовательных программ // Высшее образование в России. 2014. № 10. С. 26–35.
10. Чупрунов Е.В., Стронгин Р.Г. Инновационное образование: опережающая стратегия и инте-

грация // Высшее образование в России. 2014. № 12. С. 5–14.

11. Rummler M. Innovative Lehrformen: Projektarbeit in der Hochschule: Projektbasiertes und problemorientiertes Lehren und Lernen. Beltz Verlag, 2012. 178 s.

12. Лещева В.Б., Храмова И.Ю., Муромкина И.И. Реализация проектов в микс-группах, обучающихся по экономическим направлениям подготовки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3. Ч. 4. С. 110–113.

INNOVATIVE APPROACH TO THE DEVELOPMENT OF DEGREE PROGRAMS IN UNIVERSITIES

I.I. Khranova, V.B. Leshcheva, S.V. Edemskaya

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

In the authors' opinion, innovative teaching methods can produce a certain synergy effect and ensure the achievement of educational goals if only they are applied consistently and systematically. The authors propose a concept of developing and implementing university degree programs with the use of the project-based approach that can be regarded as the key factor to gain a success at each level of university education. The article describes the project-based approach according to which a degree program is regarded as a complex project resulting in the achievement of the formulated goals and outcomes. The degree program content and the methods for its implementation should be designed by multidisciplinary project groups comprising academics and professional community representatives. It is proposed to form the structure of the degree program as a logical system consisting of interrelated module units. Each module unit is aimed at achieving particular training outcomes which translate into the end user competences.

Keywords: degree program, project-based approach, multidisciplinary project group, competence-based approach, modular structure of the degree program.

УДК 372.882

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОД МЕДИАЛЕКЦИИ ПО АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЕЕ ОБУЧАЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

© 2016 г.

Г.А. Токарева

Камчатский государственный технический университет, Петропавловск-Камчатский

tga41@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 10.03.2016**Статья принята к публикации 03.08.2016*

Анализируются методы использования мультимедийных средств обучения в вузовской практике, в частности на занятиях по античной литературе. Язык мультимедиа рассматривается как специфический коммуникативный код, исследование которого актуально для процесса обучения. Изучается феномен воздействия на сознание студентов комплексной информации и возможности визуализации сложных абстрактных понятий в целях их усвоения и запоминания. Теоретически обосновывается специфика рецепции комплекса визуальных, вербальных и фоновых средств экспликации учебной информации на материале античной литературы и показываются конкретные методические приемы, разработанные с учетом их апробации в учебной практике, демонстрируются преимущества мультимедийного метода репрезентации учебного материала и показываются возможности представления сложных научных понятий с помощью языка образов.

Ключевые слова: мультимедийные средства, визуализация абстрактных понятий, коммуникативный код, язык образов.

Вопрос об использовании мультимедийных презентаций на лекционных занятиях в вузе уже перестал быть предметом дебатов, однако использование новых информационных технологий в образовании актуализировало проблемы иного порядка: проблему оптимальной организации контента слайда в медиалекции, проблему формирования системы комплексной информации (вербальная и визуальная), проблему изменения принципов аналитического мышления студентов в условиях давления на них «готовых» образов и др.

Под мультимедиа обычно понимают «синтез трех стихий: информации цифрового характера (тексты, графика, анимация), аналоговой информации визуального отображения (видео, фотографии, картины и пр.) и аналоговой информации звука (речь, музыка, другие звуки)» [1]. Такой комплексный феномен обладает огромным волюнтаристическим потенциалом и требует тщательного изучения как позитивного, так и негативного характера его воздействия на процесс рецепции и усвоения учебной информации сознанием студентов.

Изучение античной литературы, как правило, в первом семестре обусловлено хронологическими причинами: античная литература открывает цикл курсов по зарубежной литературе в филологическом образовании. Законы организации художественного пространства античного текста постоянно апеллируют к мифологическому мышлению. Для адекватного понимания

античных произведений студент-первокурсник должен хорошо понять механизмы данного типа мышления. В решении этой непростой задачи ему могут помочь современные мультимедийные технологии.

Использование мультимедийных презентаций на лекционных занятиях по античной литературе преследует несколько целей. Прежде всего это цель обучающая – по возможности полно, структурированно и доступно преподнести не только историко-литературную, но и теоретико-литературную и культурологическую информацию. Вторая, более сложная задача – выстроить контент медиалекции так, чтобы максимально полно задействовать эффективные механизмы восприятия и памяти, сложно формирующие художественный образ античного текста на уровне рецепции. И третья задача, которая имеет пропедевтический характер, – обозначить методологическую проблему академического литературоведения (насколько возможна передача логических научных понятий, перекодированных на язык образов). Такое комплексное взаимодействие воспринимающего сознания с вербальным и визуальным материалом медиалекции позволяет выработать особый код коммуникации между познающим и продуцирующим сознанием.

Мультимедийные средства обучения – беспроектный вариант в развитии образного мышления и формировании моделирующего зрения. Умение пользоваться имажинативны-

ми способами познания наряду с традиционными, логическими позволяет человеку говорить свободно на двух языках, работать в двух принципиально различных кодификационных системах, и лучший способ овладения этими языками – активизация воображения с помощью мультимедийных средств обучения.

«Система покадровых презентаций с визуализацией хода мыслей – это тектоника сегодняшней научной речи», – утверждает Г.Г. Хазагеров [2]. Далее ученый связывает пластичность образов медиалекции с «непрерывной лепкой образа» в античном мифе [2]. Вероятно, именно поэтому материалом исследования для нас стал курс античной литературы. Еще одной причиной обращения к античному материалу послужило то, что именно в архаическом мифе имманентно закодировано фиксированное значение визуального образа в силу гипостазирования абстрактных понятий, в силу конкретности мышления древних.

Используя медиалекции в практике преподавания античной литературы, мы сделали некоторые наблюдения, помогающие осмыслить принципы восприятия абстрактных научных понятий при помощи образов – словесно конструируемых и визуализируемых в процессе этой специфической коммуникации. Исследуя особенности восприятия сложного теоретического материала студентами-первокурсниками, мы обнаружили, что визуализация абстрактных понятий оказывается наиболее эффективным способом донесения до сознания вчерашних школьников таких сложных категорий, как «диффузность сознания», «структурирование мира по принципу бинарных оппозиций», «персонификация абстрактных понятий». С перечисленными категориями и понятиями первокурснику приходится иметь дело, так как для освоения первой темы «Миф и мифосознание» ему предлагается законспектировать фрагмент монографии Е.М. Мелетинского «Поэтика мифа». Материалы сложного для восприятия научного текста интерпретируются преподавателем в медиалекции с помощью следующей технологии. Каждый из процессов, идущих в первобытном сознании и иллюстрирующих принцип «кривой смысла» Я.Э. Голосовкера [3], закрепляется за определенным визуализированным образом. Например, представляя принцип диффузности сознания древних, делаем отсылку к идее метаморфоз, предполагающей субстанциональное единство сущего. Воспринимающее сознание должно закрепить следующую смысловую цепочку: **диффузность** – синкретизм – метаморфоза – **Нарцисс**, в которой при последующем опущении промежуточных

звеньев останутся два знака: первый и последний. Именно эти знаки должны сработать как коммуникативный код при последующем закреплении материала. Визуализируя понятие (в данном случае речь не идет о простом иллюстрировании или декорировании информации), мы, по сути, пользуемся древнейшим приемом эмоционального воздействия на реципиента. Как известно, архаическое сознание, чуждое классической логике, неспособное к абстрагированию, использовало экспрессию мифологического образа и в целях фиксации того или иного понятия. По выражению Е.М. Мелетинского, в мифологическом образе обязательно «знаковость сопряжена с конкретной телесностью» [4, с. 145]. Эмоция срабатывала как научная дефиниция, воздействуя на память посредством чувственного переживания и точно так же через реставрацию этого чувства, и воспроизводилась. Этот отработанный в древности «методический прием» вполне целесообразно использовать при введении сложных понятий или объяснении сложных процессов. Рассказывая о характере коррелирования мифа и символа, мы дважды используем прием материализации понятия в образе – через визуальный и словесный образ. По аналогии с понятием «диффузность сознания» мы представляем и принцип структурирования мира на основе бинарной оппозиции (мужчина – не женщина – Амур и Психея – одноименная картина У. Бугро); принцип персонификации абстрактных понятий (красота – Афродита – картина С. Боттичелли «Рождение Венеры»); определение предмета через описание его создания (образ древнегреческой амфоры) (например, слайды 1–4)¹.

На этапе суммирования знаний по разделу «Специфика мифомышления» мы сводим эти знаки в единую систему, в которой образы уже срабатывают как некий коммуникативный код, основанный на закреплённом соотношении визуального образа и научного понятия. Воспроизводя «окольную логику мифа» (термин Я.Э. Голосовкера) через логические конструкты («Это совсем не похоже на...», «Это имеет следующие признаки...», «Это похоже на такого-то человека...», «Это то, что делается так...») и одновременно подкрепляя эти конструкты знакомыми образами, мы должны эвристически выйти на заявленные теоретические понятия по Е.М. Мелетинскому (слайд 5).

Подобное использование визуальной информации отвечает всем психологическим законам восприятия информации. Б.М. Гаспаров говорит о том, что «коммуникативное пространство <...> проецирует в представлении говорящего переживаемый им коммуникатив-

ный опыт, представляет собой как бы готовую «сцену», с декорациями и освещением, на которой разыгрывается переживаемое в данный момент смысловое действие» [5]. Самым уместным компонентом подобного декоративного пространства и может стать визуальный образ.

Интересное наблюдение в этой связи было сделано исследователем Г.Г. Почепцовым. Он утверждает, что «коммуникация у человека протекает в основном в рамках двух основных каналов: вербального и визуального. <...> Отсутствие элементарных единиц делает более универсальным процесс восприятия визуальной коммуникации, поскольку не требует предварительного знания списка единиц для понимания сообщения. <...> Благодаря отсутствию заранее заданной определенности единиц визуальное сообщение несет большее число информационных прочтений [6, с. 31]. Наверное, следует уточнить: визуализированный образ несет не только (и не столько) информацию, сколько субъективную эмоцию: он добавляет к информации образно-эмоциональную интерпретацию, которая приобретает дополнительную обучающую функцию (раскрепощает воображение и развивает творческое мышление). Таким образом, контент медиалекции по античной литературе, насыщенный образами классической живописи, создает дополнительное образовательное пространство, в котором вербальные и визуальные образы сосуществуют на условиях творческого взаимодействия. Кроме того, как мы показали, за счет формирования специфического алгоритма запоминания теоретического тезиса (диффузность – синкретизм – метаморфоза – Нарцисс) можно заставить работать визуальный знак как однозначный символ путем его предшествующей привязки к смыслу, выраженному вербально.

Другое утверждение Г.Г. Почепцова, о «**большем числе** информационных прочтений» [6, с. 105], с нашей точки зрения, совершенно справедливо; эта мысль не раз приходила нам в голову во время апробации тех или иных приемов организации медиалекции. Использование различных живописных трактовок образов и сюжетов мифов дает возможность обучающимся соотнести картину с собственным восприятием как образа мифа, так и персонажа изучаемого произведения. Так, анализируя трагедию Еврипида «Медея», мы использовали образы с картин художников Д. Уотерхауса, Э. де Морган, Ф. Сэндиса и предлагали соотнести их с интерпретацией мифологического образа у Еврипида (слайд 6). При этом мы обращали внимание студентов на то, что художники дают трактовку мифологического персонажа, а не создают иллюстрации к трагедии Еврипида.

Подобное привлечение к обсуждению образа Медеи у Еврипида позволяет глубже понять его трактовку у античного трагика на основе сопоставительного анализа.

Большая свобода интерпретации визуального (и еще большая – музыкального) образа позволяет использовать интертекстуальную методологию при трактовке античных текстов. Интертекстуальность, по нашему глубокому убеждению, родственна мифопоэтической методологии, которая, по сути, актуализирует ее диахронический вариант. Прочтение художественного текста сквозь призму мифа, выявление в тексте «генов» мифосознания может сопровождаться репродукциями картин художников, которые использовали античный миф уже как архетипическую основу для своего творчества. Показательна в этом отношении картина Ф. Гойя «Сатурн, пожирающий своих детей». Не опосредованный в античности литературной интерпретацией, миф о боге Кроносе (Сатурне) нашел воплощение в гротескной картине испанского художника. Материализация метафоры Времени, пожирающего своих детей, в картине Гойя дает блестящую иллюстрацию к постулату Вяч. Иванова «миф есть динамический вид (modus) символа» [7, с. 184] (слайд 7).

Ю.М. Лотман, размышляя о поэзии А. Блока, говорит о «моделирующем воздействии живописи на поэтический текст» [8, с. 699]. Аналогичные процессы, с нашей точки зрения, идут и в сознании человека, воспринимающего информацию при наличии такого посредника, как живопись. Сознание невольно структурирует материал по законам живописной композиции (задний план, средний план, крупный план), и этой логике подчинена композиция контента слайда: крупным планом представлены наиболее значимые детали, на периферии расположена сопутствующая информация. Порой при создании слайда целесообразно применять прием «лупы», когда необходимая визуальная информация вычленяется на картине искусственным увеличением и наложением на основное полотно. Такой прием используется нами при изучении поэмы Вергилия «Энеида» (спуск Энея в подземное царство – картина Питера Брейгеля Младшего «Эней и прорица Сивилла в аду») (слайд 8).

Итак, научные знания в области дисциплин, связанных с интерпретацией художественного образа, вступают в противоречие с самим принципом научности, основой которого является достоверность фактов и точность дефиниций. «Образные» дисциплины часто игнорируют методическую логику и инвариантность понятий. Язык научной логики оказывается слишком бе-

ден для передачи сложных эмоциональных понятий или интерпретации полисемантических образов. Использование образного арсенала медиалекции для прояснения ряда научных понятий становится едва ли не единственным способом донести сложную культурологическую информацию до вчерашних старшеклассников.

Примечание

1. Здесь и далее упомянутые слайды расположены на сайте: <http://astreos.ru/wp-content/uploads/2012/12/Токарева-Г.А.-Коммуникативный-код-медиалекции-по-античной-литературе-и-ее-обучающие-возможности.pdf>.

Список литературы

1. Урванцева С.Е., Горбунова Т.Н., Сапогова Н.И. Технологии мультимедиа в образовании: возможности и направления развития [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: www.nsu.ru/archive/conf/nit/96/sect6/node23.html (дата обращения: 08.10.2007).

2. Хазагеров Г.Г. Классика и классицизм в риторике и в архитектуре. Две стратегии упорядочения пространства общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: hazager.ru/cultural-situation/140 (дата обращения: 02.03.2015).

3. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 217 с.

4. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература РАН, 1995. 407 с.

5. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. Вып. IX [Электронный ресурс]. – Режим доступа: StudFiles.ru (дата обращения: 12.02.2015).

6. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001. 656 с.

7. Иванов Вяч. Заветы символизма // В кн.: Иванов Вяч.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 180–191.

8. Лотман Ю.М. Смиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.

THE COMMUNICATIVE CODE OF A MULTIMEDIA LECTURE ON ANCIENT LITERATURE AND ITS EDUCATIONAL POTENTIAL

G.A. Tokareva

Kamchatka State Technical University

The article presents an analysis of methods for using multimedia teaching tools in university practice, in particular, when teaching classes on ancient literature. Multimedia language is considered as a specific communicative code, the study of which is important for the learning process. We study the phenomenon of the impact of integrated information on students' minds and the opportunities for visualization of complex abstract concepts with the aim of learning and memorizing them. Using the study of ancient literature as an example, a theoretical justification is presented of the specific nature of reception of visual, verbal and background means for explication of educational information. We describe some specific instructional techniques that have been tested in educational practice, demonstrate the advantages of the multimedia method for representation of educational material and show the possibility of presenting complex scientific concepts through the language of imagery.

Keywords: multimedia tools, visualization of abstract concepts, communicative code, language of imagery.

УДК 378.14

СПЕЦИФИКА МЕТОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РАЗВИТИЯ ЖИВОПИСНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ ДИЗАЙНЕРОВ

© 2016 г.

А.А. Удалова

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Allaud2006@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.04.2016

Статья принята к публикации 03.08.2016

Рассматриваются вопросы развития живописной компетенции будущих дизайнеров, выстраивается методическая система развития данного вида компетенции, раскрываются основные компоненты методической системы, анализируются результаты экспериментальной работы.

Ключевые слова: компетентностный подход, деятельностный подход, художественная компетентность, живописная компетенция дизайнера, этапы развития живописной компетенции, уровни мастерства, методическая система.

Рыночные реформы последних лет привели к четкому оформлению социального заказа, стоящего перед высшими учебными заведениями: требуется обеспечить выпуск высокопрофессиональных и компетентных в своей области бакалавров, прежде всего востребованных на рынке труда. Такая востребованность может быть обеспечена лишь соответствующими изменениями в содержании и методах обучения будущих специалистов и бакалавров [1].

В современной педагогической науке выработано общее смысловое поле компетентностного подхода, включающее понимание того, что компетентность относится к личности обучаемого и существует в виде деятельности. Компетентность характеризуется мобилизационной готовностью к реализации компетенции в любой требующей этого ситуации, причем природа компетентности такова, что она может проявляться только в органическом единстве с ценностями человека, т.е. при наличии ценностно-смыслового отношения, личностной заинтересованности будущего специалиста в данном виде деятельности [2].

Профессиональная деятельность бакалавров по направлению дизайна на современном этапе определена как творческая деятельность по формированию эстетически выразительной предметно-пространственной среды, интегрирующая художественную, инженерно-конструкторскую, научно-педагогическую деятельность, направленную на создание и совершенствование высокоэстетичной конкурентоспособной продукции [3]. В дизайн-образовании на первый план выдвигается задача подготовки дизайнера, обладающего проектным мышлением, навыками конструкторско-графической деятельности, творческой

направленностью, способностью к продуцированию оригинальных идей, высокими эстетическими качествами, что не может быть достигнуто без развития художественной компетентности [4]. В нашем исследовании «Художественная компетентность дизайнера» понимается как личностная интегративная характеристика готовности выпускника (специалиста, бакалавра) к художественной деятельности, как совокупность компетенций в области рисунка, живописи и др. художественных дисциплин (рис. 1).

Учебная дисциплина «Живопись» обладает большим потенциалом для профессиональной подготовки дизайнера (при освоении данной дисциплины осуществляется его общехудожественная подготовка). Живопись является одним из видов изобразительного искусства, главным средством выразительности которого является цвет. Цвет в дизайне играет важнейшую роль, во многом определяя эмоциональный образ изделия, его потребительские качества, в том числе соответствие актуальной цветовой моде. Цвет в дизайнерской продукции часто является для потребителя одним из определяющих факторов при оценке уровня ее качества. В организации окружающей человека предметно-пространственной среды цвет имеет важное значение, обеспечивая комфортные условия труда и отдыха, формирование яркого запоминающегося образа предмета, создание определенного эмоционального настроения [5]. Изучение живописи для дизайнера является средством развития прежде всего чувства цвета и культуры цветоэстетики. Таким образом, будущему дизайнеру необходимо овладение профессиональными приемами в живописи, знание технологии работы живописными материалами, различных техник и способов жи-

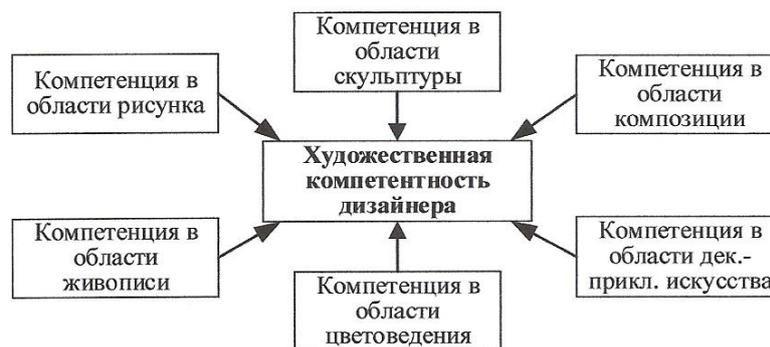


Рис. 1. Составляющие художественной компетентности

вописи, умение применять эти знания в практической деятельности [6].

В структуру методической системы развития живописной компетенции будущих дизайнеров включены:

- теоретико-методологический блок, включающий методологические основы развития живописной компетенции дизайнеров;
- целевой блок, определяющий цель обучения и оказывающий влияние на выбор подходов к обучению, содержания, форм, методов и средств обучения;
- содержательный блок, отражающий структуру живописной компетенции;
- технологический блок, в котором представлены процесс (этапы), методы, формы развития живописной компетенции;
- оценочно-результативный блок, определяющий результаты развития живописной компетенции, представленный уровнями достижения мастера.

В качестве основной цели методической системы выступает развитие живописной компетенции будущего дизайнера.

В нашем исследовании методической системы основой разработки методической системы главным образом выступают деятельностный (А.Н. Леонтьев и др.) и компетентностный (И.А. Зимняя, А.В. Хуторской и др.) подходы, а также методология художественной деятельности (А.М. Новиков).

Разрабатывая содержание живописной компетенции, мы опирались на положения методологии художественной деятельности [7]. В ней отмечается, что в художественной деятельности реализуется единство пяти основных видов деятельности: ценностно-ориентировочной, познавательной, преобразовательной, коммуникативной и эстетической, то есть художественная деятельность является интегративной деятельностью. Данные виды деятельности, выделенные А.М. Новиковым, составили основу для раскрытия нами структуры живописной компетенции.

Благодаря ценностно-ориентировочной деятельности, художник выражает свое ценностное мироотношение, отражая явления действительности сквозь призму своих потребностей, вкусов, идеалов, что составляет основу ценностно-ориентировочного компонента живописной компетенции. Совокупность мотивационно-ценностных характеристик живописной компетенции предполагает формирование сознательного отношения и устойчивого интереса студентов к деятельности, направленной на овладение данным видом компетенции, их непосредственной мотивационной включенности в эту деятельность, которая способствует повышению творческой активности, инициативности, самостоятельности и осознанного участия в собственной профессиональной подготовке.

В результате познавательной деятельности (знания) художник отражает объективную действительность, а в результате преобразовательной деятельности (умения) преобразовывает в создаваемом им образе материал (краски, формы и т.д.), трансформируя его в различных сюжетно-композиционных отношениях [7]. Обучение студентов живописной деятельности предполагает освоение системы специальных знаний, формирование и развитие необходимых умений и навыков, что составляет основу познавательного и преобразовательного компонентов живописной компетенции.

Художественная деятельность, как отмечает А.М. Новиков, по природе является эстетической деятельностью [7]. Таким образом, художественно-эстетический компонент разрабатываемой структуры живописной компетенции связан с художественной и эстетической выразительностью живописного изображения и включает развитие художественное мышление.

Коммуникативная деятельность, предполагает общение автора с реципиентом своего произведения [7]. Таким образом, важным аспектом в процессе профессиональной деятельности дизайнера является наличие навыков профес-

сиональной творческой коммуникации, которая проявляется главным образом в процессе обсуждения и предъявления творческих результатов. Показателем профессиональной коммуникации является умение слушать, адекватно воспринимать и интерпретировать любые виды преподносимой информации, способность к сотрудничеству (коммуникации через общение). Другой формой профессиональной коммуникации дизайнера и потребителя является представление визуальной информации о художественном продукте (портфолио), что также нашло отражение в коммуникативном компоненте рассматриваемой компетенции.

В качестве следующего блока методической системы выступает технологический блок. Развитие живописной компетенции будущих дизайнеров возможно в процессе художественной деятельности (живописи). Художественная деятельность, как любая деятельность, состоит из таких элементов как потребности, мотивы, цели, задачи, действия, операции, продукты. Можно утверждать, что развитие живописной компетенции будет возможно в процессе обучения через реализацию мотивационно-целевого, операционально-деятельностного, креативно-деятельностного и рефлексивно-обобщающего этапов. В соответствии с целями каждого этапа развития живописной компетенции будущих дизайнеров, были отобраны методы и технологии, позволяющие наиболее эффективно решить задачи каждого этапа.

Мотивационно-целевой этап предполагает развитие мотивационно-ценностных характеристик: интереса к живописно-художественной деятельности, мотивации к развитию живописной компетенции, стремления к развитию живописных умений и навыков. Реализация данных целей может осуществляться посредством выполнения заданий, которые имеют краткосрочный характер и представляют собой упражнения и курсовые работы, целью которых является изучение возможностей материала, техник, формирование знаний, умений и навыков профессионального зрительного восприятия природы, операций и действий живописно-художественной деятельности. На этом этапе преобладают репродуктивные методы обучения, такие как рассказ, объяснение, показ, упражнение, и продуктивные, среди которых важным является метод проблемных ситуаций.

Операционально-деятельностный этап обеспечивает прочное и углубленное овладение знаниями и навыками техники и технологии, профессиональными методами работы в области живописи, объемно-пространственными, цветовыми умениями, закономерностями живо-

писи через выполнение заданий длительного характера, которые направлены на овладение методикой создания художественного изображения с натуры.

Креативно-деятельностный этап предполагает овладение студентами методологией художественной деятельности на основе изучения приемов работы с цветом и цветовыми композициями, что обеспечивает развитие умений творческого цветового мышления, формирование опыта художественной деятельности, развитие индивидуальной живописной манеры. На этом этапе эффективными являются проектно-ориентированные технологии обучения. Выполнение творческих заданий (вне зависимости от сложности) предполагает освоение полного цикла художественной деятельности.

На рефлексивно-обобщающем этапе основное внимание уделяется развитию профессиональных коммуникативных и рефлексивных умений, способностей к анализу и самооценке художественной деятельности. Доминирующими методами являются коллективные обсуждения и просмотры творческих работ, анализ результатов художественной деятельности, формирование портфолио.

Последним блоком в разработанной методической системе является оценочно-результативный блок. В нем выделены основные уровни мастерства живописной компетенции: низкий, средний и высокий. Для каждого уровня мастерства определены индикаторы, которые проявляются в четырех дескрипторах, описывающих степень освоения компетенции. Низкий уровень мастерства предполагает изучение основ академической живописи на примере овладения техникой акварели. Средний уровень предполагает углубленное изучение закономерностей академической живописи на основе овладения техникой гуаши. Высокий уровень характеризуется овладением различными методами живописи, материалами и техниками, а также умением применить их в творческой работе с цветовыми композициями (табл. 1).

На рис. 2 нами представлена модель методической системы развития живописной компетенции будущих дизайнеров, представляющая собой иерархическую связь компонентов (блоков), направленных на достижение цели развития живописной компетенции будущих дизайнеров.

На основе разработанной методической системы развития живописной компетенции нами был проведен формирующий эксперимент, который осуществлялся на базе Нижегородского государственного педагогического университета. На каждом этапе обучения в экспериментальной

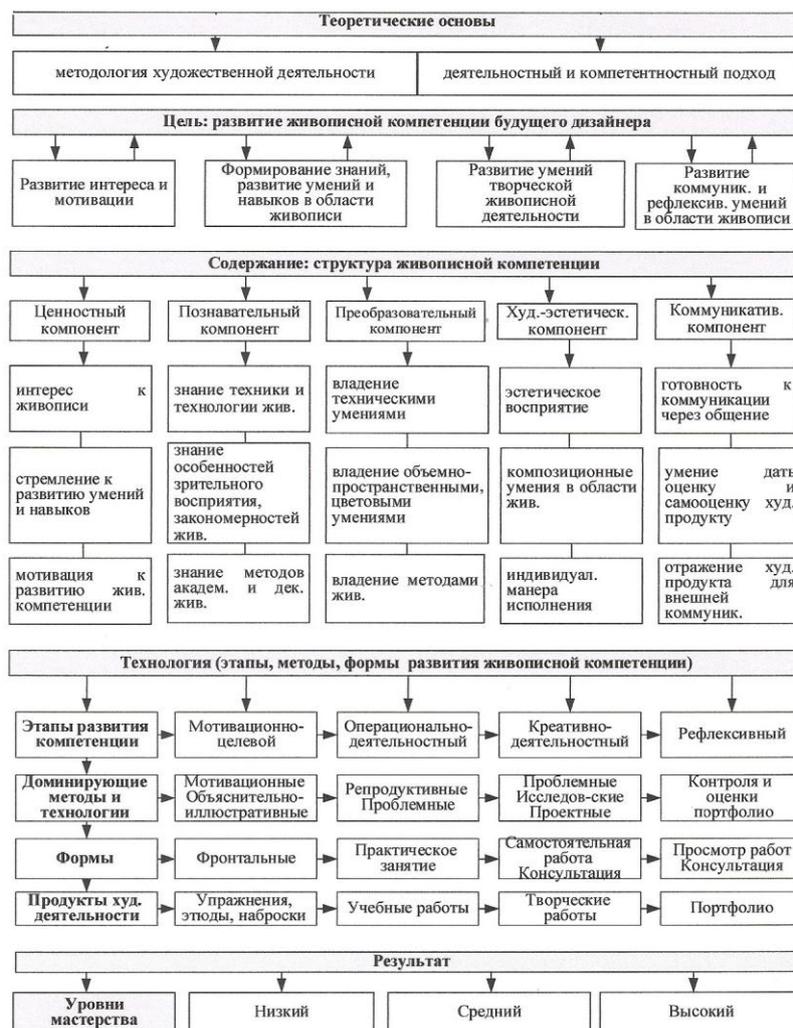


Рис. 2. Модель методической системы развития живописной компетенции будущих дизайнеров

Таблица 1

Карта сформированности живописной компетенции

Уровень мастерства низкий				
Индикатор	Дескриптор 1	Дескриптор 2	Дескриптор 3	Дескриптор 4
проявляет интерес к живописи	не проявляет интерес к выполнению курсовых заданий	проявляет недостаточный интерес к выполнению курсовых заданий	проявляет интерес к отдельным курсовым заданиям	проявляет интерес к любым заданиям, к различным видам живописи
знает технологию и технику акварельной живописи, знает особенности проф.-худ. зрительного восприятия	не знает технологию акв. жив., свойства жив. материалов (красок, кистей и др.)	имеет фрагментарные знания о свойствах жив. материалов	знает свойства всех жив. материалов	хорошо знает технологию акв. жив., свойства жив. материалов
	не знает особенности акварельной техники	недостаточные знания об особенностях акварельной техники	знает один-два способа акварельной техники жив.	хорошо знает основные способы и приемы акварельной техники жив.
	не знает особенности проф.-худ. восприятия (обладает константным восприятием)	имеет фрагментарные знания об особенностях проф.-худ. зрительного восприятия	знаком с особенностями проф.-худ. зрительного восприятия	хорошо знает особенности проф.-худ. зрительного восприятия (обобщенно воспринимает натуру)

Продолжение таблицы 1

Индикатор	Дескриптор 1	Дескриптор 2	Дескриптор 3	Дескриптор 4
владеет техническими умениями акв. жив. (отмывка, лессировка, по-сырому, «a la prima» и др.), владеет «методом отношений»	не владеет техническими приемами акв. жив.	недостаточно владеет техническими приемами акв. жив.	владеет одним-двумя техническими приемами акв. жив.	хорошо владеет разнообразными техническими приемами и способами акв. жив.
	не владеет методом отношений, не может передать тональные и цветовые отношения	недостаточно хорошо может передать тональные и цветовые отношения	допускает незначительные ошибки при передаче тональных и цветовых отношений	владеет методом отношений
умеет анализировать натуру; компоновать изображение	не может выявить композиционную структуру натурной постановки, композиционный центр; не умеет скомпоновать цветное изображение	может определить тематику; скомпоновать изображение	недостаточно хорошо может выявить композиционную структуру натурной постановки, композиционный центр	может выявить композиционную структуру натурной постановки, композиционный центр; умеет скомпоновать цветное изображение
владеет навыками проф. коммуникации через общение	не может выразить свою точку зрения по поводу худ. продукта (оценка)	может ответить на вопросы по поводу худ. продукта	недостаточно полно может выразить свою точку зрения по поводу худ. продукта	проявляет готовность к коммуникации через общение, может выразить свою точку зрения по поводу худ. продукта, поддерживать дискуссию
Уровень мастерства средний				
проявляет стремление к развитию умений и навыков	не проявляет интеллектуальные и волевые усилия к развитию живописных умений	слабо проявляет интеллектуальные и волевые усилия к развитию живописных умений	в отдельных ситуациях проявляет интеллектуальные и волевые усилия к развитию живописных умений	стремится к самостоятельному развитию живописных умений
знает закономерности акад. жив., технику жив. гуашью (темперой)	не знает технические особенности жив. гуашью, темперой	недостаточные знания особенностей техники жив. гуашью, темперой	знает основные особенности техники жив. гуашью, темперой	хорошо знает особенности техники жив. гуашью, темперой
	не знает закономерности акад. жив., не может дать определения основных теоретических понятий жив.	недостаточные знания о закономерностях акад. жив.	знаком с основными закономерностями акад. жив.	хорошо знает все закономерности акад. жив.; дает без ошибок определения всех основных теоретических понятий живописи
владеет объемно-пространственными умениями; владеет техническими приемами жив. гуашью	не владеет техническими приемами жив. гуашью	недостаточно владеет техническими приемами жив. гуашью	владеет одним техническим способом жив. гуашью	хорошо владеет разнообразными техническими приемами и способами жив. гуашью
	не может передать объем и пространство на картинной плоскости	недостаточно хорошо может передать объем и пространство на картинной плоскости	допускает незначительные ошибки при передаче объемно-пространственных характеристик на картинной плоскости	уверенно владеет объемно-пространственными умениями живописи

Продолжение таблицы 1

Индикатор	Дескриптор 1	Дескриптор 2	Дескриптор 3	Дескриптор 4
эмоциональное и эстетическое восприятие объектов изображения	не проявляет эмоционально-эстетическое отношение к цветовой среде и объектам изображения	иногда проявляет эмоционально-эстетическое отношение к цветовой среде и объектам изображения	почти всегда проявляет эмоционально-эстетическое отношение к цветовой среде и объектам изображения	проявляет эстетический вкус
владеет умениями оценки и самооценки худ. продукта	не может дать оценку и сделать вывод о результатах своей худ. деятельности	испытывает трудности при оценке и самооценке результатов своей худ. деятельности	может дать оценку и сделать вывод о результатах своей худ. деятельности не во всех ситуациях	может самостоятельно дать аргументированную оценку и сделать вывод о результатах своей худ. деятельности
Уровень мастерства высокий				
проявляет мотивацию к развитию живописной компетенции	не осознает значение живописной подготовки для дизайнера	слабое осознание роли живописной подготовки для дизайнера	осознает роль и значение живописной подготовки для проф. деятельности дизайнера	осознает значение живописной подготовки для дизайнера, продумывает цели своего проф. развития
знает особенности декоративной жив.	не знает особенности декоративной жив.; приемы стилизации, трансформации абстрагирования формы	недостаточно хорошо знает особенности декоративной жив., приемы стилизации, абстрагирования цветовой формы	знаком с особенностями декоративной жив., знает не все приемы стилизации и абстрагирования цветовой формы	хорошо знает особенности декоративной жив., приемы стилизации, трансформации и абстрагирования формы
владеет цветовыми умениями	не может передать колорит	недостаточно владеет навыками передачи колорита	допускает незначительные ошибки при передаче колорита	передает колорит в различных условиях освещения
владеет навыками составления цветочных композиций; проявляет индивидуальную манеру исполнения	не владеет навыками составления цветочных композиций; не может решить творческую задачу	слабо развитые навыки составления цветочных композиций	недостаточные навыки составления цветочных композиций; предлагает только типичные решения	владеет навыками составления цветочных композиций, предлагает оригинальные идеи, отличающиеся от типичных
	не проявляет индивидуальный манеру исполнения	очень редко проявляет индивидуальный манеру исполнения	не всегда осознанно проявляет индивидуальный манеру исполнения	проявляет индивидуальную манеру исполнения
владеет проф. навыками внешней коммуникации	не владеет навыками по составлению портфолио, не готов представить презентацию худ. продукта	испытывает трудности в отборе материалов для портфолио, не может составить комментарии к ним и аннотацию	при помощи преподавателя может отобрать материалы для авторского портфолио, составить аннотацию и комментарии	может самостоятельно отобрать материалы для авторского портфолио, составить комментарии к ним и аннотацию, готов представить презентацию худ. продукта

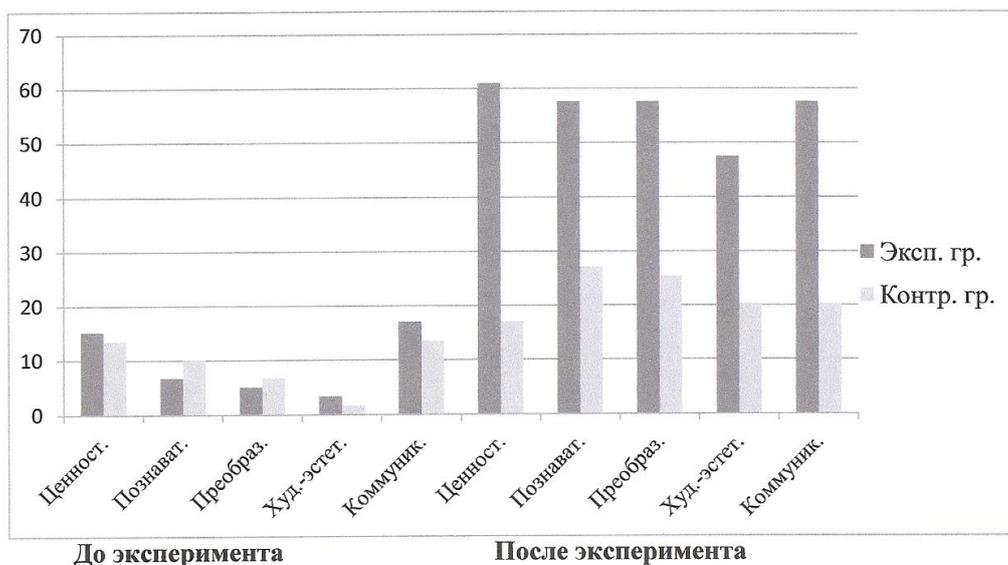


Рис. 3. Развитие живописной компетенции будущих дизайнеров на высоком уровне мастерства (количество обучающихся в %)

группе были разработаны задания (упражнения, натурные постановки, творческие задания), направленные на формирование определенных компонентов живописной компетенции. Методика обучения в контрольной группе соответствовала традиционной академической системе обучения и была направлена в основном на передачу знаний, формирование основных художественных умений и навыков живописи с натуры.

Сравнительный анализ результатов педагогического эксперимента показывает, что на высоком уровне у студентов экспериментальных групп развитие по всем индикаторам живописной компетенции оказалось значительно выше, чем у студентов контрольных групп (рис. 3).

Живописная компетенция и художественная деятельность неразрывно связаны между собой, то есть овладение компетенциями невозможно без приобретения опыта самостоятельной деятельности. Разработанная методическая система, включающая в себя теоретико-методологический, целевой, содержательный, технологический и оценочно-результативный блоки, обладает большим потенциалом по развитию живописной компетенции будущих специалистов и бакалавров в области дизайна, поскольку построена на основе компетентностного и деятельностного подходов к обучению. Компетентностный подход находит отражение в целевом и результативном блоках методической системы, при описании результатов обучения. Деятельностный подход проявляется в содержательном блоке через интегративный потенциал художественной деятельности и в технологическом блоке через этапы, отражающие

последовательное развитие компетенций. Методическая система отражает требования стандарта к развитию компетенций, а именно владение основами академической живописи и навыками работы с цветом и цветовыми композициями. Результаты педагогического эксперимента свидетельствуют об эффективности методической системы развития живописной компетенции будущих дизайнеров.

Список литературы

1. Полинская И.Н. Формирование профессиональной компетенции в области рисунка у студентов факультета искусств и дизайна: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2012. 84 с.
2. Деревицкая А.В. Основные аспекты методики развития художественно-проектной компетенции студентов в профессиональной области «Дизайн» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2. С. 240–245.
3. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fgosvo.ru (дата обращения: 13.03.2016).
4. Бобряшова О.В. Педагогические условия формирования профессионально-эстетической компетентности будущего дизайнера // Вестник ОГУ. 2014. № 5. С. 216–222.
5. Михайлов С.М., Михайлова А.С. Основы дизайна. Казань: Дизайн-квартал, 2008. 288 с.
6. Прохоров С.А., Шадулин А.В. Живопись для архитекторов и дизайнеров: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 222 с.
7. Новиков А.М. Методология художественной деятельности. М.: Эгвес, 2008. 72 с.

**SPECIFIC FEATURES OF THE SYSTEM OF METHODS
FOR DEVELOPING FUTURE DESIGNERS' PICTORIAL COMPETENCE**

A.A. Udalova

Nizhni Novgorod State Pedagogical University

In this article, we consider some issues of developing future designers' pictorial competence, present a system of teaching and learning methods for developing this competence type, describe the main components of the system, and analyze the results of our experimental work.

Keywords: competence approach, activity approach, artistic competence, designer's pictorial competence, development stages of a pictorial competence, skill levels, system of methods.

АВТОРЫ

- Абрамова Юлиана Юрьевна** – асп. Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603005, Н. Новгород, ул. Ульянова, 2; сл. тел. (831) 462-35-03; e-mail: civicinitiatives@gmail.com
- Бушкова-Шиклина Эльвира Васильевна** – зав. каф. социологии и социальной психологии Вятского государственного университета; к.соц.н.; доц.; 610000, Киров, ул. Московская, 39; сл. тел. (8332) 74-24-76; e-mail: elvira_bsh@mail.ru
- Волков Евгений Новомирович** – доц. каф. общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.филос.н.; 603000, Н. Новгород, Университетский пер., 7; сл. тел. (831) 433-83-30; e-mail: volken@mail.ru
- Гинзбург Мария Юрьевна** – зам. зав. каф. финансов и кредита Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; доц.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 437-04-94; e-mail: m_ginzburg@mail.ru
- Грицан Анна Викторовна** – асп. каф. политических наук и международных отношений Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; 295007, Симферополь, пр. Акад. Вернадского, 4; сл. тел. (3652) 60-21-54; e-mail: anna.gritsan@gmail.com
- Грудзинский Александр Олегович** – директор института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.соц.н.; проф.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 245-33-32; e-mail: aog@unn.ru
- Едемская Светлана Валерьевна** – зав. сектором мониторинга учебного процесса Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; доц.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 240-00-48; e-mail: edemsvet@bk.ru
- Зайцева Елена Анатольевна** – зав. каф. связей с общественностью, маркетинга и коммуникации Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева; к.э.н.; доц.; 603950, Н. Новгород, ул. Минина, 24; сл. тел. (831) 257-86-63; e-mail: zayceva-e@mail.ru
- Захарова Светлана Германовна** – доц. каф. менеджмента и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 245-11-64; e-mail: svetlana-nimb@mail.ru
- Золотов Александр Владимирович** – зав. каф. экономической теории и методологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.э.н.; проф.; 603950, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37; сл. тел. (831) 433-02-66; e-mail: zoav6@iee.unn.ru
- Климова Анна Викторовна** – доц. каф. теории организаций Высшей школы экономики; к.соц.н.; доц.; 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; сл. тел. (495) 771-32-44; e-mail: aklimova@hse.ru
- Ковалева Татьяна Юрьевна** – доц. каф. мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета; к.э.н.; доц.; 614065, Пермь, ул. Капитана Власова, 17/1; сл. тел. (342) 239-62-65; e-mail: kovalevatu@yandex.ru
- Кручинина Галина Александровна** – проф. каф. педагогики и управления образовательными системами Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.пед.н.; 603600, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 220-25-23; e-mail: galinakruchinina2009@rambler.ru
- Кузьмина Ирина Валентиновна** – м.н.с. Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 462-33-09; e-mail: kiv@nifti.unn.ru
- Куликова Александра Владимировна** – доц. каф. экономической социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.соц.н.; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-83-30; e-mail: kulikova-alex@yandex.ru
- Курамшев Александр Васильевич** – асс. каф. общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-83-49; e-mail: kuramschew@rambler.ru
- Лещева Вера Борисовна** – доц. каф. экономики предпринимательской деятельности Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; доц.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 240-00-48; e-mail: Lesheva-vera@mail.ru
- Лозовская Людмила Борисовна** – доц. каф. педагогики и управления образовательными системами Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.пед.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 462-33-15; e-mail: L.V.Lofovskaya@mail.ru
- Мальцев Константин Геннадьевич** – проф. каф. общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.филос.н.; к.полит.н.; проф.; 603000,

- Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-83-30; e-mail: Maltsevaannav@mail.ru
- Миргородская Ольга Юрьевна** – магистрант направления «менеджмент» Сибирского государственного технологического университета; 660049, Красноярск, пр. Мира, 82; сл. тел. (391) 266-03-88; e-mail: cdb104@ya.ru
- Мисбахова Чулпан Адиповна** – доц. каф. экономики и управления Казанского национального исследовательского технологического университета; к.э.н.; 420100, Казань, ул. Толстого, 8; сл. тел. (8843) 231-43-13; e-mail: sveta516@yandex.ru
- Морозов Олег Александрович** – проф. каф. информационных технологий в физических исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.ф.-м.н.; доц.; 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 462-33-09; e-mail: oa_morozov@nifti.unn.ru
- Новиков Владислав Антонович** – ст. преп. каф. информационных технологий в физических исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.ф.-м.н.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 462-33-09; e-mail: vlad@nifti.unn.ru
- Палеева Ольга Александровна** – ст. преп. каф. международного права Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета; 603950, Н. Новгород, ул. Ильинская, 65; сл. тел. (831) 437-01-10; e-mail: palolga@yandex.ru
- Попель Александр Александрович** – доц. каф. общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.психол.н.; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-83-30; e-mail: a_popel@mail.ru
- Рушева Анна Витальевна** – доц. каф. общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.соц.н.; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-83-49; e-mail: avr0201@yandex.ru
- Светкина Елена Георгиевна** – асп. каф. педагогики и управления образовательными системами Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603600, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 220-25-23; e-mail: 250370@mail.ru
- Старикова Мария Михайловна** – доц. каф. социологии и социальной психологии Вятского государственного университета; к.соц.н.; 610000, Киров, ул. Московская, 39; сл. тел. (8332) 74-24-76; e-mail: maria_kuzmina82@mail.ru
- Степанов Виктор Иванович** – доц. каф. управления человеческими ресурсами Сибирского федерального университета; к.т.н.; доц.; 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79; сл. тел. (391) 206-20-80; e-mail: cdb104@ya.ru
- Токарева Галина Альбертовна** – проф. каф. истории и философии Камчатского государственного технического университета; д.филол.н.; доц.; 683003, Петропавловск-Камчатский, ул. Ключевская, 35; сл. тел. (4152) 30-09-15; e-mail: tga41@yandex.ru
- Удалова Алла Александровна** – ст. преп. каф. средового и графического дизайна Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; 603002, Н. Новгород, ул. Луначарского, 23; сл. тел. (831) 246-32-97; e-mail: Allaud2006@yandex.ru
- Храмова Ирина Юрьевна** – доц. каф. экономики предпринимательской деятельности Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.э.н.; доц.; 603140, Н. Новгород, пр. Ленина, 27; сл. тел. (831) 240-00-48; e-mail: khramova.irina@mail.ru
- Чеснокова Луиза Александровна** – асс. каф. финансов и кредита Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 437-04-94; e-mail: chesnokova-1985@list.ru
- Шалютина Надежда Владимировна** – ст. преп. каф. социологии культуры и духовной жизни Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; к.соц.н.; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-82-48; e-mail: Shalyut@mail.ru
- Широков Александр Александрович** – студ. каф. общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; 603000, Н. Новгород, пер. Университетский, 7; сл. тел. (831) 433-83-49; e-mail: needeeds@gmail.com
- Яшина Надежда Игоревна** – зав. каф. финансов и кредита Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; д.э.н.; проф.; 603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23; сл. тел. (831) 430-28-54; e-mail: sitnicof@mail.ru

**ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 3 (43)

2016

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 24,4. Усл. печ. л. 21,2. Тираж 100 экз. Заказ № 768.
Дата выхода в свет: 30.09.2016
Свободная цена

Адрес редакции и издательства Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.